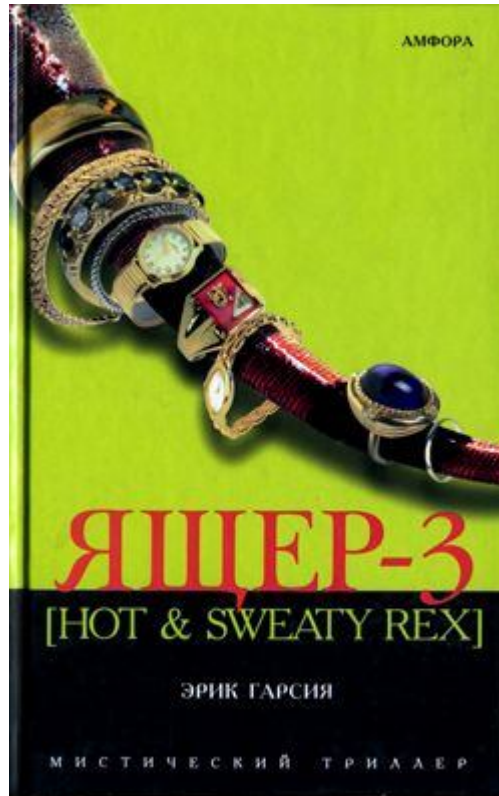

Эрик Гарсия Ящер-3 [Hot & sweaty rex]

Винсент Рубио, один из лучших частных детективов, отправляется в Майами. Глава мафии рапторов поручил ему вычислить и обезвредить команду гадрозавров, незаконно захвативших чужую территорию. Третья книга непревзойденного Эрика Гарсия — блестящая мистерия, достойно завершающая сагу о динозаврах.

Мафиозная мистерия

*Посвящается моей старой компании из Майами:
Алану, Бретту, Гэри, Джули, Минди, Скотту и Стивену.
Потому что в конечном итоге для нас, динозавров, самое главное
— верность.*

* * *

*Я верю в Америку.
Я там свое барахлишко держу.*

1

Меня зовут Винсент, и я гербаголик.

В смысле — поправляющийся гербаголик. А это значит, что, помимо всего прочего, я безмерно уважаю такие вещи, как трезвость и благопристойность. Как жаль, что оба этих

понятия не иначе как весьма солидные камни преткновения в жизни любого частного сыщика. Я всегда верил в то, что правда тебя освободит, но также что славная ложь, как следует изложенная, прикует тебя наручниками к столбикам кровати, размажет по твоему телу взбитые сливки и станет лизать твои соски, пока они не возбудятся и не покраснеют, буквально гудя от трепещущего экстаза.

Нет-нет, не сказал бы, что лично я ловлю от этого кайф. У меня и сосков-то настоящих нет, да и никакого молока Винсент Рубио в младенчестве не употреблял. Но я могу отгружать первосортное вранье кому угодно, особенно если оно дает мне то, чего я хочу и когда хочу. Или, более точно, если оно не дает мне того, чего я не хочу и когда не хочу. Беда в том, что я никогда не знаю, в какой момент врубить ток, — я лгу, когда следует говорить правду, и выдаю взрыв искренности, когда лучше всего подошел бы славный залп лапши на уши.

Вот почему я в итоге погряз в таких заморочках. Вот почему я исправно выполняю свою ежемесячную квоту хлопов, ляпов и плюхов. Вот почему я по-прежнему на ты со всеми поручителями из моего приятного соседства.

И вот, надо полагать, почему я еду к ипподрому Южной Флориды в сопровождении двух головорезов из паскудной семьи Талларико, самого малоприятного ответвления организации «Коза люцертола», более известной как динозаврская мафия.

Одного зовут Чес. Тощий шибздик, копна светлых волос на макушке. Я распознал в нем бездарного кандидата в скейбордисты или серферы задолго до того, как вообще приписал его к бандитскому бизнесу. Чес пахнет потом — причем человеческим потом, горьким и едким, хотя глаза от него особо не слезятся. Примерно как в физкультурной раздевалке после хорошей тренировки, только без освежающей и смягчающей примеси мыла.

Напарник Чеса, Шерман, один из тех динов, которых никогда не учили ни мало-мальской опрятности, ни должному уходу за личиной. В результате он выглядит на двадцать лет старше, чем ему следует. Почти все фальшивые волосяные мешочки на голове у Шермана давным-давно засосало через дырку в ванне, и, когда свет под нужным углом попадает на его кожу, я вижу, что специальный латекс у него на локтях износился, позволяя зеленым чешуйкам показываться на всеобщее обозрение, особенно если он вдобавок сгибает сустав. Мне также хорошо известно, что Шерман уже убил по меньшей мере одну известную мне персону, и я ничуть бы не удивился, если бы он попытался убить еще одну-другую-третью. Шерман пахнет протухшим сыром — ялапеньосом, по секрету. Это целиком и полностью объясняется его диетой, состоящей исключительно из начоса, пикулей и колы, которые так прочно пробурились в его пищеварительную систему, что начисто подавили более естественный запах, менее тошнотворно-творожный.

Таковы мои новые коллеги. Вот что я получаю за то, что в свое время в университетах не обучался.

Мой новый босс Эдди Талларико — не волнуйтесь, о нем речь еще впереди — проинструктировал меня слушать все, что мне скажут Чес с Шерманом. Не высовывайся, мол, делай, что велят. Не ввязывайся, пока я сам тебе этого не прикажу. А мне что? Мне только это и надо. Здесь девяносто пять градусов Фаренгейта при восьмидесяти процентах влажности. Прямо сейчас я меньше всего хочу напрягаться.

«Лексус», в котором мы едем, видал лучшие времена. Сиденья тут и там порваны, из целого ряда параллельных порезов торчит пеноматериал. На потолке — сплошь темные пятна.

Чес ловит мой взгляд.

— Что, типа грязновато? Такое порой бывает, разве не знаешь?

— Ясное дело, — киваю я. — Всякие неприятности случаются.

— В точку. Неприятности случаются — это как пить дать.

— Похоже... кровь, — говорю я, пробегая пальцами по темным пятнам. Хорошо хоть, они сухие.

Чес с Шерманом переглядываются и дружно пожимают плечами, пока машина несется по широкой дамбе, где проложена автострада, направляясь к материку и дальше, к ипподрому. Возможно, желая продвинуть дальнейший разговор в нужную сторону, Чес быстрым щелчком включает радио, и замусоренный статикой голос наполняет салон.

— ...стоит у берегов Гаити, — треск, шипение — дожидается, пока налетят ветра, однако мы не получили никаких указаний на то, что ураган начнет двигаться к...

Шерман таким же быстрым щелчком выключает радио.

— Вечно только об этом и болтают, — ворчит он. — Ветер это, ураган то.

Еще несколько миль мы едем молча, пока Чес роется в кожаном саквояжике у себя между ног. Хорошенько приглядеться мне не удастся, но какой-то белый пластик я все-таки примечаю. Хотя он ни о чем мне не говорит.

— Итак, как сказал босс, ты просто расслабляешься, но с угрожающим видом.

— Значит, я громила.

— Нет, — поправляет меня Шерман, — ты только прикидываешься громилой.

Климат Южной Флориды, каким бы мерзопакостным он ни казался тому, кто вырос в куда более благоприятном, тем не менее идеален для скачек. В результате здесь имеются хорошо известные и уважаемые ипподромы, расположенные милях в тридцати один от другого. Ипподром Колдера, что в пределах Майами, заполучил сомнительную честь проведения скачек в самые жаркие месяцы года. Если тебе охота одновременно потеть и просаживать свои кровные, лучшего места на планете не сыщешь — не считая, понятное дело, вьетконговских матчей в русскую рулетку.

Само здание клуба являет собой роскошный памятник тем временам, когда скачки были спортом для дипломатов и знаменитостей, когда понятие «завтрак на траве» было чем-то совсем иным, нежели ключевой фразой в непотребном телешоу далеко за полночь. Проходя по деревянному портику, я на секунду закрываю глаза и вижу перед собой дам в белых кринолинах и капорах, джентльменов в костюмах с широкими галстуками, — сплошь благовоспитанность и добродушие.

Потом я снова открываю глаза и обнаруживаю подлинные миазмы личности и наличности, буро-зелеными машут со всех сторон, напор изнашивающейся человеческой плоти почти лишает тебя дееспособности в этой давке. Млекопитающие пыhtят мне в затылок, их дыхание смрадное и гнилое от вездесущего пива с чипсами, тела покрыты толстым слоем пота и грязи. Завидующие глаза шарят по бетонному полу в надежде найти там выроненный в приступе возбуждения билет — любой билет, может стать, победный. Безумная депрессия наступает тогда, когда эти людишки осознают, что никогда им уже не вернуть своих денег, что никакая фея не помажет у них перед носом волшебной палочкой и ничего не исправит. Не видать им ни неба в алмазах, ни лимузина у дверей особняка.

— Идем, — говорит Шерман. — Вон туда.

Мы поднимаемся по лестнице на трибуну. Шелуха от арахиса и липкие пивные пятна напоминают мне стадион «Доджерс». Мне становится интересно, ходит ли сейчас хоть кто-то именно на сами спортивные события или все это просто превратилось в новую тусовку, где можно переварить нешуточные количества всякого гнусного корма. Чудесным образом народ без конца выдумывает свежие способы упаковывать все больше и больше холестерина в одно и то же место. Котлета на палочке. Хот-дог на палочке. Сыр на палочке. Шоколадный батончик на палочке. Дерьмо на палочке. Голова идет кругом, а к сердцу подступает инфаркт.

Здесь, наверху, люди спешно проталкиваются мимо друг друга, подбираясь как можно ближе к самому краю трибун, где металлический поручень удерживает фанатов от реального падения на дорожку ипподрома в лучшем стиле футбольного хулиганья. Уверен, некоторые из этих ребят охотно перепрыгнули бы через ограждение и взялись подталкивать своих коней под зад в надежде спасти трехдолларовые ставки, от которых зависят все их земные мечты. Однако вокруг дорожки через каждые десять метров стоят охранники, и хотя никакого оружия у них вроде бы не выпячивается, я нисколько не сомневаюсь, что у них

имеются свои методы обработки таких добровольцев.

— Сюда, — зовет Чес, хилыми плечами и ручонками по-наглому расталкивая толпу, освобождая для нас с Шермом место у поручня. — Только аккуратно.

Я вклиниваюсь между Шерманом и женщиной в потрепанном коричневом костюме, пожилым чуваком, который воображает, что сейчас по-прежнему модно носить мягкие шляпы с продольной вмятиной. Эх-ма, было время, когда я напяливал шляпу-другую, но еще в 50-х подвел черту и с этим покончил. В руке мужичок так страстно сжимает билет, что костяшки пальцев почти побелели.

— Давай-давай-давай, — бормочет он, непрерывный поток слогов так и льется с его губ. — Давай-давай-давай...

— У вас там фаворит? — спрашиваю я.

Мужичок резко отшатывается — должно быть, я его напугал. Глаза его расходятся по сторонам, собираются в кучку, наконец фокусируются, и он берет меня на прицел.

— Лэсси Либерти в пятом.

— Простите?

— Лэсси Либерти, — повторяет мужичок. — Пятый.

Я смотрю на табло у дальнего конца трибуны. Результаты четвертого забега уже были продемонстрированы, и теперь там готовы начать с пятым.

— В этом забеге, угу? Может, мне тоже ставку сделать...

— Ставка моя! — практически орет мужичок, привлекая к себе некоторое внимание. — Моя ставка! Лэсси Либерти моя!

Теперь уже я отшатываюсь, а Шерман тянет меня к себе, подальше от психа в коричневом костюме.

— Гражданское население нам лучше не доставать, — говорит он. — Оно тут чуть что — из штанов выпрыгивает.

— Совсем как мексиканские бобы, — говорю я. — Надеюсь, он не проиграет.

— Да нет, проиграет, — бормочет Чес. — Лэсси Либерти — просто кляча.

— Не знаю, не знаю, — возражает Шерм. — В прошлый вторник она ничего бежала.

Очевидно, эти двое уже что-то такое проделывали. Мне интересно, есть ли у них другая работа в организации или они постоянно прикреплены к ипподрому, играя для Эдди Талларико, сбивая ставки, когда это требуется, и разворачиваясь, когда сторонние информаторы гарантируют успех. Не такая уж плохая работа, по-моему, если тебе, конечно, наплевать на жару, влажность, навоз или на запахи пива, пота и отчаяния.

Внезапная рябь пробегает по толпе. Все разом устремляются вперед, вжимая нас в ограждение. Что они такое знают, чего я не знаю? Я озираюсь, прикидывая, не завязалась ли где-нибудь драка — обычно самый интересный элемент всех спортивных событий, какие мне доводилось посещать...

— Вот он, — говорит Шерман, указывая на дорожку. — Сегодня чертовски скверно смотрится.

Оказывается, коней выпустили из загона и теперь медленно ведут к воротцам. Всего их восемь, и каждый — гордый представитель своего вида. Идут мощно, уверенно, ниспадающие гривы ворошит легкий ветерок, копыта стучат по грунту. «Я чистопородный, — так и веет от каждого из животных. — Езди на мне, бей меня кнутом, бросай розы мне на шею, но никогда не забывай о том, что я рожден бежать».

Есть там, правда, номер 6. Жалкий, несчастный номер 6.

— Господи, — кашляет пожилой мужичок рядом со мной. — Что с ним за дьявольщина стряслась?

Аллюр медленный, конь чуть ли не хромает, словно две его передние ноги были сломаны, а потом кое-как залечены ветеринаром-практикантом. Копыта грязные, сплошь в бурых пятнах, и трещины видны даже отсюда. Запинающиеся ноги дрожат, точно стрелки сейсмографов в зоне землетрясения. Покрывает зверя-недомерка клочковатая шерсть, пучки которой отчаянно липнут к коже, и буквально с каждым шагом часть их падает на дорожку.

Туловище, на вид, по крайней мере, крепкое и сильное, однако в середине заметен подозрительный прогиб, словно на этом коне очень долго ездил кто-то непомерно тяжелый. Угнетенно и неуверенно он ковыляет вперед. Совсем как индейский вождь в психбольнице.

Но голова — низко опущенная — и стыдливые глаза, упертые в разбитые копыта, выдают все. Этот конь знает, что с ним покончено. Не спрашивайте меня, как, но это существо понимает все свои недостатки и, по-моему, втайне мечтает о мыловаренной фабрике. Да-да, конечно, мечта довольно нелепая. Всем известно, что лучшее мыло делают из комписов.

— На, — прыскает Шерм, — держи.

Он вручает мне толстую пачку билетов со ставками. Я опускаю взгляд, желая узнать, на какого коня Талларико поставил свои тяжким трудом заработанные деньги, и в ответ на меня смотрит только гигантская шестерка.

— Так это он? — недоверчиво спрашиваю я. — Вон тот конь?

— Он самый, — кивает Шерман. — Ломаный Грош.

— Погоди-ка, погоди. — Этого не может быть. — Мы ставим на шестого номера? Вот на того — которого и конем-то не назовешь?

Чес смеется.

— Ты еще самого главного не знаешь.

— Слушай сюда, — говорит Шерм, подтягивая меня к себе и понижая голос. — Только без бэ, ага? Потом все поймешь. А пока что не выпускай из рук долбанные билеты и держи рот на замке.

Я пожимаю плечами и смотрю на большое табло. Ломаный Грош идет 1 к 35. Если случится невозможное и он действительно победит в забеге, по этим билетам можно будет получить долларов эдак тыщ пятьдесят. Понятное дело, если бы такое и впрямь произошло, я бы тут же где-нибудь скрылся — из страха, что меня обгадят летающие повсюду розовые слоны.

Жокеи-недомерки — почти сплошь комписы, хотя я уверен, что великий Вилли Шумейкер был недорослым козлофизом, что объясняет его пристрастие к бриджам, — подогнали своих коней к воротцам и там остановились. Номер 4 оказался особенно дерганным, наотрез отказываясь даже близко подходить к металлическим клетям.

— Вот видишь? — ревет мужичок в коричневом костюме. — Видишь? Лэсси Либерти. Она самая норовистая. Давай, Лэсси, давай! Вздорная девчонка!

И действительно, Лэсси Либерти повела себя крайне вздорно, изловчившись плюхнуться под ноги своим тренерам приличную горку, прежде чем они все-таки сумели загнать ее в клеть. Пожалуй, это увеличивало ее шансы на победу. Бегать ей без такой тяжести было определенно легче.

Что же касалось Ломаного Гроша, то он проскользнул к самым воротцам, словно это была самая естественная, пусть даже и немного угнетающая вещь на всем белом свете. Гдето в его маленьком самоубийственном мозгу наверняка таилась мысль о том, что это проход на бойню.

— У нас все на месте? — спрашивает Шерман у Чеса.

— Да вроде бы да.

У меня нет времени выяснять, о чем именно они говорят, потому что глухое молчание окутывает толпу, что-то вроде гигантского перерыва в икоте, пока мы все предвкушаем старт. Однако стартер придерживает нас еще пару секунд, терзая, вытягивая наружу наше волнение, наше беспокойство...

Наконец звучит зуммер, воротца распахиваются, и кони уже снаружи. Номер 2 сразу же вырывается вперед, бежит быстро, уверенно, копыта рвут дорожку, бока рябят от могучих мышечных сокращений. Однако номер 5 сидит на хвосте, а Лэсси Либерти вылетает третьей.

И — вот те на! — Ломаный Грош убийственно последний, ест грязь из-под чужих копыт, его жалкие ноги кое-как цепляются за поверхность дорожки. После всего-навсего одной восьмой круга он уже в добрых пяти корпусах позади лидеров.

— Блестящий выбор, — бормочу я Шерману. — Напомни мне в следующий раз против вас с Чесом поставить, когда вы на Олимпиаде для конторских служащих стометровку побежите.

— Заткнись и смотри.

Когда смотришь скачки по телевизору, кажется, что они так быстро проходят. Наверное, тут все дело в непрерывном движении камеры или в заразительном зуде комментатора типа «она выходит вперед бежит дальше и это уже круп Недотроги на внешней стороне дорожки идут нос в нос с Там-Тамом». Так или иначе, это всегда быстро и чаще всего неинтересно. Сперва три часа болтовни про дерби в Кентукки, славное телевизионное время субботним утром сплошь тратится на гипотезы и статистику, а потом все становится делом каких-то шестидесяти секунд.

Однако скачки обретают не иначе как новый смысл, когда смотришь их вживую, на ипподроме. Во-первых, никаких тебе крупных планов — ты видишь только общую панораму, охватывая разом все поле. Только тогда ты получаешь подлинное представление обо всех дистанциях и скоростях, на которых эти дистанции покрываются. Только тогда ты по-настоящему ощущаешь все великолепие финиша из-за спины соперника.

— Вот, — говорит Чес, указывая на нашу клячу, плетущуюся в самом хвосте. — Смотри.

Ломаный Грош по-прежнему тащится последним, лениво ковыляя и словно бы намеренно демонстрируя противопоставление неистовому галопу остальной группы. По-моему, я уже слышу, как другие рискованные игроки рвут свои билеты по всей трибуне. Вот что ты обычно получаешь за хитроумные фокусы со своей наличностью: ставка 35 к 1 — это по природе своей авантюра. Все равно как закусить в суши-баре в Вайоминге — никаких других радостей, кроме пищевого отравления, там, как правило, не бывает.

Внезапно — общий выдох. Потом толпа дружно гудит. Никто не успел и глазом моргнуть, а Ломаный Грош вдруг рванул вперед, ноги его так стремительно заработали, что расплылись в мутное пятно, точно спицы в колесе гоночного велосипеда, и секунды через две он уже мчится мимо номера 5, Умной Маши. Теперь наш конь уже не последний.

— Видишь? — говорит Чес. — Что я тебе говорил? Щас он все наверстает.

Кони проходят отметку в полкруга, и жокеи выводят их на прямую, причем каждый старается завоевать для себя внутреннюю сторону дорожки. На внешней стороне какая-то суматоха, несколько кляч пытаются друг друга обогнать, но в целом есть только одна интересная история про пятый забег, и вся эта история про коня номер 6.

Ломаный Грош продолжает набирать ход, и вот он уже вдруг шестой, а потом пятый. Другие жокеи поднимают головы, пока он их проходит, и недоверчивые выражения на их физиономиях видны даже за сотню ярдов. «Какого черта он так быстро бежит? — словно бы говорят эти удивленные лица. — Какого дьявола он вообще бежит?»

Теперь толпа уже не на шутку расходится, и у меня возникает ощущение, что даже те игроки, которые поставили свою наличность на других коней, от всей души желают, чтобы Ломаный Грош всех сделал. Такие победы порой случаются — к примеру, Рокки бьет Аполло Крида; или Рокки бьет мистера Ти; или Рокки бьет того русского скандинава; или... ну, в общем, все, что там было во всех фильмах про Рокки. В этом самая суть Америки. И даже если победа Ломаного Гроша ничего не докажет на предмет Американской Мечты, она определенно докажет, что любой ничтожный придурок способен в любой отдельно взятый день заявиться на скачки и уйти домой в тридцать пять раз богаче, чем он туда пришел.

Три четверти гонки уже завершились, и рев толпы становится поистине оглушительным, пока Ломаный Грош подтягивается на четвертое место, затем на третье. Бока его почему-то уже не выглядят жалкими и ничтожными — нет, они странным образом кажутся мясистыми, мощными, пульсирующими энергией. Голова, прежде скорбно поникшая, теперь поднята высоко, так и ходит взад-вперед, словно бы уже пытаясь дотянуться до незримой финишной черты. Хвост развевается на ветру, очевидный барометр вновь обретенного победного духа.

Пока кони проходят последний поворот, Ломаный Грош вытворяет нечто совершенно неожиданное: он бежит еще быстрее. Может, это адреналин, впитанный от толпы, может, мастерство жокея, но разбитая кляча вдруг отыскивает какие-то скрытые энергетические ресурсы и доворачивает ручку громкости до цифры одиннадцать. Ломаный Грош несется по дорожке точно высокоскоростной вагончик по рельсам в Диснейленде, готовый побить все мыслимые рекорды.

Второе место и еще сотня ярдов. Я затаил дыхание, но меня это совершенно не гнетет. Чес и Шерм — то же самое. А толпа просто с ума сходит.

Шея к шее, нос к носу — это Семь На Восемь и Ломаный Грош шаг в шаг устремляются к линии финиша, их ноги работают в унисон, оба невероятно быстры, невероятно сильны. Тела коней дружно тянутся вперед, словно они понимают, что цель уже так близка, что требуется самый последний рывок и что в конце может быть только один-единственный победитель. Вперед вырывается то один, то другой, лидер забега меняется с каждым шагом, с каждым скачком. Жокеи в считанных дюймах над своими конями, хлещут их что есть мочи, но те даже не замечают жалящих укусов кнута, по собственной воле стремясь к победе и воспламеняя этим стремлением всю толпу...

Тридцать ярдов — Ломаный Грош вдруг вырывается на целых полголовы вперед, удерживая преимущество — трибуна буквально пульсирует бешеной энергией...

Двадцать ярдов — преимущество Ломаного Гроша растет — уже целая голова — Семь на Восемь теперь нипочем его не догнать — все происходит так быстро и в то же самое время достаточно медленно, чтобы проанализировать и осмыслить. Все до единого на трибуне усиленно запечатлевают происходящее в памяти, чтобы в свое время рассказать внукам историю о том, как самая задрипанная кляча на свете вдруг взяла да и выиграла большие скачки, чтобы поведать им, как...

Ломаный Грош вдруг спотыкается.

Всего-то и требуется — одна оплошность, один сбой на бегу — и Восемь На Семь злобным пятном пронесется последние десять ярдов, пересекая финишный створ за две сотых секунды до того, как Ломаный Грош заканчивает забег всей своей жизни.

Внезапно все заканчивается каким-то не тем оргазмом после плохого секса — конечно, точка, и больше никто не хочет об этом разговаривать.

— Фотофиниш! — слышен одинокий крик из толпы. — Фотофиниш!

Нет. Ни к чему. Верно, кони были рядом, но никакого фотофиниша для определения победителя здесь не требуется. Накопленная энергия сочится с трибун, тонет на дешевых местах, растворяется в воздухе. Все знают, что случилось. Все решают как можно быстрее это забыть и жить дальше. На табло появляются предварительные результаты забега. Первые три места — Семь на Восемь, Ломаный Грош и старая добрая Лэсси Либерти.

— Вот блин, — бормочет Шерм, теряя всю прежнюю браваду. — Эдди как пить дать это не понравится.

— Что будем делать? — спрашивает у него Чес.

— Тут что-то нечисто, — говорит Шерман. — Ты видел, как он бежал?

Я по-прежнему ошарашен зрелищем, выигрыш там или проигрыш. И тот факт, что Ломаный Грош по-прежнему стоит на ногах, впечатляет вдвойне. Мне представляется, что сцена могла быть куда более трогательной, если бы этот конь выиграл забег, а потом рухнул в десяти ярдах за финишной чертой. Жокей шептал бы ему в ухо сладкие словечки, пока конская душа воспаряла бы к Великому Небесному Пастбищу.

— Мне казалось, он и за воротца не выберется, — говорю я. — По-моему, чертовски славный забег.

Шерман качает головой:

— Чертовски славный забег, значит?

— По-моему, да.

— А ты лучше на эти билеты посмотри, — инструктирует он меня. — Валяй, проверь, что там нарисовано.

Я так и делаю. Номер 6 в пятом забеге. Ломаный Грош. На победу. Во всех билетах до единого.

— Вот так-то, — говорит Шерм. — Теперь ты понял. Дырка нам от бублика с этими билетами. Можешь ими жопу подтереть. Больше они ни на что не годятся.

Чес качает головой. Похоже, он пришел к какому-то решению, которое совершенно его не вдохновляет.

— Мы должны с ним потолковать.

— Знаю, — говорит Шерман.

— Прямо сейчас.

— Ну да. Ясное дело, прямо сейчас.

Они отходят от поручня и направляются к лестнице, а я следую за ними. Похоже, они хотят перекинуться словечком-другим с жокеем, обвинить его за сбой у самого финиша. В жокейской профессии я не особенно разбираюсь, но, по-моему, это все равно как обвинять гонщика формулы НАС КАР в том, что у него в моторе прокладка полетела. Или поршень какой-нибудь. С другой стороны, я и в моторах не особенно разбираюсь.

Мы движемся сквозь толпу игроков, пробираясь от трибуны к зданию клуба. Все уже выстроились в очереди, собираясь делать ставки на шестой забег, и почти изумительный финиш пятого быстро стирается из их памяти. Здесь речь не о прошлом — речь о будущем, о новых девяноста секундах выплеска адреналина. Ностальгии на скачках места нет.

Шерман проводит нас через здание клуба и вниз по передней лестнице. Дальше мы поворачиваем направо и пробираемся между трейлеров, расставленных в сотне ярдов оттуда. Должно быть, именно так коней транспортируют с места на место. Хозяева, тренеры и жокеи пребывают в постоянном движении, вечно выискивая очередной ипподром, где бы пустить своего коня по кругу. Догадываюсь, тем же самым занимаются и люди других профессий — к примеру, бизнесмены, бухгалтеры или адвокаты. Вся суть здесь в том, чтобы лавировать, подыскивать себе более удобную позицию, оставаясь в гуще событий, но так, чтобы с треском из этой гущи не вылететь или не сделать свой ход раньше времени — хотя надо признать, что, скажем, в крупной адвокатской конторе навоза наверняка меньше, чем на ипподроме. Меньше, но ненамного...

Несколько минут спустя вонь уже становится невыносимой, и Шерман передает мне небольшой пластиковый тюбик. Совсем как зубная паста.

— Мятный экстракт, — поясняет он. — Коронеры его на вскрытии используют. Потри между носом и верхней губой.

Я выжимаю шарик пасты себе на палец и втираю его в фальшивую кожу. Мгновенно резкий запах мяты ударяет мне в пазухи, а вместе с запахом приходит острое желание отведать настоящего дела. Вообще-то мята никогда на меня особого действия не оказывала, если не считать того памятного вечера в восьмидесятых годах, когда я наглотался столько мятной водки в одном из баров Атланты, что в итоге разделся догола и два часа бегал по футбольному полю Эморийского университета, распевая пьяные песни — нет, только не спрашивайте, чего ради. Однако теперь мое долгое воздержание от любых трав мигом вскружило мне голову при столь внезапном вторжении мяты, и я ощутил тепло опьянения несмотря на то, что я даже не глотнул, а всего-навсего нюхнул. «Не имеет значения, — сказала мне мое тело. — Трава, если она трава, это трава, а потому большое спасибо тебе, Винсент».

Тем не менее мята начисто вымела из меня запах дерьма, а в данный конкретный момент я куда скорее предпочитаю слегка опьянеть, нежели вытошниться. Позднее я смогу позвонить своему поручителю в «Анонимных гербаголиках» и признаться ему во всех этих обонятельных грехах, а пока что мы движемся мимо трейлеров к стойлам, где конюхи из прежних и будущих рас чистят и холят своих скакунов.

Чес с Шерманом ведут себя так, словно здесь ночной клуб: хитро посмеиваясь, пожимают руки хозяевам и тренерам, хлопают их по спинам, желают дальнейших успехов. Они знают весь персонал, весь персонал их знает, и я, чисто по ассоциации, теперь тоже

попадаю в высший эшелон. Меня приветствуют ухмылками, протянутыми руками, а я молчу как рыба, пока два головореза из семьи Талларико представляют меня как Винни, своего друга.

— Берем конюшню номер четыре, — говорит Чес, обменявшись несколькими фразами с джентльменом в роскошных усах. — Он сказал, Стю там.

— Порядок, — отзывается Шерм, затем поворачивается ко мне. — Значит, как Эдди тебе велел: расслабляешься и ничего не делаешь, пока мы тебе не скажем.

Я свое место знаю. Двадцать кусков за милую внешность.

— Прикидываешься громилой, ага?

— Ага.

В конюшне довольно темно. Единственное освещение — лучи солнца, пробивающиеся сквозь щели в досках, из которых сбит потолок. Там добрых тридцать футов по каждой стене, более чем достаточно места для коня, его корма и всего того снаряжения, которое требуется, чтобы держать в форме чистокровного скакуна. Седла, поводья и уйма прочих приспособлений висят на стенах, все свежие и чистые. Сквозь завесу мятый запах навоза до меня уже не доходит, за что я сердечно благодарен Шерману. Надо бы не забыть захватить с собой такой тубик, когда я в следующий раз буду проделывать работенку в Лонг-Бич. Если мятная паста так славно глушит вонь конского дерьма, то с гниющей на пристанях рыбой она должна сущие чудеса творить.

Входя в конюшню, я рассчитываю увидеть там жокея, ожидающего прибытия Шерма и Чеса. Могу также предположить — немного нервного, озабоченного тем, что с ним собираются проделать его собратья-диносы. Может статься, мысленно подготавливающего речугу о том, что он ни в чем не виноват, что конь просто споткнулся, что если им нужен козел отпущения, лучше всего обвинить животное.

Однако никакого жокея в конюшне не оказывается. Там только конь — несомненно усталый. Грудь по-прежнему вздымается от приложенных усилий, шкура все еще пятнистая и клочковатая, редущая грива спутана и мокра от пота. Скакун стоит в самом центре помещения и внимательно наблюдает за тем, как мы туда входим.

— День добрый, Стю, — говорит Шерман, глядя прямо на клячу.

— Славный забег у тебя получился, — присоединяется Чес, и я растерянно тру глаза. Может, жокей прячется где-то под боком у коня?

— Привет, ребята. — Это голос проигравшего, унылый и протяжный. Жалобный голос. Голос неудачника.

— Ну-ну, нечего из нас слезу давить, — говорит Шерман, подходя к Ломаному Грошу и шлепая его по широкому крупу. — Ты прекрасно держишься.

— Да нет же, нет, — уверяет конь.

В этот момент я задумываюсь о том, была ли в том тубике только мята и не подложили ли туда чего-то более веселого. К примеру, известно, что достаточно крепкие экстракты хабанеро вызывают галлюцинации. Один мой приятель однажды наглотался перца, после чего убедил себя в том, что у розового кролика из рекламы «энерджайзера» в конце концов сдохла батарейка, и это привело его в дикую панику. С другой стороны, сцена в конюшне на мираж ни с какого боку не смахивает. Конь треплется не хуже нашего президента. Животное упрямое, но болтливое.

— Послушайте, — говорит Ломаный Грош, и рот его движется в нужном ритме, только губы слишком уж неподвижны, — я сделал то, что от меня требовалось. Вы дадите мне приказы и мы все это проворачиваем, ага? Я могу сделать только то, что могу, выше головы мне не прыгнуть, а значит...

— Тсс, — шипит Чес, пробегая ладонью по спутанной гриве. — Тсс. — Затем он хватается коня за гриву и резко дергает. Ломаный Грош взвизгивает от боли.

— Не надо, — пищит он. — Клей очень стойкий. Больно до жути.

— Ну да, стойкий, а как же иначе? Уж не обессудь. — И Чес снова дергает коня за гриву.

Я делаю шаг вперед, но Шерман стреляет в меня взглядом, и я отступаю на место. Моя борьба за права животных доходит только до той точки, где уже мне самому начинают грозить телесные увечья. Потом кто-нибудь прикинет, где я в плане гуманизма, в передних или в задних рядах, а сейчас нет смысла портить этим чувакам всю малину.

— Бросьте, — хнычет конь, — помогите мне из этой ерундовины выбраться, и мы все обсудим, хоккей?

— А где мелкий?

— Не знаю, — говорит Ломаный Грош. — Думаете, если бы я знал, я бы все еще вот так здесь торчал?

Чес с Шерманом обмениваются быстрыми взглядами — решение здесь явно не за мной, — а потом дружно подходят к коню с разных концов.

— Ладно, — говорит Шерман, — мы тебе поможем. Но потом ты расскажешь нам все, что мы хотим знать. Там, на дорожке, что-то было нечисто...

— Я просто делал...

— Свою работу, — заканчивает Чес. — Это нам известно. Заткнись, а то мы так никогда и не начнем.

— Винни, — обращается ко мне Шерм, — помоги-ка мне с этой жопой.

Нога за ногу я шаркаю к коню, обходя его морду в считанных футах от грустных глаз и дрожащих губ.

— Привет, — говорит мне кляча. — Как поживаете?

— Молча, — инструктирует меня Чес, прежде чем я успеваю откликнуться. — Ничего не говори, пока мы тебе не скажем.

Секунду спустя передо мной оказывается широкий конский круп, и Шерман одаривает меня зубастой ухмылкой:

— Что, первый раз с говорящим конем общаешься?

— Да пожалуй.

— Ага, вижу, как у тебя нервишки играют. Ничего, с каждым случается. — Он от души шлепает коня по задку и оставляет ладонь на его широком боку.

— Отлично, — говорит Чес. — Этот конец я держу. Валяйте.

Шерман отходит чуть в сторону и указывает на конскую задницу жестом ассистентки игрового шоу, демонстрирующей всем утешительный приз.

— Все в твоих руках, Винни, — говорит он.

— В смысле... что?

— Лезь туда. Давай, делай свою работу.

— Мою работу?

Шерман вздыхает:

— Это как пуговица и зажим Р-серии. Там только лишний крючок на конце, всего-то и делов. Валяй, лезь, никто там тебя не укусит. — Он поднимает конский хвост, и теперь прямо на меня смотрит сморщенный анус.

— Куда?

— Туда.

Я по-прежнему не понимаю — или, вернее, не хочу понимать.

— Что... прямо туда?

Шерм качает головой:

— Черт, Винни. Такое ощущение, будто ты никогда руку коню в задницу не совал.

— Ты будешь смеяться, но никогда...

Ломаный Грош нетерпеливо подергивает крупам.

— Может, мы все-таки когда-нибудь с этим закончим? — интересуется он.

— Заткнись! — хором орут Чес и Шерман.

Я уже догадываюсь, чего от меня ждут, и теперь я, по крайней мере, худо-бедно понимаю, что происходит. Итак, ради своего же блага... и ради этого несчастного коня... в общем, надеюсь, я не ошибся.

Я закатываю рукава, в темпе поднимаю левую руку, кладу ее Ломаному Грошу на торец, а правую бесцеремонно пропихиваю коню в задний проход. От передней части животного доносится легкий писк, однако в иных отношениях Ломаный Грош очень даже неплохо сносит мое грубое вторжение. Я бы к чему-то подобному так легко не отнесся — это как пить дать. Однажды я ходил к врачу, и тот вытащил какой-то инструмент под названием анускоп. Короче, когда мы с тем лекарем вышли из кабинета, медицинская помощь гораздо больше требовалась ему.

Ага, вот эта штука. Шерм меня не обманул — очень похоже на зажим Р-серии. Я в привычной манере работаю с пуговицами, и вскоре уже чувствую ослабление напряжения, пока отходит ремешок.

— Ох-х, — вздыхает Ломаный Грош, — так уже лучше.

Чес манипулирует со шкурой коня где-то в его средней части, и вскоре весь круп существа соскальзывает в сторону, свободно покачиваясь в воздухе.

— Можно мне руку вынуть? — спрашиваю я.

— Да-да, — говорит Шерман. — Вынимай. — Он уже начал манипулировать с еще одним набором зажимов у ног коня.

Очень скоро вся задняя часть окончательно соскальзывает на пол, и в поле зрения появляется мозаика из буро-зеленых чешуек. Дальше следует знакомый набор ног и средней части. Толстый покатым хвост шлепается на землю и начинает вычерчивать узоры в опилках, словно сам придаток рад своему высвобождению из конской личины.

Полуконь-полураптор делает несколько шагов влево, распутывая петли у себя на ногах.

— То, что доктор прописал, — говорит он. — Давайте с остальным разберемся, давайте поскорее...

Чес быстро сует кулак коню в рот, надежно его затыкая.

— Стоишь молча — или мы все назад прилаживаем.

Потребовалось немало времени, чтобы снять остатки этой явно изготовленной по спецзаказу личины с таящегося под ней динозавра, но как только мы отпустили нужный ряд стяжек и обойм и потянули за латексовое покрытие, мы оказались в одной конюшне уже не с неудавшимся победителем пятого забега на ипподроме Колдера, а с массивным велоцираптором по имени Стюарт. Держать свой рот на замке дольше двадцати секунд этот самый Стюарт, похоже, ни в какую был неспособен.

— Спасибо, ребята, — продолжал он балаболить, — спасибо вам большое. Жарко там до жути — знаете, какая там жара? Как-то раз мне пришлось забег сразу в двух личинах одолевать. Человеческую снять не успел и прямо поверх нее еще и конскую напялил...

Чес и Шерман терпеливо выжидают, надо думать, рассчитывая, что Стю сам заговорится до упаду, прежде чем им придется проделать всю работу.

Тут он обращает внимание на меня:

— Мы ведь с вами еще не знакомы?

— Это Винни, — говорит Шерман. — Тебе до него дела нет.

— Да бросьте, бросьте. Любой друг Эдди... — гонит Стю. — Вы раптор?

— Угу, — киваю я. — А вы кто? Конь?

Стю смеется:

— Мне по счетам платить надо. — Он еще немного хихикает, но Чес и Шерман к нему не присоединяются. — Классный костюмчик, ага? Эдди на него целое состояние угрохал, у лучшего торговца с черного рынка покупал, но... Эй, но ведь он того стоит, правда, ребята?

Шерман качает головой:

— Только если бы ты сегодня не слил, Стю. Только если бы ты выиграл.

— Да, но...

— Мы заставили тебя слить двадцать забегов подряд, только бы сбить ставки до одного к тридцати пяти. Двадцать забегов. И в один-единственный раз, когда ты должен был газануть...

— Так я и газанул! — протестует Стю. — Вы же сами все видели... я там просто

убивался...

— Почти до самого финиша. Странно, что так получилось.

Стю — динозавр здоровенный. Я бывал в раздевалках Национальной футбольной лиги и видел габариты тамошних парней. Триста пятьдесят, четыреста фунтов. Но Стю любого из них одной мышечной массой перевесит. А то, что он раптор, еще больше впечатляет. Он бы посостязался с парой тираннозавров, и не факт, что проиграл бы. Но голос у него высокий, подвывающий, неуверенный, типа суфле, и это явно не внушает любовь к нему членам бригады Талларико.

— Послушайте, — говорит Стю, — я бежал гонку так, как мы всегда ее разыгрывали. Осадить вначале, а потом долбануть всех вспышкой скорости. Эти кони мне не чета. Две там ноги, четыре — без разницы. А потому я знал, что у меня есть время. Но из-под этой конской морды я ни черта не вижу, и вы это знаете. Мне приходится обходиться тем, что указывает мне Пепе, и если Пепе говорит мне бежать, я бегу. Два кнута в секунду — просто бежать, один — осадить назад, три — сделать сбой, верно? Я так прикидываю, у него есть своя метода, он может видеть, что там творится, а я не могу. Короче, я раскидывал мозгами, проворачивал свой номер с жалким видом, а потом он вдруг говорит мне бежать, и я бегу. Жму изо всех сил, как в лучшие дни на беговой дорожке, знаете? Как в тот раз, когда я четыреста метров с барьерами на Олимпиаде бежал...

— Если я правильно помню, тебе тогда серебряная медаль досталась? — спрашивает Чес.

— Точно — второе место, — соглашается Шерм. — И это у тебя, Стю, уже типа в привычку вошло.

— Ну да, ну да, — говорит Стю, опять стараясь поплакаться. — В общем, я землю ем, и хотя чертова маска у меня на глазах ни хрена не дает периферического обзора, я все-таки догадываюсь, что обхожу этих кляч как улиток. А потом я слышу, как толпа заводится, и понимаю, что все хоккей. Тогда я начинаю по-настоящему им накладывать, а Пепе своим кнутом чуть дух из меня не вышибает, и я врубаюсь, что он хочет, чтобы я не сбавлял скорости — должно быть, там кто-то еще впереди. Ноги у меня просто горят, но я жму вперед, жму как следует, потому что не хочу мистера Талларико разочаровывать...

— Да ты просто святой, — неожиданно для самого себя говорю я, и Чес одобрительно на меня смотрит. Похоже, я немного сбил трескотню.

— ...и чувствую, как тот козел рядом со мной всю рвется к ленточке. Тогда делаю то же самое, но проклятая толпа так орет, что я теряю всякое ощущение дистанции, понимаете? Финиш не чувствую. Я только примерно знаю, сколько я уже пробежал. И мне все же кажется, что мы, может статься, уже почти финишируем, так что я жму вперед, финишный створ мой... но тут Пепе вдруг тянет меня назад.

— Кнутом один раз хлещет? — спрашивает Шерм.

— Не-е, — мотает головой Стю. — Кнутом он по-прежнему от души мне накладывает, но тянет за поводья. Это типа предупредительный знак — большой кирпич на дороге. Выбора у меня нет — эта штуковина крепко прилажена к моей шее, и чертов псих меня просто душит. Тогда я прикидываю, что мы уже миновали финишный створ, и он пытается взять меня под контроль. Я сбиваюсь с шага, как мы всегда планировали, и начинаю тормозить. В общем, я только потом понял, что случилось. Пепе отвел меня сюда, поставил в стойло, а я всю дорогу спрашиваю его, что стряслось, но он мне не отвечает. Следующее, что я понимаю, это что меня тут заперли и даже этой чертовой конской личины не сняли. Короче, жевал я здесь сено, пока вы не пришли и меня не вызволили. — Он пожимает плечами — толстыми чешуйчатыми плечами, так и пышущими силищей. Ничего удивительного, что он способен бегать на этих скачках. Большинство атлетичных динозавров может обогнать среднего коня разве что на состязаниях по спортивной ходьбе, но тело Стю скроено так, что таит в себе недюжинную силу и скоростную выносливость. — Вот вам и вся история.

— И ты на ней настаиваешь. — Чес качает головой. — Ну что, Шерм?

— Не знаю, — говорит тот. — Дай подумать.

Шерман садится на корточки на усыпанном опилками полу и прижимает ладони к вискам. Я улучаю момент и бочком пододвигаюсь к Чесу, большим пальцем указывая на Стю.

— Значит, этот парень на Эдди работает?

— Только на дорожке. В свое время он входил в бригаду, но потом просрался. Верно, Стю?

— Верно, — вздыхает бывший конь. — Фрэнк держал меня при себе. Ему нравилось, как я бизнес веду.

— Да уж, высокий класс, — говорит мне Чес. — Ты большим воротилой был, верно, Стю?

Тот снова вздыхает, неспособный выразить словами, как низко он пал.

— Верно. Верно. Но Эдди... — Губы Стю дрожат, и тут я понимаю, что он с трудом сдерживает поток слов, подробно описывающий его лютую ненависть к новому боссу. — Эдди говорит, что я слишком много болтаю.

— В точку, — соглашается Чес. — Но мы нашли тебе новое применение.

Стю опять лихорадочно кивает.

— Да, но я не жалуюсь. Конечно, было классно, когда я жил там в доме вместе со всеми вами, ребята. Фрэнк всегда очень мило со мной обращался. Но Эдди... у нас с Эдди... у нас большие различия. А здесь со мной по-настоящему хорошо обращаются. Когда я в конском наряде, все очень мило со мной разговаривают и каждый день шкуру чистят. — Он делает паузу, словно желая припомнить еще какие-то радости вновь обретенной работы. — И ячменя дают, сколько мне хочется.

— Да... вот это и впрямь кайфово, — говорю я.

— А когда я выигрываю — то есть такое не должно часто случаться, сами знаете, чтобы ставки сбить и всякие такие дела, — но когда я выигрываю, мне позволяют венки носить... в общем, все просто здорово. Просто здорово, потому что...

— Хорэ, — перебивает Шерм. — Я все прикинул.

— Вот как славно, — говорит Стю. — Я тут думал, может, нам пойти вместе позавтракать...

— Садись.

— Что?

— Садись, говорю. Винни, добудь-ка стул для нашего мальчика.

Единственное, что мне удастся найти в конюшне, это невысокие скамеечки для ухода за лошадьми, и я притаскиваю одну такую скамеечку в центр помещения.

— Подойдет? — спрашиваю.

— Дерьмовато, — говорит Шерм, — но подойдет. Садись, Стюха.

Сноха садится, глядя на нас глазами потерявшегося щенка, который рад найти нового хозяина. Шерман кивает Чесу, тот роется в своей сумке из мешочной ткани и достает оттуда хороший кусок веревки. Прежде чем у меня находится время о чем-то спросить, толстые руки Стю уже связаны у него за спиной, а мощные ляжки притянуты веревкой к скамеечке. Такого поворота событий я совершенно не ожидал, и не успеваю я этого понять, как уже ошетиниваюсь. Именно в этой точке большинству гангстеров следует выставлять меня из помещения. Но Чес с Шерманом почему-то этот критически важный шаг пропускают.

— Ребята? — с надеждой говорит Стю, и тут накопившаяся в воздухе негативная энергия наконец-то проникает сквозь его толстый череп. — Ребята, вы что...

— Винни, — обращается ко мне Шерм, — как по-твоему, похож этот парень на дебила? Я уклончиво пожимаю плечами:

— А ты уверен, что тебе хочется это проделать?

— Я спросил, похож ли этот парень на дебила. Нет смысла лгать.

— Самую малость.

— Ага. Ага, самую малость, верно? Так вот. Позволь мне тебя заверить — он только

прикидывается.

Стю мотает головой, пот струится с его блестящего чешуйчатого лба.

— Нет, Шерм, я не прикидываюсь...

— Прикидываешься. Скажи-ка мне, Стюха, до того, как ты бежал на Олимпиаде, ты в каком университете учился?

Стю что-то еле слышно бормочет. Шерман придвигается ближе.

— Извини, приятель, тебя не слышно. Хочешь говорить?

— В Принстонском, — признается Стю. — Но... но я туда просто как спортсмен ходил. Как легкоатлет.

— Верно. И классный легкоатлет, — соглашается Шерман, обходя по кругу массивного раптора, притянутого веревкой к скамеечке. Пока он идет, свет то и дело отражается от его тела, и солнечные лучики впиваются Стюхе прямо в глаза.

— Но вся соль Принстона, — продолжает Шерм, — как и соль всех старейших университетов Новой Англии, в том, что просто спортсменам там никаких стипендий не дают. Все эти университеты — всего лишь спортивная коалиция вроде Большого Востока или Тихоокеанской Десятки. Там дают только академические стипендии — базовые пакеты финансовой поддержки. Вот почему они сливают почти на всех спортивных соревнованиях. Ясное дело, большинство спортивных пацанов идет туда, где платят наличные. Итак, там есть спортивные команды с посредственными игроками, зато у этих игроков имеется одна вещь, которая в спорте обычно не нужна, — мозги. Отсюда выходит, что всякий, кого выпускает Принстон... а я так понимаю, ты Принстон закончил, да, Стюха?

— Закончил, — хнычет тот с таким видом, словно ему очень стыдно. Такое ощущение, будто он признается не в том, что закончил Принстон, а в том, что его пинком под зад вышвырнули из средней школы Лос-Анджелеса.

— Итак, всякий, кто закончил Принстон, должен иметь в башке больше двух серых клеточек, чтобы они друг о друга терлись. А весь этот театр про старого усталого Стюху, который вообще ничего не сечет, ни в какую сюда не вписывается. Думаю, ты нас продинамил...

— Нет, — твердо говорит Стю, пока все его могучее тело содрогается под веревкой. — Нет, это не так!

— ...и еще я думаю, что вы с Пепе тут заодно.

Теперь, когда вся тяжесть ситуации наконец на него обрушивается, Стю начинает откровенно трястись. Веревка, плотно стягивающая его руки и ноги, скребет по чешуйкам, оставляя заметные вмятины.

— Послушайте, — молит Стю, — все совсем не так. Если Пепе во что-то играет с Восемь На Семь, это его дело, а я...

— Погоди-ка погоди, — говорит Шерман. — Про Восемь На Семь я ничего не говорил. Почему ты подумал, что я к нему все веду?

Голос Стю дрожит, и легкая оплошность выдает его с головой.

— Господи, Шерм... не надо... не делай этого...

— Я, Стюха, пока еще ни хрена не делаю. Я просто хочу узнать, чего ради ты вдруг вытащил на свет этого коня-победителя, когда я про него даже словом не обмолвился.

Тут Стю поступает очень мудро — он затыкается. Пожалуй, он и впрямь парень из Принстона. С другой стороны, этот недоумок Сатерленд, один из детективов в бюро «Правда-Матка», учился в Принстоне, а это очень мало что говорит в пользу интеллектуального калибра данного учебного заведения. Скорее наоборот. Хотя, конечно, Сатерленд попал туда благодаря своим связям, а вот бедняга Стю, кажется, с минуты на минуту потеряет свои.

Еще какое-то время Шерм расхаживает взад-вперед, пытается взять Стю на испуг и вытянуть из него информацию, но без толку. Бывший конь твердо держит рот на замке. Тогда Чес, сколько ему удастся, пытается сыграть со Стю в доброго следователя («Давай по-быстрому с этим закончим, хоккей? А потом все вместе пойдем и славно перекусим. Ну,

что скажешь, приятель?»), однако уже после нескольких добродушных вопросов его подлинная натура пересиливает, и бандит начинает почем зря хлестать Стю по физиономии.

— Прекрати, — рывкает Шерман. Затем он подходит к Стю и садится на корточки, чтобы быть с ним лицом к лицу. По телосложению они полная противоположность — эктоморф и мезоморф, один вялый и жирный, другой сильный и могучий. Но сегодня правила игры переменились. Сегодня на школьном дворе царит бледная пухлятина. Ура! Вся власть жирягам!

— Даю тебе последнюю попытку, — говорит Шерман. — Хочешь ты, Стюха, что-нибудь мне сказать?

— Я... я не знаю, что тебе нужно...

— Учти, я этого не хотел, — вздыхает Шерман и кивает Чесу.

Тот несколько секунд роется в сумке, но затем раскладывает у своих ног уйму всяких разных инструментов, один страшнее другого. Хирургическая нить. Скальпель. Бритва. Топор.

И шесть полиэтиленовых распад-пакетов. Завидев их, Стюха начинает орать благим матом.

Распад-пакеты — это всего-навсего четырехдюймовые мешочки из белого полиэтилена с двумя черными крестиками в обоих верхних углах. Довольно странно начинать в этой связи орать, но, разумеется, приступ ужаса вызывают не сами пакеты, а то, что у них внутри.

Внутри распад-пакетов — бактерии. Если точнее, бактерии, разрастающиеся на плоти динозавра. Если еще точнее, их многие годы разводили и совершенствовали на плоти диносов, так что больше ничего они не едят. Отгрузи их человеку, леопарду, бирманскому питону, налоговому инспектору — и ровным счетом ничего не случится. Пожалуй, питона ты этим малость обломаешь, но это уже будут твои проблемы, а не питона. Микроскопические обжоры из распад-пакетов едят одно и только одно — плоть диноса.

Причем едят они ее с потрясающей ненасытностью.

Распределение распад-пакетов строго контролируется Советами, чтобы предотвратить оплошности вроде того форменного безобразия в Западной Африке. Алле-оп — распад-бактерии тогда бесконтрольно разрослись, а первоначальный источник определить так и не удалось. С тех пор всем динозаврам общественно значимых профессий выдают распад-пакеты — с условием, чтобы они всегда держали их при себе — ради одной-единственной цели избавления от останков диноса в случае необходимости, и каждый такой пакет регистрируется соответствующими властями. Собственно говоря, я припоминаю, как сам как-то раз применил распад-пакет к диносу-амальгаме в одном из проулков Бронкса, уничтожая все свидетельства произошедшего побоища и моей итоговой победы до прибытия человеческой полиции.

Таково сформулированное властями назначение распад-пакетов: применение их к покойникам и только к покойникам, а также в случае абсолютной необходимости.

Но Чес с Шерманом, похоже, инструкцию по эксплуатации никогда не читали.

— Кончай корчиться, — хрипит Шерман, доблестно сражаясь с кончиком Стюхиного хвоста. Чес уже заткнул большой рот раптора скомканным полотенцем, почти полностью заглушая его вопли и стоны. Они еще даже не начали, а Стю уже так переполошился. — Прекрати. Чес, ты не можешь?

Я уже вижу, что на подходе, но бессилён это остановить. Пусть даже я только прикидываюсь громилой, мне никуда не уйти от чувства некоторой вовлеченности в происходящее, хотя и я обещал себе никогда не ввязываться в мафиозные дела. Все-таки я согласился их сопровождать, и я буду с ними, пока они и впрямь не зайдут слишком далеко. В желудке у меня идет какое-то кувыркание; я притворяюсь, что все это из-за мятых.

Чесу с Шерманом наконец удастся закрепить Стюхин хвост. Шерм опускает свой жирный зад примерно в футе от кончика и надежно придавливает его к полу конюшни.

— Топор не забыл? — спрашивает он у Чеса, и тот сжимает острый инструмент в правой руке, готовый немедленно использовать его по назначению.

— Давай, — говорит Чес.

Шерман аккуратно разрывает полиэтиленовый пакетик и сыплет мелкий порошок на самый кончик отчаянно корчащегося хвоста Стю.

Полотенце с трудом приглушает пронзительный вопль, сотрясающий во всех иных отношениях тихую конюшню. Плоть мгновенно начинает растворяться под яростным напором бактерий, кончик Стюхиного хвоста исчезает прямо у меня на глазах, лужица светло-зеленой жижи скапливается на полу. Но там лишь бросовые продукты работы бактерий — они пожирают все мельчайшие клочки плоти диноса, какие только могут найти, кожу, все остальное, а потом перерабатывают и выпихивают это дело со своего противоположного конца.

Я застрял на нейтральной полосе между отвращением и заворуженностью — совсем как на играх «Лос-Анджелес Клипперс» — и не могу оторвать глаз от жуткого зрелища. Целый дюйм Стюхиного хвоста исчез за неполных тридцать секунд, и теперь я уже вижу кусочек кости там, где была начисто отъедена плоть. Костный мозг и эмаль — две вещи, которые бактерии наотрез отказываются пожирать. Глаза бедняги дико выпучиваются от боли, его чешуйки плотно прижаты к веревке, зарывающейся в его руки, оставляющей там глубокие борозды...

— Давай, — спокойно говорит Шерм. — Руби.

Чес повыше заносит топор и обрубает Стюхин хвост на дюйм выше того участка, где бактерии продолжают свое пиршество. Твердый шмат мяса плюхается на пол, и через считанные секунды микроскопические обжоры поглощают оставшуюся часть плоти, оставляя среди опилок лишь небольшой кусочек хвостовой кости и липкую зеленую лужицу.

Однако удар топором спас Стю от дальнейшей атаки распад-бактерий, и хотя его хвост обильно кровоточит, до завтра он наверняка доживет. Шерман протягивает руку и вытаскивает полотенце изо рта несчастного раптора. Стю что-то еле внятно бормочет, его воспаленные глаза слезятся, губы звучно шлепают с каждым вдохом.

— Тихо, — утешает его Шерман. — Спокойно. Скажи нам, где билеты, и мы на этом закончим. Как следует тебя вылечим, где надо заштопаем.

Но Стю сейчас по ту сторону разума. Боль наверняка чудовищная. Конечно, нервы на хвосте не так чувствительны, как в области паха, но если тебе перерубят их топором, тоже радости мало.

Чес сует руку в свою волшебную сумку и достает оттуда коричневую бутылочку. Затем выливает немного жидкости на кусок марли и прижимает ее к кровавому обрубку Стюхиного хвоста. Здоровенный раптор сперва подпрыгивает от соприкосновения марли с сырой плотью, но затем испытывает заметное облегчение, и мышцы его расслабляются.

— Топический анальгетик, — объясняет Снохе Шерман. — Теперь получше?

— Ага, — всхлипывает тот. — Ага.

— Короче, у нас два варианта. У Чеса есть нити для зашивания ран — или еще один пакет опять все запустит.

— Шерм...

— погоди, Стюха, дай я тебе все объясню. У нас... Чес, сколько у нас там еще пакетов?

— Пять.

— Ага, пять. То, что нужно. Еще один, чтобы покончить с хвостом — и теперь я уже не дам Чесу его отрубить. По одному для каждой ноги — это три. Дальше мне наверняка все эти заморочки наскучат, и я перейду прямо к голове. Никогда не задумывался, каково бывает, когда бактерии твои глазные яблоки жрут? — Я прикидываю, в какой мере Шерман всем этим наслаждается. Получается у него очень хорошо.

— Я не знаю, где Пепе, — упирается Стю.

— Значит, ты признаешь, что вы двое решили Эдди Талларико кинуть?

Стю отворачивается, но Шерман берет его за голову и разворачивает ее назад, пронзая здоровенного раптора гневным взглядом. Нет сомнений, за кем в этом помещении сила — с распад-пакетами или без.

— Да, — наконец признает Стю.

Чес выпускает легкий смешок.

— Сукин сын...

— Он ничего нам не платит, — выпаливает Стю. — Мне приходится на диете из тунца и собачьего корма сидеть. Черт, я этот конский костюм напяливаю, чтобы мне с этого дельца малость овса перепало...

— Заткнись, — велит ему Шерман. — Заткнись сию же секунду, ты, предатель ублюдочный. А потом вдохни поглубже и скажи мне, где билеты.

Стю шумно набирает полные легкие воздуха:

— Они у Пепе...

— А эта залупа конская где?

— Не знаю. Клянусь — не знаю. Наверное, он пытается себе все деньги захватить...

Шерм кивает Чесу, и тот готовит новый пакет. Стю опять начинает вопить — он в темпе сообразил, к чему все идет.

— Господи, — бормочет недавний конь, — да если бы я только знал, я бы вам сразу сказал...

— Очень может быть, — говорит Шерман. — Но порой мы сами не знаем, что мы знаем, а чего не знаем, пока нас не поставят к стенке и расстрельная команда винтовки не поднимет.

Чес разрывает пакет и подходит к хвосту Стю. На сей раз они даже не трудятся сунуть ему в рот полотенце — надо полагать, думают, что он вырубится от боли. Чес держит пакет за уголок, болтая им перед корчащейся фигурой раптора.

В этот момент я уже должен вмешаться. Сказать что-нибудь. Что-нибудь сделать. Но я вдруг обнаруживаю, что буквально прирос к полу. Это не мое дело. Здесь просто еще один идиотичный гангстер, исподтишка надувающий других идиотичных гангстеров. Теперь он пытается не расколоться, и ему приходится платить по счетам. Вмешиваться во все это — не самый мудрый ход.

Но другого хода я попросту не знаю. А потому все-таки делаю шаг вперед:

— Чес...

В тот самый момент, когда распад-кристаллы уже готовы с самого краешка пакета снова просыпаться на искалеченный хвост Стю, великий легкоатлет из Принстонского университета вдруг обретает здравомыслие.

— Шестая конюшня, стойло Б, — визжит он. — Пепе там на всю ночь зарылся.

Чес убирает пакет, а я делаю осторожный шаг назад. К счастью, моей попытки вмешаться ни Чес, ни Шерм не заметили.

— А ты нам мозги не пудришь? — интересуется Шерман.

— Нет, — уверяет Стю. — Он там, и со всей наличностью.

— Сколько?

— Не знаю, — говорит Стю. — Мы... я занял немного денег у своей семьи, Пепе — тоже немного у своей. Удалось десять кусков собрать. И мы вложили все в дело.

— Значит, ты намеренно пришел вторым.

Стю стремительно кивает, сопли и слезы стекают по его лицу, капая с подбородка.

— Это от начала и до конца был план Пепе. Клянусь.

Шерм поворачивается к Чесу:

— Какие на того были ставки?

— По-моему, двенадцать к одному.

— Сто двадцать кусков, ни больше ни меньше. Неплохой куш.

— Погодите, — вдруг выпаливаю я. — Слушай, Стю, а почему ты не поставил на свою победу? Ты бы пришел первым, и все были бы довольны.

— Блин, Принстон, — ржет Шерман. — Сорок кусков в год — и тебя там даже не научили своего босса кидать. — Он смотрит на часы и снова обращается к Стю. — Значит, говоришь, Пепе сейчас там с наличными?

— Или с билетами... пожалуйста, новокаин уже перестает действовать...

Шерману с Чесом вообще-то глубоко плевать на Стюхину болевую выносливость. Их куда больше интересует непредвиденный доход, который компенсирует проигрыш Талларико на ипподроме, причем даже с лихвой. Они дружно направляются к двери конюшни.

— Винни, — говорит Шерм, — а ты пока здесь грязь убери.

— Какую грязь? — спрашиваю я. — По-моему, здесь чертовски чисто.

Чес ухмыляется и швыряет свежий распад-пакет Стю на хвост.

Мгновенно пронзительные вопли — «СБРОСЬТЕ ИХ! СБРОСЬТЕ!» — и секунду спустя я уже стою на коленях под боком у массивного раптора, пока его хвост растворяется прямо у меня на глазах. Шерман с Чесом ушли, и здесь остались только мы со Стю, да еще с поразительной быстротой исчезающий придаток.

— Я не могу...

— Пожалуйста! — визжит он. — О боже... сбросьте их с меня!

— Уже не получится... — Еще дюйм исчез, и теперь, когда нет Шермана или Чеса, чтобы его придерживать, хвост всюду хлещет по полу конюшни, едва не попадая по мне. Так рисковать я не могу — стоит ему только хоть на секунду меня коснуться, как бактерии перескочат на мое тело и откроют там новый ресторан.

— Сиди смирно... прекрати хвостом махать...

Но слов Стю уже не понимает. Мышцы его резко напрягаются, давят на веревку в отчаянной попытке освободиться — сиденье металлической скамеечки нешуточно прогибается под тяжестью здорового раптора.

Я отбрасываю остатки последнего пакета, хотя их там не так много. Топический анестетик, немного марли — все, что требуется для обработки раны, — но ничего, чтобы хоть как-то нейтрализовать распад-бактерии.

Стюхино тело начинают корезить страшные конвульсии, а бактерии тем временем пробираются еще на два дюйма вверх по его хвосту. Недалек уже тот момент, когда исчезнут все двенадцать дюймов, и могу себе только представить, что будет, когда мелкие обжоры доберутся до его туловища.

Сперва я думаю воспользоваться скальпелем, чтобы разрезать веревки и выпустить Стю на волю, но тут же понимаю, что он не станет сидеть смирно и не воспримет необходимую операцию как подобает взрослому раптору. Нет, Стюха начнет биться и метаться, как только я его освобожу, и я, скорее всего, стану первым объектом, который пострадает от его бешеных метаний по конюшне. Тогда я решаю пока что оставить его на месте и даже привязываю покрепче. К тому, что мне предстоит проделать, приятные ощущения не прилагаются.

Лезвие топора по-прежнему острое, и я беру в правую руку тяжелое оружие. Раньше я никогда ни с чем подобным не обращался — у того, кто вырос в дебрях Лос-Анджелеса, вряд ли когда-либо возникала особая необходимость колоть дрова. Больше всего меня удивляет то, что тяжесть топора кажется очень удобной, едва ли не приятной и ободряющей. Правда, я не сомневаюсь, что Стю она особенно не ободрит, но что поделаешь — нам приходится принимать решения и как-то с ними уживаться.

Мой первый удар становится позорным промахом. Я врубаюсь мимо, и лезвие слегка задевает край хвоста, пуская струю крови в трех дюймах над демаркационной линией.

— Вот те раз, — говорю я. — Дай-ка я еще разок попробую...

Слов Стю по-прежнему не понимает. Пожалуй, он даже звуков не слышит. Тело его до отказа набито болью, конечности подергиваются, пока растворяется хвост...

Еще замах, еще удар — и на сей раз топор наверняка попал бы в цель, если бы Стюхин хвост не дернулся в сторону, в результате чего я от души засадил блестящее лезвие в пол конюшни.

— Может, посидишь смирно?

Нет, дикая боль элементарно не позволяет Стю сидеть смирно и выслушивать любые

указания. К счастью, я могу это исправить. Сунув руку в грудку всякой всячины на полу, я вытаскиваю оттуда коричневую бутылочку новокаина и зубами срываю пробку.

Затем я жду, пока хвост хлестнет в мою сторону — толстый шмат мяса, мотающийся туда-сюда подобно взбесившемуся стеклоочистителю, — и выставляю руку, надеясь, что хвост попадет куда надо...

Моя ладонь вцепляется в придаток буквально в полудюйме от бактерий, а мелкие козявки тем временем продолжают жевать, и я крепко сжимаю кулак. Затем выливаю на рану анальгетик и снова бросаю хвост на пол, пятась подальше от смертоносных микробов.

Волна облегчения заливает лицо Стю, но я понимаю, что очень скоро эта волна схлынет.

— Спасибо, — говорит он, быстро-быстро моргая большими глазами. — Спасибо вам большое...

— Рано благодаришь, — отзываюсь я. — Слушай меня внимательно. Как только бактерии прорвутся дальше новокаина, боль опять станет дьявольской. А потому я намерен... — Тут я перевожу дух — отчасти сам успокаиваясь, отчасти успокаивая Стюху. — Я намерен отрубить еще шесть дюймов твоего хвоста.

— Шесть... шесть дюймов?

— Только так я могу быть уверен, что отрублю все бактерии. Хоккей?

Стю с трудом сглатывает и медленно кивает. Спора нет. Выбора тоже.

— Положи хвост, — инструктирую я его. — Сюда, прямо на пол.

Стю послушно следует указаниям — совсем как круглый отличник.

— Опять начинает болеть.

— Знаю, — говорю я. — Еще секунду.

Итак, вот он, прямо передо мной. Я должен выбросить из головы мысли об этом хвосте как о живом придатке, полезной части тела раптора и думать о нем как о хорошем шмате на колоде у мясника, готовом быть разрубленным и поданным народным массам. Вот он какой. Безжизненный. Мертвый. Нет проблем. Заноси топор и руби, заноси и руби, заноси...

И руби. Пока я резко опускаю топор, лезвие свистит в воздухе, и от хлюпающего звука встречи металла с живой плотью у меня тут же начинают дрожать руки. Мне требуется какое-то время, чтобы понять, что мои глаза плотно зажмурены. Когда я их открываю, отрубленный кусок Стюхиного хвоста безжизненно лежит на земле, а бактерии шустро превращают его в зеленую жижу.

Стю воет. Новая волна боли накатывает на беднягу, и я в темпе выливаю весь остаток анальгетика на обрубок хвоста. В лежащей на полу грудке есть немного бинта, и я как можно быстрее и плотнее наматываю его на хвост у самой раны, делая импровизированный жгут. Затем я туго накручиваю поверх бинта хирургическую нить, и вскоре почти все кровотечение уже остановлено. Стю наверняка подхватил инфекцию — тут никаких сомнений, — но его жизнь определенно спасена.

— Спасибо-спасибо-спасибо, — снова и снова повторяет он, пока я при помощи скальпеля освобождаю его от скамеечки. Куски веревки падают на пол рядом с обрубленной хвостовой костью, теперь уже полностью очищенной от всякой плоти.

— Хочешь взять на память? — спрашиваю я, указывая на костяную палочку.

Стю кивает и берет с пола остаток недавнего фрагмента своего тела. Затем я помогаю ему как можно быстрее натянуть на себя человеческую личину. Получается довольно хреново — его пупок на два дюйма сдвинут от центра, а без дополнительного веса хвоста начинает заметно отвисать человеческая задница. Впрочем, пока что и так сойдет. Стюхе надо добраться до больницы — и как можно скорее.

— Даже не знаю, как вас благодарить, — говорит он, когда я подвожу его к задней двери конюшни. Там нет никого подозрительного — только несколько тренеров и их скакуны, — а на побережье все чисто. — Вы спасли мне жизнь.

— Еще нет, — говорю я. — Если они сейчас вернутся и тебя здесь найдут, все будет кончено.

Теперь ты должен пообещать мне, что отсюда исчезнешь. — Стюхе никак нельзя вдруг объявляться в окрестностях дома Талларико, если я собираюсь сказать, что он мертв. Подобного рода фокусы могут мне запросто распад-пакет организовать. А раз речь идет о Талларико, то быстрая кончина мне не светит.

— Куда же я исчезну?

— В Небраску. В Европу. На Юпитер. Это не моя проблема — ты просто сматываешься как можно дальше, и все. Понятно?

Стю соглашается, еще сотню раз меня благодарит, уверяет, что на всю оставшуюся жизнь он передо мной в неоплатном долгу, и наконец рвет когти в задние проулки Колдера, надеясь поймать такси до ближайшей больницы с рептильным отделением.

Три минуты спустя я стою на коленях в центре конюшни, собирая остатки снаряжения в холщовую сумку, — и тут вдруг слышится стук в переднюю дверь. Тут я понимаю, что Чес с Шерманом заперли ее, прежде чем выйти в заднюю, и осторожно приближаюсь.

— Стю! — слышится громкий шепот с заметным акцентом. — Стю! Впусти меня!

Догадаться несложно. Наверняка Пепе.

— Стю! — повторяет он. — Они здесь — эти громилы от Талларико! Они за нами охотятся. Впусти...

Я открываю дверь и выхожу из конюшни в тот самый момент, когда Пепе снова готов постучать. Он в точности такой, каким я запомнил его на дорожке, — маленький, коренастый, дерганый. Определенно компис.

— Привет, — говорю я ему. — Стю сейчас очень занят.

Тут Пепе понимает, что игре конец. Глаза его комически расширяются, когда я делаю шаг к нему, он лихорадочно крутит педали назад, точно пес в мультфильме, пытающийся поддать пару, прежде чем пуститься вслед за котом. Но пятка жокея попадает в дыру меж досок деревянного настила — он падает навзничь и крепко стучается затылком об стену. К тому времени, как Пепе оседает на землю, он уже без сознания, жокейский прикид собирается в складки у него на туловище. Я присаживаюсь на корточки, собираясь проверить его пульс...

— Черт побери, Винни, — тебе совсем не требовалось его убивать!

Я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что из-за угла только что выскочили Шерм с Чесом. Старший бандит совсем запыхался, а парнишка помоложе краснеет от возбуждения. Подойдя к Пепе, они тыкают носками ботинок его обмякшее тело.

— Живой он, — объясняю я. — Только без сознания.

— Не хило, — говорит Чес. — И ты это провернул.

Нет нужды лгать, нет смысла говорить правду. Я просто ухмыляюсь и позволяю своим зубам говорить за меня.

— Отличная работа, — хвалит Шерм. — Пожалуй, выходит, что ты не так уж и бесполезен. — Я принимаю это за комплимент и снова ухмыляюсь. — А о другой твари ты позаботился?

— Угу, — отвечаю. — Я обо всем позаботился.

— А кости?

— Все под контролем, — заверяю я. Чисто технически я ни разу не соврал. Понятия не имею, почему это так важно для меня прямо сейчас, когда я только что стал соучастником в пытке, вымогательстве и отрубании чертовски славного хвоста. С другой стороны, когда ты на зыбучих песках, всегда неплохо хоть за что-нибудь ухватиться.

Чес с Шерманом обмениваются довольными взглядами. Они еще на шаг приблизились к тому, за чем пришли, и деньги уже почти у них в карманах.

— Слушай, Винни, — говорит Шерм, беря меня под руку и уводя от конюшни назад к трейлерам. — Дальше ситуация может стать... деликатной.

— Еще деликатней, чем раньше?

Шерман кивает:

— Думаю, для своего первого задания ты сделал более чем достаточно. По-настоящему

славная работа.

— Черт, спасибо, — говорю я — и, видит Бог, говорю на полном серьезе.

Пока мы топаем обратно к входу на ипподром, Шерман обнимает меня за плечи. Затем подзывает такси и запихивает меня на заднее сиденье.

— Отвезешь его, куда он захочет, — говорит он таксисту и бросает мне на колени стодолларовую купюру.

Наконец Шерман крепко пригибает мне голову и хлопает меня по затылку.

— Мы с Чесом... ну, черт... короче, парень, мы тобой гордимся.

Когда дверца захлопывается и такси выкатывает на дорогу, я вдруг обнаруживаю, что широко улыбаюсь. Я почти... почти счастлив. Неужели я так отчаянно нуждаюсь в дружеском общении и одобрении, что и впрямь ценю мнение такого монстра, как Шерм? Неужели я пал так низко, что несколько добрых слов от мафиозного головореза могут стереть целый час тошнотворного насилия? И почему вся эта гнусная сцена привела меня в теплое, комфортное состояние, для достижения которого обычно требовался вагон кинзы и маленькая тележка базилика?

Что же такое творится с Винсентом Рубио?

2

Ясное дело, так все это никогда не начинается. Все это всегда начинается совсем иначе. Если бы в начале каждого дела кто-то совал мне под нос хрустальный шар и показывал, через какие реки дерьма мне придется пройти вброд в результате простого ответа: «Конечно, я на вас поработаю», я бы давно уже забросил всякие шпионские игры и стал бы зарабатывать себе на жизнь разведением молочного скота где-нибудь в Канзасе. Ни один частный сыщик, который хоть чего-нибудь стоит, никогда не думает, куда он сует свой нос; ни один частный сыщик, который хоть чего-нибудь стоит, вообще-то никогда ничем иным и не занимается.

Все это начинается на вечеринке недели за две до того фиаско на ипподроме. Все начинается с полного рта тунца с эстрагоном — вернее, без эстрагона. Сухой, безвкусный тунец лучше всего, когда он не переваривается — и определенным производителям это не по вкусу. Но я не могу снова садиться на специи, к которым в свое время пристрастился. Я должен трезвость соблюдать. В одном из карманов у меня есть карточка с девятимесячной абстиненцией. У меня есть друзья, поручитель в «Анонимных гербаголиках» (АГ) и уйма разочарований, потому что одного листка базилика слишком много, а тысячи — совершенно недостаточно.

Мало чем в этом смысле помогает мне то, что главное блюдо на моем столике — впечатляющий тропический лес безумных восторгов, где есть едва ли не все от папоротников, окольцовывающих самое дно, до отменных калл на самом верху, чьи нежные лепестки висят в считанных дюймах от моего языка. Я лишь могу старательно отводить глаза в сторону, любыми способами закупоривать нос и отвлекаться от роскошных кустов на сцену, установленную в дальнем конце сада на заднем дворе особняка.

Томми Трубадур, один старый клиент моих безмятежных дней вместе с Эрни, воет там от души, наяривая номера с таким видом, будто в эту толпу затесался агент Уильяма Морриса, пленки у которого осталось всего на один главный кадр. Добрую половину мотивов я не узнаю, но это вовсе не из-за моего музыкального невежества. Томми дает жуткую слабину, когда речь заходит о припоминании текстов песен, а потому, проламываясь дальше, сам придумывает слова, и его ничуть не обескураживает то, что очередная строчка ни в какую не рифмуется с предыдущими. Сейчас он, по-моему, голосит то ли «Песне ты не скажешь до свиданья», то ли «До свидания, мальчишки». Оба этих шедевра кажутся крайне неподходящими для вечеринки по поводу дня рождения тринадцатилетнего мальчугана. Но Томми никогда и не старался что-то под себя подгонять. Ему это ни к чему — у него связи имеются. Хитрое подмигивание, еще одно.

— Он просто чудо. — Слова произносит дама слева от меня, какая-то пожилая тетушка тринадцатилетнего мальчугана, где-то семнадцати-восемнадцатилетняя, но все же достаточно богатая, чтобы войти в список гостей. По ее жирной туше размазано платье с цветочным узором, которое подошло бы ей десять лет и тридцать фунтов тому назад; соломенная шляпка дамы имеет широкие, уходящие вниз поля, которые скрывают половину ее лица. И невеста почему она испытывает острую необходимость узнать мое мнение на предмет кривляния Томми. — Вам не кажется, что он просто чудо?

— Он определенно очень старается, — отвечаю я.

— Этот теплый баритон, эти басовые нотки... очень вдохновляют.

— Могу вас ему представить, если желаете, — предлагаю я. — Он мой старый друг.

Глаза тетушки расширяются от потрясения и восторга.

— Вы... вы могли бы...

— Очень даже бы мог.

— Но вы же не станете...

— Стану. Бога ради, — говорю я, — это будет сущее удовольствие. — Полагаю, это меньшее, чего заслуживает Томми за то, что беспардонно затащил меня на эту вечеринку. Все, чего мне хотелось после долгого дня частного сыска, это сунуть подальше свой блокнот и хорошенько выспаться, прежде чем опять заступить на свой наблюдательный пост в Инглвуде, но Томми без всякого объявления войны мне позвонил и, не говоря худого слова, стал кланяться, чтобы я пришел понаблюдать за его выступлением.

— Будет совсем как в добрые старые времена, — ныл он.

— В добрые старые времена я тебя никогда не видел.

— Тогда будет совсем как в новые времена. Брось, это мое первое выступление после долгого перерыва. Мне нужно, чтобы там был кто-то знакомый, или я буду страшно нервничать.

— Это все мафиозные штучки? — спросил я напрямик. — Вообще-то меня на этой неделе уже достаточно число раз догола раздевали и обыскивали.

— Нет-нет, — сказал он, — это просто один мой приятель. Его сыну должно тринадцать стукнуть...

— Значит, дело в его когтях.

— Ага, — отозвался Томми, явно испытывая облегчение от того, что я его понял. — У пацана когти вышли. Будет большая пирушка в Палисадах. Прекрасный дом, роскошный вид на океан, уйма еды, тебе все до жути понравится.

— А кто хозяин?

— В смысле?

— Твой приятель, — сказал я. — У которого пацан, дом с видом на океан и все такое?

— А, ты про моего приятеля.

Томми явно уклонялся от ответа.

— Да, как его зовут?

— Фрэнк.

— А фамилия?

Томми немного виляет, потом старается ответить непринужденно.

— Фрэнк Талларико.

Смешок слетает с моих губ, прежде чем я успеваю их сжать.

— Мафиозный босс?

Из трубки почти слышно, как Томми пожимает плечами.

— Слушай, да брось ты. Он бизнесмен. Джинсы иммигрантам продает. А вообще-то неважно, чем он там занимается. Мне просто нужен кто-то знакомый, чтобы я знал, что хорошо пою, хоккей?

— Ты замечательно поешь, — солгал я. Пожалуй, в этот самый момент мне следовало сказать Томми правду, дать ему знать напрямик, что ничем больше свадебного певца он никогда не будет, но моя природа опять извлекла из меня самое лучшее, и наружу вылетело

вранье.

— Ты действительно так считаешь?

— Угу, — сказал я. — В тебе есть что-то особенное.

— Так ты пойдешь?

Я вздыхал, я мялся и телился, но в конце концов сдался — главным образом потому, что поход на это представление должен был избавить меня от следующего. Плюс к тому Томми мой старинный клиент, который всегда вовремя платил по счетам, а одним из моих основополагающих принципов является не отталкивать от себя человека, в кармане у которого всегда лежит готовая наличность.

И потом есть еще эти связи. Хитрое подмигивание, сразу двумя глазами.

Ленч был подан, когда на сцене устроили перерыв, и Томми притаскивается к моему столику как раз в тот момент, когда у меня во рту утка, посыпанная маленькими кусочками фенхеля. Я сумел соскрести с дичи почти всю траву и только потом положить ее к себе на тарелку. Затем мне пришлось в голову совсем содрать с утки кожу и съесть мясо, полностью свободное от трав. Скорее всего, эти мелкие приправы химически никак не изменили бы мое состояние, но в последнее время я стараюсь особенно крепко стоять на ногах и соблюдать строгий пост. Вот посидеть с исполненными благих побуждений бывшими гуляками в Уилшире, преодолевателями двенадцати шагов, это было бы классно.

— Ну как, Винни, развлекаешься? — спрашивает Томми, обнимая меня за плечи и подтягивая к себе свободный стул.

— Еще как, — лгу я. — А ты там... прямо как на параде...

— Что, нравится?

— Это нечто, — говорю я. — Это нечто, я тебе говорю.

Томми принимает это за комплимент и сияет в меня липовыми зубными протезами Осмонда.

— Может, чуть попозже я для тебя немного Билли Греко сбацаю.

Он знает, что в душе я завсегдатай салонов и гостиных.

— Брось, не напрягайся.

Снова улыбаясь, на сей раз еще шире, Томми наклоняется ко мне и резко понижает голос:

— Вот что, Винсент. Я рассчитываю, что в следующем перерыве ты мог бы со мной до дома пройти.

— Ты что, уже уходишь?

— Нет-нет. До этого дома. Сюда. Внутрь.

Я понятия не имею, что Томми Трубадуру от меня нужно, однако его приглушенного тона вполне достаточно, что перед моим мысленным оком тут же возник большой и яркий предупреждающий знак.

— Вечеринка здесь, Томми. Какой нам смысл по дому шататься?

— Мы приглашены.

— Кто «мы»?

— Мы с тобой, дружище. — Томми поднимает глаза, проводит ими по широкому, просторному газону и наконец сосредоточивается на одном из столиков ближе к сцене. — Мистер Талларико хочет с нами поговорить.

Мистер Талларико. Вот класс.

— Уверен, у него сегодня достаточно дел. У сына когти выходят, и все в таком духе...

— Он нас пригласил, — перебивает Томми. — Тебя — в особенности.

— Меня, значит?

— Тебя.

— Еще до дня рождения?

Томми так сразу не отвечает. Он снова пытается сверкнуть мне в глаза зубами, а моргает при этом так, словно ему под веко кусочек грязи попал.

— Послушай, Томми, — говорю я ему, — ты так прекрасных дам обрабатывай. А на

меня твой выпендрейж не действует. Ответь мне на вопрос. Ты звонишь и приволакиваешь меня на этот день рождения, чтобы твой мафиозный приятель мог со мной «поговорить»?

— Брось, Винсент...

— Нет, Томми, без обиняков.

Он опускает голову.

— Да.

И теперь уже слишком поздно что-то с этим поделаться. Я в гостях у этого человека, я ем его угощение. Я, черт побери, на его стуле сижу. И его посредственный оркестр слушаю. Так что теперь, дабы избежать неуважения — а каждый, кто с мое погулял по всяким разным местам, знает, что проявить к этому народу неуважение гораздо хуже, чем присесть на его призовые азалии, — я должен этого человека выслушать.

— Большое тебе, Томми, спасибо, — говорю я. — Ты наверняка знаешь, что связаться с мафиозным бизнесом я всю жизнь мечтал.

Но Томми уже встал со стула, и оркестр заводит вступление, дожидаясь его прибытия на сцену.

— Не беспокойся, — заверяет он меня, похлопывая по спине, как будто я дошкольник, которого можно утешить ласковым словом и сладким леденцом. — Уверен, там ничего такого. Мы просто поговорим, посмеемся. Все будет хоккей.

И вот Томми уже снова на сцене, кланяется воображаемым аплодисментам, ноги его работают в такт с громоханием ударных. Размахивая микрофонной стойкой точно копьем, он заводит свою версию «По всему свету» Билли Греко.

Как будто это все возмещает.

Я отвлекаюсь от представления и сосредоточиваюсь на сидящем невдалеке от сцены мистере Талларико. Ноги скрещены, руки сложены на коленях. Глазеет на сцену с вялым интересом, в полусне, как будто Томми читает там лекцию по астрофизике. Выражение лица мистера Талларико за все дневные торжества ни разу не изменилось, хотя мне показалось, что я уловил в уголках его точеного рта намек на улыбку, когда его пацан благодарил толпу за приход. Остальная часть лица — первоклассный родовой товар, хотя совершенно ясно, что с этой личиной кто-то на черном рынке очень серьезно поработал. Никто из крупных производителей таких высоких скул мужчинам не делает. Мне следовало зайти в музей восковых фигур и справиться там у Джулса, кто же все-таки заключил контракт с мафией. Мог бы выйти неплохой бизнес. В основном наличные, полагаю.

Я не слишком много знаю о динозаврской мафии Лос-Анджелеса. И знать не хочу. И никогда не хотел. Эрни всегда говорил, что лучшими частными сыщиками всегда были те, кто в точности знал, что и когда им необходимо знать, а на следующий же день с готовностью все это забывал. «Селективная амнезия» — так Эрни это правило называл, я пытался его соблюдать. Оно не всегда помогает. Эрни оно точно не помогло.

Но того, что я все-таки про динозаврскую мафию знаю, вполне достаточно, чтобы надеяться на краткость сегодняшней встречи с Талларико. Диносы уже заставили все человеческие мафиозные коалиции — итальянцев, азиатов, латиносов — выглядеть не серьезнее школьных кружков кройки и шитья. Резня идет непрерывно; циклическая месть твердо вошла в существующий порядок вещей.

А последнее, что мне припоминается про Фрэнка Талларико, это не совсем то, что обычно пишут в университетских стенгазетах. После долгих лет тяжелого и напряженного труда власти наконец-то выдвинули против него семь пунктов обвинения по законам местного Совета и еще два по федеральным законам за тяжкое убийство. Плюс еще тридцать девять за старое доброе уклонение от налогов — их любимый торт, который они в итоге вlepили в физиономию Аль Капоне. И все это чертовски толстое досье уже лежало в министерстве юстиции.

Судя по всему, федералы имели в организации Талларико осведомителя по имени Генри Тропп, простого солдата мафии, который готов был продать Фрэнка и его банду всего лишь за неприкосновенность и вписку в программу охраны свидетелей. Было достаточно

хорошо известно, что этот самый Генри обладал дурным нравом, а главное, не имел головы на плечах. Когда полиция нашла его труп на берегу сухого ручья, маскирующегося под Лос-Анджелес-Ривер, выяснилось, что головы у него на плечах действительно не было, хотя руки, ноги и туловище были на месте. Таков был конец Генри Троппа.

В двух милях оттуда, в какой-то канаве, полиция также нашла старую коробку из-под ботинок, а в ней — коричневый бумажный пакет. В пакете лежал нос Генри Троппа — причем как фальшивый, модели Эриксона, так и настоящее зеленое рыло. Никто за пределами организации смысла так и не понял, но все знали достаточно о Талларико и его коллегам, чтобы понимать: это непременно должно что-нибудь значить.

И все — больше никаких обвинений. Все сорок восемь пунктов, выдвинутые как центральным правительством, так и местным Советом, были сняты на следующий же день. Нет свидетеля — нет и преступлений.

Посему я всерьез надеюсь на недолгую встречу с Фрэнком Талларико — типа «как поживаете — рад познакомиться — прошу прощения, должен бежать». У меня нет ни малейшего желания ввязываться в мафиозные аферы. Моя голова в особенности крепко сидит у меня на плечах.

— У вас для меня конверт?

Писклявый голос у меня за спиной спрашивает тоном того, кто рожден для привилегий. Он уже знает ответ. Или, по крайней мере, думает, что знает.

— Мои поздравления, — говорю я сыну Талларико. — Должно быть, ты сегодня очень счастлив.

— Конечно, — без особого энтузиазма отвечает он. — Ну так что, есть у вас конверт?

В нагрудном кармане парнишки четко различается комочек мятой бумаги. Там скатана уйма чеков и купюр, и я понимаю его ожидания. Но у меня нет для него денег: приглашение поступило в последнюю минуту, и у меня не нашлось времени забежать в банк. Хотя даже если бы я успел завернуть к автоматизированному кассиру, вряд ли он выдал бы мне какую-либо наличность. Впрочем, теперь я уже на месте, и последнее, чего мне здесь хочется, это нешуточно огорчить сынишку Талларико в его торжественный день.

— Могу я взглянуть на твои когти? — спрашиваю я, желая потянуть резину.

Мальчуган вздыхает и стягивает с правой руки перчатку, быстро и ловко работая с пуговицами. Вскоре в поле зрения появляется зеленая шкура.

— Я весь день это делаю, — жалуется он. — Все хотят их увидеть.

Легкое напряжение появляется на лице у парнишки, пока он работает с мышцами. Наконец кончики его черных когтей, подрагивая, высовываются из щелей, над каждым скользят похожие на дранку чешуйки, прикрывающие само отверстие. Не могу в точности вспомнить, как выглядели мои когти, когда мне стукнуло тринадцать, но они как пить дать были побольше. С другой стороны, я ранний. Пацаны из рода Рубио всегда рано развиваются.

— Отличные когти, — говорю я. — С девчонками у тебя никаких проблем не будет.

— Так что же... конверт? — спрашивает мальчуган, снова застегивая перчатку.

— Тут ты прямо в точку попал.

— Послушайте, — говорит сын Талларико, — если у вас нет конверта, просто скажите, что его нет, и я дальше всем этим займусь. У меня еще десять столов и уйма богатых родичей.

Парнишка весьма откровенен. Мне это нравится. Он также слегка нагловат.

— А кредитные карточки ты берешь?

Молодой мистер Талларико оглядывает меня с головы до ног. В его лице есть что-то отцовское — судя по всему, они заказывают свои личины у одного и того же производителя.

— А мы вообще-то знакомы?

— Я друг вон того певца, — представляюсь я. — Меня зовут Винсент Рубио. Я частный сыщик.

— Ну и дела, — говорит парнишка, затем повторяет: — Ну и дела. — Он улыбается и

от этого становится куда симпатичнее. — Тогда, пожалуй, это я должен вам деньги давать.

Не следует бить ребенка. Следует держать себя в руках.

Минут через двадцать Томми заканчивает очередной набор всевозможного свинга и спрыгивает со сцены, вытирая со лба обильный пот. У него на этой личине установлена кожа «порогон». Согласно рекламе, это патентованная осмотическая система, позволяющая влаге просачиваться наружу. Лично я никогда не чувствовал в ней необходимости. Правда, я много лет тому назад свалил дурака и купился на человеческую рекламу средств от потливости. Чтобы средство пробралось под чешуйки, требуется четыре нормальных дозы, но, насколько я знаю, антиперспиранты млекопитающих достаточно сильны для диносов. Даже дамские.

— Пойдем в дом, — предлагает Томми.

— Только совсем ненадолго, — говорю я ему. — У меня сегодня вечером еще работа.

— Ненадолго. — заверяет Томми. — Мистер Талларико очень деловой человек.

Я вспоминаю Генри Троппа, его отсутствующую голову, его зеленое рыло, гниющее внутри коричневого бумажного пакета.

— Ручаюсь, что деловой.

Я бы не поколебался назвать главный дом особняком, но здесь, в самой роскошной части Тихоокеанских Палисадов, где жилища кинозвезд и разнообразного начальства липнут к холмам, точно морские моллюски к днищу корабля, решительно все на площади менее пяти тысяч квадратных футов фактически считается жалкой лачугой. Тут тебе неимоверный Тюдор, основа современного южнокалифорнийского дизайна, главным принципом которого, похоже, является: «Плевать на вкус, просто сделай побольше».

Томми явно знает дорогу по дому и проводит меня по целому ряду коридоров и лестниц, пока мы не достигаем конца длинного прохода. Пара застекленных створчатых дверей с выгравированным на стеклах абстрактным узором открывается в солярий. Стены из одних окон пропускают солидный объем июльского солнца. Деревца и растения очерчивают дорожку из каменных плит, ветви свисают низко, и листья скребут меня по макушке.

Фрэнк Талларико сидит в плетеном кресле у дальней стены солярия, ноги его скрещены в непринужденной, но деловой манере, пошитый точно по мерке костюм облекает его длинное, стройное тело. Занимается он тем, что один за другим швыряет апельсины в свой широкий, толстогубый рот, даже не заботясь очистить кожуру, после чего мгновенно жует их и проглатывает.

В самом конце дорожки стоит пара пальм. Когда я там прохожу, то чую еще чье-то присутствие. И действительно — два телохранителя Талларико стоят неподалеку, их грузные тела лишь самую малость маскируются стволами деревьев.

— Здравствуйте, мистер Рубио, — говорит мистер Талларико. Голос у него ровный, совсем незатейливый. Я ожидал чего-то в манере Марлона Брандо — моя кинематографическая подкованность снова меня одурачила.

— Здравствуйте, мистер Талларико, — начинаю я, не особенно уверенный в том, как мне себя вести. Может, мне следует к его кольцу приложиться? Черт, но у него на пальцах вообще никаких колец нет. Я должен выказывать уважение? Играть крутого? А почему он кошку не гладит? Подобных вещей почему-то никогда не растолковывают, когда ты отправляешься лицензию частного сыщика получать. — Какая скромная у вас вечеринка.

Талларико улыбается, и эта улыбка кажется искренней. Неплохое начало.

— Это все моя жена, — говорит он, пренебрежительно махая рукой и словно бы отбрасывая этот вопрос в сторону. — Она все больше и больше подобными вещами увлекается. У одного из одноклассников моего сына когти вышли год назад, и его семья закатила вечеринку в «Четырех сезонах». Они сняли весь отель на целую ночь, все танцзалы, рестораны, прочую ерунду. В каждом зале играл свой оркестр, на каждом этаже была своя тема.

— Как же это... излишне.

— У нас с вами, мистер Рубио, у мужчин, есть свои состязания — наш бизнес, наши спортивные события, — но женщины... им бы все поярче да поэффектнее.

— Безусловно. Да, полагаю, именно так. — Что-то мы не очень быстро продвигаемся. Запах у Талларико сильный, густой — крепкая смесь дегтя и патоки. — Вы хотели меня видеть?

— Прошу вас, — говорит он, щелкая пальцами. Один из телохранителей тут же спешит ко мне с таким же плетеным креслом, как у Талларико, только поменьше. — Садитесь.

Я опускаю свой зад на сиденье и озираюсь в поисках еще одного кресла для Томми. Талларико подмечает мой взгляд.

— Томми не садится, — кратко сообщает он мне. — Томми может постоять. Правда, Томми? Ведь можешь?

— Так точно, мистер Талларико, — следует стремительный ответ. — Мне здесь так хорошо, просто прекрасно. Обожаю стоять. Для ног очень полезно.

Еще один щелчок пальцами, и второй телохранитель уже у меня под боком с черной лакированной шкатулкой в руках. Он поднимает крышку, и прежде чем я могу туда заглянуть, я уже чую выплывающий изнутри аромат. Этот запах стремительно проносится по моему носу и резко ударяет по какой-то забытой части моего мозга.

— Базилик, — выдыхаю я, стараясь держать себя в руках и крепко сжимая зубы. Язык надежно заперт у меня во рту. Теперь они прямо передо мной — эти прелестные, прелестные, прелестные листики на мягком черном бархате — в каком-то фуге от моего лица, моих губ, моих зубов, моего желудка...

— Прошу вас, угощайтесь, — говорит Талларико. — Мы его на своем участке выращиваем, здесь, сразу за домом.

— Нет, — невесть как ухитряюсь сказать я, — спасибо.

Талларико театрально поднимает брови, демонстрируя решительно человеческий элемент мимики, который очень многие из нас с годами подхватили.

— Нет?

Я делаю глубокий вдох, закрываю глаза и признаюсь в том, в чем я почти весь последний год признавался на групповых собраниях и семинарах, в погребках и кофейнях, в ратушах и клубах деловых людей.

— Я гербаголик.

Талларико кивает, и шкатулка вдруг оказывается закрыта, но я, хоть убей, не могу вспомнить, зачем я попросил ее убрать.

К чести Талларико, он не пытается извиняться, объясняться или копать в моей личной жизни, задавая неискренние вопросы на предмет моего воздержания. Он просто кивает и снова машет рукой, отбрасывая эту тему как несущественную для нашего разговора. Мне нравится этот жест, и я решаю ввести его в свой репертуар.

— Вечеринка еще в самом разгаре, — говорит Талларико, закидывая себе в пасть еще один сочный апельсин и почти не задерживаясь, чтобы его прожевать, глотая целиком, — а мои жена и сын были настолько добры, что позволили мне сегодня заняться бизнесом. Итак, чтобы не тратить время зря, я буду краток. Томми говорит мне, что вы детектив с определенной репутацией, лицензированный частный сыщик, работающий здесь, в Лос-Анджелесе.

— Это правда. — Моя лицензия, отмененная на краткий период моего бездействия после смерти Эрни, была уже довольно давно возобновлена. Если у кого-то есть вопросы, могу документы показать.

— И он также говорит мне, что вы очень хорошо делаете свою работу, что вы знаете нужных людей и нужные места, а также умеете заводить новые связи.

Я пожимаю плечами, пытаюсь махнуть рукой. Получается жест недотепистого кукловода, но суть все равно ясна.

— Это входит в мою работу.

— Да, действительно. — Талларико складывает ладони под подбородком, прижимая указательные пальцы к запавшим щекам. — Он также говорит, что вам свойственна преданность.

— К моим друзьям.

— А к вашим клиентам?

— Пока они платят по счетам, они заслуживают моей преданности.

Талларико позволяет себе легкую усмешку. Его правая щека лишь самую малость подтягивается к главному яблоку, но этого вполне достаточно, чтобы сказать мне о том, что он вполне удовлетворен.

— Мистер Рубио, — говорит он, — вы малый очень неглупый, и я могу это видеть. Для нас обоих было бы достаточно нелепо притворяться, будто вы ничего не ведаете о моих деловых связях.

Я аккуратно выстраиваю свой отклик, делая особый упор на краткость. Пока ты сидишь напротив Фрэнка Талларико, это не лучшее время для опробования нового словаря.

— Пожалуй, я знаю, чем вы зарабатываете себе на жизнь.

— Тогда, просто на всякий случай, если вы недостаточно точно об этом знаете, — говорит Талларико, подаваясь вперед, — давайте прямо сейчас все проясним. Я руковожу криминальным синдикатом здесь, в Лос-Анджелесе, организацией солидного масштаба, составленной исключительно из велоцирапторов и работающей на общую цель накопления власти и богатства для нашей семьи. Я говорю вам об этом без малейшего страха репрессалий по множеству причин. Во-первых, мои эксперты по безопасности, которые весь день за вами следили, сообщили мне, что жучка на вас нет. Во-вторых, я так понимаю, что в вашем уникальном прошлом есть нечто, заставляющее вас ценить осмотрительность по достоинству. И самое главное, в-третьих, вы разумный человек, прекрасно знающий, как соединить точку А с точкой Б. Вы слышали обо мне самые разные истории и способны отличить правду от вымысла. И, вне всякого сомнения, вы также способны предвидеть то, что с вами случится, если вы расскажете кому-то о нашем сегодняшнем разговоре. Мне, мистер Рубио, представляется, что я выразился даже слишком ясно.

— Вы блестяще выразились.

— Вот и хорошо. А теперь перейдем к моему предложению. Мне нужно, чтобы вы кое за кем проследили.

— Проследил?

Талларико ерзает в кресле, откидывается на плетеную спинку. Еще один спелый апельсин исчезает в его глотке, и теперь я тоже начинаю испытывать цитрусовое голодание.

— На первый взгляд, это звучит просто, не так ли? И в определенном смысле так оно и есть. Вы должны соблюдать конфиденциальность, но я полагаю, подобные задания вполне в духе вашей профессии. Дело в том, что мой младший брат, Эдди, руководит семьей велоцирапторов Майами. По сути, руководит уже довольно давно, и он проделал там славную работенку. В детстве он был вроде как недотепа, но теперь у него есть голова на плечах, и я рад видеть, что он хорошо справляется. — Талларико делает паузу, облизывая фальшивые губы. — Вы там бывали?

— Где? — спрашиваю я. — В Майами?

— В Майами, в Форт-Лодердейле — в общем, в Южной Флориде.

— Один раз, — признаю я. — Я часа три в аэропорту Тампы проторчал.

— Тампа — совсем другая история. Тампа — это просто лягушатник. Настоящие дела проворачиваются там, в самом сердце Майами... Это как Третий мир. Развивающееся государство. Тамошние парни... они думают, что их действия проходят незамеченными. А потому для Эдди, чтобы жить и работать в подобной среде... В общем, мы помогаем друг другу, мы с Эдди, не только потому что мы братья, но и потому что мы работаем на одну и ту же семью, невзирая на расстояние. Организация рапторов — это организация рапторов, и я уверен, что вы это понимаете. Хотя наша семья удерживает преобладание в данной сфере, мы, к сожалению, не единственное казино в городке. Контингент триков в последнее время сидел у нас на хвосте заодно с трансплантированной бригадой стегозавров из Чикаго. Но это мелкие заботы, с которыми несложно разобраться в свое время и в подобающем для этого месте. Другое дело, что нам доставляет массу неприятностей бригада гадрозавров, активно

вторгающаяся в наше жизненное пространство. Это сильная семья. Постоянно растущая. Обычно мы общались с такими по принципу «живи и дай жить другим». Признаюсь, именно так я предпочитаю ко всему этому относиться. Пирог большой, и свой кусочек получит каждый. В этом плане я организовал с бригадой гадрозавров несколько общих предприятий в надежде, что мы сможем работать вместе, а не сталкиваться лбами, как было раньше.

— Я по-прежнему не очень понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, мистер Талларико. — Тут я вижу, как Томми, стоящий за спиной у мафиозного босса, делает мне отчаянные жесты — мол, подожди, послушай.

— Подготовка, мистер Рубио, подготовка. Мне нравится, когда нанятые мною люди входят в дело заблаговременно предупрежденными и вооруженными. Итак, эта группировка гадрозавров отправила в Лос-Анджелес своего представителя, чтобы проверить кое-какой бизнес вместе с нашей семьей. Выбранного ими парня зовут Нелли Хагстрем. Это вам ни о чем не говорит?

Я качаю головой:

— А что, должно?

Талларико пожимает плечами:

— Он владеет кое-какими ночными клубами в Саут-Биче. Любит азартного игрока из себя строить. Отдел светской хроники — такого рода дела. Подобное привлечение к себе внимания, на мой взгляд, не идет на пользу организации, но это их семья, и если они хотят играть так, то бога ради. Все вышесказанное означает, что мне по-прежнему нужно вести с ними бизнес, и с Нелли в особенности. Он прилетит сюда на пару недель, однако я подозреваю, что в этот его визит на Западное Побережье мой дом станет не единственной его остановкой. Мне необходимо знать, куда он ходит, с кем видится и, если возможно, о чем разговаривает. Вот зачем вы сегодня здесь. Вот почему я попросил о встрече с вами.

Я прикидываю, что вполне можно выразиться совсем откровенно — просто для гарантии, что я на верном пути.

— Итак, вы хотите, чтобы я сел на хвост крупному дельцу из враждебной мафиозной семьи.

— Разве я сказал «враждебной»? Кто в данном случае враги? Это всего лишь бизнес — вполне примитивный. Все, что мне нужно, это сведения. Уверен, подобного рода работой вы постоянно занимаетесь.

Мне приходится это признать.

— Но обычно это бывают мужья, подозревающие своих жен в супружеской неверности, или страховые компании, проверяющие подозрительные заявки.

— Значит, вы расширите свой горизонт.

— А почему бы вам не поручить одному из ваших людей этим заняться? — предлагаю я. — Уверен, они на это способны.

— Несомненно. Однако я не могу идти на такой риск. Хагстрем может кого-то из них засечь. У него не возникнет ко мне доверия в делах нашего бизнеса, если он узнает, что я приставил к нему хвоста. Нет, мне нужен человек извне, но тот, кому бы я смог доверять. Вы, мистер Рубио, кажетесь мне именно таким человеком.

Я пытаюсь найти выход, но вариантов становится все меньше и меньше.

— Я очень дорого стою.

— А я очень богат.

— У меня куча дел.

— Которые вы можете с легкостью перепоручить другим. — С фацией балетного танцора мистер Талларико поднимается из глубокого плетеного кресла и возвышается надо мной, не сводя с меня пристальных глаз. — За небольшие проблемы, связанные со слежкой за этим самым Хагстром в течение следующих двух недель, я с радостью заплачу вам двадцать тысяч долларов наличными.

— Двадцать тысяч, — повторяю я, и мой рот мгновенно наполняется незримыми пачками буро-зеленой бумаги, сильно затрудняя речь. — Наличными.

— Или, если желаете, эквивалентным объемом товаров. Вы предпочитаете автомобиль? Или ювелирные изделия?

— Нет-нет... — с запинкой отзываюсь я, пока роскошная цепочка нулей застревает у меня в глотке. — Наличные вполне подойдут.

— Итак, вы безусловно понимаете, что Хагстрем и его коллеги не должны вас засечь, а если они все-таки это сделают, вы никогда и ни при каких условиях не должны разглашать информацию о вашей связи со мной. Это ясно?

— Мистер Талларико, — приступаю я к своей последней, слабой попытке выпутаться, — я не могу...

— Прошу тебя, Винсент, — настаивает он, — зови меня Фрэнк...

Тут все и заканчивается. Теперь я фактически на ты с мафиозным боссом велоцирапторов Лос-Анджелеса. Сомневаюсь, что это противоречит какому-либо из двенадцати шагов моей реабилитационной программы, но, с другой стороны, не могу себе представить, чтобы на что-то подобное благосклонно посмотрели на следующем собрании типа «пунш и печенье».

Дальше я получаю информацию о том, где мне найти Нелли Хагстрема, когда он прибудет в Лос-Анджелес, — время его прилета в международный аэропорт и номер рейса, отель, где он остановится, — а также инструкции отчитываться перед мистером Талларико — перед Фрэнком — не реже, чем через каждые двое суток. Прежде чем я успеваю толком все осмыслить, мы с Томми уже жмем Фрэнку руку и выходим из солярия, а один из телохранителей идет следом за нами. Как только двери закрываются, здоровенный малый подходит ко мне, протягивая толстый бархатный саквояжик.

— А это, должно быть...

— Оплата.

Двадцать тысяч долларов, двадцать пачек по десять сто долларовых купюр, и каждая пачка аккуратно перевязана зеленой банковской лентой. Частишка меня хочет бросить саквояжик на землю и побежать прочь; другая частишка желает немедленно пойти в универмаг и купить новую стереосистему. А один совсем малюсенький клочок моего мозга громко пищит: «Наплюй на все! Теперь самая пора пойти и базиликом закинуться!» Томми выводит меня из дома, и только уже снаружи, в нескольких ярдах от массивных дубовых дверей, вся тяжесть случившегося наконец на меня оседает.

— Итак, теперь я на мафию работаю, — объявляю я, пробуя эти слова на вкус, пока они вырываются на открытый воздух. — Это классно, Томми. Просто атас.

— Брось, не расстраивайся, — говорит Томми. — Все на нее работают.

3

Контора «Расследования Винсента Рубио», прежде контора «Расследования Ватсона и Рубио», в последнее время претерпела разительные перемены. Минский, пронырливый местный хозяйчик, который сдает мне помещение в офисном здании Вествуда, в результате расследований Совета был обвинен в мелких шалостях с представителями других видов, а когда я оказался достаточно умен, чтобы защитить мелкого хорька перед местным Советом Южной Калифорнии, он дал мне поблажку на предмет ежемесячной выплаты. В результате у меня оказались дополнительные средства для обновления мебели. Понятное дело, когда ты начинаешь всего-навсего со стола и стула, даже малейшее улучшение достойно идти отдельным номером в телешоу про обустройство своей квартиры и офиса.

Так что теперь у меня есть диван, дубовый стол, несколько картин, кофейный столик и все те вещи, которые у меня имелись, когда мы были здесь на пару с Эрни, — все те вещи, которые я потерял, когда мы были здесь на пару с базиликом. Лампа, к примеру. С абажуром.

Мои друзья в «Анонимных гербаголиках» уговорили меня также посетить несколько собраний «Анонимных должников», хотя я упорно твердил, что знаю, как жить на свои

средства. Тогда мне сунули под нос мое банкротство, вещи, изъятые у меня за неплатежи, мой постоянно пустой банковский счет. Я объяснил, что у меня действительно в последнее время возникали некоторые проблемы с бизнесом, но что ситуация уже нормализовалась. Тогда мне сунули под нос мои объемистые счета по кредитным карточкам, уже догребавшие до 21 процента. Я обвинил в этом расплывчатые законы Южной Калифорнии о ростовщичестве. Тогда мне сунули под нос полное отсутствие у меня какой-либо программы капиталовложений или чего-то хоть отдаленно похожего на здравый смысл в отношении покупательских привычек вкупе с моей склонностью очертя голову бросаться в ближайший дорогой универмаг и хватать там все что ни попадя. На это у меня особого ответа не нашлось — я лишь свернулся на диване в позу эмбриона и принялся тихонько мяукать. Вот что эти ублюдки делают — ломают тебя, пока природные средства защиты не призовут тебя взять тайм-аут и под свист трибун ухромать с площадки. Таков первый шаг.

Хотя на самом деле первый шаг заключается в признании того, что я бессилен против трав, что моя жизнь становится неуправляемой. Там и тогда — резкий бросок сверху — точно в кольцо. Мое повседневное существование достигло такой стадии, когда любой спец по научной организации труда, который хоть чего-нибудь стоит, лишь один-единственный раз оглянулся бы вокруг себя и мгновенно прекратил работу. Так что мне несложно было перейти к шагам второму и третьему, которые заключаются в том, чтобы признать наличие высшей силы (имеется в виду Бог, а не мафия), после чего подчинить свою жизнь Его воле. Дальше последовал примерно месяц некоторых затруднений. Дело в том, что для любого диноса, даже для самого фанатичного члена АГ, признать наличие высшей силы — задача не из легких. В рептильной компании редко встречаются трясуны. Однако мой поручитель — питчер «Лос-Анджелес Доджерс», который каждую неделю щедро снабжает меня бесплатными билетами на стадион — помог мне пройти эти шаги, предложив, чтобы я повнимательнее взглянул на реальные слова документа. Полностью шаг третий гласит: «Мы выбираем препоручить нашу волю и нашу жизнь заботе Бога, *как мы Его понимаем*». Это значит, что пока я понимаю Бога как улыбку ребенка, доброе слово от незнакомца и тому подобную чепуху, я вполне могу продолжать дальше в том же духе, и спасибо большое за важную информацию.

Шаг номер четыре: «Проведи тщательное исследование и бесстрашную моральную инвентаризацию самого себя».

Вот тут я малость подзастрял. Бесстрашие — нет проблем. Я готов встретиться лицом к лицу с любыми демонами, тающимися в глубинах моего подсознания, и отбиться от них любыми средствами, которые окажутся необходимыми. Проблема у меня возникла по части исследования и инвентаризации. Я просто не знаю, есть ли у меня столько энергии. Для меня исследование и инвентаризация самого себя кажется чертовским объемом работы, и неподготовленным я в такой геморрой влезать не хочу.

Временная задержка на шаге четвертом также уберегает меня от продвижения к шагу пятому и всем остальным — пусть даже поручитель говорит мне, что я вовсе не должен делать их все строго по порядку. Я твердый приверженец правил (которые мне подходят), и здесь я выбираю вытащить на свет психастеническую сторону моей натуры. Я закончу четвертый шаг, а до тех пор дальше не двинусь. Думаю, когда вся эта возня с Талларико закончится, я как раз за него возьмусь. Уверен, он никуда не денется и сможет подождать.

Несмотря на сомнения на предмет принятия дела от мафиозного босса Лос-Анджелеса, выданные вперед двадцать кусков очень мнегодились. Частью моего соглашения с «Анонимными должниками» (АД) явилась составленная мною программа капиталовложений, где мои потребности идут на первом месте, моя платежеспособность на втором, и этот порядок я как могу стараюсь соблюдать. Поначалу меня здесь, правда, ожидал крупный провал. Возникли неожиданные покупки, и я мало что мог с этим поделать. К примеру, Нордстрем вдруг взялся распродавать у себя в отделе мужской одежды костюмы от Армани с 25 % скидкой, и я абсолютно уверен — все в АД согласится, что подобное событие следует квалифицировать как безусловное исключение.

С другой стороны, я старался оставаться на хорошей ноге со всеми моими кредиторами и выплачивать как можно большую часть моего солидного долга, сколько бы наличных ко мне ни приплывало. А потому я испытал колоссальное облегчение, когда позвонил компаниям кредитных карточек, торговцам мебелью, в различные универмаги и охотно передал солидную часть тех 20 000 баксов ее новым полноправным владельцам, оставляя себе славные четыре куска на рабочие и личные расходы.

Талларико был нрав — я с легкостью сумел спихнуть все остальные свои заморочки сыщикам из «Правды-Матки», где хозяйничает мистер Тейтельбаум и которая направляет мне массу дел. Другие работники агентства были более чем счастливы принять задания и выплатить мне 10 процентов комиссионных. Сатерленда, в частности, просто осчастливила перспектива взять на себя слежку в Инглвуде. Поскольку Сатерленд женат на сестре Тейтельбаума, он в последнее время постоянно высказывает желание на максимально продолжительные периоды времени выбираться из дома.

Так что у меня выходит легкая двадцатиминутная поездка до международного аэропорта Лос-Анджелеса по едва ли не пустынной автостраде, славные минут пятьдесят — и так все остальные без малого двадцать три часа в сутки. Согласно информации, переданной мне Талларико, Нелли Хагстрем прибывает рейсом дельта-782 из Форт-Лодердейла. Я располагаю маловразумительной фотографией, где этот парень скорее похож на помесь инопланетянина со снежным человеком, весьма общим описанием, а также инструкцией сидеть на хвосте у этого гадрозавра до его отеля и дальше.

Я прибываю на место за несколько минут до приземления самолета и приятно провожу время, сидя на одном из неудобных и жестких стульев, а также притворяясь, будто читаю утренний номер «Таймс». На мне бейсбольная кепочка и темный костюм — ничего такого, что могло бы выделить меня из тысяч других путешественников, прибывших сегодня утром в аэропорт. Бейсбольные кепочки и темные костюмы для Лос-Анджелеса примерно то же самое, что тоги для древних греков. Тебе совсем не обязательно их носить, но если ты их не носишь, то бросаешься в глаза как сотрудник отдела по борьбе с наркотиками на концерте The Grateful Dead. Надеюсь, Нелли Хагстрем меня не приметит — понятное дело, если я сам смогу его приметить.

Впрочем, в ту самую секунду, как я вижу это высокое, мускулистое тело на взлетно-посадочной полосе, эту мрачно-самоуверенную физиономию, пока Хагстрем проталкивается мимо более медлительных пассажиров, этот превосходный костюм, натянутый на мощный каркас, я понимаю, что никакой фотографии мне уже не требуется. Я следую за гангстером до багажной «карусели», где шофер лимузина выскакивает, чтобы помочь ему с чемоданами. Не иначе как Прада, из новой коллекции. Водитель затаскивает тяжелую поклажу на тележку и быстро катит ее к выходу. Хагстрем от него не отстает, двигаясь с плавной легкостью. Он явно бывал здесь раньше и точно знает, куда едет.

К счастью, я тоже знаю. Хагстрем останавливается в «Регент-Бeverли-Уилшире», лучше известном жителям других городов и стран как тот самый отель, где Джулия Роберте и Ричард Гир снимались в «Красотке». Один мой знакомый агент по имени Брайан заверил меня, что Джулия Роберте — стегозавр, хотя, глядя на ее гибкое тело, в это трудно поверить. Согласно Брайану, все до единого в Голливуде динозавры, однако их биографы держат это в секрете, выдавая вполне правдоподобные на вид истории про их млекопитающих предков. И все же пасть Джулии с головой ее выдает, а потому, по крайней мере, в этом случае, я Брайану верю.

Хагстрем исчезает в отеле, а я паркую машину в боковой улочке неподалеку от автостоянки для постояльцев «Уилшира». Уладив свои долги с ребятами из агентства, я подобрал себе еще один «линкольн», и, хотя это подержанная модель, на несколько лет старше моего последнего «линкольна», она по-прежнему ходит так, что любо-дорого. Я заказал тонированные стекла — 2 процента сверх легального лимита (все верно, я живу на краю), — и этих стекол вполне хватает, чтобы надежно меня скрывать, когда мне это требуется.

Не прошло и десяти минут с тех пор, как он вошел в отель, а Нелли Хагстрем уже вышагивает из вращающихся дверей «Регент-Бeverли-Хилтона» и садится в лимузин. Я завожу мотор «линкольна» и вталкиваюсь в транспортный поток позади него, заботясь о том, чтобы нас разделяло несколько машин. Это нетрудно — через каждые десять футов какой-нибудь кретин меня подрезает. Интересно, когда с современных машин снимали сигналы поворота? Должно быть, в то же самое время, когда решили раздавать водительские права слепым.

Кстати, о водительских правах. Все лимузины Лос-Анджелеса получают свои разрешения путем сложного и высокотехнологичного процесса, известного как «выплата уймы бабок». В результате вышеупомянутого процесса каждому лимузину выдается специальный номер ТСР, который в целом обозначает то, что данный конкретный лимузин имеет право развозить народ по городу и подавать этому народу столько крепких напитков, сколько он захочет. Однако, преследуя машину Хагстрема, я не заметил там никакого номера ТСР. Это означает одно из трех...

Первое; номер попросту отвалился. Такой вариант почти невозможен, поскольку для присобачивания номера используется особый клей, такой зловредный, что он никуда не денется даже после того, как двадцатимегатонный ядерный взрыв обратит весь остальной мир в радиоактивные пары. Когда черный день наконец наступит и радиация плотно окутает планету Земля, автострады Лос-Анджелеса по-прежнему останутся загажены только тараканами и прямоугольничками с гордыми надписями: «МОЙ СЫН — ОТЛИЧНИК».

Второе: компания владельцев лимузина не имеет лицензии. Такой вариант возможен, но маловероятен. Штрафы очень солидны, и наказание выходит куда круче возможных выгод. Большинство просто глотает горькую пилюлю и платит взятки, после чего отыгрывается на своих клиентах.

И наконец, третье — вариант, на котором я настаиваю: это частный лимузин. И это значит, что Хагстрем уже пустил в ход свои связи здесь, в Лос-Анджелесе, поскольку Талларико и словом не обмолвился о том, что за этим парнем вышлют машину.

Несколько минут спустя я звоню по мобильнику в «Правду-Матку», и, после мелких заморочек с автоответчиком, мне удастся достучаться до Кэти, секретарши Тейтельбаума.

— Привет, это Винсент.

Кэти — мелкое млекопитающее мышиноного облика, чертовски ровное и холодное почти со всеми, кто входит в дверь. Но когда Кэти слышит по телефону мой голос, ей невесть как удастся заморозиться еще на градус-другой.

— Его нет.

— Я звоню не мистеру Тейтельбауму, — говорю я ей. — Сатерленд там?

— Я не телефонистка...

— Я знаю, но она вышла...

— Подождите.

Дожидаюсь Сатерленда, я кручу ручку радиоприемника. Большинство станций, на которые я напарываюсь, вещают на испанском, и хотя я не прочь послушать самую малость сальсы, болтовню латиносов по радио я с некоторых пор выносить решительно неспособен. Дело здесь не только в том, что я не понимаю слов, — меня тревожит, что они говорят обо мне.

— Вперед. — Голос на том конце линии. Простофиля Сатерленд.

— Вперед? Почему «вперед»? Почему не «назад»?

— А, Винсент, рад слышать. Не знаю. Я просто пробую разные варианты. Тебе не нравится?

— Послушай, Сатерленд. — Я вздыхаю. — Мне нужно, чтобы ты проверил один номерной знак. — Я отчеканиваю цифры и буквы, объясняю, что именно мне от него нужно, причем до самой последней детали, потому что Сатерленду ни в коем случае нельзя позволять думать самому. Когда это в последний раз произошло, я заполучил кусок ржаного хлеба из непросеянной муки вместо нормального, и весь мой бутерброд оказался

непоправимо загублен. Не могу поверить, что Сатерленд — вице-президент «Правды-Матки», а все потому, что он женился на сестре своего начальника. Похоже, я все эти годы не с теми, с кем надо, спал.

— Нет проблем. Кстати, еще раз спасибо за то задание в Инглвуде...

— Вот что, Сатерленд, — перебиваю я. — Номерной знак. Живо. Прямо сейчас.

Слышно, как он что-то недовольно фырчит, затем по линолеуму «Правды-Матки» шаркают его тяжелые ботинки. Стук пальцев по клавиатуре — очень рад, что он знает, как обращаться с компьютером, по крайней мере на поверхностном уровне. Проходит еще какое-то время, и Сатерленд снова на линии.

— Не могу найти, — говорит он.

— Ты правильно все напечатал?

— Да нет, я не об этом. Я программу не могу найти. Знаешь, у нас тут эта новая компьютерная система.

Эту новую компьютерную систему они три года тому назад получили. Громадным достижением Сатерленда стало то, что он за это время выучился «грузиться», как он сам это называет. Так что я беру недоумка за киберруку, шаг за шагом инструктируя его, как проверить номерной знак в системном реестре управления автомобильным транспортом, и довольно скоро он уже получает нужную мне информацию.

— Он зарегистрирован в бизнесе, — говорит Сатерленд, считывая данные с экрана. — «Дворец Удачи Инкорпорейтед». Могу попробовать найти тебе адрес...

— Спасибо, не надо, — отвечаю я. — Я знаю, где он находится. — И, прежде чем Сатерленд успевает вставить еще что-то бессодержательное, я тыкаю кнопку на мобильнике и отключаю питание.

«Дворец Удачи» — совершенно неподходящее название для картежного игорного дома в Норуолкском районе Лос-Анджелеса. Никаких игровых автоматов, никаких рулеточных колес — никаких «игр случая», как любят выражаться законодатели. Дозволяются только покер, очко и другие типичные «игры навыка». Немногим диносам из числа моих знакомых, которые туда ходили, удача ни в какую не светила. Кроме того, кто не отважился описать это заведение как дворец.

Впрочем, это вовсе не означает, что владельцы игорного дома не расстарались как только могли. Во «Дворце Удачи» имеется демонстрационный зал, где высвечиваются старые салонные номера — совсем как в больших казино Лас-Вегаса. И там предлагают буфет для безбожного зарывания денег — тоже совсем как в больших казино Лас-Вегаса. В этом буфете, в зависимости от твоего общего здоровья по части пищеварения, ты можешь либо получить пищевое отравление, либо его не получить. Коктейли там разносят официантки, чья одежда целиком пошита из скудного куска ткани, который какой-то портной выкинул за ненадобностью. Ковры «Дворца Удачи» буквально орут, чтобы ты или отвернулся от них, или ослеп. Еще там есть предельно смутные указатели выхода, а также вездесущие автоматизированные кассиры, а также...

Вот только всему этому недостает гламура, хвастовства, нарочитости. Когда ты в Вегасе, все твои земные заботы куда-то уходят, сменяясь восхитительным туманом излишества и безудержного потребления. А когда ты во «Дворце Удачи», ты только и думаешь, как бы у тебя машину не стырили.

Внутри «Дворец Удачи» — именно такой, каким я и ожидал его увидеть, только еще хуже. Игрных столиков там совсем не так много, а ковер отнюдь не такой густой, каким ему следует быть. Краска на стенках местами потрескалась, в мозаичном потолке зияют пустые квадратики.

— Вы играть или просто слоняться? — спрашивает у меня мышцатый охранник казино в тускло-серой униформе.

— А это имеет значение?

Парень кивает. Человек — никаких сомнений. От него так и несет мощным, дешевым одеколоном, и мне становится интересно, не назначил ли он сегодня кому-то свидание.

Телкам по-настоящему нравятся мужчины с уоки-токи и именным значком.

— Просто слоняться вы не можете. Игорные законы штата. Играйте или проваливайте.

— Игорные законы штата или «Дворца Удачи»? — интересуюсь я.

Парень волком на меня смотрит и тянется к уоки-токи, как будто для моего урезонивания ему непременно требуется вызвать подмогу.

— Ухожу я, уже ухожу, — говорю я и продолжаю шагать по вызывающе-яркому ковру. Представляю себе выражение лица Талларико, когда ему придется брать меня на поруки из тюремной камеры казино. Радостным оно точно не будет.

Мне требуется немалое время, чтобы снова засечь Хагстрема, но в конце концов до меня доходит дуновение его запаха, и мое рыло ведет меня верным путем. Сегодня в этом заведении хватает озавров, их запахи переплетаются, но, точно Фабричная работница у ткацкого станка, я способен зацепить единственную нить из мотка и проследить ее до самого источника.

По ту сторону зала для покера, за баром с бесплатными засахаренными вишнями и плесневелым арахисом, чуть вниз по лестнице оказывается небольшой игровой зальчик, окруженный колоннами фальшивого мрамора. Красные бархатные стены и толстый коричневый ковер резко контрастируют с убранством остальной части «Дворца Удачи», скорее напоминающим декор нижнего этажа универмага, где торгуют дешевым товаром. Секунду спустя я понимаю, что забрел в зал, где играют в единственную карточную игру, о которой я ровным счетом ничего не знаю, — баккару.

Внутри игрового зальчика, напротив банкомета, горбится Хагстрем. Рядом с ним сидит единственный другой игрок в помещении, пожилой джентльмен с гривой прекрасных седых волос, ниспадающих к его плечам. Я могу учуять тянущийся от него запах сосны. Пожилой джентльмен — рептилия, никаких сомнений.

Теперь, когда у меня есть время хорошенько присмотреться к Хагстрему, мне удастся сосредоточиться на его лице. Маска немного мне знакома — пожалуй, Талларико был прав, и я действительно видел его в отделе светской хроники. Но в самом центре лба Хагстрема топорщится странный шрам, который капитально все перекашивает, небольшой участок исковерканной кожи, совершенно там неуместный. Почти всегда подобные косметические добавления делаются только после продажи, требуя дополнительных расходов. Должно быть, с головой этого парня случилось что-то слишком трагичное, чтобы оправдать дополнительные манипуляции с его личиной. С другой стороны, некоторым диносам порой просто надоедает таскаться в одном и том же костюме, и они устраивают себе легкие модификации. Я помню, как несколько лет тому назад молодые парнишки шатались по округе, раздобывая себе все новые и новые родинки, которые вшивались в их личины, пока Советы не обрушились на лавки, торгующие подобными аксессуарами. Теперь подростки просто по дурости всюду себя протыкают, увешивают разной дребеденью, и никто не жалуется.

Когда я вхожу в помещение, Хагстрем смотрит на своего партнера и слегка кивает. Похоже, его не приводит в особый восторг то, что я решил вторгнуться на его территорию.

— Добрый день, ребята, — душевно здороваюсь я, присаживаясь рядом с Хагстром.

Сдержанные кивки отовсюду. Впрочем, от Хагстрема я едва ли получаю что-то больше недовольного фырканья. Зато седовласый удостоивает меня беглого осмотра.

— Добрый день. Что-то я тебя здесь раньше не видел.

— Обычно я чуть подальше играю.

— Чуть подальше? А это где?

Думай, Винсент, думай. Видел же ты рекламные плакаты на трассе-101.

— В казино «Чумаш». Это где индейская резервация.

— Не знал, что там есть баккара, — говорит пожилой.

— Ну, у них там чего только нет.

Мужчина кивает, и я не могу понять, решил он, что я серьезный товарищ или придурок каких мато.

— Любишь баккару? — спрашивает он.
— Конечно, — говорю я. — Игра королей.
— Поло, — рычит Хагстрем. Теперь я могу четко различить его запах — палочка корицы и жженная соя.

— Прошу прощения?
— Поло — игра королей.
— А, — отзываюсь я. — Вообще-то я думал, что поло — игра богатых засранцев. Тут Хагстрем опять презрительно фыркает, однако седовласый по-доброму усмехается.
— Брось, Нелли, не рычи, — говорит он. — Этот парень сюда поиграть зашел.
— Да, хотелось бы. — Я выуживаю из заднего кармана бумажник и достаю оттуда пару двадцатидолларовых банкнот. — Нельзя ли несколько фишек?

Хагстрем переглядывается с банкометом. В глазах у обоих — нескрываемое презрение. Очевидно, я допустил ляп.

— В зале баккары обычно играют на наличные, — информирует меня банкомет. — Возможно, вы хотите сыграть где-то еще.

— Нет-нет, — настаиваю я. — Наличные вполне подойдут. — Я швыряю двадцатку на столик. — У вас сдача будет?

Еще один выплеск презрения из глаз банкомета.

— Здесь минимальная ставка — пятьдесят долларов с руки.

Пятьдесят долларов с руки? Лучше бы я им какую-нибудь чертову квитанцию выписал.

— Конечно. Давайте приступим.

Банкомет вздыхает и толкает колоду карт в сторону Хагстрема.

— Ставки? — говорит он.

Хагстрем щелкает пальцами, и совсем молодой парнишка вдруг материализуется из полумрака в зале для баккары с толстым бумажником в руках. По его стремительному отклику и почтительным манерам я догадываюсь, что он простой солдат на учебе. Неужели мафия интернатуру содержит?

Парень вручает бумажник с наличными Хагстрему. Тот снимает сверху четыре купюры и подталкивает их к банкомету.

— Четыреста на дом.

Теперь все глаза на мне. Похоже, у меня осталось по меньшей мере два варианта — игрок или дом. Сейчас лучше всего особо не выпендриваться.

— Игрок, — говорю я банкомету. — Пятьдесят. Начнем помаленьку.

Банкомет не удостоивает меня никакого отклика, а вместо этого поворачивается к Хагстрему и кивает. Нелли принимается скрести стол рядом с колодой, водя длинным ногтем по мягкому сукну. Постепенно сдвигая палец и не отрывая глаз от карт, он проводит вокруг них ленивый кружок.

— Ты правда думаешь, что это помогает? — спрашивает пожилой.

— Тихо, Дуглас.

— Знаешь, Нелли, сюда народ с какими только суевериями не заходит, а расклады всегда одни и те же.

Хагстрем не перестает скрести ногтем.

— Отстань, старик. Не гони.

Теперь мы все пленники предыгрового ритуала Хагстрема. Дожидаемся, пока приговор будет приведен в исполнение. В конце концов он отрывает руку от стола, приподнимает ее на два дюйма над сукном и медленно снимает верхнюю карту с колоды, глядя пластик, точно полуголую любовницу. Я немного удивлен тем, что игрокам во «Дворце Удачи» позволяют сдавать карты; в большинстве казино хозяева любят крепко держать подобные процедуры в своих руках. Пожалуй, так здесь улаживают преступные долги — отрабатывая их в казино; а по-настоящему паршивым игрокам приходится на парковке дежурить.

Хагстрем резко переворачивает карту. Восьмерка червей.

— Восьмерка, — объявляет банкомет, как будто мы все внезапно ослепли. Затем он без

всякой помпы берет себе карту с верха колоды и кладет ее напротив карты Хагстрема. Четверка трэф.

— Значит, игрок выигрывает? — спрашиваю я.

Хагстрем раздраженно вздыхает, но пожилой мужчина по имени Дуглас улыбается и сообщает мне, что со сдачей карт мы еще не закончили.

— Выигрывает ближайший к девятке, — говорит он, — после еще двух-трех карт.

— Конечно. — Я делаю паузу, надеясь, что он еще что-нибудь прояснит, но безуспешно. Приходится спрашивать самому: — Так двух или трех?

Тогда Дуглас продолжает пробегать список правил баккары, включая прибавление цифры на карте к другим цифрам, сопоставление этих цифр с какой-то другой картой, а также прикидку, стоит Луна в созвездии Девы или в твоей заднице. Я ни бельмеса не понимаю, но когда карты наконец сданы и игра завершена, до меня доносятся самые сладчайшие слова, какие только можно услышать в казино:

— Игрок выигрывает.

Сотня долларов скользит мне на колени. Пожалуй, я бы все-таки смог полюбить эту самую баккару, особенно если нет никакой нужды тратить время на то, чтобы действительно научиться в нее играть.

Через тридцать минут я врубаюсь в баккару еще меньше, чем раньше, зато мой выигрыш вырос почти до двух тысяч баксов. Скрежет зубов Нелли Хагстрема можно расценивать только как проявление дикой ярости, поскольку он прилично продулся, и к тому же его совсем не забавляет, что такой полный лох, как я, 90 процентов всего этого времени обставлял дом.

— Все, с меня хватит, — рычит Хагстрем, разрывая свои карты пополам и швыряя их на сукно. — Долбаное казино точно мухлюет...

Дуглас пытается его утешить.

— Брось, Нелли, о чем речь. В прошлый раз ты нас на сорок тысяч обул.

— А в этот раз я обратно все просадил.

Дуглас пожимает плечами:

— Такова природа игры.

Однако банальности старика очень мало успокаивают Хагстрема, пока взбешенный гадрозавр расхаживает взад-вперед по ковру зала для баккары. Ладони его снова и снова оглаживают превосходный черный парик. Молодой солдат мафии делает все возможное, чтобы держаться поближе к своему боссу, но при этом не выделять с ним пародию на кордебалет.

— Я тебя понимаю, — говорит Дуглас, сохраняя свой мягкий, ровный тон. — Ладно, давай вернемся, проверим новую партию звезд.

Хагстрем не устаивает меня ни единого слова, со своим солдатом на хвосте стремительно вырываясь из зала для баккары в главные помещения казино. А вот Дуглас поворачивается пожать мне руку.

— Будьте осторожны, — говорит он мне. — И удачи.

— Вам тоже, — откликаюсь я.

Дуглас слегка усмехается, качает головой и выходит вслед за Хагстремом и его солдатом. Я наблюдаю за тем, как все трое исчезают за небольшой дверцей без всякой таблички рядом с залом для покера, затем поворачиваюсь к банкомету.

— А ведь он никаких ставок не делал, — говорю я.

— Кто?

— Пожилой.

Банкомет кивает, разрывая обертку новехонькой колоды карт и машинально ее тасуя.

— Ему нет надобности. Он хозяин казино.

— Вон тот чувак? Дуглас?

— Дуг Трикони, — сообщает мне банкомет. — Несколько лет назад купил это заведение у первоначального владельца. Чертовски славный босс. Просто на редкость.

Мне следовало бы обработать эту информацию. Следовало бы как можно скорее оттуда выбраться, приготовиться снова сесть на хвост Хагстрему, а в свободное время выяснить все, что только можно, о Дугласе Трикони. Тогда, отчитываясь перед Талларико, я был бы куда более информирован. Но как только я начинаю вставать из-за столика и хватаю с сукна буро-зеленые купюры, на меня падает тень банкомета.

— Еще партию, сэр?

Я опускаю взгляд на карты, на новехонькую, практически девственную колоду. На сияющий пластик, которого еще никогда не касалась чья-либо шкура или личина. И я думаю о том чувстве, которое испытываешь, когда эти карты переворачиваются, о восхитительном предвкушении ярко-красных и густо-черных цифр.

— Пожалуй, еще одну, — сдаюсь я, падая обратно в удобное кресло и снова выталкивая свои деньги в середину стола. — На дорожку.

4

Три тысячи долларов спустя я выхожу из «Дворца Удачи» с ополовиненным банковским счетом и лишь незначительной частичкой собственного достоинства, которую все происшедшее никак не затронуло. Сумма на текущие расходы уменьшилась до примерно двадцати пяти сотен долларов, и я страшусь перспективы просить у Талларико прибавки наличных. Это дурной вкус, да и к тому же, чисто в физическом плане, это совсем не в моих интересах.

По пути назад из «Дворца Удачи» Хагстрем воздержался от лимузина, сделав выбор в пользу такси, которое отвезло его в «Регент-Бeverли-Уилшир» для быстрой перемены одежды. Затем еще одно такси доставляет гангстера до Палисадов, где он исчезает за воротами Талларико. Уверен, Фрэнку вовсе не требуется, чтобы я сидел на хвосте у этого парня в его собственных владениях, а потому я прикидываю, что у меня есть время отсюда свалить и отдохнуть у себя в конторе.

Закатывая в небольшой подземный гараж в офисном здании Вествуда, я с негодованием примечаю, что кто-то припарковался на моем месте. И это несмотря на прилепленный к стене крупный плакат с моей фотографией и словами: ЕСЛИ ЭТО НЕ ТЫ, ЗДЕСЬ НЕ ПАРКУЙСЯ. Итак, либо меня наверху поджидает двойник, либо я сейчас буду звонить в компанию по эвакуации брошенных автомобилей.

Я поставил машину на улице и потрусил вверх по лестнице к себе в контору, всю дорогу ворча о дерьмомобильчике марки «форд», чей владелец либо хам трамвайный, либо читать не умеет. И вдруг прямо ко мне по лестничному колодцу рикошетирует знакомый голос:

— Нет, даже не начинай. Даже, блин, не пробуй. Все гостевые места были на хрен заняты, а ты разок можешь перебиться и мозги мне из-за этого не пачкать.

У двери в мою контору стоит Гленда Ветцель. Пять футов четыре дюйма ростом. Рот, вечно полный ругани, добрых восемь футов в ширину. Пахнет садовыми гвоздиками и старыми бейсбольными перчатками. За последние несколько лет эта девчонка раз двадцать спасала мне задницу, если не жизнь. Пять-шесть раз только на расследовании дела Макбрайда. Я бросаю свой саквояж и заключаю ее в объятия; она тоже меня к себе прижимает, ее сильные руки крепко обхватывают мой пояс.

— Черт, рад тебя видеть, — говорю я.

— Ты что, не выспался?

— Угу, — отвечаю я. — А что, заметно?

— Да вид у тебя малость удолбанный. Еще шажок — и из тебя как есть дерьмо собачье получится.

Я киваю.

— Просадил пару-другую баксов в баккару.

— В бак чего?

— Проклятье, лучше не спрашивай. А ты какого черта здесь делаешь?

— Здравсте, жопа Новый Год!

Гленда протягивает руку и щупает мне лоб на предмет лихорадки. Вряд ли это хоть как-то может сработать, если вспомнить о ее перчатке и моей маске, блокирующих реальный контакт чешуи с чешуей, не говоря уж о том, что моя относительно холодная кровь всегда приспосабливается к температуре окружающей среды. Но это еще одна привычка млекопитающих, которую мы за многие годы у них подхватили. Чаще всего мы уже едва подобные жесты замечаем.

— Нет, — качает она головой. — Только не говори мне, что ты забыл.

Конечно же я забыл.

— Конечно же я не забыл, — говорю я.

Теперь Гленда почти смеется, не переставая удивленно качать головой.

— Рубио... ты просто черт знает, что за обормот. Два месяца тому назад я сказала, что прилечу в Лос-Анджелес, а ты сказал, закатывайся ко мне в контору, а я сказала, не выделяйся, а ты сказал, все путем...

— Да... действительно... — Я понятия не имею, о чем она говорит.

Тут Гленда бросает на меня один из *тех* взглядов. Недоуменных взглядов. Когда она прикидывает, не сел ли я снова на травы.

— Ты ведь не... Ты ведь ходил на собрания, правда?

— Каждые несколько дней. Уже почти десять месяцев трезв как стеклышко.

Гленда кивает. Ее вопрос вполне справедлив. Все это действительно кажется очень похожим на провал в памяти. Но я уже много месяцев, как слез с трав и свободен от амнезии. Тем не менее раз Гленда говорит, что у нас был разговор, значит, у нас был разговор.

— Заходи, — говорю я ей, отпирая дверь и широко ее распахивая. — Ми каса эс си каса.

Гленда хлопает меня по спине и заходит внутрь.

— «Каса» означает «дом», чтобы ты знал, Рубио.

— Дом, контора — какая разница? Здесь есть диван, и он весь твой.

Гленда оставила у входа пару чемоданов, и я с трудом отрываю их от земли, едва не наживая себе грыжу. Просто не верится, что на самолете из Нью-Йорка позволяют перевозить такую тяжесть.

— Так, понятно. Значит, эти кирпичи ты здесь планируешь на золотые слитки обменять?

Гленда тянется к одному из чемоданов и помогает мне затащить его в прихожую перед кабинетом.

— Девушка должна иметь выбор одежды, — говорит она.

— И как долго ты собираешься на этот раз здесь оставаться?

Долгий пристальный взгляд, как будто я сижу в клетке зоопарка, а она прикидывает, швырнуть мне арахис или нет.

— Ты ведь на самом деле не помнишь нашего разговора, так?

Я изо всех сил стараюсь его припомнить, но ничего не всплывает из мутных глубин.

— Вообще-то мне говорили, что такое будет случаться. Постгербальные провалы в памяти, так это называется. Пока я сидел на травах, мой мозг приучился все на свете забывать, но теперь, когда я чист, порой случается какая-то слабина, и несколько часов выпадают. — Я как могу напрягаюсь, пытаюсь припомнить наш последний разговор, где-то с месяц тому назад. — Я помню... мы разговаривали... у тебя были какие-то денежные проблемы. Ты тогда сказала, что дело совсем труба.

Гленда качает головой:

— Те проблемы закончились. Теперь у меня опять все в полном ажуре.

Прежде чем я успеваю признаться в полном отсутствии даже малейших воспоминаний о нашем предполагаемом разговоре, звонит телефон. Я бросаю второй чемодан на пол — ударная волна как пить дать зашкалит сейсмографы в Калифорнийском политехе — и беру

трубку.

— «Расследования Винсента Рубио» слушают.

— Подъезжай к дому. — Это Талларико. Голос у него не особенно радостный.

— Мистер Талл... Фрэнк, вообще-то я только что уехал от вашего дома. А Хагстрем все еще...

— Жду тебя через полчаса.

Прежде чем я успеваю вставить еще хоть слово, он обрывает связь, и в моей трубке звучат короткие гудки.

— Клиент? — интересуется Гленда.

— К несчастью. — Я смотрю на часы — уже почти пять вечера, а это значит, что мне сильно повезет, если я успею добраться до Палисадов менее чем за сорок минут. — Можешь здесь меня подождать? А когда я вернусь, мы бы в темпе пообедать отправились.

Гленда пожимает плечами и затаскивает один из своих массивных чемоданов на обтянутый черной кожей диван.

— Мне все равно придется долго распаковываться, — говорит она. — Есть тут подходящий платяной шкаф?

— Платяного нет, — сообщаю я ей. — Есть хозяйственный, куда уборщица швабры ставит. Типа маленький, затхлый.

— Помнишь мою квартиру в Вилледже? — Гленда ухмыляется.

— Тогда ты совсем как дома себя почувствуешь.

— Дуглас Трикони — второй по рангу динос в контингенте бронтозавров Лос-Анджелеса, — информирует меня Талларико. Мы снова в солярии, сидим в тех же самых креслах. Мне становится интересно, покидает ли Фрэнк когда-либо это помещение. — Раньше он жил в Южной Флориде — по-моему, в Боке, — а на запад прибыл несколько лет назад, чтобы увеличить семейный капитал. Сунул свои когти в уйму разных пирогов.

Я киваю. Всю эту информацию я уже получил, сделав несколько звонков по пути к дому Талларико. Всегда легко добыть сведения о мафиози, если ты знаешь нужный народ в местных газетах — наблюдение за мафией для некоторых журналистов не иначе как хобби. Наверно, у них там где-то разведчик сидит.

— И он владеет «Дворцом Удачи».

— Чисто технически, — поправляет меня Талларико. — «Дворцом» владеет семья, хотя он записан па имя Трикони. В целом Дуглас Трикони меня не интересует.

— По крайней мере, — уточняю я, — не интересовал. Они с Хагстром ненадолго исчезали. В закрытом помещении. Я туда проникнуть не мог.

Талларико кивает в знак понимания:

— Они упоминали про бизнес?

— Трикони упоминал. Сказал что-то про «фабрику звезд» — честно говоря, я не понял, что это такое. Но это явно нечто большее, нежели просто какое-то праздное занятие.

Фрэнк впитывает информацию, его длинные пальцы вцепляются в подлокотники кресла. Он так пристально глазееет на окружающие нас деревца, словно их листья содержат нужный ему ответ. Может, там и впрямь есть ответ — если он эти листья как шпаргалки использует.

— Итак, идем дальше, — говорит он, потирая руки.

— Я должен снова сесть ему на хвост?

— Обязательно, — говорит Фрэнк и с кряканьем принимается вытаскивать свои человеческие вставные челюсти. Клей смачно отсасывается от его нёба, пока он их извлекает. Остроконечные зубы раптора поблескивают в пропадающем свете заката, а его язык облизывает бритвенно-острые кончики. — Впрочем, будет одно небольшое изменение.

Так это всегда начинается. Одна маленькая вариация, малюсенький снежок, покачивающийся на выступе горного склона, и к тому времени, как все заканчивается, мне уже приходится прорываться наружу из-под снежной лавины.

— Изменение?

— Хагстрем возвращается к себе домой.

— В Майами?

— Наша деловая встреча прошла не так, как ожидалось.

Подробностей я не выпытываю — просто не хочу их знать.

— Значит... вы хотите, чтобы я висел у него на хвосте до аэропорта, удостоверился в том, что он сел на самолет, — такого рода дела? — В свое время мне пришлось сбежать из достаточного числа городов, чтобы я знал всю процедуру:

Талларико качает головой.

— Не совсем.

Кажется, я уже понимаю, к чему все идет, но не хочу раньше времени капать ему на мозги. Лучше сидеть смирно. Пусть Талларико сам все изложит.

— Я заплатил тебе достаточно денег для выполнения задания, — продолжает он, — и я ожидаю, что задание будет выполнено.

— Вообще-то я следовал за ним из международного аэропорта, как это и требовалось, — говорю я. — Сидел у него на хвосте до отеля, до казино, в казино, опять до отеля, затем до вашего дома.

Фрэнк кивает, берет мою руку в свои, нежно и медленно похлопывая по тыльной стороне ладони. Тут мне становится как-то не по себе.

— Да, ты проделал славную работенку. Я бы не мог просить большего. И все же...

— Что?

— Я прошу.

— Фрэнк...

— Ты последуешь за Нелли Хагстремом в Южную Флориду, — кратко информирует меня Талларико, так разворачивая кресло, чтобы обрушить на меня всю тяжесть своего взгляда. Я чувствую, как он буквально давит мне на грудь — как в тот раз, когда я попытался выжать штангу вдвое больше моего веса и тем самым произвести впечатление на одну прелестную орнитомимочку. Вместо свидания у нее дома я тогда получил койку в больнице скорой помощи с сильными болями в груди. — Ты станешь там моими глазами и ушами, а связь мы будем поддерживать через моего брата.

— Минутку-минутку, — говорю я, пытаюсь освободить себе немного пространства, получить малость времени на раздумья. — Помнится, вы беспокоились о том, что одного из ваших парней засекут, и решили воспользоваться моими услугами, потому что я местный, из Лос-Анджелеса. Но в Майами... я там просто ничего не знаю. Я не знаю там тех людей, которых знаю здесь.

— И это немалое преимущество, — откликается Талларико. — Ты сможешь окинуть всю обстановку незамысленным взглядом, дать мне свежие впечатления.

Глубоко внутри себя я уже понимаю, что неспособен остановить все дальнейшее, но это вовсе не значит, что я намерен сдаться без боя. Даже утопающий хоть пару-другую раз хватается за соломинку, прежде чем с концами уйти на дно. Три, как считается, магическое число, но здесь я сомневаюсь, что получу хотя бы одну попытку.

— У меня есть кошка. — Полосатая кошка, которую я имею в виду, на самом деле просто приبلудная тварь непонятной породы, которая кланчит еду у двери моей конторы. Примерно каждый день я выставляю на лестницу тарелку тунца и блюдечко с молоком, а потому мохнатая мелочь вроде как ко мне привязалась. — Кто ее будет кормить?

Талларико даже не обременяет себя каким-то ответом.

— У меня дома гости, — еще раз пробую я. — Одна знакомая из Нью-Йорка. Она как раз сегодня прибыла...

— Что ж, она вполне может к тебе присоединиться, если захочет. Ты остановишься у моего брата, и я даже выдам тебе вперед на расходы. Думай об этом как об очередном отпуске. В конце концов, все отправляются отдыхать в Майами, разве не так? Развлечения, серфинг, вечеринки до рассвета.

— Очень может быть, но...
— Винсент, — говорит Талларико, — давай я сделаю так, чтобы это решение стало для тебя простым.

— Попробуйте.

— Ты отвечаешь «да».

— В самом деле?

— И я скажу тебе, почему: двойка, а за ней четыре нуля.

Наличные. Его наличные. Те самые его наличные, которые стали моими, а потом в темпе разошлись по разным другим людям.

— Это был гонорар.

— Это был гонорар за то, чтобы две недели сидеть у Нелли Хагстрема на хвосте.

— Предполагалось, что он проведет их в Лос-Анджелесе, — протестую я.

— А теперь не предполагается, — просто говорит Талларико. Затем он отрывает листик ближайшего растения, сует его в уголок рта и усердно жует, высасывая сок из бесполезной ткани. — Всякое порой происходит. Планы меняются. И я рискну сказать, что двадцать тысяч долларов за один день расследования даже на дорогом рынке здесь, в Лос-Анджелесе, — чертовски высокая цена.

— Я могу вернуть вам деньги.

У Талларико это вызывает легкий интерес. Он чуть подается вперед:

— Сегодня?

— Н-не совсем, — с запинкой отвечаю я. — Но я уверен, что мы сможем разработать план погашения долга.

Это явно его заводит. На мгновение мне кажется, что я вижу желтизну в глазах Талларико, пробивающуюся сквозь темно-коричневые контактные линзы.

— Слушай сюда, — рычит гангстер, одной поразительно сильной рукой хватая меня спереди за рубашку и притягивая поближе к себе. Странно, как ткань не порвалась. — Планы погашения долгов — они для банков, понятно? Как по-твоему, похож я на банк?

Вопрос предельно глупый, но сейчас не время на это указывать.

— Нет, не очень.

— А это значит, что у тебя есть два варианта. Верни мне мои двадцать тысяч долларов сию же секунду или хватай ноги в руки и чеши в Майами на следующем же рейсе.

Внезапно успокаиваясь, Талларико опять откидывается на спинку кресла. Лакей приносит ему новый набор аккуратных челюстей млекопитающих, и он вставляет их в рот, скрывая последние следы своей рептильной природы.

— Скажи мне, Рубио, — говорит Фрэнк, и единственная струйка слюны стекает с его нижней губы, — есть у тебя наличные?

Отсутствие ответа уже само по себе ответ. Фрэнк Талларико улыбается и дает мне прощальную рекомендацию:

— Тогда не забудь крем от загара с собой захватить.

По дороге от Палисадов назад в Вествуд я пытаюсь разумно обдумать сложившуюся ситуацию. Да, конечно, я работаю на гангстера, по слухам, не делающего особых различий между врагами и друзьями, когда надо кого-то убить. Да, конечно, я направляюсь напрямик в яму, где кишмя кишат подобные змеи. Любая из них запросто покончит со мной даже без малейшего на то повода. И конечно, нельзя сказать, как глубоко я влезу во все эти заморочки, прежде чем выпутаюсь из них и опять поплыву сам по себе.

Но — черт побери — ведь это дармовая поездка в Майами. У меня возникает ощущение, будто я выбрал дверцу номер три и получил сразу и волшебный отпуск, и издевательский приз.

Пожалуй, я мог бы пуститься в бега, положиться на авось и хорошенько присматривать за тем, что творится у меня за спиной. Однако Фрэнк Талларико ни в какую не производит на меня впечатления чувака типа «простил и забыл». Особенно когда речь идет о его деньгах. И

хотя было бы довольно несложно купить на черном рынке новую личину, удалить ароматические железы и перебраться куда-нибудь в Северную Дакоту, меня совершенно не вдохновляет жизненный стиль параноика. Я не хочу тревожиться о том, что тот самый парень, который играет Вилли Ломана в театральной постановке «Смерти торговца», которую я стану смотреть в Фарго, вдруг спрыгнет со сцены с тесаком в руке и сделает меня главным участником вечернего представления.

Пожалуй, я мог бы воззвать к лучшей стороне натуры Талларико, но мне представляется, что вся эта его сторона уже была мне продемонстрирована. Лучшее, худшее — понятия относительные.

К тому времени, как я возвращаюсь к себе в контору в Вествуде, я уже примирился со своей горькой судьбой. Гленда ждет меня в кабинете, растянувшись на кожаном диване. На ней надеты длинная юбка и ситцевая блузка.

— Ты был на собрании? — спрашивает она.

— Угу.

— Нормально прошло?

— Ясное дело.

Я прохожу мимо дивана и направляюсь к шкафу. Там висит рубашка, которую мне приятно напяливать на себя в жаркие деньки. Эта рубашка полотняная, и хотя моя натуральная кожа ее не чувствует, она просто чудесно ложится на личину. Расстегнув пуговицы белой рубашки, я швыряю ее на ближайший стул и машинально натягиваю новую. Гленда пристально на меня смотрит.

— С тобой все хорошо? — спрашивает она.

— Все хоккей, — просто говорю я. — Следовало принять кое-какие решения. И они были приняты.

— Например?

— Например — где бы нам пообедать, — говорю я.

— А еще?

Я засовываю рубашку в брюки, разглаживаю немногие заметные мне морщинки, после чего отставляю в сторону несколько пакетов с вискасом для полосатой кошки, что обитает на лестнице.

— Тебя, случайно, тропики не интересуют?

5

Я испытываю это ощущение, как только открывается дверца самолета. Слышится легкое шипение выходящего наружу воздуха, возникает внезапный эффект трубки Вентури, когда мои волосы ворошит внезапный вихрь. А затем на меня со всех сторон давит то самое ощущение.

— Чувствуешь? — спрашиваю я Гленду. Мы стоим в проходе самолета, дожидаясь, пока гиганты мысли впереди нас прикинут, как открывается верхнее багажное отделение.

— Что? — спрашивает она, озираясь.

— Нет-нет. Не это. Вот это. В воздухе.

Она на мгновение замирает, устремив взгляд вперед, а потом я вижу, как внезапная перемена прокатывается по ее лицу — уголки губ приподнимаются, глаза прищуриваются.

— Ага, — просто говорит Гленда.

— Ага, — повторяю я. Пожалуй, к этому и прибавить нечего.

Велоцирапторы — пловцы невеликие. Наши руки слишком недоразвиты, наши тела недостаточно плавучи, чтобы со стороны наше плавание выглядело чем-то легким или привлекательным. Однако, как все хорошие исполнители роли человека, мы выучились худо-бедно грести по бассейну, чтобы не слишком выпадать на какой-нибудь вечеринке по случаю для рождения малыша Тимми. Никому из нас не хочется просидеть весь вечер в одиночестве у чаши с пуншем.

Еще малыми детьми мы берем уроки плавания у инструкторов, которые, на мой взгляд, поголовно служили в гестапо. Эти фашисты просто кидают нас в бассейн, тычут длинными палками и орут, чтобы мы не тонули. Я все еще помню, как я впервые оказался у глубокого края бассейна. Пока вся эта жидкость впервые обволакивала мое тело, мне на миг показалось, что никакая это на самом деле не вода, а невероятно тяжелый воздух.

И еще показалось мне, что я вообще-то сумел бы это дело вдохнуть, если бы хорошенько постарался. А потом смог бы часами бродить по дну бассейна, медленно, но равномерно двигая конечностями. Волосы вечно мокры, грудь неспешно вздымается и опускается, пока мои легкие трансформируются в жабры, всасывая воду и добывая из нее чистый кислород.

— Добро пожаловать в Майами.

— Это что... влажность? — спрашиваю я Гленду.

— Можно и так сказать.

Я качаю головой. Нет, просто не верится.

— Может, там проблема с обогревателем аэропорта или еще с чем-то?

— Это август в Южной Флориде, Винсент, — укоряет меня Гленда, вытаскивая из-под сиденья свой переносной чемоданчик. — А ты чего ожидал?

— Что я хотя бы дышать смогу.

К тому времени, как я выбираюсь из самолета и прохожу по взлетно-посадочной полосе, личина уже начинает прилипать к моей шкуре. И я всерьез задумываюсь о том, не удастся ли мне купить в Майами какой-нибудь аксессуар, помогающий всасывать влагу, образующуюся под латексом, — может статься, здесь есть целый каталог. Если же нет, мне следует заняться здесь этим бизнесом — я бы кучу бабок насшибал.

Однако в самом здании аэропорта Майами воздух превосходно кондиционируется, и считанные мгновения спустя я снова совершенно прохладен и счастлив. И все же меня не оставляет чувство, что воздух вокруг меня какой-то тяжеловесный, пусть он уже и не липнет к телу. По крайней мере, не липнет до тех пор, пока нам не придется снова выйти на воздух, чтобы поймать такси. Если мне светит невероятная удача, весь город может оказаться накрыт огромным куполом, воздух под которым также кондиционируется. Лучшего использования денег налогоплательщиков, на мой взгляд, здесь просто не придумать.

Но стоит нам только спуститься по эскалатору к зоне востребования багажа, как я понимаю, что такси нам уже не понадобится. Талларико, верный своему слову, заблаговременно сюда позвонил и отдал необходимые распоряжения.

— Добрый вечер, — говорю я, опуская багаж на водительскую тележку.

— Пошел ты на хрен! — орет шофер, сбрасывая мой чемодан на пол. — Я тут кое-кого жду. — Его выговор четкий, но определенно латинский, хотя и сильно отличается от протяжных мексиканских акцентов, к которым я привык в Лос-Анджелесе.

— Ну да, так это я и есть. То есть мы.

— Ты Рубино?

— Рубио.

— А у меня написано Рубино.

— Ага, и неверно написано. Если вы здесь от Эдди Талларико, то ждете здесь именно меня. Я Винсент *Рубио*. ~ Протягивая руку для пожатия, я стараюсь быть вежливым. Здесь и сейчас нет никакой нужды вступать в пререкания. Я уже как-то попал на заметку к полиции аэропорта в Мемфисе — нет-нет, только не спрашивайте, как и с какого боку, — а потому в Южной Флориде мне лишняя болтовня ни к чему.

— Ты на Рубио не похож.

Я пожимаю плечами. Мне уже не впервые что-то подобное говорят.

— Извините, что я вас так разочаровал.

Водила не сдается.

— Ты скорее на Рабиновича похож. Или на Лернера. На прошлой неделе я уже одного такого Лернера возил.

— Как интересно. — Я чувствую, как поднимается моя температура, и виной тому уже вовсе не влажность.

Десятью минутами и несколькими с трудом избегнутыми перепалками позже мы с Глендой, а также водитель, которого, как выяснилось, зовут Рауль, шагаем через автоматические двери и спускаемся на нижний уровень международного аэропорта Майами, где я чуть не задыхаюсь от жутких выхлопных газов. Вот тебе, Винсент Рубио, очередной отпуск.

Лимузин, которого я ожидал, оказывается потрепанным «доджем» без всякого кондиционера, но у нищих слуг нет, и мне, по крайней мере, теперь не нужно дожидаться такси. Пока мы отъезжаем от аэропорта, я глазею из окна машины на то, что сходит за местный пейзаж. Аэропорты вообще-то никогда не размещают в особенно приятных местечках. Над Беверли-Хиллс, к примеру, очень мало самолетов пролетает. Тем не менее у меня возникает чувство, что теперь мы проносимся по редкостно вшивому району. Я сердечно рад тому, что ограничение скорости здесь где-то около шестидесяти и что шофер добавил туда еще добрых миль двадцать в час.

— А зачем здесь везде такое солнце нарисовано? — спрашивает Гленда. Она имеет в виду крупные указатели, висящие над шоссе, где красуется ярко-оранжевое солнце прямым из мультяшек.

— А это для туристов, — сообщает водитель.

— В смысле, чтобы они его с настоящим перепутали?

Водитель мотает головой:

— Вы следуете по этим самым солнцам. Они приводят вас к побережью. К месту отдыха.

— А что, если по этим солнцам не следовать? — интересуюсь я.

Шофер тычет большим пальцем в сторону окна за которым гниет еще один вшивый район. Там сплошь маленькие домишки и здания, из которых на глазах песок сыплется. Возле заросших сорняками газонов стоят ржавые автомобили. Повсюду нецензурное граффити, уличные фонари поголовно разбиты.

— А то, что в итоге вы оказываетесь вон там. Вскоре мы проезжаем трущобы и оказываемся на другой автостраде, а водитель рассказывает нам про свое детство на Кубе, про свободу, которая у них там была, пока Фидель не пришел и все не изгадил.

— Значит, вы эмигрировали... а когда? — спрашивает Гленда.

— В семьдесят девятом, — отвечает водила. — На тех транспортах.

Тут я вспоминаю, что в свое время об этом читал. Кастро, пытаясь очистить свою страну от нежелательных элементов, разом переправил всех кубинских зеков в Майами, где они охотно обосновались и в итоге влились в общую экосистему Южной Флориды. Получилось что-то вроде заповедника, вот только чиновники Службы иммиграции и натурализации почему-то специальной униформой работников зоопарка не обзавелись.

— Вы сидели в тюрьме? — спрашиваю я.

Шофер щелкает языком.

— Вот, значит, что вы подумали? Что те транспорты только одних зеков перевозили?

— Все так думают.

Водила разворачивается на сиденье, все тело его теперь обращено ко мне, глаза больше не следят за дорогой. На его вождение это, похоже, никак не влияет, зато это как пить дать влияет на мое душевное спокойствие.

— Это они хотят, чтобы вы так думали.

— А на дорогу вы не хотите взглянуть?

— Средства массовой информации, — продолжает шофер, не уделяя ни малейшего внимания моим протестам. — Это они все сделали так, чтобы мы выглядели как преступники, понимаете? Вот так-то. Угу. Это был расистский фокус — вот что это было.

— Отлично... а не могли бы вы все-таки...

— Расистский фокус, вот что я вам скажу.

— Да-да, прекрасно, это был расизм, махровый расизм. Но вы бы все-таки, блин, развернулись...

Водитель небрежно разворачивается обратно к рулю, ничуть не озабоченный тем, что мы были в считанных мгновениях от неминуемой смерти. Гленду это тоже, судя по всему, не особенно беспокоило — она куда больше заинтересована в его рассказе.

— Расистский фокус? — спрашивает она. — Но ведь вы все были кубинцами.

— Нет-нет, — говорит шофер. — Это расизм. Кастро... он всегда терпеть не мог рапторов — вы это знаете? Вот кого он вышвырнул. Теперь на Кубе больше рапторов нет.

— Так он один из нас? — спрашиваю я. Вообще-то мне всегда казалось, что этот парень — человек. Борода, сигара — весь его облик слишком комичен, чтобы любой производитель личин относился к нему всерьез.

— Нет, — мрачно отвечает водитель. Видно, как крепко стиснуты его зубы, как скрежещут его челюсти. — Он не раптор. Он не один из нас.

Гленда бросает на меня быстрый взгляд, уже готовясь открыть рот и дать этому парню почуять свой гадрозаврский шарм, но я мотаю головой и срезаю ее на лету. В нашей работе мы сталкиваемся с немалым объемом расовых предрассудков — это неременная добавка, когда ты общаешься с народом из низов, будь то млекопитающие или рептилии. Однако у себя в Лос-Анджелесе я сумел найти нужное к этому отношение. Обычно я знаю, когда этого ждать и от кого. У Гленды в Нью-Йорке тоже в этом плане свои заморочки, хорошо ей знакомые. Но здесь, в Южной Флориде, мы дети, заблудившиеся в лесу. Лучше ступать осторожно и держать рты на замке — по крайней мере, на данный момент.

Десятью минутами позже мы летим по широкой автостраде, проложенной по дамбе, а внизу под яркой августовской луной сияет вода. От автострады, точно ветки от ствола, отходят двухполосные дороги, причем каждая ведет к отдельному островку. На отдалении я различаю несколько домов, чьи дворы выходят прямо на пляжи, где плещет пенный прилив. Там есть плавательные бассейны. Бельведеры. Теннисные корты.

— Это хороший район? — спрашиваю я.

— Знаменитости, политики, — говорит мне водитель. — Там мило. Если вам, конечно, такое по вкусу.

Мне такое определенно по вкусу. Несмотря на мою вышеупомянутую нелюбовь к плаванию, а также тот факт, что когда я в первый и единственный раз играл в теннис, то покинул корт с синяком на хвосте и полным ведром всевозможных унижений, понятие о доме с подобными удобствами все же почему-то кажется мне привлекательным. Надо полагать, здесь проявляется материалистическая сторона моей натуры. С другой стороны, если в моей натуре есть нематериалистическая сторона, то я на текущий момент никак о ней не сознаю. Пожалуй, мне следует отыскать данную грань моей личности — это наверняка поможет мне выпутаться из всех заморочек со счетами за кредитные карточки.

Один из клочков земли, вскоре узнаю я, называется Звездным островом, и именно к нему сворачивает наш жалкий «додж». Мы проезжаем караульное помещение и ворота, после чего проделываем несколько коротких виражей по идеально наманикюренным дорогам. Дома с улицы почти не различить — большинство из них расположено за частными оградками с обильной листвой, надежно перекрывающей обзор.

Несколько секунд спустя мы прибываем к дому Эдди Талларико, и, тогда как меня впечатляет общая величавость этого строения, в то же время становится ясно, что уход за территорией здесь в последнее время на повестке дня не стоял.

Высокие сорняки буквально душат пейзаж; с фасада дома всю облезает краска. Это средиземноморского стиля здание — покатая черепичная крыша, яркие цветочные пятна, подчеркивающие оконные рамы и косяки дверей. Однако деньги, вложенные в строительство дома, похоже, вконец разорили хозяев. Либо так, либо они просто больше о нем не заботятся.

Рауль берет наши чемоданы и торопит нас к входной двери, за которой тема запустения продолжается. Ковры изношены, лампочки перегорели, а в воздухе висит запах дыма и плесени. Рауль проводит нас в две небольшие комнаты, выходящие в главный коридор. В

каждой каморке стоит выдавшая виды кровать.

— Тебе ту, что с выцветшими обоями, или ту, где кошачьей мочой воняет? — спрашиваю я Гленду.

— Учитывая, что я уже перелетела из Нью-Йорка в Лос-Анджелес — вторым классом, — а теперь ты приволок меня в Южную Флориду — опять вторым классом...

— Ладно, ладно, — говорю я. — Беру кошачью мочу.

Рауль бросает наши чемоданы на соответствующие кровати и спрашивает:

— Хотите сейчас повидаться с мистером Талларико?

— А что, у нас есть выбор?

Рауль пожимает плечами, после чего проводит нас обратно по коридору, впуская в просторную гостиную. Телевизор показывает какой-то полицейский сериал, динамик ревет — там вопли пополам со стрельбой. Вокруг телевизора кучкуются пятеро мужчин, сидя по-турецки на полу, тогда как единственный диван у них за спиной совершенно свободен. Все одеты в пиджаки и слаксы, одежда мятая, поношенная. Идеальное живое дополнение к декору.

— Привет, — говорит один из них, мужик с низким лбом и сильным голосом.

— Привет, — откликаюсь я, недоумевая, полагается мне знать этого мужика или нет. Еще один член компании бегло осматривает Гленду, и она намеренно отворачивается. Славная девочка. Сейчас не время и не место затевать драку.

Пока мы пробираемся через гостиную, из еще одной двери туда входит миниатюрная азиатка — от силы лет шестнадцати-семнадцати. В руках у нее поднос с едой. Кожа смуглая, почти каштановая, черты лица нежные, невинные, еще ничуть не тронутые временем. Однако двигается она вовсе не как подросток — походка у нее медленная, плавная, спина сутулая, словно на нее взвалили тяжелый груз. Я наблюдаю за тем, как девушка ставит поднос в самую гущу мужчин и благодарно принимает за свои труды несколько хлопков по задку.

— Идемте, — говорит Рауль. — Босс ждет.

Выйдя из гостиной, мы преодолеваем узкую лестницу. Стены трутся о мои плечи, и впечатление такое, будто они меня даже слегка подавливают. Пожалуй, это не иллюзия — штукатурка идет трещинами в тех местах, где стены начали выгибаться внутрь, а наша совместная нагрузка на лестницу определенно их состояния не улучшает. Когда мы благополучно достигаем верха лестницы, не сломав и не разрушив ничего капитального, я испытываю большое облегчение.

Рауль негромко стучит в деревянную дверь.

— Мистер Талларико? — зовет он. — Это Рауль. Я уже из аэропорта вернулся.

Никакого ответа. Рауль прикладывает ухо к двери, одновременно крепко прижимаясь долговым телом к косяку.

— Порой босс... в общем, порой ему не нравится, когда его беспокоят.

Классно, еще один вздорный Талларико. Именно то, что требуется для успешной совместной работы. Рауль снова стучит, и на сей раз высокий гнусавый голос орет в ответ:

— Да что там еще за херня?

— Это Рауль.

— Пошел ты на хрен, Рауль.

— Я вернулся из аэропорта. С гостями из Лос-Анджелеса.

Молчание. Мы с Глендой обмениваемся недоуменными взглядами. Рауль пожимает плечами. Затем он снова прикладывает ухо к двери, прижимается к косяку — и тут дверь внезапно распаивается, бросая шофера на пол.

С виду Эдди Талларико совсем не похож на своего старшего брата. Лицевая структура, сами черты лица — просто день и ночь. Вообще-то, когда заказывается братский набор, большинство производителей личин стараются включить туда определенные семейные черты. Но эти двое запросто могли бы произойти из разных видов, не говоря уж о семьях. А подструктура, насколько я понимаю, разнится еще больше. Тогда как Фрэнк Талларико худ

почти до такой степени, что ему впору вышагивать по лучшим парижским подиумам, Эдди располагает солидным брюхом, очень серьезным, которое к тому же не кажется мне частью личины. Конечно, есть места, где ты можешь заказать себе аксессуары вроде «любовных рычагов» Билла Шатнера или «суперпуза» Орсона Уэллса (а как, по-вашему, де Ниро набрал и сбросил тот вес для съемок в «Рассвирепевшем быке?»), однако даже для моего нетренированного глаза это не просто прикид. Это либо доброе старое брюхо, либо поздний срок беременности.

И тем не менее, если вы поместите меня в одну комнату с Фрэнком Талларико, его братом Эдди и тысячей других динозавров, затем завяжете мне глаза и станете крутить меня волчком, пока я не буду готов выложить вам под ноги свой завтрак, я все равно смогу мгновенно выделить этих двоих из толпы. Их запахи почти идентичны.

Запахи для меня висцеральны, почти гипнотичны. За всех диносов я, понятное дело, говорить не могу, но вполне могу себе представить, что для них все обстоит точно так же. С каждым уловленным мною запахом я тут же получаю мысленную картинку. К примеру, уборщица, что приходит мыть полы у меня в конторе, запах имеет масляно-кленово-сиропный, и будь я проклят, если всякий раз, как она заходит со шваброй и ведром, я не получаю изображения тетушки Джемаймы, покачивающейся в кресле у себя на веранде. Я могу смотреть прямо на уборщицу, желать ей доброго утра, указывать на те места, которые надо протереть особенно тщательно, однако определенная часть моего мозга все это время видит, как та старая негритянка смеется и качается, качается и смеется.

В общем, когда я чую Эдди Талларико, в голове у меня выскакивает тот же самый образ, который я наблюдал, когда чуял его брата Фрэнка: строительная бригада решила немного подкрепиться. Какой-то деготь, какая-то патока, и избежать этого я никак не могу. Вот они, пара дюжих парней на строительных лесах, раскрывают свои металлические коробочки с бутербродами, которые тем утром приготовили им их старухи.

— Входите, — говорит Эдди, едва отодвигая свое необъятное брюхо, чтобы я мимо него проскочил в комнату. Гленда следует за мной, и Эдди выталкивает Рауля обратно к лестничному колодцу, прежде чем захлопнуть дверь прямо у него перед носом. Мгновение спустя я слышу, как кубинец топает вниз по неверной лестнице, что-то негромко бормоча.

Небольшой кабинет плотно упакован бумагами, сложенными в стопки по три фута в высоту, и там едва ли находится свободный дюйм, чтобы встать. Мы с Глендой еле-еле шаркаем, толкаем друг друга, пытаюсь найти для себя комфортное пространство. Нет, это просто невозможно.

— Он нормально водит? — спрашивает Эдди.

— Кто?

— Рауль. Он вас нормально сюда довез?

Я киваю. Пожалуй, парень слишком крепко жмет на газ, но вселенской проблемы я из этого делать не собираюсь.

— Да, превосходно. — Я протягиваю руку для пожатия. В конце концов, этот жиряга обеспечивает нас жильем, и я стараюсь не забывать хороших манер. — Спасибо, что доставили нас сюда. Я Винсент.

— Я знаю, кто ты такой, — говорит Эдди, напрочь игнорируя мою протянутую руку. — Мой брат дал мне наводку. — Тут он косится на Гленду. — А вот ее я не знаю.

— Взаимно, — огрызается Гленда. Я стреляю в нее взглядом, и она отворачивается. — Гленда Ветцель.

Эдди это, похоже, ни в какую не удовлетворяет. Он шаркает по комнате, ни на секунду не спуская с нас глаз.

— Ладно, валяйте.

— В смысле... что? — спрашиваю я.

— Ну, раздевайтесь. В темпе.

Гленда в недоумении:

— Раздеваться?

Эдди усаживается за стол, пристраивая брюхо на деревянной столешнице. Кресло кошмарно скрипит, и я с трудом справляюсь с побуждением выхватить из кармана немного крема для лица и смазать проклятую штуковину.

— А вы думаете, я вам на слово поверю? Мало ли, кто вы такие. У меня здесь наготове двадцать систем безопасности, чтобы вывести вас на чистую воду. А внизу сидит десяток парней, которые через мгновение ока будут здесь. И вы думаете, я просто поверю вам на слово?

— Вообще-то как раз на это мы и надеялись, — говорю я. — Мы ведь в аэропорту у Рауля никакого удостоверения не спрашивали.

— Это ваши проблемы. А здесь мои проблемы, здесь мой дом, мои правила, так что лучше заткнитесь и раздевайтесь.

— Вы хотите, чтобы мы совсем разделись? — спрашивает Гленда.

— Совсем-совсем, сеструха.

Лично я никогда не страдал комплексами на предмет обнажения. Просто я предпочитаю, чтобы вместо меня раздевался кто-то другой. Большинство динозавров, обнажая свои задницы, не испытывают таких душевных мук, как их млекопитающие двойники.

Поэтому я запросто приступаю к делу, снимая с себя одежду — сперва брюки и рубашку, затем нижнее белье. И почти мгновенно начинаю чувствовать себя куда лучше в местном климате. Южная Флорида могла бы стать чудесным местом постоянного проживания, если бы не одежда. Когда я гол и свободен, мне любая влажность нипочем.

Впрочем, я не совсем гол — по крайней мере, не в таком виде хочет лицезреть меня Талларико. Я быстро принимаюсь работать с личиной, хватаясь за потайные застёжки и пуговицы, отстегивая ремешки и ослабляя зажимы. Требуется время, чтобы расстегнуть Г-серию — хотел бы я, чтобы на это при случае посмотрел профессиональный портной, — но довольно скоро мой обмякший человеческий костюм уже лежит на полу, раскинувшись по разнообразным бумагам, а я стою о-натурель в центре комнаты.

— Хорошо, все в порядке, — рывкает мне Талларико. — Теперь она.

— Вы что, будете все это время на меня глазеть? — интересуется Гленда, снимая одежду и аккуратно укладывая ее на соседний стул.

— Именно, радость моя.

Личина Гленды имеет абсолютно точные изгибы в нужных местах, и, пока она постепенно обнажается, я поражаюсь качеству работы. Швы различить просто невозможно, кожа безупречно гладкая. Соски торчат как само совершенство, все идеально симметрично.

Но ведь я уже видел Гленду в ее человеческом прикиде и, если вдуматься, не припоминаю ничего особенно выдающегося. Не поменяла ли она за последние шесть месяцев свою личину?

— Это еще что? — спрашивает Эдди, тоже не на шутку впечатленный. — Тайицу?

— Дюбоше, — отвечает она и подмигивает. Трусики спускаются.

— Кутюр? — удивленно спрашиваю я.

— Только самый лучший.

— А я думал, ты девушка типа «что ношу, в том и хороша».

— Вкусы меняются, — говорит мне Гленда. Никогда не считал ее краснеющей модницей, но, может статься, она устала от типа «хулиганка с крутым нравом». Может статься, она готова двигаться дальше. И все же я удивлен тем, что ей удалось насшибать столько бабок, чтобы обзавестись Дюбоше, особенно после наших ночных телефонных переговоров, когда мы оба плакались друг другу о недостатке финансов. Дюбоше — это тебе не будничный бутик или каталог шмоток. Такого типа личины обычно вышагивают по красному ковру получать своего Оскара.

— Классные ножки, — говорит Эдди, — но лучше снимай их и пошустрей. Мне тут делом надо заниматься.

Гленда начинает возиться со своими Г-зажимами, но ее хвост даже наполовину не

появляется из-под лямок и ремешков, как Талларико уже вскакивает на ноги и с возбужденным хрюканьем отталкивается от стола.

— Вон отсюда! — орет он, всю размахивая руками. — Я так и знаю! Я давно должен был тебя почуять...

— Ну-ну, спокойно, — говорю я, заслоняя Гленду от диких жестов коренастого мужчины. — Давайте малость остынем.

— Сам остывай. А она пусть свою долбаную гадрозаврскую жопу отсюда уносит!

— Да погодите секунду, — снова начинаю я.

— Никаких разговоров! — орет Талларико. Теперь он прямо какой-то вихрь активности, весь красный, машет конечностями, отпихивая меня в сторону и толкая Гленду по комнате подобно взбесившемуся сумоисту. — Она сейчас на хрен отсюда вылетит, и чтобы я ее никогда больше не видел...

— Да что за херня? — орет в ответ Гленда. — Вы хотели, чтобы я разделась, вот я и разделась...

— И ты думала, что сможешь тихой сапой сюда пролезть...

— Чего?

— Того. Думала, сможешь тихой сапой сюда пролезть и остаться гостьей в моем доме, жить вместе с моей семьей. — Талларико пусть бочком, но продвигается еще на шаг, и его становится по-настоящему тяжело держать на безопасном расстоянии. Почему у меня в таких случаях никогда с собой намордника не оказывается? — Решила дожидаться, пока мы все сделаемся такими любезными, типа дружелюбными, а потом темной ночью выползти из кровати и всем нам глотки перерезать? Так, значит, хотела?

Гленда резко взмахивает руками и пристегивает свой хвост на место. Я вижу, как он дрожит — кончик аж слегка ходит туда-сюда от гнева.

— Сами не знаете, какую херню несете, — говорит она. — Вам бы, блин, малость гостеприимству научиться.

Как третья сторона в этой небольшой дискуссии, я чувствую себя обязанным попытаться все уладить.

— Уверен, мы сможем решить эту проблему, — говорю я. — Давайте разумно все обсудим.

— Не о чем тут болтать, — рычит Талларико. — Рапторы остаются. Все остальные — долбаные гадрозавры в особенности — на хрен отсюда выметаются.

— Так это... расовая проблема?

— До хрена расовая! — плюется Талларико. — Просто мозги надо иметь. Думаешь, я бы прожил так долго, если бы хоть кому-то из них доверял?

Я собираюсь снова запротестовать, вступить в бой за Гленду, но она только отмахивается. Торопливо одеваясь, Гленда уже напялила лифчик и другое нижнее белье, а на лице у нее я подмечаю маску беспечности.

— Брось, не дергайся, — говорит она мне. — Я знаю, откуда этот член растет.

— Ручаюсь, знаешь, — хрипит Талларико.

— Я подыщу себе отель, — говорит мне Гленда, и голос ее при этом слегка подрагивает.

— Глен...

— Нет, все отлично. Бизнес есть бизнес, разве не так?

Я смотрю на Талларико — на его самодовольную усмешку, расплзающуюся по широченной рыхе. К такой усмешке обычно от души хочется хорошую лопату приложить.

— Я поеду с тобой, — говорю я, протягивая руку за своими ремешками и застежками. — Мы найдем чудесное местечко в Саут-Бич и там обоснуемся.

— Хрена собачьего, — сипит Эдди, выхватывая у меня из рук П-зажим и швыряя его себе за плечо. Зажим с лязгом приземляется на пол и исчезает в кипе бумаг.

— Что за... он у меня один...

— Мой брат сказал мне за тобой присматривать.

— Ну да, и еще он сказал вам мою подругу выставить.

Эдди пожимает плечами:

— А Фрэнк знает, что она гадрозавриха?

— Он не спрашивал.

— Тогда неважно, что он там сказал. Ты здесь, чтобы работать на семью, и ты останешься там, где я смогу тебя видеть.

Деньги. Двадцать тысяч. Конечно, он про них знает. Фрэнк не слишком щепетилен насчет подобных материй.

— Да-да, именно, — продолжает Эдди, подбирая нить там, где ее оставили мои мысли. — Я знаю, за что ты здесь пашешь, приятель. За двадцать кусков. И в ближайшее время тебе их точно на вилах не принести. Так что пока две недели не истекут, я тебя вот здесь, в своем кулаке буду держать. А что до нее... — Талларико тянется к себе в карман и достает оттуда толстый бумажник, кожа которого буквально трещит от старых квитанций и бесполезных бизнес-карт. Извлекая оттуда несколько двадцатидолларовых купюр, он мнет их в комок и швыряет к ногам Гленды. — Это за стриптиз. А теперь — вон отсюда. — Хихикая, он снова поворачивается к столу.

На сей раз уже Гленда удерживает меня от атаки на жирного сукина сына, крепко ухватывая за руку и медленно, со значением покачивая головой.

— Он этого не стоит, — тихо говорит она. — Не сейчас.

У Гленды уходит всего несколько мгновений на то, чтобы полностью одеться и собраться с мыслями. Талларико уже не уделяет нам никакого внимания, склоняясь над столом и перекладывая туда-сюда какие-то бумажки.

— Спасибо вам за гостеприимство, — не без сарказма говорит Гленда. — У вас просто прелестный дом.

— Такси тебе внизу вызовут, — бормочет Эдди и пренебрежительно машет рукой. Похоже, этот жест является фирменным знаком семьи Талларико. Гленда быстро меня обнимает и чмокает в щеку.

— Я позвоню тебе, как только найду место, — говорит она. — Не выключай мобильник.

Я по-прежнему хочу все исправить, хочу сказать Гленде, чтобы она осталась, чтобы она подождала меня на дамбе, но я крепко прикован к Талларико. Те же самые силы, что отправили меня в Майами, держат меня внутри этого дома, и я ничего не могу с этим поделать. Гленда уже за дверью и спускается по лестнице, и я остаюсь в кабинете наедине с Эдди Талларико.

— Ну что... — говорю я, не слишком уверенный, с чего мне начать или чем кончить. — Это все? Мы с этим разделились?

Он вдруг перестает возиться с бумагами на столе и поднимает на меня мохнатые брови.

— Думаешь, я неправильно поступил?

— Думаю, это была подлая трусость, — говорю я ему. Над моим языком семья Талларико все же не властна.

Я ожидал всплеска ярости, но Эдди лишь пожимает плечами.

— Ты не отсюда, ты просто не врубаешься. Нельзя доверять никому, кроме чуваков из своего вида. Особенно гадрам.

— По-моему, это просто паранойя. Талларико опять пожимает плечами:

— Я жив. И я чертовски устал. Ты собираешься торчать здесь и всю ночь меня доставать — или ты намерен делать свою работу?

Вообще-то прямо сейчас я не то чтобы в настроении делать мою так называемую работу — о том, является ли исполнение роли стриптизера моей настоящей работой, я тоже прямо сейчас спорить не собираюсь, — зато я определенно испытываю побуждение проводить с Талларико ровно столько времени, сколько необходимо. И ни секундой больше.

— Вы хотите, чтобы я нашел Хагстрема? — спрашиваю я.

— Мы платим тебе за то, чтобы твои глаза и уши постоянно были открыты.

— Они открыты.

— Да не здесь, — вздыхает Эдди. — В общем, вали отсюда. Вон. Поговори с парнями внизу, они скажут тебе, с чего начать.

И с этими словами он снова принимается за свое. В глазах у гангстера лихорадочный блеск, руки в темпе перекалывают бумажки с места на место. Не очень похоже, что Эдди уделяет документам хоть мало-мальское внимание. Мне становится интересно, написано ли там что-нибудь вообще. И даже если написано, умеет ли он читать. Внизу пестрая компания бандитов по-прежнему окружает телевизор, наблюдая за какой-то эротической комедией. Каждые секунд десять из группы вылетает несколько смешков. Я приближаюсь к тому мужичку, который ранее удостоил меня кивка, надеясь, что он будет так любезен и даст мне пару-другую ценных директив. Не могу понять, исходит запах сыра и старых носков от него самого или от миски с начосом, которую он держит на коленях.

— Привет, — говорю я, вплывая в его поле зрения. — Я Винсент.

— Шерман, — отзывается мужичок. Когда он делает движение, чтобы пожать мне руку, смрад острого лимбургского сыра не первой свежести становится еще сильнее. Возможно, у парня инфекция в ароматических железах. Что ж, случается и с лучшими из нас. Говорят, именно поэтому Льюиса и Кларка послали на запад — на востоке их вони уже никто не мог выносить. — Садись, бери кусочек.

— Пожалуй, в другой раз. Эдди говорит, вы можете сказать мне, где найти Нелли Хагстрема.

Из телевизионного динамика выскакивает новая концовка сального анекдота, и Шерман выпускает из себя несколько смешков, для довершения эффекта пару раз хлопая своего соседа по спине. Затем он отклоняется назад и едва не опрокидывается на ковер, прежде чем снова выпрямиться.

— Послушайте, я просто хочу знать, где они ошиваются...

— «Морская хибара», — хрипит Шерман. — Ресторан на Бискайском бульваре. Пусть Рауль тебя туда отвезет.

— Рауль уехал, — вмешивается другой бандит. — Типа минут десять назад.

— Тогда ладно, — говорю я. — Я вызову такси.

— На здоровье, — благословляет меня мой новый приятель. — Телефон на кухне. — Он дергает большим пальцем себе за плечо, и я направляюсь туда по гостинной.

Но тут Шерман вдруг меня зовет, и я останавливаюсь.

— Эй, погоди секунду. — Я послушно разворачиваюсь и снова ступаю на грязный ковер. — Вернись...

— Что-то еще? — спрашиваю я.

— Угу, — говорит Шерман, кивая головой в сторону прямоугольной фигурки в каких-то пяти футах от него. — Ты мне пульт не передашь? Терпеть это придурочное шоу не могу.

«Морская хибара». У нас в Лос-Анджелесе тоже есть заведения с подобными названиями. Однако там мы всегда знаем, что это шутка.

Чучела акул развешаны по стенам, стеклянные глаза бывших хищников буквально умоляют посетителей положить конец их страданиям. «Упакуй меня в ящик, отвези на свалку или хотя бы повесь в какой-нибудь более-менее пристойной гостинной, — говорят они. — Пристрой где угодно, только не здесь». Все без толку — это китчевый уголок, и именно здесь место потомкам героини «Челюстей». Витые раковины нанизаны на рыболовные лески и развешаны под потолком, опускаясь оттуда, чтобы раздражать более высоких клиентов и вызывать комплекс неполноценности у малых детей. Вход украшает неизбежная занавеска из нанизанных на тонкие веревки мелких ракушек — явно возврат к представлению какого-то паршивого мореплавателя о стиле семидесятых.

Но первое, что я замечаю, отваживаясь зайти в «Морскую хибару», это запах. Вся эта рыба жутко воняет. Черт возьми, меньше чем в миле отсюда Атлантический океан — можно

было бы предположить, что, когда последний улов начинает тухнуть, местной обслуге не составляет труда сгонять до берега, малость помахать там острогой и обзавестись свежей рыбой. Увы, этим заведением, похоже, владеют млекопитающие — и вон они не чуют до самого перехода от салями к сальмонелле.

Другая река запаха, что течет мимо моих ноздрей, более мне знакома: сосна, осеннее утро. Здесь точно должны быть диносы. Мимо бронзовой черепахи я прохожу дальше по ресторану — к бару в задней его части, где у деревянной стойки горбится немало посетителей. Над стойкой висит целый ряд телевизоров. Все они настроены на какую-то игру «Марлинс», но их никто не смотрит. Неплохо было бы для разнообразия малость здесь пообщаться.

— Вечер добрый, — говорю я бармену. — Пожалуй, я бы не прочь...

— Тсс, — шипит он.

— Тсс?

— Тсс.

Итак, это тихий и молчаливый бар. Очень даже понимаю. Пытаясь прикинуть, как мне заказать здесь газировки, я припоминаю самые основы языка глухонемых, но тут до меня вдруг доходит, что не все пришли в «Морскую хибару» дать отдых своим голосовым связкам. Один голос возвышается над общим безмолвием — этот сильный, командный тон для меня одновременно и нов, и знаком.

— ...короче, зовут меня словечком с ним перекинуться. Да-да, именно так. Словечком перекинуться. А когда Франческо хочет перекинуться с кем-то словечком, чаще всего этому чуваку можно дать хороший совет заблаговременно приобрести себе могильную плиту и место на кладбище.

Голос доносится из самого центра плотной группы — рассказчик что-то травит другим посетителям бара. Мне его отсюда не видно — плотная толпа не на шутку увлечена. Пожалуй, это южнофлоридская версия ресторанного шансона. Какой-нибудь болван встает, начинает болтать про свою жизнь, и время от времени кто-то из посетителей швыряет доллар ему в бокал. Ядвигаюсь поближе.

— В общем, вхожу я в контору Франческо, — говорит парень, — в ту, что он у Вискайи держит. Внутри — тьма кромешная. Я прикидываю, сначала самое главное — надо завещание написать, привести свои дела в порядок, все такое, верно? — Легкое гоготание толпы, но рассказчик не позволяет ему затянуться.

— Франческо говорит мне садиться, а я отвечаю, что я лучше пешком постою. Тогда он снова говорит мне сесть, и тут уже я слушаюсь, потому как прикидываю, что костер круто разгорелся, и подливать туда бензина не стоит. Может статься, я уже труп, но если я буду с ним мил, Франческо, вполне возможно, позволит мне быстро куда надо отправиться. Короче, я сажусь, и не успеваю я даже извиниться — ясное дело, я понятия не имею, чего я там такого натворил, но извиниться всегда нужно, — как Франческо мне говорит: «Хочу, чтобы ты одно задание для меня выполнил». Просто вот так, с бухты-барахты. «Задание?» — спрашиваю. А он кивает и повторяет: «Задание». Теперь я начинаю совсем жутко нервничать, но уже в хорошем плане. Наверняка он после этого задания собирается поставить меня к нужной кнопке, подключить к чему-то солидному, сделать меня известной персоной. «Все, что хотите, — говорю я. — Я к вашим услугам». Тогда Франческо встает, обнимает меня за плечи и отводит к дверце в задней части конторы, такой малюсенькой, что я даже ее сразу и не заметил. Меня начинает малость потряхивать, но я креплюсь как могу, соображая, что именно здесь я узнаю самые потаенные тайны. Здесь Франческо расскажет мне, что он знает о жизни. В общем, входим мы в крошечную комнатку, и Франческо со значением мне кивает. Я киваю в ответ, а он вдруг ко мне спиной поворачивается. «Самому мне с этим не справиться, — говорит он. — Надеюсь, тебе удастся». Я перевожу дух, поднимаю глаза... и вижу Франческо с губкой в одной руке и с куском мыла в другой. Он стоит и один за другим спинные шипы выпускает. «Понимаешь, — говорит мне Франческо, — моя медсестра из города отлучилась, а мне надо шипы помыть. Особенно

хорошенько третий протри. Очень тяжело их без посторонней помощи чистить». Вот так я и вошел в семью Франческо.

Толпа разражается смехом и аплодисментами — эту басню все уже явно слышали раньше, но, насколько я понимаю, всякий раз ею наслаждаются. В голосе рассказчика мне слышится что-то до боли знакомое, и я поддвигаюсь еще поближе, пытаюсь уловить запах. Это не так просто — вонь тухлой рыбы забивает мне ноздри, затрудняя распознавание.

Тогда я присаживаюсь к стойке и жду, пока толпа рассеется. Рано или поздно я надеюсь получить если не обонятельную, то хотя бы визуальную информацию. Бармен снова начал раздавать выпивку, и я улучаю момент, чтобы ухватить себе диетическую газировку.

Но не успеваю я толком отхлебнуть свой напиток, как твердая рука опускается мне на плечо, и знакомый запах сои с корицей пробирается по моим ноздрям.

— Я тебя знаю?

Хагстрем. Я не отворачиваюсь от стойки, надеясь на то, что в тот день в казино ему недосуг было меня обнюхивать и что моего лица он тоже не вспомнит.

— Не думаю, — бормочу я и делаю глоток газировки.

— Нет, я точно тебя знаю. От тебя сигарами пахнет.

— Мало ли от кого ими пахнет.

— Ну да, и все они в Норуолке за баккару садятся.

Вот тебе и раз. Я чую, как вокруг нас скапливается толпа. Дружки Хагстрема несомненно его поддерживают. Я разворачиваюсь, стараясь сохранять сталь в глазах и неподвижность во взоре. Если пути наружу мне уже обманом себе не выторговать, быть может, мне удастся удержать их на безопасном расстоянии при помощи нескольких подходящих усмешек.

— А в чем проблема? — спрашиваю я. — Ты проиграл, я выиграл. Простая удача в картах.

Я не могу оторвать глаз ото лба Хагстрема — от сморщенного шрама, корежащего кожу у него между бровей.

— Ты за мной следишь?

— Ага, — фыркаю я. — Именно этим я и занимаюсь. Мне больше делать нечего, кроме как за тобой следить. — Хмыкнув, я разворачиваюсь на табурете и делаю еще один глоток газировки.

— Что? Ты ко мне спиной повернулся?

— Получается так, приятель.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, пара коллег Хагстрема уже держит меня за руки. В следующее мгновение я сдернут с табурета и брошен на посыпанный опилками пол «Морской хибары», присоединяясь к россыпи шелухи от арахиса и пролитому пиву. Ударившись о пол, я на секунду лишаюсь дыхания, поле зрения искажается, мир переворачивается с ног на голову.

Ботинок Хагстрема — темной кожи, до блеска отполированной — миг спустя опускается мне на шею, давя не на человеческое дыхательное горло, а чуть ниже, где находится слабое место диноса. Этот парень неплохо изучил анатомию.

Нажим. Не вдохнуть. Это уже интересно.

И интереснее всего — не придет ли мне на помощь бармен или еще кто-то из obsługi. Впрочем, очень скоро я понимаю, что это тот тип заведения, которое гангстеры опекают именно по той причине, что бармен и obsлуга становятся слепоглухонемыми в те самые моменты, когда им следует таковыми становиться.

— Ну что? — говорит Хагстрем, возвышаясь надо мной, явно довольный своей небольшой победой. — Может, еще раз ко мне спиной повернешься?

Он начинает еще сильнее давить ботинком, и вдруг я понимаю, что весь воздух из меня выходит, а нового вдохнуть ни в какую не получается. Я размахиваю руками, пытаюсь подняться, но те же два олуха, что бросили меня на пол, внезапно падают на колени, буквально пригвождая меня к опилкам. Рычага у меня нет — и выбора тоже.

— Погоди... — пытаюсь сказать я, но наружу выходит лишь невнятное бульканье. — Погоди...

Но Хагстрем меня не слушает. Его размытая фигура плавает перед моими вдруг заслезившимися глазами, шрам на лбу дергается туда-сюда, губы кривятся в болезненном совокуплении ярости с радостью. Ноги мои слабеют, руки — вялые отростки в крепкой хватке дружков Хагстрема.

И в тот самый момент, когда мне уже кажется, что все куда-то уходит — и вдохи, и звуки, и запахи, — в тот самый момент, когда ботинок Хагстрема опускается еще ниже, — в тот самый момент, когда с моей жизнью вроде бы все кончено, когда я вытираю руки о салфетку экзистенции и навсегда покидаю этот ресторан, в тот самый момент, когда я понимаю, что все равно нет никакого смысла...

Нажим вдруг исчезает. Какое-то мгновение мне кажется, что я просто загнулся, хотя в раю вряд ли воняет месячной давности тунцом.

— Поднимите его, в темпе. — Этот голос из далекого прошлого только что рассказывал историю о том, как начинающий гангстер протирал губкой шипы большого босса. И, судя по всему, этот голос принадлежит капитану местного корабля. — Помогите же ему, черт побери...

Я чувствую, как чьи-то руки поднимают меня и усаживают обратно на табурет, хлопают по спине, поддерживают мое обмякшее тело в равновесии. На это уходит немалое время, но все же вскоре я оказываюсь способен вернуться в телесную оболочку, восстановить контроль над своими конечностями. Они гудят, и их словно бы кто-то колет маленькими иголочками.

— Ты в норме? — спрашивает тот голос.

— Угу.

— Ты уверен?

— Угу, — повторяю я, глядя на широкое лицо мужчины, который только что спас мне жизнь, если не достоинство, — и не ловлю ничего, кроме воздуха. Наконец я позволяю своему взгляду передвинуться на несколько футов и замечаю холеного малого, пристегнутого к инвалидной коляске с электромотором. Голос его по-прежнему мне знаком, а облик — нисколько. Раньше я никогда этого парня не видел. — Твоего чувака малость занесло, но я в норме.

— Нелли немного на взводе, — говорит он, кладя ладонь мне на плечо и поддерживая меня в равновесии. Постепенно у меня в голове появляются какие-то ощущения, ноздри начинают фурычить, отметаая в сторону запах рыбы и пытаюсь уловить намек на персону моего неожиданного спасителя. — Но если тебе уже лучше...

— Все хоккей.

Мужчина нажимает на кнопку своей инвалидной коляски и разворачивается, готовясь отбыть. Но пока он собирается уезжать, я вижу, как внезапная вспышка мысли скользит по его лицу, освещая глаза, бороздя морщинами лоб. Тогда он опять разворачивается ко мне, ноздри его раздуваются, грудь сильно вздымается. В тот самый миг, когда он чувствует меня, я чувую его, и внезапно у меня в голове выскакивает картинка в картинке, целый ряд снимков, которые много лет сидели глубоко в мозгу.

Лимон с медью. Азиатский мальчонка проходит по полю, то и дело подбрасывая монетку.

— Джек? — невольно спрашиваю я. Имя слетает с моих губ прежде, чем я успеваю его остановить.

И мужчина — чьего лица я никогда раньше не видел, и все же которого я знаю так близко, как никого на всем белом свете, — широко ухмыляется и разводит руки, чтобы заключить меня в беспредельные медвежьи объятия.

— Винсент Рубио, — мурлычет он, прижимая мое лицо к ткани своей рубашки, обхватывая мой затылок, гладя мои волосы, как будто я потерявшийся ребенок, которого внезапно нашли. — Даже не знаю, поцеловать мне тебя или убить.

— Джек...

— Тсс, сиди смирно. Дай-ка мне все обдумать.

6

Лос-Анджелес — вообще-то не лучшее место, чтобы заводить себе друзей. По крайней мере, в последнее время. Расспроси местного жителя про его соседей, и в шести случаях из десяти он не скажет тебе их фамилий — тут все дело в том, что на почтовых ящиках очень мало обозначений. В восьми случаях из десяти он не скажет тебе их имен. А если скажет, то лишь потому, что почтальон как-то раз доставил посылку или конверт не по тому адресу. В девяти случаях из десяти это его просто никак не волнует.

Но когда я еще только там рос, когда Лос-Анджелес еще не был задушен неотвязным смогом, когда бизнесмена можно было так же запросто застать на пляже, как и у себя в конторе, когда люди все еще думали, что можно отправиться на запад и найти свою мечту в солнечной Южной Калифорнии, Лос-Анджелес был городом не хуже всех прочих — местом, где в соседнем доме можно найти себе лучшего друга. Я, по крайней мере, именно там его и нашел. С другой стороны, я был ребенком, а дети именно так обычно и поступают — машины водить нам нельзя, а потому мы ведем себя мило с местным народом и надеемся, что он ответит нам тем же.

И все же мне приятно думать, что, даже если бы я впервые познакомился с Джеком Дуганом, когда мы стали бы восьмидесятилетними старперами, сидящими на веранде дома престарелых, пытающимися уберечь свои хвосты от попадания под полозья кресел-качалок и болтающими о великих днях прошлого, пока непрерывные потоки слюны стекали бы по нашим двойным подбородкам, мы бы оттягивались так же классно, как делали это десятилетними сопляками, вечно готовыми заварить крутую кашу.

Папаша Джека владел бакалейным магазином на Вермонт-авеню, в том районе Лос-Анджелеса, который теперь зовется Корейским городом. Прокатись по той улице сегодня, и будешь счастлив, если за двадцать кварталов увидишь хотя бы две вывески на английском. Но даже эти две обычно вешаются, чтобы порадовать немногих европеоидов, которые заезжают туда перекусить. А когда мы с Джеком там росли, в этих кварталах проживало смешанное общество — как этнически, так и видово. Азиаты, латиносы, черные — не имело значения, если только у тебя имелся хвост и тебе не лень было помахать им в нужное время и в нужном месте.

Магазин под названием «Продукты Дугана» представлял собой небольшое, но людное заведение, куда все местные жители заходили за запасами трав два-три раза в неделю. А Гарольд Дуган — Хэнк для его жены, Папаша для Джека и, по ассоциации, для меня — славно этим магазинчиком заправлял. Он знал всех по именам, знал, кто где работает, а также, естественно, у кого какие хобби и личные предпочтения. Если миссис Дателъо приволакивалась в среду, он держал наготове ее излюбленный пастернак; если же была суббота, он готовил отдельные веточки кинзы. Главное помещение магазина занимало не более шестисот квадратных футов, но задняя комната — особая территория — имела полки от пола до потолка со специями всех вкусов и воздействий, каждые два дня пополняясь. Не иначе как влажная мечта гербаголика и одновременно его кошмар. Десятиколенные грузовики подкатывали к разгрузочным платформам и сваливали туда одну упаковку товара за другой. Мы с Джеком помогали втаскивать поддоны в магазин, где работники Хэнка одобрительно похлопывали нас по головам, бросали в нашу сторону несколько баксов и забирали поддоны дальше.

Джек был чертовски крупным пацаном. Копна его волос свисала по всем сторонам, а челка почти закрывала глаза. Позднее я узнал, что его папаша вступил в пререкания с производителем париков в фабричной мастерской, где он покупал семейные личины, и не хотел стричь сыну волосы, пока не убедился в том, что их можно заменить, но в то время мне просто казалось, что на голове у Джека «крутой хаер». Еще бы — ведь это были

семидесятые.

Раз Джек был гадрозавром, а я велоцираптором, по всем правилам мы вроде бы должны были болтаться с разными компаниями. Но там, где мы жили, все обстояло совсем не так — ты дружил с тем народом, который тебе нравился, и все было путем. Я знал уйму пацанов-рапторов, которые ходили в мою школу, и большинство из них скорее плюнули бы тебе в морду, чем сказали доброе слово. Не знаю, почему так выходит, но в личном деле моего вида оказывается очень мало благоприятных записей, когда речь идет о вежливости и гостеприимстве. Возможно, если бы Кастер был не раптором, а орнитомимом, дела в Малом Бигхорне пошли бы куда лучше.

Почти все время мы раскатывали по Лос-Анджелесу на великах с полного благословения наших родителей, которые либо были вполне довольны безопасностью всех окрестностей, либо просто не слишком заботились о нашем благополучии. Несмотря на целую кавалькаду приключений, в нынешние времена поджидающую как туристов, так и бизнесменов в дебрях Большого Лос-Анджелеса, тогда пацанам в целом почти нечем было заняться. В парках заправляли бродяги, в музеях все было сухо и тускло, а кинотеатры в ту пору ломились от слишком длинных эпосов или невнятных психодрам. Даже тогдашние мультики пролетали где-то у нас над головами. Оставались только велики и бесконечная езда.

Впрочем, это вовсе не значило, что мы то и дело не спрыгивали со своих коней для разнообразных проказ. На двоих мы знали все фокусы из книжки, а остальное схватывали просто на лету. Джек обычно брал на себя творческую часть, а я устранял возникающие проблемы. Вместе мы могли нешуточно огорошить даже самого самоуверенного взрослого мужчину из всех, что жили по соседству.

Большинство этих проказ были сущими мелочами, дурачествами, затеянными, чтобы вызвать досаду у их объектов и, может статься, извлечь смешок-другой из наших зевак. Помню, однажды мы тайно преследовали местного ловца бродячих собак — налоговая база была в то время достаточно солидной, чтобы позволять подобные вольности, — и дождались, пока его грузовик будет полон лающих, корчащихся псов, пытающихся когтями прорвать себе путь на свободу. Когда же он в очередной раз остановился, чтобы изловить в проулке новую дворнягу, мы прокрались к задней части грузовика, залезли туда и отперли все клетки. Наружную дверцу мы так и оставили закрытой, но позволили животным свободно бродить внутри и лизать нас шершавыми языками в знак благодарности. Нам с Джеком пришлось не на шутку потрудиться, собирая всех псов в кучу, пока они скребли у себя за ушами и разыгрывали «трубку мира» с куском принесенной нами веревки. Наконец маленькая грузовая зона размером шесть на двенадцать была доверху накачана собачьим адреналином.

Когда ловец бродячих собак вернулся с места последней баталии и открыл заднюю дверцу, чтобы запихнуть куда надо свою добычу, маниакальная масса шерсти и смрадного дыхания вылетела из грузовика, валя его на землю, топча его тело сотней грязных мохнатых лап. Мы с Джеком сумели кое-как выбраться наружу во время общей сумятицы, дыша на всю катушку и надеясь, что даже если тот мужик нас приметил, он все равно будет в таком шоке, что дважды два четыре вместе не сложит.

Большинство наших проделок были совершенно заурядного типа «позвони на вокзал и скажи, что он щас рванет». А потому наказания, если до них вообще доходило, оказывались всего лишь несколькими днями без телевизора и тому подобными мелочами. Но однажды мы наложили слишком густо. В тот раз наш коллективный разум измыслил план, далеко превосходящий все наши представления о возможных последствиях. И только когда мы с Джеком оказались перед лицом тягчайшего из наказаний, мы по-настоящему узнали друг друга и поняли, чего мы стоим.

Матушка Джека, как и множество матерей в те времена, была домохозяйкой, но такой домохозяйкой, которая хотела чувствовать, что делает свою часть работы в плане финансового обеспечения семьи. «Продукты Дугана» были заведением популярным, однако

основа всего бизнеса, откуда поступала главная наличность — травы, — существенным образом зависела от экономики. Во времена кризисов часть народа вполне могла обойтись без базилика и розмарина. А если кто-то тяжело врубался во все это дело, был настоящим гербаголиком, он всегда мог взять оптом или в сушеном виде товар низкого качества, который папаша Дуган наотрез отказывался принимать.

Личины и их аксессуары по большей части контролируются Советами на местных и региональных уровнях, а в более широком смысле — Советами государственным и мировым. Именно эти Советы лицензируют производителей и распространяют допуски на тех, кто очень желает войти в бизнес человеческих костюмов. Принимают немногих. У большинства нет даже денег, чтобы для начала заплатить за допуск, а тот, кто все-таки это делает, чаще всего подвергается банкротству из-за фантастического объема взяток, которые требуются, чтобы протолкнуть любую бумажку через конторы Совета.

Однако в те времена одна компания намеревалась произвести форменный переворот в сообществе производителей личин. У них были все ходы и выходы, чтобы это сделать, необходимая финансовая мощь и потрясающая торговая марка, уже известная в домохозяйствах по всей Америке — как диноскопских, так и прочих.

Называлась эта компания «На халяву».

Как я понимаю, ее деловое предложение Советам было предельно простым. У компании уже имелись нужные заводы, рабочие на местах. Восемь процентов работников ее предприятий — все диноскопские члены организации «На халяву» — должны были получить небольшие подъемные и быть переведены на новый завод по производству личин в Чили, где двадцать четыре часа в сутки им предстояло производить качественные и стильные костюмы. Весь фокус заключался в том, что отдельные детали этих костюмов были взаимозаменяемы. Тебе больше не требовалось заменять всю личину, если на ноге-другой что-то такое не срабатывало. Теперь эту самую ногу-другую можно было запросто заказать у корпорации «На халяву», ее работники бесшовно прикрепляли ее к остальной части твоего фальшивого тела, причем у тебя на дому и в трехдневный срок.

Два года и, по слухам, более четырнадцати миллионов долларов в задние карманы чиновников потребовалось, чтобы Всемирный Совет одобрил бизнес «На халяву», а чилийское государство получило растущую индустрию. Из Южной Америки дошли вести о том, что местное рептильное население, солидная часть которого устроилась работать на фабрику, как только стало очевидно, что привозной рабочей силы катастрофически не хватает, чтобы справиться с непрерывно поступающими заказами, пришлось тратить деньги налево и направо, покупая себе такие предметы роскоши, которые они раньше никак себе не могли позволить — например, продукты и жилища. В общем, жизнь была струей.

А тем временем в Штатах в действие вопит система торговли «На халяву». Верное своему слову, руководство компании действительно составило пробивную и энергичную группу женщин, жаждавших взяться за распространение продукции «На халяву» по гостиним всей Америки. Раньше эти женщины многие годы торговали пластмассовой тарой, но когда дело дошло до личин, работа не показалась им какой-то принципиально иной, разве что она требовала куда меньшего числа отрыжек.

Матушка Джека торговала руками.

Да, разумеется, она продавала и другой товар, так все делали, но матушка Джека так насобачилась именно с руками, что оставляла далеко позади даже профессиональных оценщиков. Неподходящую пару трицепсов она за тридцать футов различала. И таким глубоким было ее знание структуры руки, что как-то раз ее даже пригласили в филиал компании «На халяву» в Сан-Диего, где она прочла инспекторам лекцию на предмет метакистевых костей, а также поведала, как их можно было бы усилить в хорошо известной линии личин «Столпы общества».

И она закатывала вечеринки. Да, она в самом деле закатывала нешуточные вечеринки. Ежедневные деловые занятия начинались в полдень и заканчивались только после заката, когда все окрестные дамы собирались в гостиной у матушки Джека, разодетые в пух и прах,

маленькие шляпки водружены на пышные прически, всюду золоченые пуговицы и сияющая пластмасса. Все наряды до ужаса вычурны, и к тому же дамы приходили в тот момент, когда матушка Джека — Тиффани — звонила в маленький колокольчик и объявляла о начале торжеств. Но все они там были взбалмошны и легкомысленны, а на взгляд мальчика к тому же — просто великолепны.

Обычно нас с Джеком тактично изгоняли из дома на время этих вечеринок, но мы не особенно по этому поводу переживали. Как правило, мы отправлялись в «Продукты Дугана» и швырялись там головками латука или гоняли на великах до водоема и подглядывали, что там поделывают старшие ребята.

Но однажды у Джека возникла идея получше. Он заявил, что она пришла к нему во сне, но я думаю, что он какое-то время проваривал ее у себя в котелке до нужной кондиции. А когда одним августовским деньком в душном Лос-Анджелесе солнце нещадно жарило нас с неба, мы решили, что верный момент наконец настал.

Тринадцать дам собрались в тот раз в доме — тринадцать кошелев готовы были в мгновение ока раскрыться. Матушка Джека только что получила партию новых ног от поставщиков «На халяву», и все женщины страшно хотели провести обкатку новой линии бедер (теперь с эффектом «Не балуй»!). Они собирались в гостиной, где плотным рядом лежали фальшивые бедра, и уровень шума возрастал по мере прибытия очередной дамы. При представлении новой подружки все пищали и щебетали, точно целый птичий зверинец.

Тиффани подозвала нас к себе.

— Джеки, Винсент, — сказала она, протягивая нам пятидесятидолларовую купюру. — Вот, возьмите и славно повеселитесь, мальчишки.

Джек взял купюру и чмокнул мамочку в щечку, однако деньги он в тот день тратить не собирался.

— Спасибо, миссис Дуган, — поблагодарил я Тиффани, и она игриво взъерошила мне волосы.

— Ну, давайте, бегите.

Другие дамы не уделяли нам никакого внимания, пока мы вытряхивались из передней двери, запрыгивали на велики и разгонялись вдоль по улице. Завернув за угол, мы тут же в объезд устремились назад, в темпе одолевая небольшие лужайки на задних дворах соседей Джека.

К тому времени, как мы добрались до задворков дома Джека, дамы уже набрали полную громкость, смеясь и вопя — в целом стремительно обращаясь в девочек-подростков, страстно ожидающих новых приобретений. Громче всех вопила Бетти Деррида, ее девчачий, писклявый голос метался по застроенной домами равнине города.

— Она должна стать первой, — предложил я. — Просто чтобы вопль был лучше слышен.

— Ага, — отозвался Джек. — У нас все стекла полопаются.

Мы выждали еще какое-то время — просто чтобы дожидаться полного крещендо, затем проскользнули в заднюю дверь и через прачечную выбрались в дальний коридор. Оттуда было всего несколько ступенек до главной спальни и бесподобного потайного места, платяного шкафа. Отсюда у нас через щели в дверце по-прежнему имелся отличный вид на гостиную, но нас эти щели никак не выдавали. Существенно важным моментом было то, чтобы мы пронаблюдали за этой фазой — на этом покоился весь наш остальной план.

Пять минут спустя матушка Джека достала небольшой обеденный колокольчик, подняла его повыше и аккуратно стукнула по нему крошечным молоточком размером с авторучку. Звон получился громкий и чистый, внося сильную, резкую ноту в гомон собравшихся домохозяек.

— Вечеринка «На халяву», — объявила Тиффани, — начинается.

Мы с Джеком таились в шкафу с отвисшими челюстями, когда настоящий вихрь лихорадочной деятельности захлестнул гостиную. Не желая утруждать себя благородной, аккуратной манерой, в которой большинство из нас снимает свою одежду — не жалея

времени, чтобы поместить каждую ляжку и каждый клочок латекса в логически точное положение, — эти дамы взялись за дело с таким рвением, точно это была ночь любителей в клубе «Бесплатный стриптиз». Сперва платья и шляпки, затем нижнее белье и туфельки — все это горой наваливалось друг на друга в безумной лихорадке, только бы обнажить голые чешуйки. Дамы хотели новых личин — и они хотели их прямо сейчас.

Мы с Джеком внимательно следили за каждой домохозяйкой — все они теперь были наги как крокодилихи, шурша хвостами по густому ковру гостиной, — пока они собирали свои костюмы и тащили их в спальню, кладя там на кровать, на пол, на шезлонг, куда придется. У нас обоих была чертовски хорошая память, и мы разделили обязанности, четко фиксируя, чья личина куда положена. Довольно скоро личины всех присутствующих дам оказались в спальне, а они заново облачались в гостиную, спеша затеять игры и забавы. Это часть празднеств нас с Джеком совершенно не интересовала. У нас на уме были свои игры и забавы.

Никто не слышал, как мы выбрались из платяного шкафа, и никто не заметил, как дверь в спальню внезапно захлопнулась. Теперь мы остались там одни — только два пацана, тринадцать дамских костюмов и изощренное, скушающее воображение юности.

— С кого начнем? — спросил Джек.

— С Бетти, — сказал я. — С Бетти и с миссис Тейлор.

На каждую Бетти Дерриду в мире непременно найдется своя Джозефина Тейлор. Джозефина была уже немолодой женщиной, и ее личина (половина «На халяву», половина от Эриксона) была сработана так, чтобы соответствовать ее обвисающим формам. Немного тяжеловатая в пояснице, большую часть своего веса миссис Тейлор носила на бедрах, что придавало ее телу грушевидную форму. Толстый хвост тут мало чем помогал, только увеличивая габариты млекопитающей задницы. Однако саму Джозефину ее личина, похоже, вполне устраивала. Видимо, она придерживалась того мнения, что хорошего человека должно быть много.

Бетти, с другой стороны, была самой юной участницей бригады «На халяву». Ее сынишке было еще только девять месяцев, и в наш район она переехала всего за год до его рождения. Бетти была той самой девушкой, о которой большинство старших женщин обычно судачат у нее за спиной, за которой соседские ребята — включая нас с Джеком — вечно ходят хвостом, то предлагая поднести сумку, то ребенка, то еще что-нибудь. В своей компании она числилась Самой Горячей Мамашей — и в качестве таковой оказалась естественной мишенью.

— Ты бери барахло миссис Тейлор, — сказал я Джеку, — а я возьму Беттино.

— Почему это ты возьмешь Беттино? — возразил он. — Идея была моя.

— Ладно-ладно, — согласился я, желая, чтобы мы скорей перешли к делу. — Меняемся. Только давай пошустрее.

На то, чтобы обработать всю спальню, у нас ушло всего двенадцать минут, а когда мы закончили, то не стали медлить на месте преступления. Мы с Джеком открыли окно спальни — слишком рискованно было пытаться проскользнуть обратно через прачечную — и выскочили напрямик в розовые кусты. Извлекая шипы, мы одновременно смеялись и извергали проклятия.

Перебравшись к передней части дома, мы запрыгнули на велики и помчались к «Продуктам Дугана», где смешались с работниками и взялись помогать им загружать в заднее помещение новую партию трав, все это время широко друг другу ухмыляясь. Алиби получалось просто идеальное.

— Эй, вы двое, чего там такого смешного? — спросил у нас Папаша Дуган. — Вы точно парочка тираннозавров, которые только что комписа слопали.

Шесть часов спустя мы прикинули, что вечеринка уже должна заканчиваться, и закрутили педали обратно к Джеку. За квартал до дома мы решили подождать, внимательно приглядывая за передним окном. Заметив там какую-то суету, мы тут же по прямой донесли до дома и прошли вперед по дорожке. Мы все рассчитали верно, и первые дамы

как раз начали торопливо выбегать из дома к своим машинам.

Первой нам попалась на глаза Джин Гордон с хозяйственной сумкой, полной аксессуаров, вот только передвигалась она внутри нижней части тела Сюзи Фенстер. А Сюзи Фенстер, обычно вполне удовлетворенной своей высокой, долговязой фигурой, пришлось обойтись коротким и округлым двенадцатым размером. Схожие проблемы с личинами обрушились на Сью Клау и Кэти Варгас, Джо-Эллен Железны и Патти Гольштейн, а также на всех остальных дам, которым очень не повезло посетить в тот день вечеринку «На халяву» матушки Джека.

Мы поменяли личины. Подложили разные головы к разным телам, изобретательно подбирая и смешивая, используя нашу творческую потенцию на все сто процентов, прикидывая, чья маска «лучше всего» подойдет к чьему туловищу, делая все возможное и невозможное, чтобы создать предельные несоответствия формы, цвета и размера. А просто для уверенности в том, что они не уловят ошибки и в темпе не поменяются обратно, прежде чем мы с Джеком насладимся славным зрелищем, — мы использовали клей «суперцемент», чтобы удержать новые добавления на месте. Честно говоря, очень много «суперцемента».

Наконец из дома появилась последняя парочка, наше главное достижение, венчающее все наши труды. Собственно говоря, именно ради этих двоих мы с самого начала всю схему и разработали.

Бетти Деррида и Джозефина Тейлор.

Джозефина шла с гордо поднятой головой, ее морщинистая маска расплывалась в широкой тонкогубой улыбке, а искры в ее глазах начисто опровергали ее слова.

— Мне так жаль, — хрипела Джозефина, поворачиваясь к стоящей в дверном проходе Тиффани. — Скажи Бетти, что я ей при первой же возможности все верну. Мне очень, очень жаль.

Однако под эти шестидесятилетним лицом было фигуристое, сексапильное тело двадцатичетырехлетней женщины — бедра скользили вширь из-под осиной талии, идеально оформленные груди расходились под абсолютно точным углом. Сногсшибательная личина для фантастической девчонки — но теперь ее гордой владелицей была Джозефина Тейлор, и задом она вертела не хуже всех прочих.

А потом вышла Бетти. Поначалу из дверного прохода высунулась только ее голова. Голова это тотчас же отдернулась назад, точно у черепахи, решившей, что мир слишком опасное место, чтобы туда соваться. Мы с Джеком быстро переглянулись — это показалось нам странным.

Прошло еще какое-то время, а затем Бетти снова высунула голову из-за двери. Тусклые глаза ее были опущены. Щеки подергивались от спазмов, аритмичных сокращений, брови были строго нахмурены, и мне хватило всего одной секунды, чтобы понять, что происходит.

— Она плачет.

Бетти выступила из дверного прохода как отверженная, как прокаженная, худо-бедно пытаясь маневрировать этим большим телом и шагать по дорожке. Впрочем, после долгих лет пилотирования куда меньшего судна со столь непомерными ногами ей попросту было не совладать. Бетти оступилась, качнулась вперед и с трудом выпрямилась, прислоняя тело Джозефины Тейлор к ближайшему дереву. В ее поясице вздымался и опадал фальшивый слой жира, рассчитанный именно на такое колыхание.

— Позволь я тебе помогу, — сказала Тиффани, подступая к Бетти/Джозефине и беря ее под руку, но Самая Горячая Мамаша всего района оттолкнула матушку Джека в сторону и заковыляла к своей машине, шаря по карманам в поисках ключей и удерживая новый приступ отчаянного плача.

Мы с Джеком просто глаз не могли оторвать. Этот поток слез, эта вселенская скорбь в наши планы решительно не входили. Максимум, чего мы ожидали, это пары-другой вспышек гнева, может, нескольких возмущенных воплей. Но полная и безоговорочная капитуляция в глазах Бетти сразу же выдала нам все, что нам вообще когда-либо требовалось об этой дамочке знать. Бетти комфортно жила внутри своей внешности, а мы с Джеком

нечаянно показали ей, что всего этого комфорта можно за считанные мгновения лишиться. Такое достаточно тяжело принять даже после многих лет медленного и равномерного упадка; когда же подобная пиллюля сразу ударяет тебе в голову, ее просто невозможно проглотить.

Я попытался запрыгнуть обратно на велик, желая поскорее оттуда убраться, сбежать с места действия. Очень может быть, если бы я там не присутствовал, все мало-помалу сошло бы на нет, дамы вернулись бы к своим нормальным личинам, и вред оказался бы минимальным. Но я не мог оторвать глаз от Бетти, а потому не видел, куда ступаю, и внезапно рухнул с велосипеда. Металл с лязгом обрушился на асфальт, а педаль заскребла так, что этот звук мгновенно разнесся по всем окрестностям.

Бетти резко остановилась. Одной рукой она держалась за ручку дверцы своего автомобиля, а другой с трудом подбирала массивные отвислые груди, что свисали с ее прежде миниатюрной фигурки, точно тяжеленная охапка бакалеи. Голова ее повернулась, и она посмотрела прямо на нас. Прямо на нас с Джеком, оцепенело застывших на месте, с тупыми ухмылками, приклеенными к нашим губам. Оттуда, где стояла Бетти, вполне могло показаться, будто мы над ней насмеемся, что мы от души забавляемся видом молодой потаскушки, вдруг обернувшейся старой шлюхой.

Губы Бетти зашевелились, и хотя ни одного слова я не расслышал, я мгновенно понял, что именно она говорит. «Вы все это проделали».

Прежде чем мы смогли отреагировать, извиниться или хоть как-то все это дело уладить, Бетти уже сидела у себя в машине, стремительно уносясь к безопасному убежищу своего дома, где можно было опустить жалюзи, наглухо закрыть окна и сорвать с себя эти унижительные складки человеческой кожи.

Матушка Джека стояла в дверном проходе, внимательно глядя на нас. Ее личина была единственной, о которой мы не позаботились, и руки Тиффани вяло свисали у нее по бокам, а лицо уныло вытянулось. Нам было бы куда легче, если бы она уперла руки в боки и гневно сжала губы. Но это выражение полного расстройства было хуже любых попреков, какие мы только могли себе вообразить.

— Винсент, — ровным голосом проговорила Тиффани, когда мы подошли ближе, — тебе лучше идти домой.

— Мама... — начал было Джек, но далеко он не ушел.

— Иди домой, Винсент, — повторила Тиффани. — Твою матушку я звать не стану. Ты сам расскажешь ей все, что считаешь нужным.

Я кивнул, понятия не имея, что я собираюсь делать, но чертовски уверенный в том, что моих родителей я впутывать в это дело не собираюсь, а Тиффани обняла Джека за плечи и спокойно проводила в дом. В последнюю секунду он обернулся, и его испуганный взгляд сказал мне все, что требовалось. Затем он исчез в доме, и дверь крепко-накрепко закрылась.

Больше я его не видел.

Нет, конечно, мы увиделись через два дня — после того, как матушка Джека зачитала ему его права, отобрала велик, футбольный мяч и телевизионное время, а также все те вещи, которые делают жизнь подростка достойной того, чтобы ее прожить.

Тиффани также настояла на том, чтобы Джек отныне прислуживал на вечеринках «На халяву» — подавал пунши и кушанья присутствующим дамам. Ей показалось, что это будет очень даже подходяще — особенно учитывая то, какой вред он нанес ее доверительным отношениям с местными домохозяйками. В итоге Джек нисколько не сомневался, что все его субботние вечера теперь будут заняты на много недель вперед.

А вот чего Джек никак не ожидал, так это того, как далеко все это дело зайдет. Возникла пренеприятная ситуация. Тогда как большинство дам, что были в тот день на вечеринке «На халяву», отправились домой, разделись, переоблачились в запасные костюмы, а затем, как только это стало удобно, поменялись составными частями, нашлась одна, которая так запросто этого не сделала. Для одной дамы во всей этой истории не содержалось ни капли юмора, и она решительно не желала понять, почему преступники не должны быть

наказаны.

Бетти Деррида пошла в Совет.

Поначалу это был просто местный филиал Совета Южной Калифорнии, где Бетти предположительно разглагольствовала на предмет упадка морали и отсутствия нравственных ценностей у нынешней молодежи (при этом не имело значения, что ее саму от юности отделяло всего пять-шесть лет), и в конечном итоге ее жалоба была принята к рассмотрению верховным судом.

К тому времени, как через добрых полтора месяца к упомянутой жалобе обратились Региональный и Западный Советы, им едва ли потребовалось заслушать факты, прежде чем стало ясно, что это совсем не их юрисдикция. Подобные дела следовало рассматривать на самом высоком уровне, и чиновники охотно отправили кляузу Бетти дальше по служебной лестнице.

Невинная проказа превратилась в дело государственной важности. Пусть даже это была сущая малость, совершенно незначительная, она тем не менее подпадала под их юрисдикцию. Ибо в предельно жестком и точном, но в то же самое время страшно запутанном своде законов Советов все образчики неправомерного поведения динозавров можно было приписать к одной из трех категорий:

Неосторожность представляет собой такое нарушение действующего законодательства, которое либо случайно, либо незначительно, либо и случайно, и незначительно, но все же ставит под минимальную (если вообще какую-то) угрозу наше положение в обществе. К примеру, бизнесмен, которому охота сбросить вес со своей человеческой личины, зачастую решает приобрести новый живот у торговца личинами с черного рынка, а не связываться с официальными каналами, потому что на черном рынке ему тут же присовокупят дополнительную упаковку каких-нибудь шести ерундовин или сделают скидку, если он заплатит наличными. Или два друга станут болтать на работе у автомата с газировкой о «грязных млекопитающих, так и снующих по округе», а кто-то из людей или не очень людей их случайно подслушает. Подобные нарушения подвергают динозавров не слишком большому риску, и наказания обычно измеряются в долларах и центах. В таких случаях приличная прибавка к бюджету — лучшее, чем можно умиловить членов Совета.

Насилие куда более серьезно, и именно к этой категории относят большую часть крупных преступлений. Сюда записывается большинство проступков диносов против диносов включая убийство, которое, как вы по своему неразумию могли подумать, следовало бы включить в самую тяжкую категорию. Однако Советы существуют не для того, чтобы предотвращать действия, которые общество стало бы в ином случае покрывать. Да, убийцы могут поступать в такие же нормальные камеры смертников, как и все остальные; а в целом просто больше заботы проявляется внутри карательной системы, чтобы при необходимости отделить их от других заключенных. Таким образом, по законам Совета убийство динозавра динозавром расценивается всего лишь как насилие. Под эту категорию также подпадают все нарушения, которые могут скомпрометировать нашу безопасность — например, неспособность надлежащим образом избавиться от умершего динозавра посредством распад-пакета или ненадлежащее застегивание личины, когда чешуйки торчат на всеобщее обозрение. Большая часть взаимоотношений человек — динозавр также охватывается законом о насилии — включая самую что ни на есть плотскую из трансгрессий. Припоминаю, как я впервые увидел весь этот свод законов в Совете Южной Калифорнии — он был куда длиннее телефонной книги Лос-Анджелеса и лишь ненамного интереснее. Наказания в данной категории ранжируются от серьезных штрафов до тюремного заключения, хотя обычно не на такой уж долгий срок. В случае более серьезного преступления против общества Советы зачастую позволяют преступнику отбыть в мир иной после назначенного срока, как только он проведет несколько славных месяцев в государственном карцере.

Третья категория зарезервирована лишь для тех преступлений, которые несут в себе

самую серьезную угрозу выставления нашего существования напоказ людям, а в результате наказание здесь прямо пропорционально содеянному. На протяжении нашей истории были случаи, когда определенные преступления представлялись столь великими, что преступники приговаривались к смертной казни, дабы послужить серьезным предостережением грядущим нарушителям закона. Последний раз подобное наказание было вынесено несколько десятилетий тому назад, но с того мрачного дня в 1953 году, когда Джулиус и Этель Розенберги при содействии электрических стульев отправились на встречу с Великими Предками, больше никто смертной казни не удостоивался.

Третью категорию также называют *высшими преступлениями* против сообщества динозавров.

И в таком преступлении обвинили нас с Джеком.

Да-да, задолго до того, как меня привлекли за различные правонарушения и вышвырнули из Совета Южной Калифорнии, за многие годы до моего вынужденного бегства из Нью-Йорка, где я расследовал эксперименты доктора Эмиля Валлардо на предмет скрещивания человека с динозавром, а также погряз во всевозможных заморочках во время знаменитого дела Макбрайда, ваш покорный слуга уже был закоренелым преступником рептильного происхождения. Вот так-то! Напрасно мамаша ждет сына домой!

Судя по всему, тогда как неуполномоченная манипуляция с личиной представляет собой мелкую неосторожность, если проделывается со своим костюмом, данное нарушение переходит в категорию насилия, если упомянутая манипуляция проделывается с чьей-то еще шкурой. И существует целая уйма особых обстоятельств, которые могут довести это дело даже до категории высших преступлений. Множественные жертвы, к примеру, или тяжкие искажения личины. В этих двух вещах мы с Джеком определенно были повинны, и потому так все и получилось.

Штаб-квартира Государственного Совета расположена в Алабаме, хотя у кого я ни спрашивал, никто так и не смог объяснить мне, почему. Я всегда полагал, что город Вашингтон, что в округе Колумбия, представляет собой самое логичное место для размещения наших рычагов власти, но с таких давних пор, что даже старожилы не упомнят, именно Алабама стала таким местом. Ну что ж, раз это Таскалуса, пусть будет Таскалуса.

До процесса нам с Джеком было позволено оставаться с нашими родителями — вернее, не процесса, а слушаний, как они это называли, но нам было по барабану, мы все равно знали, что это процесс. Друг с другом нам видеться запретили. Раньше это никогда нас не останавливало — не остановило и в этот раз. Однажды вечером, ровно в 11:37, мы выскользнули из своих домов и встретились под вязом рядом с «Продуктами Дугана».

— Ты ведь ничего не собираешься говорить, так? — спросил меня Джек. — Ведь кроме того, что видела Бетти, у них на нас ничего нет.

— Или думает, что видела.

— Верно. Правда, есть еще фрагмент отпечатка моей перчатки на личине миссис Тейлор...

— Но она вчера на нашу сторону перешла, — сказал я.

— Точно. — Тут мы с Джеком еще раз прокрутили всю историю — нам требовалось все точно согласовать.

Мы оба знали, что последствия могут быть очень серьезными. Разбор высших преступлений никогда не проходил легко. Истории, которые родители-динозавры в назидание рассказывают своим детям, полны преступников, замышляющих раскрыть существование нашей расы, или людей, узнающих о таковом и замышляющих с нами покончить. Полагаю, предельно скверные кончины подобных персонажей должны были послужить нам нравственным компасом. И хотя многие из этих историй, скорее всего, были апокрифичны, наказания оказывались вполне реальны. Смертная казнь в нашем деле представлялась крайне маловероятной, а вот тюремное заключение — особенно в одном из исправительно-трудовых лагерей для малолетних преступников в болотах Луизианы, где в результате твоего тяжелого и потного труда получается лучший ширпотреб, какой можно

купить за деньги, — было вполне возможно.

— Будем держаться вместе, — сказал Джек, — и будем твердо стоять на своем.

Я кивнул. Я уже видел достаточно фильмов, где заговорщики в итоге ломаются под давлением и выдают своих друзей. Пожалуй, все эти фильмы никогда не бывали фильмами года, и приятного ощущения ты от них не получал. Уотергейт только-только нас миновал, и хотя я едва следил за событиями (для ребенка политика вроде представления о том, как его родители трахаются — ты знаешь, что это происходит, но об этом лучше не думать), я тем не менее сознавал о том факте, что одни подонки стучали на других ублюдков, а также что если бы они просто держали свои вонючие рты на замке, всем было бы только лучше.

— Что бы они с нами ни сделали, — сказал я, уже воображая себе камеры пыток, электропогоняла, детекторы лжи и голые лампочки, покачивающиеся туда-сюда в темной комнате, — мы будем молчать.

Джек положил мне руку на плечо и пристально посмотрел мне в глаза.

— Чиркни вот здесь.

Я торжественно расстегнул перчатку и вытащил указательный палец. Мои когти еще толком не вышли, но темный кончик из-под чешуек уже показывался. Джек схожим образом приготовил свой указательный палец, и я кончиком своего когтя процарапал тонкую белую черточку на поверхности его черной шпоры. Затем Джек точно так же отметил меня. Процедура не была столь болезненной, как та, посредством которой люди становятся кровными братьями, сравнительно гигиеничной и бесконечно более значимой.

Нас разделили для рейса на самолете и держали в разных местах в Таскалусе. Я мало что помню про Алабаму, если не считать того, что сикарахи там были громадные и совершенно бесстрашные. В Лос-Анджелесе тараканы со всех ног сбегает с тебя, как только ты врубаешь свет; в Алабаме все они наслаждаются квазисолнечной ванной и требуют, чтобы ты в темпе подавал им дайкири.

Штаб-квартира Государственного Совета, как и большинство контор Совета по всему миру, расположена под землей. Если точнее, на шестом подземном этаже, причем в сельской местности Алабамы, что означает никаких лифтов и чертову уйму лестниц. У меня осталось кошмарное впечатление о спуске к залу суда — шаг за шагом по сырой, плесневелой лестнице, где запах грибка забирался мне в носовые пазухи и побуждал убежать прочь. Отчаянный страх зарождался где-то у меня в животе и медленно вползал в грудь. Тяжелая рука отца с каждым шагом все крепче давила мне на плечо. Создавалось впечатление, будто он уже что-то знает, тогда как я не знаю ровным счетом ничего. Он словно бы знал не только то, как все будет разыграно, но и то, что публика вряд ли будет покидать театр, насвистывая веселые мотивчики.

— Ты скажешь правду, — услышал я басовый шепот моего отца.

— Конечно, — откликнулся я.

Рука его вдавилась в мое плечо, и отец кратко, с плотно сжатыми губами повторил:

— Ты... скажешь... правду.

Мне не надо было говорить дважды. И слушать такое мне тоже не требовалось. Мы с Джеком поклялись на когтях, и все дела.

Шестнадцать старейшин — причем трое женщин, еще тогда, в семидесятые — сидели кружком, их кресла окольцовывали дальнюю стену, и каждое возвышалось на отдельном алебастровом пьедестале. Смутное освещение — не считая одного ярко высвеченного кружка в центре зала. Там же стоял простой деревянный стул, и именно туда меня направили.

— Оставьте его, — выкрикнул голос, и мой отец, повинувшись приказу, без всяких вопросов попятился к выходу из зала. Здесь заседал Государственный Совет, и не повиноваться ему мог разве что упрямый малолетний динозавр.

Хотелось бы, конечно, рассказать, что я вел себя отважно, однако легкая бравада, которую я испытывал, подавлялась сознанием того, что эти шестнадцать тварей держат мою жизнь в своих когтях. Вся их компания была кесарем в Колизее, а я — неудачливым

гладиатором с мечом у горла. Один большой палец вниз — и все, привет, кранты Винсенту Рубио.

Поэтому, когда мне велели сесть, я сел, а когда председатель-бронтозавр встал и заговорил, я прислушивался к каждому долбаному слову, что вылетало из его пасти.

— Винсент Рубио, — начал бронтозавр, его роскошный бас буквально пропел мое имя, — вы обвиняетесь в высшем преступлении недозволенного изменения личин в общественном месте, а потому, несмотря на ваш юный возраст и отсутствие данных о предыдущих преступлениях, мы тем не менее решили отнестись к данному делу со всей серьезностью. Понимаете ли вы выдвинутые против вас обвинения?

Я кивнул и попытался сказать «понимаю». Но в глотке у меня было сухо как в пустыне, горло слишком стремительно вибрировало, и высокий Совет получил от меня только писк, хрип и быстрый кивок.

— Как же вы намерены оправдаться?

Я перевел дух, возблагодарил звезды за то, что мой отец покинул зал и пробормотал:

— Я невиновен.

Дальше последовал добрый час показаний дам, которые были в тот день в доме Дуганов, причем все показания давались на пленке, не вживую, а также краткое судебное свидетельство, данное как введение ассоциативным членом Совета. Сложно было пробиться сквозь звук собственного сердцебиения, поток бегущей воды окутывал мою голову, но все же я оказался достаточно бдителен и сообразил, что, несмотря на всю помпу и высокопарную болтовню, Совет практически не располагает какими-то реальными доказательствами, чтобы обвинить Джека или меня. Эта банда старперов попросту пыталась раздуть уже затухший костер, и пока мы с Джеком держались нашего плана, хрен бы они раздули хоть искорку.

После того, как все свидетельства были представлены, председатель-бронтозавр — очевидно, здесь главный — снова встал и спросил, не хотел бы я изменить свои показания или представить какую-либо дополнительную информацию. Я сказал, что нет, и легкий шепоток разнесся среди членов Совета.

— Вы ведь наверняка знаете, — продолжил бронтозавр, — что ваш друг уже во всем сознался.

Шок пробежал по моему телу, как будто удар электричества, и я полностью сосредоточился на том, чтобы мои колени оставались неподвижны, а руки ровно на них лежали. Это наверняка был фокус — вот зачем нас держали порознь. В школе я уже читал «1984» Оруэлла (на самом деле только последние несколько страниц, но в тему я в целом врубился), а потому знал, что это обычная тактика. Разделяй и властвуй.

— В чем сознался? — спросил я, удерживая фронт.

— Бросьте, — сказал главный член Совета. — Будет гораздо проще, если вы честно расскажете нам, что случилось, и мы все сможем с этим закончить. Джек уже свой вклад сделал. Теперь ваша очередь.

Но я держался твердо, и после пятнадцатиминутной бомбардировки вопросами по-прежнему стоял на своем, все это время задумываясь, действительно ли Джек раскололся. Судя по всему, они знали чертовски много про события того дня и, в частности, про наши действия. Могли они вывести все это только лишь из продемонстрированных в самом начале свидетельств? Были это всего-навсего предположения?

Члены Совета уже собрались было снова за меня взяться, но тут чья-то тень отделилась от стены и выступила на свет. Это был представитель велоцирапторов, тощий, недорослый малый. Двигался он с необычайной грацией, без всяких усилий, и подскользнул ко мне под бок раньше, чем я толком его заметил.

— Прошу вас, — произнес он, стараясь глотать шипящие и лишь слегка шепелявя. Такое порой случается как с рапторами, так и с орнитомимами — наши продолговатые рыла могут сделаться преградой для языка. — Позвольте мне поговорить с этим мальчиком.

Остальные пожали плечами и осадили назад, а мелкий раптор предложил мне встать со

стула и провел меня из зала Совета в небольшую темную комнату слева. Там мы сели на пол друг напротив друга, сразу же оказываясь в легкой, почти дружелюбной атмосфере, несмотря на мурашки, которые то и дело пробегали у меня по спине.

— Ты понимаешь, зачем ты здесь? — спросил он, и я кивнул. — Конечно, понимаешь. Ты разумный молодой раптор, Винсент. Это я точно могу сказать. И ты оказался в ужасной ситуации.

Казалось, член Совета ждет, что я заговорю, а потому я ответил ему кратким «угу» — это при том, каким я вообще-то был болтуном.

— Вся эта уйма старых динозавров на самом деле жаждет мести, хотя так может вовсе не показаться. У них есть избиратели, у них есть законы, и они просто пытаются делать то, чего от них ждут. Однако, — продолжил он, — работа часто поглощает их с головой. Все они просто свихиваются и становятся такими, какими ты только что их там видел. Зубы скрежещут, когти летают — дикие твари...

Тут из меня вылетел легкий смешок, и он ухмыльнулся в ответ.

— Я лишь говорю о том, — продолжил представитель рапторов, — что нам совсем не обязательно через все это проходить. Будь у них такая возможность, они бы тебя тут всю неделю промурыжили. Задавали бы вопросы, мало-помалу тебя ломали, а в самом конце, ручаюсь, ты бы рассказал им то, что они хотят услышать. Я уже видел такое раньше. Уверяю тебя, это малоприятное зрелище. Но здесь только мы с тобой. И я собираюсь поведать тебе правду, годится?

К прямому разговору я уже был готов.

— Угу.

— Они крепко прижали Джека. Отпечатки перчаток, следы от велосипеда. Одна из дам почуяла его запах на своей личине. Совет взял его с потрохами и спускать ему ничего не намерен.

— Он... он заговорил? — спросил я.

— Нет, — сказал раптор. — Он молчал как рыба. Не стану тебе лгать. Но он весь в очень крутых проблемах, и Совет думает кое о каком серьезном наказании. Исправительно-трудовым лагерем для малолетних преступников Джек не отделается. Вся штука в том, что в последнее время было слишком много вольностей с личинами. Все те Б-ремешки, что сгорели в Сан-Франциско, окончательно их взбесили. Теперь они изо всех сил ищут козла отпущения. И похоже, как раз Джек им станет.

Я с трудом сглотнул слюну. Такое в мои планы никогда не входило.

— Они... в смысле... высшее преступление...

— Ты хочешь спросить, приговорят ли его к смертной казни?

— Да, — выдохнул я.

— Нет. Джек еще слишком молод, а кроме того, есть сведения, что до млекопитающих ничего из случившегося не дошло. Но это не значит, что Джека легко отпустят. Во время вынесения приговора он будет считаться взрослым. Это означает одну из тюрем в Канаде.

Ка-на-да. Три слога — одно до смерти пугающее слово. Никто в точности не знал, что происходит в рептильных тюрьмах, что расположены в этих суровых краях, но одной мысли о том, что Джека буду пичкать исключительно снегом и беконом, было достаточно, чтобы я впал в паническое настроение.

— Он не может гуда отправиться, — торопливо произнес я, стараясь говорить потише, пусть даже слова потоком лились из моего рта. — Ведь его там... нет, он не должен туда попасть!

— Согласен. Для своего возраста Джек очень крепкий парнишка. Но его там живьем съедят. Боюсь, в самом буквальном смысле. Ты слышал рассказы.

Я их слышал. Басни о каннибализме и беспредельном насилии в системе канадских тюрем — агрессии не только беспрепятственной, но даже поощряемой охранниками в тех местах. Джек со всеми своими потрохами лишь возбудит аппетит у тех монстров с Великого Белого Севера. Внезапно я понял, что должен его спасти.

— Что я должен сделать?

— Сейчас мы туда вернемся, — сказал раптор. Глаза его были мягкими и ясными, а в уголках длинного рыла играла простая и дружелюбная улыбка. — Затем я спрошу тебя, что случилось. Ты все выложишь, объяснишь, что это была просто невинная мальчишеская проделка, много шума из ничего. Никто не пострадал, никто ничего не заметил. Вам обоим назначат небольшой штраф, вы сможете отработать его в восстановительном центре Совета, и через шесть месяцев мы забудем о том, что случилось. — Тут он взял паузу и посмотрел мне прямо в глаза. — Разве не это мы должны сделать, Винсент? Вместе — ты и я?

Прежде чем я это понял, я уже кивал, а он вел меня назад в зал. Там раптор хитровато мне подмигнул и занял свое место среди остальных членов Совета. Низко опустив голову, я разглядывал мозаику на полу — там изображалась Земля, покрытая зелеными чешуйками.

— Ну вот, Винсент, теперь все в порядке, — сказал раптор, беря в свои руки инициативу, как он и обещал. — Почему бы тебе не рассказать всем присутствующим, что на самом деле случилось?

Момент истины. Развилка на дороге. Мы с Джеком обсуждали самые разные варианты, но до такого никогда не доходило. Теперь у меня появился шанс спасти своего друга от страшной судьбы, и мне всего-навсего требовалось рассказать правду. Выбор казался проще пареной репы. Несколько месяцев исправительных работ, как сказал этот милый раптор, и мы будем свободны. Если полгода мытья полов и уборки сортиров спасут Джека от канадских подонков, я от всей души желал эти полгода с ним разделить. И даже несмотря на наше торжественное обещание молчать о событиях того дня, на наши клятвы, которые мы процарапали на только еще выходящих наружу когтях друг друга, я не сомневался, что со временем, когда ему расскажут о представившихся вариантах, Джек меня поймет.

Я уже открыл рот, чтобы заговорить, чувствуя, как растягиваются мои челюстные мышцы. Сухой язык охотно готовился выдать все секреты того летнего вечера.

— Вот как все получилось... — начал я.

И тут я вдруг почуял аромат чернослива.

Если забыть про запах страха как смрад разложения и амбре обильного пота, страх — это чернослив, спелый и благоухающий. Однако на сей раз этот запах исходил вовсе не от меня. Он струился от членов Совета. Их терзал страх, что им придется меня отпустить. Страх, что они напорочат с еще одним расследованием государственного масштаба. Я мгновенно почувствовал, что нет у них ничего на Джека, что тот раптор все выдумал, что если я сейчас расколуюсь, Джек будет гнить в Оттаве не один.

— Мы весь день были в лавке, — сказал я, в точности повторяя фразу, которую я, словно дятел, долбил весь предыдущий месяц. — Мы не имеем к этому никакого отношения.

Наступил момент ошалелого безмолвия, пока старейшины осознали, что я ни в какую не собираюсь прогнуться под их напором, а затем раптор вскочил из своего кресла и с яростным ревом бросился ко мне. Скаля клыки, он явно намеревался добраться до моей глотки. Но он был слишком стар, а я — доверху накачан адреналином. Я с легкостью от него увернулся, и он врезался в стену у меня за спиной. Прежде чем раптор смог собраться с силами и сообразить новую атаку, другие члены Совета бросились к своему коллеге и удержали его. Одно дело — допрашивать ребенка; совсем другое — открыто расчленять его на форуме законодателей. Когти летали, зубы скрежетали.

Один компис протиснулся сквозь общую сутолоку и указал клювом в сторону лестницы.

— Убирайся отсюда, пацан, — со вздохом сказал он. — Ты свободен. Можешь идти.

Я был слишком напуган, чтобы пускать какие-либо парфянские стрелы. Кроме того, насколько я знал, это был просто еще один фокус, чтобы я раскололся в дальнейшем. Короче, я вскочил на ноги, рванул через зал Совета и буквально пролетел шесть пролетов по лестнице, чтобы на верхней площадке упасть на руки моему отцу.

Весь обратный рейс на самолете я спал беспробудным сном.

Вернувшись в Лос-Анджелес, мы с Джеком стали близки друг другу как никогда. Мы

прошли все допросы, все чеширские улыбки и крокодильи слезы и вышли победителями. Джек рассказал мне, что на протяжении всего процесса он не произнес ни единого слова — просто сидел и без конца пожимал плечами. Я рассказал, что делал примерно то же самое. Не было нужды рассказывать ему про представителя рапторов, про наш разговор за закрытыми дверями или про то, что мы были в пяти секундах от целой жизни страданий и что лишь мое чувствительное рыло уберегло нас от канадского беспредела.

И, насколько я знал, Джек по-прежнему понятия обо всем этом не имел.

Вовсе не поэтому он прижимал меня к своей груди, любил меня и ненавидел, вслух раздумывал, должен он угостить меня обедом или вывести в темный проулок и положить конец страданиям данного конкретного частного сыщика.

Так получалось из-за того горя, которое я принес Норин, его сестре. Но это уже совсем другая история.

7

— Винсент Рубио, — мурлычет Джек, пока его сильные руки так крепко прижимают мою грудь к его, что я почти не могу дышать. — Сколько лет, сколько зим, дружище? Пятнадцать? Двадцать?

— Что-то вроде того.

— Что-то вроде того... нет, вы только послушайте этого парня — как всегда невозмутим и спокоен. — Джек отталкивает меня на длину своих рук и начинает внимательно разглядывать. В этих руках, в этой груди — невероятная сила. Несмотря на полное отсутствие движения ниже талии, Джек Дуган вырос в потрясающего атлета. — Просто как огурец, ты врубаешься? Вот какой ты был.

— Как огурец?

— Ну да, холодный как огурец. А помнишь тот раз, когда нас Долорес Трикл засекала? Когда мы забрались на холм над дамским курортом, подглядывая во все глаза, на что они там свои подвязки и лифчики напяливают?

— Смутно.

И он снова притягивает меня к себе, носовое и ротовое отверстия моей маски оказываются плотно прижаты к его мускулистой груди. Дышать там малость тяжело. Я машу рукой вверх-вниз в надежде, что Джек поймет этот сигнал сдачи.

— Черт, как же я по тебе скучал, — говорит он.

— Мм...

— Что?

— Я тоже, — бормочу я. Тут Джек отпускает меня, позволяя вдохнуть. — Ты славно выглядишь. Сильный, черт.

— Мы уже не дети, Винсент.

Я киваю, одновременно из всех сил расслабляя мышцы. Прошло уже немалое время с тех пор, как меня последний раз видели в тренажерном зале — да и тогда я просто следил за мистером Вселенная, который изменял своей жене с Фрицем, своим партнером по бодибилдингу, — и мое нетренированное тело наглядно это показывает. Но Джек, похоже, не замечает — или ему просто наплевать. Чертовски счастливый гадрозавр так и лучится улыбкой во все стороны.

— Нелли, — зовет он. — Нелли, подойди-ка сюда. Хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

Хагстрем неохотно слезает с табурета, не спуская с меня тяжелого взгляда.

— Мы уже знакомы.

— Ну да, — говорит Дуган, — он с твоим кулаком познакомился. Но я не это имею в виду.

— Привет, — говорю я. — Я Винсент.

— Мы уже встречались в Лос-Анджелесе, — ворчит Хагстрем.

Брови Джека самую малость приподнимаются.

— В самом деле? Мир тесен. Ты все еще в том старом районе живешь, а, Винсент?

Я качаю головой:

— В Вествуде. Уилшир уже совсем не такой, каким был прежде.

— Всякое бывает, — говорит Джек, с пониманием кивая. — Еще в те времена, когда моя семья оттуда съезжала, полгорода уже в натуральный юг превратилось. Чертова уйма млекопитающих туда переехала. — Он секунду медлит, затем снова поворачивается к Нелли: — А что, ребята, вы на вечеринке познакомились?

— В казино, — уточняю я. — В Норуолке.

Хагстрем подходит ближе:

— И по-моему, это слишком нелепая случайность, что ты и здесь тоже болтаешься.

Я пожимаю плечами:

— По стране ездить никому не запрещено. И всякими панорамами наслаждаться. Верно, Джек?

Мой старый друг хлопает меня по плечу, либо убежденный моим слабоумным объяснением, либо слишком осласливленный нашим воссоединением, чтобы об этом тревожиться.

— Верно. Не обращай на Нелли внимания. Он малость на взводе.

— Я уже заметил.

— Но теперь вы двое ладили.

Я ухмыляюсь.

— Раз ты так говоришь, как же иначе?

— Я так говорю. Ну, давайте, пожмите друг другу руки.

Как-нибудь потом еще будет время и место для точного определения полного объема моей мести Нелли Хагстрему, но не здесь и не сейчас. Поэтому я первым протягиваю лапу, и Хагстрем, не без неохоты и секундного колебания, ее пожимает, после чего качает вверх-вниз. Джек ухмыляется в своей инвалидной коляске, и вражда официально приостанавливается.

— Вот и отлично, — говорит Джек, хлопая в мясистые ладони. — Мы все друзья. Но сперва самое главное — какой дьявол тебя в мои джунгли зашвырнул?

Прежде чем я успеваю соорудить пристойный ответ — не могу же я так сразу, с налета рассказать ему про Талларико, — возле руки Джека следует какой-то всплеск движения, мелькает пятно белого хлопка. Я опускаю взгляд, затем смотрю еще ниже и обнаруживаю миниатюрную пожилую тетку, тянущую Джека за рукав и тем самым привлекающую его внимание.

Тетке, должно быть, лет пятьдесят пять или шестьдесят, но с личиной у нее, похоже, уже многие годы все тип-топ — скорее всего, при помощи популярного крема от морщин, но только не зелья Элмера по двадцать долларов за банку. Короткая прическа из седых волос аккуратно стилизована, и на худом овальном лице выделяются большие очки в пластмассовой оправе. Чудесная на вид старушенция, но только не место ей здесь, в «Морской хибаре».

Джек придвигает свое ухо ближе ко рту женщины, и та начинает шептать. Джек кивает, каждые несколько секунд испуская довольное кряканье.

— Хорошо, — наконец говорит он, — мы разберемся с этим, как только я вернусь. — И пожилая тетка снова исчезает в толпе.

— Сегодня я должен буду пораньше вернуться домой, — говорит мне Джек. — Но сперва мне нужно кое с какими делами разобраться.

— Конечно-конечно, — говорю я. — Рад был с тобой повидаться...

— Черт! — восклицает он. — Ты так просто от меня не отделаешься. «Пораньше» значит где-то до двух ночи, а до того времени нам с тобой нужно будет массу всякой всячины проверить. Слушай, ты моего отца еще помнишь?

— Папашу Дугана? Его не так просто забыть.

Джек от души улыбается и обнимает меня за пояс. Тяжесть его лапищи просто чудовищна, и на какой-то миг я задумываюсь о том, действительно ли он так раздался с тех пор, как мы были детьми, или в его личину вшиты кое-какие аксессуары кутюрье Свинчаткина. — Папаша теперь малость заторможенный, но я уверен, он будет рад тебя видеть. Поговорите о старых добрых временах. Ну что, прокатимся?

Одно из моих фундаментальных правил — всегда автоматически отвечать «нет», когда предполагаемый мафиозный босс предлагает мне «прокатиться». Но ведь это Джек, и узы старой дружбы еще сильны. Впрочем, свои стандарты у меня тоже имеются.

— Надеюсь, у тебя в лимузине кондиционер стоит?

— Три года назад нам пришлось поместить его в дом престарелых, — говорит мне Джек по пути к Вилла-Люциле, заведению, где Папаша Дуган доживает свои сумеречные годы. — Я предложил ему переселиться ко мне в дом или организовать круглосуточное обслуживание в его доме, но он даже слушать не стал.

— А твоя матушка? — спрашиваю я.

— Десять лет тому назад умерла.

— Очень сожалею, Джек. Славная была женщина.

Джек кивает и ерзает на заднем сиденье лимузина. Затем хватает обеими руками свою правую ногу и закидывает ее на левую. Жест получается такой же естественный, как если бы ноги двигались сами.

— Вышла одна из тех вещей, которые обычно глухой ночью случаются. Доктора говорят, это было совершенно безболезненно, лучшего ухода просто не придумаешь, но... — Он пожимает плечами. — Короче, Папаша остался совсем один. А ведь он никогда в жизни не выписывал никаких чеков, не ухаживал за домом — в общем, не делал всех тех вещей, которые делала матушка. Так что когда она ушла, Папаша просто в бомбу замедленного действия превратился. Да, кстати — когда мы туда доберемся, о ней не упоминай. Это обычно страшно его нервирует. Если он сам захочет о ней поговорить, все хоккей, но...

— Понимаю.

Мы сидим молча, пока лимузин направляется в другой конец города — я, Джек и Нелли Хагстрем — вся шатия-братия на заднем сиденье. От Хагстрема я то и дело улавливаю кое-какие серьезные вибрации, маленькие ударные волны ненависти, прокатывающиеся по его телу. Уже в Норуолке все было достаточно скверно. Но теперь, когда он крайне грубо со мной обошелся, а я вдруг оказался другом его босса, амплитуда увеличилась десятикратно.

— Тебе здесь нравится? — спрашиваю я Хагстрема, надеясь сломать немного льда в наших отношениях.

— Какое твое собачье дело? — плюется Нелли в ответ — в самом буквальном смысле. Мой пиджак мигом оказывается забрызган капельками слюны.

— Нелли, — укоряет его Джек, — не следует так вести себя с гостем.

Нелли упирается в босса взглядом, в котором сквозит плохо завуалированное раздражение.

— В *моем* доме он не гость.

— Зато он гость в моем доме. Это то же самое, если даже не лучше.

Когда мы опять погружаемся в молчание, Джек то скрещивает ноги, то раскидывает их по сторонам. Кажется, на сей раз я позволяю своему взгляду слишком долго на них задержаться. Так или иначе, Джек сам заговаривает на ту тему, которой мне не хотелось касаться первым.

— Что, тебе насчет ног интересно?

— Да не особенно.

Джек смеется и хлопает Хагстрема по спине.

— Обожаю этого парня. «Не особенно». Разве ты, Нелли, его не любишь?

Возмущенное фырканье указывает на противоположное, но Джек помнит, о чем идет речь.

— Вообще-то все это сущая ерунда, но я просто должен объясняться всякий раз, как встречаю кого-то нового. Или кого-то старого, как в этот раз. Короче, лет пять назад я вылезал из ванны, и хвост вдруг меня подвел. Вроде ощущалась только легкая слабость, а потом — бум, я опять сижу в ванне, вода плещется, а я пытаюсь прикинуть, что это еще за дьявольщина. Подумал, может, я поскользнулся на куске мыла или еще на чем-то таком, потому что через минуту все снова было отлично. Только вот эта пакость продолжала случаться, причем все чаще и чаще. Я утром одеваюсь, и вдруг — пшик, хвост болтается, вялый, как веточка вчерашнего сельдерея. Или я вечером раздеваюсь, расстегиваю Г-зажим, а он просто свисает как сволочь у меня между ног. Чертовски щекотливая ситуация, когда ты с девушкой, позволь мне тебя заверить.

— А ты что, ничего не чувствовал? — спрашиваю я.

— Тут-то как раз самое странное, — говорит Джек. — Боль я чувствовал, нет проблем. Я просто не мог им двигать. Ходил на обследования, на всю эту суету-маету, а пока доктора пытались прикинуть, что творится, мои ноги тоже стали отказывать. В конце концов доктора разродились диагнозом. Спинальная мышечная атрофия — вот как это называется — СМА. Если вкратце, двигательные нейроны по всему моему позвоночнику отмирают, так что я со временем все больше слабею. Нейроны отмирают, мышцы не работают... в общем, Олимпиаду мне со всей этой ерундой уже не выиграть. Разве что Параолимпиаду. Прошло уже добрых два года с тех пор, как я вообще перестал ногами двигать.

Никакого хорошего ответа у меня на эти откровения не находится, разве что:

— Мне очень жаль, Джек. Это крутой облом.

— Да уж, гвоздь прямиком в башку. Но черт возьми, у меня есть классная инвалидная коляска, славный парень, чтобы меня по городу возить, так что все не так уж и скверно.

Тут я задумываюсь, нет ли какого-нибудь лекарства или режима терапии, чтобы реверсировать эффект болезни, но у меня мгновенно возникает чувство, что Джек не хочет особо об этом распространяться. К счастью, как раз в этот момент мы минуем ворота дома престарелых, что обеспечивает непринужденную концовку в иных отношениях неловкого разговора.

— Вот мы и на месте, — говорит Джек, когда лимузин останавливается. — Всем дружно надеть улыбки.

Шофер помогает Джеку влезть в самоходную инвалидную коляску, а мы с Нелли следуем позади, пока Джек катит по передней дорожке дома престарелых. Территория Вилла-Люцилы прекрасно содержится, вестибюль чист и представительен. В свое время, когда я брался за любое дело, какое только подворачивалось, когда двухсотдолларовый гонорар означал приступ закупочного неистовства в ближайшем универмаге, одна женщина наняла меня для слежки за своей мачехой. Молодой стерве желательно было выяснить, где старушка держит свои драгоценности. Пожилая дама жила в доме престарелых в юго-западном Лос-Анджелесе, и дом этот так обветшал, что владельцы форменного притона для наркоманов напротив жаловались на то, что эта развалюха снижает цену их недвижимости. Выяснилось, что старушка держит свои драгоценности в подушке. Кроме того, выяснилось, что все эти так называемые драгоценности были поддельными.

Впрочем, заведение, куда мы только что приехали, без всяких вопросов первоклассное. Пока сестра сопровождает нас по коридору к палате Папаши Дугана, нас приветствуют другие постояльцы, многие из которых знают Джека. А мы улыбаемся даже тем, кто вовсе не склонен этого делать. Но самое большое впечатление на меня производит то, что Хагстрему удается справляться с задачей, учитывая его перманентно хмурую внешность.

— Джекки! — кричит Папаша Дуган, как только мы входим. — «Дельфины» побили этих недоносков. Ты мне пятьдесят баксов должен.

— Папаша, это предсезонная игра. Она не в счет.

— Все игры всегда в счет. — Он обращается к Нелли за поддержкой. — Скажи своему боссу, что в счет.

Нелли мудро поднимает руки и немного пятится.

— Это дело семейное.

— А ты не дурак. — Папаша поворачивается ко мне. — Ха, новый парень. А ты что думаешь?

Я смотрю на Джека, и тот одобрительно мне кивает.

— А я вот что, Папаша, думаю. Если вы на предсезонные матчи ставки делаете, то вы как пить дать малость своего прежнего товара прожевали.

Может, все дело в моем голосе или в том, как я все это ему изложил, но Папаша Дуган вдруг хватает меня в медвежьи объятия — и теперь я понимаю, откуда его сын черпает такую силищу. В третий раз за один день я лишаясь всякой возможности дышать.

— Винсент Рубио, — говорил Папаша, прижимая мою голову к своей рубашке из ткани «шамбре», — ты все-таки дорос до своего запаха. Эта прожеванная сигара... я знал, что в один прекрасный день от нее будет по-настоящему славный аромат.

— Спасибо, Папаша, — удастся сказать мне. — Вы тоже отлично пахнете.

— Ну, может, оттенок немного мускусный, но в целом у меня полный порядок. — Папаша Дуган придерживает меня на расстоянии вытянутой руки, и я почти беспокоюсь, что он сделает заход для еще одного объятия. Но он просто еще несколько секунд на меня глазеет, а потом отпускает мои плечи и перепрыгивает в стандартную инвалидную коляску в углу.

— Я ее из палаты миссис Гринбаум упер, — говорит он, закладывая впечатляющий вираж по комнате. — Валяй, Джеки, давай сгоняем по коридору, пока она не проснулась.

— Черт, Папаша, с этим надо заканчивать...

— Ага! Ты боишься, что в этот раз я тебя обгоню.

Поворачиваясь ко мне, Джек беспомощно разводит руками.

— Я командую целой империей, — вздыхает он, — но с одним-единственным гадрозавром восьмидесяти лет от роду мне никак не управиться.

— Семидесяти девяти. Точно — не управиться. Ладно, если Джеки не хочет со мной гнаться, может, тогда Винсент. Так-так, сейчас прикинем... у Мюррея сегодня вечером рентген, а значит, мы сможем угнать его коляску, пока он будет лежать на столе...

— Хватит, Папаша. Нам уже пора идти.

Я смотрю на часы — там без малого одиннадцать.

— Не знал, что мы тут на обзорную экскурсию собрались.

— А что, тебе еще куда-то нужно? — спрашивает Джек. — Ты ведь сейчас в отпуске, да?

Сомневаюсь, что сейчас время рассказывать ему про братьев Талларико. Я даже не знаю, будет ли вообще когда-то такое время, но чертовски уверен, что прямо сейчас не оно.

— Да. Просто дело в том... что я здесь с подружкой.

— Больше ни слова. У меня в лимузине мобильник. Ты сможешь ее пригласить. Позволь мне ознакомить тебя с ночной жизнью Майами.

Особого выбора у меня нет. Папаша Дуган обвиняет меня своими ручищами, когда мы выходим из его палаты в широкий коридор Вилла-Люцилы.

— А твои родители, Винсент — как они?

— Оба умерли. Уже давно. Сначала отец, а потом матушка — несколько месяцев спустя.

— Какая жалость. Ее сердце было разбито, верно?

— Что-то вроде того. — Вообще-то не самая любимая моя тема, а потому я подбрасываю новую. — По пути сюда я не заметил никаких КПП, никакой охраны, пробы на запах. Вообще ничего.

Папаша Дуган качает головой:

— Это смешанное заведение.

— Что, весь дом престарелых?

— Вся честная компания. Если откровенно, мой прежний сосед по палате был человеком. И славным человеком, как порой бывает у обезьян.

Большинство рептильных учреждений, связанных с медицинским попечением, обычно охраняется от случайного раскрытия их сущности путем соблюдения строгих мер безопасности. Всякий, кто хочет туда войти, должен быть обнюхан и осмотрен. О его приходе также специально объявляется. Если за ворота удастся проникнуть человеку, все сразу же надевают полные личины, чтобы все было в ажуре, пока он не вытряхнется назад.

— Удивительно, — говорю я. — А что, если кто-то как следует не застегнется, перепутает пуговицы на перчатке или...

— Или допустит тыщу других ляпов, которые мы, жалкие старперы, так склонны допускать?

— Это вы сказали, не я.

Папаша останавливается в коридоре, и я торможу рядом. Он сует голову в открытую дверь, а потом затаскивает меня внутрь, оставляя Джека и Нелли в коридоре.

Сухонький, нервозный старикашка сидит в плюшевом кресле. Все выглядит так, словно это самое кресло вот-вот поглотит его тщедушное тельце и с костями его стрескает. Старикашка смотрит выпуск новостей по встроенному в стену телевизору.

— Говард? — окликает его Папаша, а потом зовет еще раз, погромче: — Говард?

Мелкий старикашка изгибает шею, глядя в нашу сторону и доставая из кармана очки в проволочной оправе.

— Это ты, Хэнк?

— Говард — обезьяна, — сообщает мне Папаша, а затем снова поворачивается к старикашке. — Ведь правда, Говард? Ты человек?

Восьмидесятилетний старик возмущенно фыркает.

— А каким дьяволом я еще могу быть?

— Точно. — Папаша стреляет в меня взглядом, подмигивает — и, прежде чем я успеваю его остановить, сует левую руку себе в правую подмышку, расстегивая там потайные пуговицы.

— Что вы делаете? — спрашиваю я, внезапно понимая, чего он всем этим концертом добивается. — Папаша, погодите...

Но Папаша театральным жестом срывает со своей правой руки человеческую плоть и в открытую машет ею перед очкастыми гляделками Говарда.

— Ну, давай, — негромко говорит Папаша, выделявая кренделя перед внезапно оцепеневшим Говардом. — Реви.

Говард не столько ревет, сколько маниакально ухает, а к тому времени, как он все-таки набирает себе в легкие достаточно воздуха, Папаша уже снова в личине — точь-в-точь невинный мальчик-певчий с репетиции церковного хора.

— Ящерица! — орет Говард. — Ящерица с человека ростом!

Я вытягиваю Папашу Дугана из палаты, а Говард тем временем продолжает реветь и буйствовать. Джек и Нелли в коридоре всю ржут. Они этот фокус уже наверняка наблюдали.

Я по-прежнему потрясен. Неумышленные манипуляции с личиной — дело одно; а вот явные, намеренные — совсем другое.

— Что это вы сейчас такое вытворили?

— Просто доказал то, что хотел.

— И что же?

— А то, что интеграция не так сложна, когда имеешь дело со стариками. Послушай, когда родня Говарда в очередной раз придет с ним повидаться, он будет вопить как резаный про то, что в доме престарелых динозавры завелись, верно? А что будет потом?

— Они просто похлопают его по голове и заплатят врачам малость сверху.

— А потом поедут домой, вздыхая, каким разумным раньше был их папаша, но как все пошло под гору после того приступа. Пойми, Винсент, никто нас не слушает. И вот что я тебе скажу: порой это сушая благодать.

Я смотрю на Джека — тот лишь пожимает плечами и пускает свою коляску вперед по

коридору. Нелли следует за ним, тогда как Папаша Дуган берет мою руку в свои.

— А теперь, — говорит он, — давай-ка мы этой ночью на славу повеселимся.

По пути дальше шофер Джека шесть-семь раз сворачивает на боковые дороги, потом едет назад, а также по меньшей мере дважды меняет направление на каждой главной автостраде.

— Он что, малость заплутал? — спрашиваю я. Джек качает головой.

— Это безопасности ради. В последнее время у нас здесь были маленькие размолвки с другими крупными бизнесменами. Им лучше не знать, где я.

Хотя было бы очень просто просветить Джека на предмет моей связи с братьями Талларико, я наверняка знаю, что это убьет все остатки нашей прежней дружбы. В конце концов время придет — а на данный момент мне лучше держать свое знание о ситуации при себе.

— Значит, ты проезжаешь пятьдесят миль, хотя реально преодолеваешь десять...

— Просто чтобы сбросить всех, кто может сидеть у нас на хвосте. Лучшая оборона — это хорошая оборона.

Гленда встречает нас у невыразительного здания на берегу в Форт-Лодердейле. Подмечая покачивание ее бедер и постукивание каблучков, я понимаю, что ждет она уже достаточно долго. Когда я позвонил ей по мобильнику Джека, Гленду не сильно вдохновила перспектива того, что она проведет свою первую ночь в Южной Флориде в мафиозном клубе. Впрочем, ничего лучшего на этот вечер мы все равно не запланировали. Консьерж отеля дважды к ней подъезжал, и Гленда не хотела, чтобы он резервировал для нее какие-то столики из страха, что она там покажется, а этот самый консьерж будет сидеть на месте с бутылкой шабли, дрожащими губами и двуспальной постелью в глазах.

— Для начала ты забываешь, что я приехала в гости, потом тащишь меня через всю страну, потом сбрасываешь на обочине дороги, а потом все-таки звонишь и милостиво позволяешь к тебе присоединиться. А потом заявляешься на целых полчаса позже и заставляешь меня париться черт знает где.

— Все верно, — говорю я. — Гленда, это Джек. Джек, это Гленда.

Джек берет руку Гленды и целует ее — она слегка подпрыгивает, и на мгновение мне кажется, что она сейчас отвесит ему хорошего тумака. Но затем Гленда делает очень странную вещь, совершенно не стыкующуюся со всем, что я знаю про эту взрослую хулиганку: она улыбается. Джек закрывает глаза и переводит дух. Его фальшивые ноздри с шумом втягивают и выпускают воздух.

— Ваш запах очень глубок, — говорит он Гленде. — Очень. Большинство знакомых мне женщин... их запах превосходен, но мелок. А ваш полон, цветущ — совсем как у юной девушки, только что расцветшей в прелестную женщину.

— Ну да, — говорит Гленда, — это я. Вся в родовых муках половой зрелости. А мы вообще-то собираемся куда-нибудь под крышу зайти?

Тут из лимузина выпрыгивает Папаша Дуган.

— Ого, — говорит он. — Девушка, знающая, чего она хочет. Это мне нравится. Она идет со мной. — Папаша предлагает ей руку, и Гленда, пожав плечами, за нее цепляется. — Я Папаша Дуган, — говорит он ей. — Но вы можете звать меня просто Хэнк.

Хагстром ведет нас вокруг здания к черному ходу. Там мы следуем за ним вверх по скату и через металлическую дверцу в конце. Внутри клуба горит свет, но танцпол совершенно пуст. Никого в округе не наблюдается.

Гленда делает шаг на танцпол.

— А у вас тут можно попрыгать. Что, укрытие от налогов?

Джек кивает Хагстрему, и тот трусит за безлюдную стойку бара. Клуб, пусть и небольшой, очень симпатично отделан. Сплошь жженая древесина и толстый ковер. Тут я ненадолго задумываюсь, как им удастся сохранять ковер таким чистым, когда здесь всюсю льются коктейли. Звуковые и световые системы соответственно высокочеловеческие, а танцпол,

где никакой Джон Траволта не будет прыгать как обезьяна, охать и ахать, идеален относительно общих размеров помещения. На полу имеется затейливая деревянная инкрустация, и я делаю шаг вперед, желая повнимательнее ее рассмотреть...

— Осторожно, — говорит Джек, оттягивая меня назад. — Ладно, Нелли, давай.

Я слышу низкий гул, когда пол начинает вибрировать, и деревянная инкрустация внезапно отделяется от окружающих ее панелей, открывая спуск, ведущий к грохочущей внизу вечеринке.

Джек подкатывает к самому верху спуска и широко разводит руки по сторонам.

— Добро пожаловать к Дуганам, — говорит он.

Выстроившись в цепочку, мы спускаемся вниз. Папаша и Гленда то и дело толкают меня в спину, пока мы маневрируем по крутому спуску.

— Чересчур эффектно, — бормочет Гленда.

— Так я ему и сказал, — говорит Папаша. — В мое время у нас не было всех этих хитромудрых ерундовин, чтобы спрятать места наших развлечений. Дверь, может, засов-другой — вот и все. Если туда забредал человек, это, черт побери, была его собственная вина, и ему просто приходилось жить дальше уже в качестве трупа.

Клуб внизу — настоящий клуб, как я уже начинаю понимать — совершенно не похож на строгое, высокосексуальное заведение Дуганов на поверхности. Туда, наверх, заходят млекопитающие, уставшие от долгого дня самоподжаривания на пляже или желающие послушать немного франко-канадской музыки, ляляющей из тридцатидюймовых чирикалок. Лично я могу придумать целый миллион вещей, которые я стал бы слушать скорее, чем квебекский рок (к примеру — свои собственные мучительные вопли), но музыкальные вкусы млекопитающих порой бывают очень забавны.

Но здесь, внизу... Здесь такое место, где заводятся ящерицы. Именно сюда они приходят немного потрясти хвостами и увидеть малость голых чешуек. Двадцать девушек на разных стадиях одевания, раздевания и переодевания выплывают на возвышенных сценах, на столах, крутятся вокруг шестов и других неподвижных предметов размером побольше. Некоторые из этих самых предметов даже вырезаны в форме гигантских фаллосов. Освещение установлено на какую-то разновидность системы распознавания, позволяющую высвечивать самые сладострастные части анатомии каждой танцовщицы. А музыка — не что-то дешевое и заурядное типа волосатой банды с пивными гимнами или исполнителя электрогитарных баллад — нет, музыка здесь электронная, пульсирующая и эротичная.

Да, это тебе не дедушкин стриптиз-клуб. Если, конечно, твой дедушка не Годзилла.

Люди Джека из «Морской хибары» уже перебрались сюда, окружая столики, засовывая купюры под зажимы и застёжки. Либи́до у этих ребят куда круче содержимого их бумажников. Кладя животы на стойки, они как можно ближе придвигают физиономии к корчащимся перед ними телам — аж слюни текут на ковер.

— Славно эти парнишки слюну пускают, — хихикает Гленда, глаза на толпу. — Не знала, что слюнные железы так быстро включаются.

— А у мужиков просто средней скорости нет, — объясняю я. — У нас только холостой ход и полный газ — вот и все.

— Мужики, — вздыхает Гленда. — Мужики долбаные...

Джек подъезжает ко мне под бок и слегка пожимает мне руку:

— Давай отойдем. Хочу тебе кое-что показать. Гленда безмерно счастлива сопровождать нас с Джеком в заднюю часть клуба, где мы попадаем в людное кухонное помещение. Первое, на что я обращаю внимание, это персонал. Все здесь молодые и привлекательные азиатки. Собственно говоря, у них точно такой же вид и запах, что и у той девушки, которая подавала еду в доме Талларико.

— Где ты этих официанток берешь? — спрашиваю я.

— Временные работницы, — пренебрежительно машет рукой Джек. — Итак, вот я что я хотел тебе показать. Я чертовски этим горжусь.

Он открывает дверцу шкафа, являя на свет душевный запас бутылок с прозрачной

жидкостью. Судя по всему, джин или водка.

Гленда хватает одну из бутылок и подносит ее к свету:

— Это спиртное?

Джек кивает.

— Я ведь импортер — должен же я что-то импортировать. Финансовой инспекции очень не нравится, когда у простого таксидермиста есть яхта и пентхаус.

Доставая с полки бокал, Джек шлепает его на ближайшую стойку, затем наполовину наполняет прозрачной жидкостью.

— Давай, — говорит он. — Попробуй.

— Вообще-то я в выпивку млекопитающих совсем не врубаюсь, — говорю я ему. — Она всегда для меня мало что значила.

— Я тоже не врубаюсь, — говорит Джек. — Поверь мне, это совсем другое дело.

Он наливает еще один бокал для Гленды и один для себя. Я пожимаю плечами и подношу выпивку ко рту. Очень немногие из человеческих спиртных напитков оказывают хоть какое-то действие на динозавров — наш обмен веществ устроен совсем иначе. Конечно, мы можем выпить слишком много и отравиться этим товаром — но это в принципе то же самое, что отравиться диетической кока-колой. Под конец ты несколько часов сидишь в ванной, но после этого вполне можешь сесть в машину и с ясной головой рулить домой.

Один быстрый бросок жидкости в рот, она немного жжет глотку, окутывая небо, но я точно знаю, что этот джин ничего мне не сделает, ни в малейшей степени не изменит моего состояния. Все будет полный хоккей, пока продолжается моя девятимесячная завязка вместе с АГ, потому что спиртное — это проблема млекопитающих, а не...

Комната куда-то тонет. Внезапно качнувшись влево, я кладу руку на стойку бара и стараюсь сохранить равновесие. Мои вкусовые сосочки вдруг одолевает знакомый вкус, запах тянется к пазухам и стучится в какую-то забытую часть моего мозга...

— Что... что это за дьявольщина? — удается выдохнуть мне.

— *Настой*, — говорит Джек. — Так мы, по крайней мере, это дело называем. — Он поворачивает бутылку с джином, и, несмотря на внезапно расплывшееся поле зрения, мне удастся разглядеть, что бутылка, которую я поначалу принял за «бифитерс», на самом деле совсем другой марки, совершенно мне неизвестной. Спереди прилеплена бледно-зеленая этикетка — классический дизайн попеременных темных и белых полос на фоне узора, образующего что-то вроде длинного, изогнутого листа.

«НАСТОЙ» — написано сверху прямыми зелеными буквами, а ниже, мелким курсивом — «Классическая смесь».

— Это алкоголь, настоящий на травах, — с гордостью объясняет Джек. — От этого весь кайф — для нас, по крайней мере. Базиликовый джин, водка с кинзой, даже ром с корицей. Сделано специально для диносов, которые хотят культурно кайфануть в обществе млекопитающих. В барах, во всяких компанейских заведениях — в общем, в разных таких местах. А поскольку это к тому же и человеческая выпивка, так еще лучше. В этом вся роскошь — спиртное и травы. Такое *всех* заводит.

— Проклятье, — слышу я бормотание Гленды, — вот мы и приплыли...

Я преодолеваю первоначальный приступ смутения, ощущаю знакомый нырок в бесчувствие, а потом приходит резкая и сильная жажда. Прошло три четверти года с тех пор, как я последний раз так себя чувствовал — и в один миг все эти девять месяцев оказались начисто стерты. Теперь мне поразительно, как я вообще способен был подавлять это желание. Чего ради я так долго держался?

— Мы сейчас улаживаем сделку по распространению и собираемся доставить это дело на север, — продолжает Джек, явно не замечая моих терзаний. — Дальше мы двинемся на запад. Понятно, сперва будет проведен соответствующий маркетинг, но... черт побери, это все равно классная штука.

— Еще, — говорю я, со стуком опуская пустой бокал на стол. Моя рука заметно дрожит, но еще один глоток эликсира мигом все излечит.

Но Джек, откатываясь назад, пристально на меня смотрит.

— Винсент... с тобой все хорошо?

— Да-да, конечно, — говорю я, и теперь я это чувствую — тепло расходится по моим венам, поле зрения светится по самым краям. — Я отлично себя чувствую, Джек. Просто мне твоя выпивка по вкусу — только и всего.

Гленда выступает вперед.

— Не думаю, что это такая уж классная мысль, приятель.

— Забавно, — отзываюсь я, слыша, как слова бесконтрольно текут у меня изо рта. — Не помню, чтобы я тебя спрашивал.

Джек откидывается на спинку инвалидной коляски, молча наблюдая за нашим с Глендой обменом репликами. Пытается взять ситуацию в свои руки, внимательно глядя мне в глаза, как будто там есть что-то противоречащее тому, что я ему говорю. Я стараюсь уклониться от его взгляда, глазеть в потолок, в пол или, самое лучшее, на бутылку.

— Происходит что-то, о чем мне следует знать?

— Ничего, — говорю я, впиваясь взглядом в Гленду.

Гленда пятится:

— Знаешь, что? Я тебе не сиделка. Валяй, удалбывайся. — Она пятится, а потом разворачивается и выходит из кухни, оставляя у шкафа только нас с Джеком, да еще эту славную бутылку жидкого счастья.

Я пытаюсь смеяться, показывая Джеку, что это всего лишь шутка.

— Не обращая на нее внимания. Она... она Гленда. Послушай, а почему бы нам еще поглоточку этого дела не попробовать? Еще по только по одному разу. Считай, что я тут у тебя маркетинг провожу.

Когда Джек поднимает бутылку, единственная капля, балансировавшая на краю с тех самых пор, как он налил первый бокал, падает на пол и там расплескивается. Краткую секунду я подумываю упасть на четвереньки, нагнуться и облизать кафельный пол кухни в надежде на то, что этот миллилитр базиликового джина попадет ко мне рот, проникнет в тело, доберется до мозга.

И тут до меня вдруг доходит — я хочу лизать кафель, только бы уловить ту капельку.

— Я гербаголик, — хриплю я вдвое громче необходимого.

Джек отшатывается, как будто от пощечины.

— Проклятье, Винсент... ты должен был мне сказать.

— Просто... просто убери ее, — удается сказать мне за мгновение до того, как мои руки сами собой стремительно тянутся вперед, пытаюсь ухватиться за бутылку...

Джек вовремя ее отдергивает.

— Ну-ну, полегче...

— Пожалуйста, — повторяю я. — Убери ее. И запри шкаф, ага?

Джек мгновенно выполняет мою просьбу и прячет настой в невысоком шкафу.

— Но здесь нет запора...

— Тогда давай просто отсюда свалим.

Мы направляемся из кухни обратно в главное помещение. Солидной части меня до смерти хочется побежать назад и начать загонять себе в желудок одну бутылку за другой. Однако ноги возвращаются ко мне с каждым шагом. Тем не менее я по-прежнему чувствую, как в моих жилах бродит настой, и пытаюсь прикинуть, сколько это может продлиться.

— Сколько, — спрашиваю я, — сколько его там?

— В одном глотке? Думаю, листика два.

Как я понимаю, это добрый час будет держать меня на взводе. Просто поразительно, как быстро все вернулось — и с какой силой. В прежние времена два жалких листика базилика меня бы разве что на завтрак сподобили; теперь же я от консервированного папоротника готов запрыгнуть на ближайший столик и там чечетку отбить.

— Ты должен был мне сказать, — повторяет Джек. — Тогда бы я даже пытаться не стал...

— Ничего, проехали, — отзываюсь я. — Просто... просто не станешь же ты вот так сразу выкладывать все это парню, с которым ты пятнадцать лет не виделся. Типа: «Привет, рад тебя видеть, как житуха? Что? У меня? Ну, у меня, блин, одни крутые обломы».

— Нет, Винсент, все совсем не так...

Но я давно все это знаю. Джек уже немного меня жалеет — глаза его стали мягче, голова склонилась набок. Это не имеет значения. Так все реагируют. Я с этим живу, и я это принимаю.

На центральной сцене очередная стриптизерша выбирается из-за черной просвечивающей занавески. Она полностью одета — то есть совершенно голая по человеческим понятиям. Эта высокая рыжеволосая красotka с торчащими грудками и широкими бедрами отлично справилась бы в любом человеческом клубе, какой предпочла бы выбрать, но ее настоящие таланты лежат в иной сфере. Пока музыка пульсирует поверху, девушка начинает медленно работать со своей шкуркой, соблазнительно удаляя одну фальшивую ляжку за другой, обнажая длинные зеленые ножки с идеальным набором изящных, бритвенно-острых когтей. Хвост она прячет до самого конца — это старый стриптизерский трюк, но он неизменно ввергает клиентов в буйное неистовство.

Люди Джека мгновенно клюют. Они суют двадцатидолларовые купюры в складки кожи, где чешуйки встречаются с фальшивыми бедрами, засовывая бумажки пониже, чтобы реально дотронуться до зеленой шкуры. Девушке, судя по всему, все нипочем — в подобных местах ты держишь свои чувства под жестким контролем, пока твои зажимы лежат на полу. В конце концов, этой красотке надо себе на жизнь зарабатывать.

— Не желаете ли настоя?

Я поворачиваю голову и обнаруживаю еще одну маленькую азиатку, что буквально роются по империям и Джека, и Талларико.

— Нет, спасибо, — говорю я. Тут моя левая рука внезапно выстреливает, чтобы схватить бокал, но правая хватает преступную левую за запястье и удерживает ее на месте. Официантка одаривает меня взглядом, припасенным для особенно интересных обитателей зоопарка.

— Вы бы на секундочку эту выпивку здесь не поставили? — спрашиваю я, указывая на ближайший столик. — Мне бы хотелось вам пару-другую вопросов задать...

— Нам не дозволено иметь свидания с клиентами, — машинально говорит девушка.

— Нет, дело не в этом... то есть вы очень красивы, но дело не в этом... — Тут азиатка одаривает меня взглядом, припасенным для сексуально озабоченных обитателей зоопарка. — Я вас, случайно, раньше не видел? — «Классно, — говорю я сам себе. — Давай, Винсент, может, лучше сразу к аресту перейти?»

Девушка мотает головой и нервно оглядывает помещение.

— Мне надо работать...

— А как насчет Эдди Талларико? — интересуюсь я, понижая голос. — Вы на него тоже работаете?

Какое-то мгновение мне кажется, будто я чую запах чернослива — страх, тревогу, — но секунду спустя все проходит.

— Нам не положено разговаривать с клиентами, — говорит девушка. — Я просто выпивку разношу. — И с этими словами она исчезает, проглоченная жаждущей толпой.

— Да, вот это настоящий Рубио. Всегда знает, как с дам чешую обдирать. — У меня под боком Гленда. — Ну что, ты с той маленькой промашкой уже закончил? — Она не мой консультант в АГ — и ей никогда такое не светит. Тем не менее я знаю, что провел Гленду через горы дерьма, пока жевал базилик, и могу понять, почему она хочет, чтобы ее добрый старый друг крепко стоял на ногах.

— Временное помутнение. В целом я держусь своей линии — как всегда.

Под кавалькаду воплей и взвизгов один из людей Джека запрыгивает на сцену и затевает грязные танцы с одной из полуодетых девушек. У него прическа в стиле «помпадур» и смуглая кожа, а бедрами парень крутит так, словно у него на поясе обруч.

Воздевая руки кверху, он хлопает в ладоши оставшимся внизу приятелям. Девушка на столике выглядит малость недовольной, однако постоянный приток купюр ей в подмышку — как раз под телесного цвета Б-ремешок — вскоре охлаждает ее досаду.

— Антонио! — кричит Джек. — А ну слазь оттуда!

Помпадур надувает губы.

— Но Джек, я тут могу хорошие бабки сшибить. Верно, ребята?

Другие парни вокруг смеются и вытаскивают Антонио из яркого луча, а девушки тем временем снова вовсю берутся за дело. Гленда хватает выпивку с подноса ближайшей официантки, единым духом ее опорожняет и аккуратно ставит пустой бокал на то же самое место.

— Что? — говорит она, когда я недоуменно поднимаю брови. — Если ты неспособен совладать с травами, значит, я тоже малость позабавиться не могу? Тут твой друг Джек в самую точку попал. Этот настой — типа классная штука.

— Эх, Гленда Ветцель, — вздыхаю я. — Вечная леди.

— А ты на это насри. Я, в конце концов, в стриптиз-клубе. Когда телки груди оголяют, этикет из окна летит.

— Еще бокал? — спрашивает новая официантка, и когда я опускаю взгляд, собираясь сказать, что не стоит, она вдруг мне подмигивает.

Гленда, однако, обзаводится еще одним бокалом, и это дает мне время оценить ситуацию. Эта официантка именно ко мне подошла? Она пытается мне что-то передать? Я оглядываюсь на Гленду, запрокидывающую бокал с коричневым настоем, затем снова смотрю на официантку...

А та опять мне подмигивает — и теперь уже нет никаких сомнений. Если только соринка не попала ей в правый глаз, девушка пытается мне что-то такое сказать. Запах я точно определить не могу, но какие-то нейроны у меня в затылке он точно щекочет. Прежде чем я успеваю понять, что это за запах, девушка берет поднос и исчезает в плотной толпе людей Джека, шустро прокладывая себе дорогу сквозь общую сумятицу.

Травы уже начинают оказывать на Гленду свое влияние. Вообще-то она счастливая негербаголичка и никогда не теряет контроля настолько, чтобы привлечь внимание к своему опьянению. В АГ таких обычно называют социально-употребляющими — но ими поначалу бываем мы все. Ты приближаешься к краю утеса маленькими, размеренными шажками, но последний шагжок может стать роковым.

— ...к счастью для тебя, — говорит Гленда, — я привыкла к нищете и запустению. Черт, в номере мотеля, где я остановилась, даже ванны нет. Только вшивая душевая, и будь я проклята, если мой хвост там из-за занавески не вылезет.

— Это самое то, Глен, — говорю я, а мои ноги уже в движении, следуя по клубу на запах. — Оставайся здесь, я скоро вернусь.

И я отбываю, преследуя официантку сквозь толпу. Может, она хотела, чтобы я за ней последовал? Если так, то я буду более чем счастлив выяснить, что и почему. Я изо всех сил подпрыгиваю — между прочим, с моими ботинками «джонстон-мерфис» это совсем не так просто, ибо их толстые подошвы не позволяют набрать нужную высоту — и ловлю лишь мгновенный промельк тех длинных черных волос.

Я следую за этими волосами и вскоре оказываюсь на кухне, где всевозможные промышленные приспособления сияют под ярким светом, все так чисто убрано и вытерто, что даже санэпидстанция вряд ли к чему-либо придерется. Мне думается, потребовались бы самые минимальные взятки, чтобы это заведение прошло все соответствующие инстанции. Конечно, инспектора из человеческого санэпиднадзора сюда не заглядывают, а их рептильные коллеги очень редко заботятся о мелких нарушениях санитарных норм. У Совета есть проблемы куда покруче, чем пара-другая крыс, наводящая порядок в мусорном баке с объедками.

Официантки здесь так и роятся, суетливо перебегая от одного стола к другому. Все они схожим образом одеты и причесаны, их личины так близки к идентичности, что различить их

по виду просто не представляется возможным. Все они до единой юные азиатки, и я не сомневаюсь, что где-то в интернете есть посвященный им порносайт.

— Никто мне сейчас выпивку не предлагал? — громко спрашиваю я, и считанные секунды спустя три официантки уже стоят у меня под боком с полными бокалами настоя.

Мой рот внезапно начинает сочиться слюной, а левая рука — неуправляемо дергаться. Одна только мысль об этих травах — в дюймах от моего рта, так просто, так близко — безумно кружит мне голову.

— Нет, — удается сказать мне, — я не хочу выпить. Я просто хочу узнать, не предлагала ли только что одна из вас мне выпить...

— Не желаете ли настоя? — спрашивает та, что справа.

Ни черта не выходит. Я уже собираюсь придумать новую тактику, но тут мне в ноздри ударяет резкий запах — и на сей раз мне удастся его распознать. Лежалый кусок сыра. Очень знакомый запах. Однако единственный глоток травяного настоя все еще туманит мне голову, затрудняя окончательное распознавание.

Я поворачиваюсь, пытаюсь засечь официантку, которая, шустро скользя мимо, опять мне подмигивает, и успеваю заметить поднос с выпивкой, который она несет. Один из бокалов настоя слегка пенится сверху.

— Погодите секунду, — кричу я, но она исчезает за двустворчатой дверью, а потом в толпе по ту сторону, прежде чем я успеваю как-то ее для себя выделить.

Снаружи, в клубе, музыка уже упала до уровня перерыва на коктейли, девушки спустились со сцен и столов, и гости теперь толкуются вместе с прелестными дамами. Обжимаются — так, пожалуй, точнее. Я всего в двадцати футах за официанткой, но очень тяжело пробираться сквозь уйму рук, ног и хвостов у меня на пути.

Есть что-то особенное в той девушке, которая подавала мне намеки, но это вовсе не загадочное подмигиванье. Тут я прохожу мимо Папаши Дугана, и он живо меня хватает, после чего начинается небольшая румба под музыку — старик всю топают ногами и покачивает бедрами. От Папаши прилично разит базиликом, а в руке у него полупустой бокал настоя.

— Тиффани обычно так себе проклятую румбу танцевала, — говорит мне Папаша. — У этой женщины был очень серьезный набор ног. У нее был еще и радостный набор ног, но тот она почти все время в платяном шкафу держала.

На какое-то время я поддаюсь танцу. Если ты не станцуешь румбу со старым гадрозавром в ночном клубе, где гуляет мафия его сына, где ты тогда вообще ее станцуешь?

— Слушайте, Папаша, — говорю я, дождавшись того момента, когда мы поворачиваемся лицом к Джеку и его команде. — Вам вон та официантка какой-то странной не кажется? — Я указываю в другую сторону помещения, где та самая девушка уже проникла в окружение Джека. Она раздает бокал настоя за бокалом, и парни беспечно закидывают их себе в глотки. Хагстрем, Антонио и еще несколько здоровенных солдат окружают своего босса, обеспечивая его безопасность даже в этой относительно мирной гавани.

— Кто? — спрашивает Папаша. — Та девушка с фабрики звезд?

— С фабрики звезд?

— Ну да, — говорит он. — У Джека и его деловых партнеров есть целая уйма девушек, чтобы помогать им со всякой всячиной. Они эту компанию фабрикой звезд называют. Все девушки из каких-то заморских краев. Джек помещает их всех в какой-то дом. Бесплатное проживание, бесплатная кормежка. Дело хорошее.

— Официантки по почтовому заказу?

Пьяный Папаша пожимает плечами, после чего возвращается к румбе и воспоминаниям. Он в темпе запускает речугу про святость своей покойной жены, и вскоре он опять с головой в прошлом, оживляя какие-то отдельные события из их с Тиффани совместной жизни. Осушая остаток своего настоя, Папаша с грохотом ставит бокал на соседний столик.

Вид пустого бокала посылает какой-то импульс в мой мозг. Возвращает меня к тому промельку тридцать секунд назад, когда мимо меня проскользнула официантка с полным подносом в руках — и один из бокалов пенится.

Крепкий спиртовой настой трав или чего угодно не пенится. Пиво пенится. Шампанское бурлит. Но в крепком спиртном напитке ничего такого не происходит.

Все остальное мгновенно встает на место. Подмигиванье официантки — вовсе не знак следовать за ней, а просто хитроватое указание на некую общность. Сигнал, говорящий: «Эй, приятель, мы здесь с тобой заодно». Эта официантка меня знает. И я знаю ее. И никакая она не официантка. Да и вообще: она — не она.

Потому что тот запах был сырным — сырным с добавкой соуса ялапеньос. Но это вовсе не естественный запах диноса. Нет, это вонь, обусловленная перевариванием серьезных количеств начоса. А поскольку Марлон Брандо никоим образом не мог пробраться на нижний уровень ночного клуба Дуганов, это может значить только одно.

Шерман, головорез Талларико, здесь, в клубе.

— Джек! — ору я через миг после того, как мои ноги сами собой несут меня вперед, и я спотыкаюсь о толстые хвосты, врезаюсь в гостей — мне наплевать, это совершенно неважно. — Джек!

Он все там же, смеется вместе с Хагстремом, Антонио и остальными, бокал настоя у него в руке, и даже на таком расстоянии я вижу тонкий белый слой на самом верху, плавающие на поверхности мелкие кристаллики.

Распад-порошок. В выпивке Джека. Такое похмелье, от которого уже не очухаешься.

— Джек! — снова ору я, уже на полпути к нему по клубу, но все еще слишком далеко. Определенно слишком далеко. — Не надо... не пей...

На сей раз Джек меня слышит — различает по крайней мере мой голос, если не слова — и поднимает бокал повыше, словно желая сказать тост...

— Поставь его! — надрываюсь я. Горло уже дерет, слова несутся поверх музыки, все поворачиваются ко мне, чтобы посмеяться над единственным раптором в самой гуще гадрозавров, но мне опять-таки наплевать. Весь мой разум сосредоточен на выпивке Джека — бокал направляется к его рту, губы широко расходятся. — Поставь его, поставь!

Но я в пятидесяти футах оттуда, и на лице у Джека одна сплошная улыбка, пока он подносит бокал к губам.

— Брось, Винсент, — кричит он, смеясь, — насчет меня не волнуйся. Я знаю, как с травмами управляться.

А дальше все происходит совсем как в замедленной съемке. Мое отчаянное не-е-ет переходит в какой-то замогильный вопль, в котором я тщетно пытаюсь излить всю свою ярость и горечь. Рука Джека продолжает свой беспрепятственный подъем, бокал прицеливается к его рту, распад-кристаллы уже в считанных секундах от того, чтобы ударить по незащитной коже и навеки ее смыть.

И я прыгаю, буквально выбрасывая свое тело вверх, моя рука тянется выбить бокал, отбросить его на пол, к потолку — куда угодно, только бы он не причинил вреда. Я тянусь изо всех сил, от души желая прямо сейчас нарастить где-нибудь лишний дюйм, точно через барьер, перескакиваю через тело Хагстрема, по-прежнему нацеленный на тот смертоносный бокал...

Но не долетаю, грохаясь на пол в трех футах от ближнего антуража Джека. Затем поднимаю глаза и сжимаюсь от ужаса, пока бокал наклоняется и жидкость скользит к открытому рту Джека...

И тут замедленная съемка кончается. Откуда-то сбоку вылетает рука, ладонь бьет по толстому стеклу бокала, выбивая его из руки Джека, и жидкость оттуда выплескивается. Все замороженно наблюдают, как она все изгибается и корчится в воздухе, напоминая какое-то искореженное воссоздание начальных кадров фильма «2001: Космическая Одиссея». А потом переводят свое внимание на женщину, которая возымела наглость выбить бокал из руки большого босса.

— Винсент всегда чертовски настойчив, если речь идет о вещах, которые пить нельзя, — говорит Гленда. — Думаю, тебе по крайней мере следует выслушать его объяснения.

Я уже открываю рот для этих самых объяснений, но внезапно в каких-то пяти футах от меня раздается пронзительный вопль, который целиком меня окутывает. Этот крик боли и отчаяния все набирает громкость, и я вскакиваю на ноги, мои когти уже готовы кромсать. Я быстро оглядываю все помещение, пока этот ошеломляющий вопль все продолжает прорезаться сквозь толпу.

Антонио, тот самый динос с легкой ухмылкой на физиономии, загребушими руками и диким помпадуром на голове, теперь упал на колени. Вой ужаса и агонии прорывается сквозь грохот музыки, буквально гальванизируя весь клуб. Антонио закрывает лицо ладонями, но звук все равно проходит ясным и нисколько не заглушённым, идеальным в своей кошмарности. Все потрясены, напуганы, неспособны отвернуться, пока густая зеленая слизь начинает вытекать у Антонио между пальцев. Плоть стремительно растворяется под бешеным напором микроскопических бактерий.

— Это распад-порошок! — ору я. — Дайте же что-нибудь...

Бесполезно. Как только бактерии начинают работать, они уже не останавливаются, пока не прожуют все, что только смогут. Теперь по залу разносятся новые вопли, пока танцовщицы разбегаются по сторонам с такой стремительностью, словно над ними нависла какая-то внешняя угроза. У людей Джека, по крайней мере, находится достаточно самообладания, и хотя многих из них явно до смерти пугает происходящее прямо у них на глазах, они понимают, что ничего тут уже не поделать.

Вопли Антонио постепенно теряют свою пронзительность, пока губы его растворяются, а лицо тает, как будто он имел наглость связать Индиану Джонса или открыть Ковчег Завета. Еще один человек Джека надаёт рядом с ним на колени, протягивая руки...

— Не трогать! — рявкает Хагстрем, оттаскивая парня от корчащегося на полу существа. Зеленая жижа обильно течет на ковер.

— Он прав, — говорю я, пусть даже мне просто ненавистно хоть в чем-то соглашаться с Хагстремом. — Не прикасайтесь к нему. Держитесь подальше.

Тело Антонио сотрясают аритмичные судороги, и теперь его ладоней уже не хватает, чтобы скрыть разрушение его лица и груди. Да и пальцы его тоже начинают растворяться. Сдавленные вскрики вылетают из его частично разъеденного горла, ноги дергаются с каждым новым стоном и взвизгом.

— Отойдите, — велит нам Джек. — Пропустите меня.

— Ты ничего не сможешь поделать, — говорю я ему. — Это уже не остановить...

— Отойди, — повторяет он ровным голосом со стальными нотками. Прямо сейчас мне с таким голосом спорить неохота. Я делаю два широких шага назад и позволяю Джеку приблизиться.

Тут я вдруг слышу резкий грохот пистолетного выстрела, прежде чем вижу сам пистолет, прежде чем замечаю, что в черепе у Антонио теперь зияет большая дыра, и чую в воздухе пороховой дым. Антонио падает на пол, и его измученное тело дергается еще лишь раз, прежде чем окончательно застыть в мирной позе, пока распад-бактерии продолжают свой буйный пир. Третью его тела уже ушла, оставляя за собой голый череп и солидную лужу изумрудной слизи.

— Проклятье, — мягко и негромко говорит Джек.

— Проклятье, — эхом повторяет Гленда.

А Хагстрем, добрый, заботливый Хагстрем, топчет тело, пока оно окончательно не распадается, после чего тычет ботинком испоганенный ковер.

— Вот именно что проклятье. Эти пятна мне уже никогда не вывести.

Мы обыскиваем весь клуб. Если точнее, люди Джека обыскивают клуб, а я тем временем обалдело стою на коленях в центре помещения и собираю зеленую слизь в ведро. В процессе работы я пытаюсь лихорадочно прикинуть, что я должен и чего не должен говорить старому другу в этой опасной точке наших взаимоотношений.

Я имею достаточно полную информацию на предмет того, кто высыпал распад-пакет в бокал Джека, но даже если бы я не был на сто процентов в этом уверен, основываясь на запахе сыра и соуса ялапеньос, для полной гарантии хватило бы того многозначительного подмигивания. Талларико послал своего головореза Шермана в клуб Дуганов, чтобы исполнить этот хит, и только мое почти запоздалое озарение смогло спасти Джеку жизнь.

Конечно, большой вопрос в том, как Талларико узнал, где в данное конкретное время окажется Джек. Тут мне становится интересно, не поставили ли они на меня жучка. Быстрое охлопывание себя с ног до головы ничего такого не фиксирует. Может, они сунули следящее устройство в зубную пасту и теперь моя эмаль выдает сигнал? Отличная причина для того, чтобы несколько дней не чистить зубы.

— Один из моих лучших людей, — размышляет Джек, и я не могу понять, указывает его пониженный тон на глубокую задумчивость или на беспредельную ярость. — У Антонио был ребенок. Маленький мальчик. Глупое мелкое существо, но все-таки ребенок. Проклятье.

Ничего конструктивного я пока сказать не могу — по крайней мере, ничего настолько конструктивного, чтобы я после этого остался в живых. Если я сейчас расскажу им, что встречался с Талларико, что мне известно, кто подсунул Джеку паленый настой и в конечном итоге убил Антонио, Джек никоим образом не сможет позволить мне жить дальше. Слишком долго я лгал, чтобы теперь с бухты-барахты начать говорить правду.

На самом деле мне нужен совет моего поручителя в АГ.

С другой стороны, если я изображу полное неведение, это станет еще одной строкой в списке негатива, если Джек когда-нибудь узнает о моей сделке с Талларико. Выбор на самом деле довольно прост: солгать и спасти свою жизнь на какое-то время, чтобы меня непременно угрохали в дальнейшем; или сказать правду и почти определенно быть убитым прямо сейчас.

Вообще-то дальних перспектив я обычно не рассматриваю.

— Есть мысли, кто это мог быть? — невинно интересуюсь я.

Джек пробегает ладонью по волосам, приглаживая блудные пряди.

— Кое-какие мысли у меня есть.

— Наверняка.

— Знаешь, Винсент, у меня нет иллюзий. Я занимаюсь опасным бизнесом, и я это принимаю. Я завожу друзей и наживаю врагов. Часто речь здесь идет о дележке территории.

Хагстрем подтягивает стул и садится рядом со своим боссом.

— Мы прочесали все заведение. Ни малейших признаков кого-то постороннего.

— А как насчет личины? — спрашиваю я.

Нелли начинает вставать со стула, напрочь меня игнорируя. Но Джек протягивает руку, останавливая его.

— Винсент задал тебе вопрос, Нелли.

Хагстрем неохотно поворачивается и сосредоточивает на мне раздраженный взор:

— Какой личины?

— Той, которая была на преступнике. — Вот это класс! Употребить слово «преступник» там, где все остальные вполне бы за такового сошли. Я болтаю совсем как полицейский, и это явно выводит Нелли из равновесия.

— Личины не нашли.

— А твоему персоналу можно доверять? Всем этим... азиатским девушками и их личинам.

— Угу, — рычит Хагстрем. — Что-то еще, Эйнштейн?

Пытаться вести этих парней в нужном направлении, не выдавая себя, — это, я бы сказал, не фунт изюму. Я чувствую себя собакой-поводырем, чей слепой хозяин вдруг сам

решил пересечь четырехполосное шоссе.

— Итак, ты говоришь, что всем официанткам и их личинам можно доверять, а также что проникшему сюда преступнику удалось это сделать только благодаря тому, что он носил костюм, схожий с костюмами остального персонала. Тебе это самую малость странным не кажется?

Теперь Хагстрем, похоже, понимает. А Джек ухватил это еще раньше, чем я заговорил.

— Фабрика звезд, — бормочет Хагстрем, и Джек кивает.

Опять двадцать пять.

— Фабрика звезд, — повторяю я. — А что это вообще такое?

— Это что-то вроде службы найма, — отвечает Джек. — Уйма девушек... они поступают отовсюду.

— Тогда, может статься, в эту фабрику звезд кто-то такой проник? — предполагаю я. — Тот, кому не нравится, как ты ведешь свой бизнес.

Джек кивает. Он явно идет в ногу со мной, а может, даже на шаг впереди.

— У нас тут есть бригады, — говорит он, — и всем нужна услуга. Так что все мы порой малость черпаем из этой фабрики. Время от времени. А значит, все верно, доступ туда возможен. — Он поворачивается к Хагстрему. — Давай сюда девушек. Раздетых, без личин.

— Но...

— Делай как сказано.

Хотя прошел уже час, и все теперь утихомиривается, вокруг по-прежнему царит полный бедлам. Как только пороховой дым от выстрела Джека развеялся, Хагстрем взял все в свои руки, рявкая приказы подчиненным, которые тут же стали перекрывать двери и окна, лишая убийцу всяких шансов на спасение. Пожилая женщина, которая то и дело оказывается под боком у Джека, отвела его в уголок, что-то шепча ему на ухо. Чем чаще она появляется, тем больше я нервничаю.

— Чтобы через тридцать секунд все были здесь, в главном помещении, — объявил Хагстрем, после чего взялся носиться по клубу, сгоняя гостей и танцовщиц в одно стадо в центре зала, точно призовая овчарка. Мы с Глендой волей-неволей присоединились к остальным, подавленные командным тоном и грозным присутствием Хагстрема.

— Личины долой! — орет Нелли. — Все до единого. Ремешки и зажимы в левую руку, шкуры — в правую. Я хочу видеть ваши чешуйки, народ, и я хочу видеть их прямо сейчас.

Мы все повинuemся, масса народу разоблачается, а солдаты Джека так поражены неожиданным поворотом событий, что теперь, в обнаженной близости, напрочь забывают про обжимание со стриптизершами. Ибо, несмотря на всю голую плоть и трущиеся друг о друга чешуйки, очень тяжело испытывать сексуальное возбуждение, когда твой друг и коллега только что превратился в грудку зеленого желе.

Кайф Гленды проходит, пока жуткая сцена высасывает последние остатки ее полугербаголического опьянения.

— Здесь чертовски холодно, — говорит Гленда, обхватывая себя руками уже после того, как она стянула с себя шкуру и аккуратно набросила ее на руку.

— Ты тоже, Нелли, — негромко говорит Джек. Губы Хагстрема сжимаются, а плечи поникают. Такой его вид мне очень даже по вкусу.

— Что?

— Личину долой. Живо.

— Но Джек...

— Нельсон, — ровным тоном произносит Джек, и я едва не роняю на пол свои вставные челюсти при упоминании настоящего имени Хагстрема. Неудивительно, что он проходит как Нелли. «Нельсон Хагстрем» слишком уж вязнет во рту. Хотя с таким прозвищем, как Нелли, тебе на школьном дворе как пить дать жопу надерут.

— Снимай ее. В темпе.

Хагстрем бранится и ломается, но в конце концов все-таки разоблачается, удаляя не только ноги, руки и туловище, но и маску — и тут я впервые вижу широкую и плоскую

гадрозаврскую физиономию Нелли Хагстрема. Особняком от тупого рыла и странного набора зубов стоит безобразная вмятина в чешуйках у него между глаз — в том же самом месте, что и шрам на лбу его человеческой личины.

— Ты видишь? — шепчу я Гленде. — У него что-то с головой.

Гленда хихикает:

— Это точно. И у тебя тоже.

Я раздеваюсь одним из последних, и вовсе не по причине стыдливости. Просто я так сосредоточился на созерцании остальных, что совсем забыл к ним присоединиться.

— Давай, Винсент, — говорит Джек, подкатывая ко мне. — Кончай с этим.

Я в темпе разделся и полностью снял личину. Реакция остальных диносов меня в тот момент почему-то не заботила, хотя вообще-то бы ей следовало меня заботить.

— Раптор! — рычит Хагстрем и бросается ко мне, пока я скрещиваю руки в порядке самообороны. Со всех сторон сверкают когти — сотни стилетов, готовых превратить меня в чешуйчатое решето.

Гленда бьет Хагстрема где пониже, падая на колени, а я тем временем убираюсь с его дороги и разворачиваюсь, чтобы отвесить ему старого доброго пенделя. Но Хагстрем уже был к этому готов — перескочив через согнутое тело Гленды, он бросается в новую атаку.

Остальные люди Джека стягиваются в плотный кружок, пока мы с Глендой обращаемся лицом к внезапно вспыхнувшему гневом Хагстрему. Я очень мало сомневаюсь в том, что они вмешаются, если мы с Глендой возьмем верх. Стало быть, остались два варианта, один хуже другого: сбежать или погибнуть в бою. В общем, я выплюнул вставные зубы и оскалил свои настоящие клыки, готовый рвать и глотать...

— Хватит! — Единственное слово прорвалось сквозь гул ярости и напряжения. — Довольно!

Толпа резко разделилась, когда Джек направил свое кресло прямо по той плоти, что оказалась у него на дороге (если хочешь услышать, как динос скулит, попробуй переехать ему хвост на инвалидной коляске с металлическим ободом), врезался в самую середину кружка и остановился как раз между мной и Хагстром.

Нелли по-прежнему рвался в бой.

— Он один из них, — рявкнул Хагстрем. — Долбанный раптор! И мы еще его в этот клуб пустили! Он-то как раз все это и устроил...

Голос Хагстрема резко оборвался, когда рука Джека буквально выстрелила к самым мягким частям толстой шеи гадрозавра. Он так крепко его ухватил, что остальные слова Нелли так и застряли у него в глотке, не успев вылететь изо рта.

— Для начала все это чушь свиньячья, — заорал Джек, и внезапно его солдаты принялись усердно разглядывать пол, стены, друг друга, все, что угодно, только бы избежать взгляда своего босса. — Как раз из-за этого мы прежде всего и садимся в лужу со всеми остальными бригадами. Мы позволяем этой чуши встать у нас на пути.

Тут Джек махнул рукой еще одному своему подручному, которого все звали ББ. С виду ББ похож на Ричарда Греко, у него такая же лысина на макушке. Интересно, не из одного ли и того же каталога они себе личины заказывали.

— Приведи ребят из задней комнаты. Всех сюда приведи.

— Брось, Джек, в самом деле, — сказал я, не на шутку озабоченный тем, куда все идет. — Я просто могу уйти. Тебе совсем незачем это делать.

— Я это сделаю, Винсент. А теперь отойди.

Джек отпустил измученное горло Хагстрема, и здоровенный гадрозавр отшатнулся назад, жадно хватая воздух.

Через минуту все присоединились к кружку. Джек устроился в середине, крутясь в инвалидной коляске и убеждаясь, что всем гангстерам видно своего босса.

— Мы семья гадрозавров, — начал он. — Это верно. Если на нас посмотреть, если нас обнюхать, если нас ощупать — да, мы все до единого гадрозавры, и нам следует этим гордиться. И мне нравится думать, что мы одна семья, когда речь заходит о главных

интересах нашей организации. Мы заботимся друг о друге, мы приносим себя в жертву ради общего блага. Вот что делает нас сильными. Вот что делает нас сильнее остальных. Но мы стали изолированными, а изоляция приводит к слабости. Мы думаем, что мы хитры, ловки, знаем ответы на все вопросы — и именно здесь все начинает рушиться. Все начинает рушиться, как только нам кажется, что мы взяли все, тогда как мы взяли лишь самую малость. Я понятно выражаюсь?

Глухой ропот пронесся по толпе, но никто не осмелился возразить открыто. Джек двинулся дальше.

— А потому, когда я привожу своего доверенного друга в семью, когда я прошу его стать гостем в моем доме и в месте моего бизнеса, есть определенные вещи, которых я ожидаю в ответ.

— Порядок, Джек, — сказал я, бочком пододвигаясь и шепча ему на ухо. — Давай все-таки местных не обламывать.

— Во-первых, — продолжил Джек, — я ожидаю уважения. Если не к моему гостю, то, по крайней мере, ко мне. Уважайте мое право приводить сюда всех, кого я захочу, будьте способны видеть незримое. Во-вторых, я ожидаю вежливости. Если не в отношении моего гостя, то по крайней мере такой вежливости, которая позволит вам улыбаться мне в лицо, когда он в моей компании. И в-третьих, я ожидаю уступчивости. Если я прошу вас быть друзьями моему гостю, будьте ему друзьями. Если я прошу вас воткнуть себе в жопу мухомор и станцевать танго для моего гостя, вам лучше в темпе искать ближайший мухомор и студию Артура Миллера. Но давайте представим, что ничего этого не существует. Давайте представим, что я не Джек Дуган, что я здесь не главный. Давайте представим, что это обычное компанейское сборище, и я знакомлю вас с парнем, которого я когда-то знал.

Джек развел руки по сторонам, приглашая меня в центр круга. Хотя мне страшно хотелось воспротивиться (упаси Боже становиться любимчиком классного руководителя), придумать подходящую речь я не смог. Тогда я подошел к Джеку, встал рядом и слегка помахал рукой всей толпе. По-моему, от моего жеста этим ребятам не стало легче меня выносить.

— Это Винсент Рубио, — сказал Джек, — и он велоцираптор. В детстве, когда нам с ним было всего лет по двенадцать-тринадцать, он оказался перед тяжелым выбором. Выбор был такой: либо он отправляется в канадскую тюрьму... — тут я услышал, как по залу разносится шепоток — ужасы Оттавы были этой толпе хорошо известны, — либо сдать меня и выйти на свободу. Он или я — вот какой у него тогда был выбор. И это при том, что мы в ту пору были всего-навсего парой сопляков, брошенных перед Советом и вынужденных принимать страшное решение. И вот этот самый динозавр, который теперь перед вами стоит, — этот раптор, — решил скорее подвергнуть себя пыткам сорок восьмой параллели, чем сдать своего друга-гадрозавра. — Тут Джек делает паузу, поднимая на меня полные гордости и дружбы глаза, а я в этот миг как никогда в жизни чувствую себя настоящим собачьим дерьмом. Я лишь слабо ухмыльнулся в ответ. Могу себе только представить выражение лица Джека, когда я расскажу ему про свою работу на семью Талларико или про то, как я уже готов был расколоться на том процессе Совета, прежде чем запах чернослива сдернул меня с крючка.

— Спасибо, — пробормотал я.

— И всего час тому назад, — продолжил Джек, снова поворачиваясь к толпе, — Винсент, этот велоцираптор, которого вы все так клянете...

— Это уж совсем через край, Джек.

— ...опять спас мне жизнь, заметив то, чего я сам заметить не смог. Он спас мне жизнь за долю секунды за того, как та выпивка меня бы убила. А она убила бы меня раньше, чем я успел бы на свое место сесть. Никто из вас, гадрозавров, ко мне во спасение не пришел. Никто из вас не был настолько проворен, чтобы отреагировать вовремя. Так что слушайте меня, ящерицы, очень внимательно слушайте. Винсенту Рубио нельзя причинять вред. Его нельзя подвергать остракизму. Вы будете обращаться с ним как с членом нашей семьи, а со

временем узнаете его и полюбите точно так же, как я. Он станет вашим братом. Естественно, — добавил Джек, поворачиваясь ко мне и торжественно протягивая ладонь, — если он захочет стать нашим братом.

Как будто у меня был выбор. Я обменялся с Джеком крепким рукопожатием.
— Черт возьми, конечно.

Вот так все и закончилось, кружок рассосался. Хагстрем снова утонул в тенях, а остальные люди Джека меня окружили, хлопая по спине и извиняясь за грубость. И хотя я был рад войти в их компанию, откровенно счастлив остаться в живых и даже не понести тяжелых увечий, меня не могли не мучить сомнения на предмет того, не был ли определенный процент их внезапного благоволения ко мне вынужденным. Действительно ли Джек произвел переворот в их умах или они просто выполняли приказы? Впрочем, так ли меня это волновало?

ББ и еще один солдат были назначены ответственными за кости Антонио, одинокий скелет динозавра, что лежал на густом ковре заведения Дуганов. Антонио был стройного телосложения, и кости сохранили намек на хрупкость и миниатюрность его фигуры. Скелет был едва ли пяти футов ростом, и большая часть высокого роста Антонио как млекопитающего должна была вкладываться в его личину подобно тому, как Тому Крузу каждые несколько лет вшивают в пятки органические вставки. Да знаю я, знаю, Том Круз все равно чертовски низкорослый чувак, но с этими вставками спецы просто не могут зайти дальше, не превращая их в форменные ходули. Тщеславие, даже для богатых и знаменитых, все-таки имеет свои пределы.

ББ, не долго думая, схватил бедренную кость за оба конца и резко надавил коленом посередине. Громкий треск разнесся повсюду точно ружейный выстрел, и все внимание тут же было обращено на центр помещения.

— Эй, парни, — сказал Джек, — вы бы лучше всем этим где-то еще занялись.

— Но ведь ты же сказал, что мы должны...

— Ну да, я знаю, но нам совсем не обязательно это слушать.

ББ кивнул и направился в заднюю комнату. Когда он оттуда вернулся, в руках у него был большой зеленый мешок размером как раз под нормальный труп. Я нашел довольно любопытным то, что у них тут под рукой такие хранятся, но подумал, что лучше об этом не спрашивать. Затем ББ с солдатом погрузили чистенький белый скелет в мешок и выволокли его в заднюю дверь. Фундаментальный постулат гласит, что ты должен сломать любой скелет современного диноса, прежде чем выбросить останки на ближайшую свалку, но никто не был заинтересован в том, чтобы слушать оглушительный треск костей несчастного Антонио.

И теперь, больше часа спустя, вся работа по уборке уже закончена. Кости собраны, вся слизь впитана тряпками, которые затем в корчах сгорели на кухне.

— Стройтесь! — кричит Хагстрем себе за спину, выходя из кухни. — Вот здесь, перед мистером Дуганом. Личины класть к ногам.

Официантки выходят стыдливой цепочкой и направляются к Джеку. Впервые взглянув на них без личин, я с удивлением обнаруживаю, что ни одной гадрозаврихи среди них нет — все они до единой орнитомимки. Их грубая шкура пятнисто-зеленая с бурыми прожилками. Легко предсказуемый изгиб к шее, наклон позвоночника, а также длинный помахивающий...

Вот те на. Хвостов им не хватает.

Не то чтобы всем, но достаточно многим. Эту их особенность я подмечаю одной из первых. Некоторые девушки щеголяют длинными хвостами-противовесами, типичными для вида орнитомимов, но большинству приходится обходиться коротенькими обрубками плоти вместо роскошного придатка. Некоторые обрубки короче других, некоторые имеют длину почти нормального хвоста, и все же ясно, что большинству этих девушек отчаянно не хватает важнейшей части их анатомии. И это определенно не религиозный или культурный жест. Свойственная древним динозаврам практика обрезания хвоста ушла в небытие вместе с их прежними застольными манерами.

Мы с Глендой обмениваемся быстрыми взглядами. Похоже, мы в этом заведении единственные, кого заботит, что с этими девушками что-то не так — или даже единственные, кто вообще это замечает.

Джек вкатывается между нами:

— Винсент, Гленда, где вы остановились?

— В одном отеле на юге, — лгу я. Гленда отвечает самодовольной улыбочкой.

— А хотите поехать в наш дом и остаться там с нами?

Стремная ситуация. Если я откажусь, это будет выглядеть подозрительно. А если соглашусь, то сяду в кипяток с Талларико.

Меня спасет Хагстрем.

— Проклятье, Джек — всему есть предел... — начинает он и резко затыкается, когда Джек впивается в него гневным взглядом. Не хотел бы я сейчас оказаться на месте Нелли.

— Нет, все хоккей, — говорю я, хватаясь за счастливую возможность закрутить педали назад. — За отель все равно заплачено. Там комплексная сделка.

Подробности моих планов на отпуск Джека явно не интересуют. Он смотрит на Гленду.

— А ты?

Я смотрю на Гленду и пытаюсь внушить ей свое желание, чтобы она стала моими глазами и ушами в лагере Дугана хотя бы за тем, чтобы я в конце концов сумел помочь Джеку прикинуть, как именно Талларико получает доступ в его семью. Должно быть, Гленда уловила намек, поскольку принимает приглашение Джека.

— Только если у меня там будет своя ванная комната, — добавляет она. — На этот счет девушке следует быть разборчивой.

Кивая, Джек машет рукой в сторону Хагстрема.

— Нелли, пусть один из парней отвезет ее в дом. — Он прокатывает мимо меня, направляясь к цепочке ожидающих его бесхвостых официанток. — Возвращайся в отель, — говорит он мне. — Искупайся в минеральном источнике, получи массаж. Немного позже ты можешь мне снова понадобится.

Направляясь к скату и к выходу из заведения Дугана, я слышу, как Джек начинает заниматься этой странной группой орнитомимок.

— Итак, дамы, давайте начнем с самого начала, — говорит он, и я понимаю, что он собирается допрашивать их на предмет нескольких последних часов. Мне вдруг приходит в голову дурацкая мысль, что Джек сейчас хлопнет в ладоши, отсчитает девушкам раз-два-три-четыре — и устроит здесь кордебалет.

Впрочем, подобные мысли сегодня все реже и реже приходят мне в голову.

Я беру такси до лагеря Талларико на Звездном острове. Охрана у ворот должна позвонить в какой-то внутренний командный пункт, но в конце концов я прохожу в дом и направляюсь напрямик к своей комнате. События прошедшего дня вконец меня измотали, а потому я лишь сбрасываю ботинки и плюхаюсь на кровать, погружаясь в полусон раньше, чем моя голова касается подушки. Мне есть о чем подумать в связи с Эдди, Фрэнком, Джеком и Хагстромом, а также в связи с незримым шпионом, проникшим в семью Дуганов, однако единственный способ извлечь из всего этого хоть какой-то смысл — это выключить на время свою думалку и дать ей передохнуть. Если мне очень повезет, завтра и впрямь будет совсем другой день.

Я просыпаюсь под недовольное бление пятидесятифутового козла, чья вытянутая морда невесть как оказалась в футе от моего уха. Оглушительная скрипучая нота начисто вышибает всякие мысли из моей головы, а все мои сны мигом развеивает боевой клич воздуха и латуни.

Эдди Талларико играет на тромбоне.

— Проснись и пой! — Он стоит надо мной, расставив ноги, вся его непомерная тяжесть обрушивается на несчастный матрац, пока Эдди прыгает вверх-вниз, вверх-вниз, точно слон на батуте. — Пора вставать, Рубио!

Я прижимаю ладони к ушам, но без особого толка. Эдди по-садистски мучает

инструмент, изничтожая все то доброе и хорошее, что есть в таком роскошном тромбоне. Я бы ничуть не удивился, если бы прямо сейчас сам Майлс Дэвис поднялся из могилы и утащил Эдди Талларико в ад за его грехи против медных духовых.

— Нам работать надо, работать...

— Работать?

— Если точнее, работать надо тебе. — Эдди протягивает мне руку. Я хватаюсь за нее, и он поднимает меня с кровати. — Классно, — говорит жиряга. — Про вчерашний вечер я уже слышал.

— А что я вчера сделал? — Я правда не могу вспомнить — плотную паутину сна еще только предстоит расчистить. Но что-то я все-таки сразу припоминаю — какую-то отвратительную липкую зелень.

Клуб. Порошок. Покушение. Все верно.

Шпион Талларико, должно быть, рассказал ему про то, как я предотвратил попытку убить Джека. Итак, мне срочно требуется придумать какое-то объяснение.

— Понимаете, — начинаю я, — тут вот такая штука вышла...

Только тут до меня доходит, что ни единого слова для продолжения у меня нет.

— Я уже все знаю, — смеется Эдди. — У меня есть там свой парень, он мне полный отчет дает. От этого долбаного Дугана сейчас бы только белые кости остались, не выскочи вдруг невесть откуда какая-то шлюха. Тоже мне, Зена — королева воинов. Так что вместо Дугана мы какого-то его прихвостня отоварили. Это, конечно, тоже не так уж плохо, но мне бы хотелось, чтобы главная работа лучше делалась раньше, чем позже.

— Конечно-конечно, — говорю я, пытаюсь выгадать время и извлечь из всего этого смысл. Шпион, должно быть, упустил из вида тот факт, что Джека предупредил именно я, что Гленда выбила бокал, только вовремя меня увидев и услышав. Это очень хорошо — моим отношениям с Талларико это только на пользу.

— Да уж, шлюха чертова, — бормочу я, пытаюсь придать своему голосу раздраженный тон. — Вот они, бабы.

Эдди взрывается еще несколькими нотами на тромбоне и спрыгивает с кровати. Матрац тут же подскакивает вверх, и я почти слышу, как постельная принадлежность облегченно вздыхает.

— Сегодня, мой новый друг, — говорит Талларико, — ты должен стать временной заменой.

Тут я на секунду лишаюсь дыхания, а щупальца страха пробираются ко мне в грудь.

— Заменой? Временной?

Эдди залезает в платяной шкаф и начинает рыться в моей одежде. Он перебирает мои рубашки. Ублюдок реально их трогает, его грязные лапы мнут полотно и шелк.

— Знаете что? — говорю я, подскакивая к шкафу и с трудом отталкивая оттуда Талларико. — С тех пор, как мне шесть стукнуло, я всегда сам одеваюсь. Думаю, мне и сейчас это вполне по силам.

Эдди лишь пожимает плечами и шаркает в сторонку. Меня это вполне устраивает.

— У меня немало деловых предприятий, — говорит он, — и я с ними типа малость разбрасываюсь. Когда-нибудь... это может стать типа небольшой проблемой.

— Очень вам сочувствую.

— Обычно, — говорит Эдди, — мы с этим справляемся.

— Замечательно. Вот и справляйтесь.

— Понимаешь, я бы очень хотел справляться, но когда я сказал, что малость разбрасываюсь, я имел в виду типа одну ложку арахисового масла на сотню ломтей хлеба. Короче, есть задания, которые я могу поручить своим парням, а есть задания, которые мне поручить некому. Порой нужно просто там поторчать и понаблюдать. На заданиях от парней обычно ничего такого не требуется, только показаться где надо и иметь приличный вид. Но когда один из этих самых парней здесь не объявляется...

— Тогда вам требуется временная замена, — говорю я. — Понятно.

— Вот и хорошо. Тогда все улажено.

— Но это не значит, что я согласен.

Талларико несколько секунд размышляет, а потом выпускает громовую отрыжку и даже не извиняется.

— У тебя нет выбора, — сообщает он мне. — Еще одиннадцать дней ты, Рубио, у меня вот здесь. Я говорю, ты делаешь.

— Сделка состояла не в этом.

Талларико качает головой:

— Ты типа крутой обломщик, Рубио.

— Ага, типа того.

— Мой брат дает тебе двадцать кусков...

Тут малость трав, все еще во мне оставшаяся, берет свое.

— Насрать на двадцать кусков! — ору я, возвышаясь над Эдди и глядя сверху вниз на его жирную ряху и грязные ноги, торчащие из-под халата. — Двадцать кусков за то, чтобы я за парнем следил, ага? Следил — только и всего. А я делаю до хрена больше. Фрэнк хотел провести расследование — вот он и получает расследование. Если вы этим недовольны, объясняйтесь с вашим братом, а я делаю только то, за что мне заплатили. Вот и все. Прежде чем снова орать на меня за то, что я делаю свою работу, сперва пойдите и долбаного варана до усрачки затрахайте!

Эдди какое-то время не отвечает. Он упирается в меня взглядом, и я в него тоже. Теперь мы начинаем в гляделки играть. Проходит минута. Другая. Мне приходится очень нелегко — и дело вовсе не в моих контактных линзах, которые быстро сохнут. У меня возникает чувство, будто Талларико заглядывает ко мне внутрь, будто он читает мои мысли. Будто он уже обо всем знает.

Эдди отводит взгляд. Прошло от силы три минуты, показавшиеся мне добрыми тремя часами, но он все же отводит взгляд и выпускает краткий смешок.

— Значит, варана до усрачки затрахать? — говорит он. — Мне это нравится.

— Дарю. Можете пользоваться на вечеринках.

Эдди кивает, и мне становится не по себе от того, что он и впрямь может на это сподобиться.

— Так сделаешь ты это или нет?

В этот самый момент я понимаю, что не существует ни малейшей возможности сказать Талларико «нет». Я могу препираться хоть до второго пришествия, но если один из братьев Талларико чего-то желает, он это получает. Пожалуй, если мне хочется свалить из проклятого Майами без серьезных увечий, мне лучше с этим ублюдком сотрудничать.

— Ладно, — говорю я. — Все понятно.

— Я так и подумал, что ты все поймешь.

Хотя я прекрасно сознаю, что это решение впоследствии как пить дать выйдет мне боком, я просто не вижу другого выхода. Разве что...

— Я был бы не против, если бы вы это временной услугой назвали.

Маленькое задание, на которое посылает меня Эдди, в итоге оборачивается тем, что я сижу в заляпанном кровью седане вместе с сырно-зловонным Шерманом и серферно-пижонистым Чесом. На этом задании я провожу неожиданный день на скачках и выясняю, что чистокровными лошадьми бывают не только кони. На этом задании Шерман выкидывает свой второй фокус с распад-пакетом за последние сутки, обрушивая легион голодных бактерий на плоть несчастного Стюхи. Именно на этом задании я в процессе интенсивного пятиминутного семинара овладеваю тонким искусством обрубания хвоста.

Но теперь со всем этим покончено. Жокей Пеле остался где-то на ипподроме Колдера, славно обработанный Чесом и Шерманом, а бедный старина Стю, хочется надеяться, получает в местной больнице медицинскую помощь, приступая к долгому процессу залечивания жалкого обрубка хвоста. Тут у меня вдруг мелькает мысль, не произошло ли то же самое с официантками в клубе у Джека но по какой-то невнятной причине это кажется

мне крайне маловероятным.

Пока я еду от ипподрома назад к Талларико, звонит мой мобильник. Я по-прежнему так потрясен несколькими последними часами, что проходит некоторое время, прежде чем я узнаю мелодию собственного мобильного телефона.

— А это что за мотив? — спрашивает меня человеческий таксист. — Эту песню я уже где-то слышал.

— «Крокодилий рок» Элтона Джона, — говорю я ему. — Мне почему-то эта тема особенно нравится. — Затем я нажимаю на кнопку и прикладываю мобильник к уху.

— Привет, Винсент, как дышишь? — Голос Джека, как всегда, беспечен — даже несмотря на то, что лишь несколько часов отделяют его от попытки покушения на его жизнь. — Послушай, ты бы ко мне домой не заехал? Тут кое-кто хочет с тобой повидаться.

— Конечно, Джек, — отвечаю я. — Дай только вернуться в отель, малость освежиться.

— Лучше приезжай прямо сейчас. Лимузин нужен?

— Я уже в такси.

— Отлично, — говорит он. — Передай телефон водителю, и я дам ему указания.

У Джека с таксистом выходит просто чудесная беседа. Между передачей указаний и повешением трубки они устраивают целую конференцию на тему погоды и опасной возможности того, что на побережье обрушится ураган. Не то чтобы меня возмущает их нежная забота об окрестностях, меня лишь самую малость волнует то, что они тратят на всю эту ерунду мое свободное время.

Таксист направляется на север, и вскоре мы оказываемся в роскошном, обрамленном пальмами районе города.

— Это место называется Аventura, — сообщает мне таксист.

— Аventura? А что это значит?

— Это значит — «слишком богат для своего происхождения».

Мы проезжаем целый ряд ворот, и водитель ссаживает меня у тридцатизэтажного многоквартирного здания с массивными эркерами. Как только я вхожу в вестибюль, до меня тут же доносится запах Хагстрема.

— Сюда, — ворчит он, ведя меня по коридору к частному на вид лифту. И действительно, там нет никаких кнопок — только одна-единственная дырка для ключа. Хагстрем вытаскивает из кармана нужный ключ, вставляет его в дырку и с усилием поворачивает. Лифт лишь раз вздрагивает и устремляется вверх.

— Ну как, — спрашиваю я, — у нас теперь все нормально? Мы в добрых отношениях и все такое?

Никакого ответа. Хагстрем смотрит прямо перед собой, пока экспресс-лифт возносит нас в небеса.

— Ну ладно.

Когда дверцы раскрываются, я ожидаю увидеть Джека, одетого как на парад и с распростертыми объятиями меня ожидающего. В крайнем случае — Гленду, потягивающую настой-мартини.

А вот кого я совершенно увидеть не ожидаю — и кого я на самом деле обнаруживаю, — так это худую девушку в платье без бретелек. Волна соленой воды и плодов манго оmyвает меня еще раньше, чем она появляется за дверцами лифта.

Нет нужды делать шаг вперед — она прямо тут, в каких-то восемнадцати дюймах. Я раскрываю рот, готовясь выдать какую-нибудь остроту, продемонстрировать ей, как расширился мой лексикон за все те пятнадцать лет, что мы не виделись...

Но тут она отвечает мне крепкую пощечину слева.

— Добрый день, Винсент, — мурлычет Норин. — Рада снова тебя увидеть.

И она так же крепко бьет меня по другой щеке. Эти Дуганы определенно знают, как приветствовать знакомого парня.

Норин.

Ну что сказать о такой девушке, как Норин? Что хвоста ей хватало, чтобы посостязаться с величайшими соблазнительницами всех времени и народов? Что запах ее мог унести меня черт-те куда на волнах обонятельного блаженства? Что она так идеально меня понимала, что запросто могла порвать мое сердце на куски, потом аккуратно эти куски сложить, а потом запустить весь процесс по новой?

Да, конечно, можно обо всем этом сказать. Еще можно сказать, что она была красива, умна, добра, щедра и все такое прочее. Короче, выложить все те слова, которые мы используем, когда сказать нам, собственно говоря, нечего. Впрочем, когда речь заходит о Норин, есть один главный способ ее описать.

Она всегда приводила меня в чертовское замешательство.

Вообще-то я вроде как парень разговорчивый. Я знаю, как включать нужное воспроизведение, а когда дело доходит до очаровывания девушек, доведения их до беспамятства, я тот самый раптор, который способен болтать лучше всех. Но в Норин всегда было что-то такое, что крепко-накрепко заклепало мне рот и заставляло меня мысленно помахивать хвостом. Можно сказать, это была любовь. А я говорю, это было просто глушение радара — Норин вычислила мою частоту и с тех пор глушила сигнал.

Полагаю, так было не всегда. В самом начале Норин была просто младшей сестренкой Джека, малым дитем, что постоянно вставало на пути наших игр и забав. Всего двух лет разницы в возрасте было вполне достаточно, чтобы сделать ее мелкой соплячкой, а нас — взрослыми мужчинами, старающимися выполнять такую сугубо мужскую работу, как, например, размещение взрывпакетов на соседских крылечках.

— Я маму позову, — пищала Норин тем же самым голоском, каким всегда пищат все младшие сестренки.

— А я тебе волосы отрежу, — парировал Джек.

— Только попробуй, — огрызалась Норин. Тогда зажатому в угол Джеку приходилось снимать с правой руки перчатку и слегка выпускать когти, водя ими вверх-вниз и тем самым изображая парикмахера-дилетанта. Норин сдавалась первой, с воплями уносясь домой и крепко сжимая на бегу свой длинный светлый парик. Порой Джек угрожал связать ей ноги или вытащить ей все когти, и хотя в итоге Норин почти всегда проигрывала, держалась она до самого конца словесной баталии.

К этой нескладной малышке я привязался точно так же, как ребенок, которому случилось подобрать на улице потерявшегося щенка.

— Да брось ты, — говорил я Джеку. — Она вполне может здесь поболтаться. Что нам до нее?

— Она *не твоя* сестра, — говорил Джек, и тут я уже не мог ему возразить.

Вот так все и шло, и я не особенно об этом задумывался. Мы продолжали затевать всякие игры, а порой, когда Джек бывал в особенно благородном настроении или просто не находил в себе сил опять шугануть младшую сестренку, к нам присоединялась и Норин. Я довольно рано узнал, что она упорна, ловка, умна и находчива.

Наша с Джеком дружба сформировалась всего-навсего за один день и окончательно закалилась на костре инцидента с компанией «На халяву». С тех пор мы были почти неразлучны. Мы вместе приезжали на великах в школу — или, если честно, чаще не доезжали, чем приезжали. Когда подошло время деления на классы, мы позаботились о том, чтобы наши анкеты выглядели совершенно идентично.

Каждый день, как только звонил последний звонок, мы выбегали из здания школы к велосипедным стойкам. Там, на задворках школы, было что-то вроде тренировочного зала Каса д'Амато, только без всяких защитных шлемов и мало-мальских знаний техники бокса. «В три у велосипедных стоек» означало вызов на драку. Если противник показывался, поединок начинался. Если же нет, всевозможные издевательства в коридорах обычно тянулись целые недели. Куда предпочтительнее было показаться и позволить себя избить,

чем не явиться на драку и потом в течение неопределенного периода времени получать пинки и подножки.

Средняя школа — не самый приятный период жизни для многих подростков. Для динозавров же она вдвойне мучительна. Наряду с неизбежными гормонами роста и прыщами (хотя что касается прыщей, то это один из тех человеческих недугов, которые, по счастью, наш вид никогда не затрагивали, хотя некоторые местные Советы принуждали подвластных им подростков мазать свои безупречные личины специальным кремом «короед») — в общем, вместе с взрослением приходят определенные телесные изменения, и у рептилий эта трансформация может быть откровенно болезненной. Хвосты растут гораздо дольше; сквозь десны прорезаются больше зубов. А некоторый процент динозаврского населения рано взрослеет — их когти полностью выходят наружу раньше, чем их руки или умы готовы это принять. В результате смесь боли и смущения превращает этих в иных отношениях мирных динозавров в самых крутых забияк.

Могу привести конкретный пример: Гаррет Миллер был самым крупным пацаном в школе, уже в восьмом классе достигнув роста в добрых шесть футов. Однако, мягко выражаясь, никаких великих мозгов за всем этим не стояло. В итоге получился старый добрый паровоз без машиниста. Ходили слухи, что Гаррет произошел из семьи бронтозавров, члены которой смешались с так называемым «недостающим звеном», отчего все дети Миллеров наследовали силу диноса заодно с тупостью и подлостью недочеловека. Отец Гаррета, его дядюшки, дедушки и так далее все имели длинную и красочную историю взаимодействия с местными органами охраны правопорядка — причем, понятное дело, не на правой его стороне.

Гаррет Миллер имел обыкновение прорываться по коридорам подобно торнадо, а все пацаны отпрыгивали в разные стороны, желая как можно скорее убраться с тропы разрушения. В качестве жертв он, как правило, выбирал хороших учеников — тех, кто зубрил уроки и имел впереди приличное будущее. Мелкие рыбешки в небольшой бочке, такие ученики обычно становятся естественными мишенями для забияк в средних школах по всему миру.

Мыс Джеком наблюдали за Гарретом Миллером издали, благоговей перед его мощью и никогда не тревожась о том, что лазерный прицел его праведного гнева может переместиться на нас. В конце концов, мы располагались где-то во втором эшелоне учеников — не оказываясь ни среди гениев, ни среди тупиц. В свободное время мы могли малость пошалить, но никому из персон значительных мы никогда не вредили — как и не ходили у них в шестерках. Другими словами, мы чувствовали себя в безопасности.

Но затем я столкнулся с Гарретом Миллером в коридоре — и моей невинности разом пришел конец.

Вообще-то столкновение вышло вполне невинным, простым ударом плечо в плечо — хотя из-за нашей разницы в росте это скорее было плечо в бок. На самом деле оно должно было пройти незамеченным или, по крайней мере, легко прощенным. Я просто гулял по коридору бок о бок с Джеком, мы о чем-то болтали — и я в упор не заметил, как другие стадные животные отшатывались к стенам, пока Гаррет прорывался по самому центру. Я просто шел дальше, болтая, как вдруг вступил в контакт... с чем-то, а через считанные секунды оказался вдавлен в один из шкафчиков. Гаррет Миллер тем временем громадным кулачищем держал меня спереди за рубашку.

— Ты меня толкнул, — прорычал он. Пожалуй, такого длинного предложения от него еще никто и никогда не слышал.

— Нет-нет... — принялся заикаться я. — Я гулял... просто шел, и я не... то есть я не хотел...

— Три часа. — Остальное я знал и не очень жаждал услышать. — Велосипедные стойки.

Вот так. Дело было сделано. И толпа из двадцати учеников, что собралась там за несколько секунд, тоже это знала. Через считанные минуты весть должна была разнестись по

всей школе — в три часа Гаррет Миллер собирается измордовать еще одного хитрожопистого пацана. Все будут там, не считая, понятное дело, взрослых, которые могли бы вмешаться и все это дело остановить. Администрация и персонал прекрасно насобачились держаться подальше от велосипедных стоек после конца занятий — пусть даже они не менее прекрасно знали, что именно там происходило. Способность к правдоподобию отречения работники американских средних школ во всей ее полноте унаследовали от святого Петра.

— В три часа, значит? — спросил Джек, помогая мне поправлять смятую рубашку.

— Угу.

— Гаррет Миллер, значит?

— Угу.

Отказаться от драки было нельзя, и Джек этого даже не предложил. К счастью, Гаррету Миллеру еще только предстояло реально кого-то убить или нанести кому-то тяжкие телесные повреждения у велосипедных стоек. Я надеялся дать Гаррету такой отпор, чтобы не войти в учебники по истории как первая его серьезная жертва.

Учебный день кончился гораздо быстрее, чем я рассчитывал, и все это время я мысленно пробегал возможные варианты конца игры, в каждом из которых я в итоге становился лучшим другом могильной плиты. С другой стороны, раз все выходило так, так пусть бы оно так и выходило — что толку было об этом ныть?

Школьный звонок прозвучал в 2:45, и это дало мне четверть часа на подготовку. Джек уже назначил себя моим секундантом, а Бернард, наш приятель, папаша которого был большой шишкой на местной телестудии, сказал, что может раздобыть пленку и камеру, чтобы запечатлеть выдающееся событие для потомства. Я тут же послал его подальше. Если я собирался позволить набить себе морду, мне решительно не хотелось, чтобы грядущие поколения платили за показ и впадали по этому поводу в истерику.

— Ты уверен, что хочешь туда пойти? — небрежно спросил Джек. Ответ на этот формальный вопрос знали мы оба.

— Выбора нет, — ответил я. С годами это превратилось для меня во что-то вроде лозунга.

Дальше мы стали обсуждать стратегию, главная часть которой опиралась на тот факт, что я был сравнительно смышлен, тогда как Гаррет располагал интеллектом классной доски, исцарапанной нецензурными надписями. Если у меня еще оставалась хоть самая худосочная надежда его побить, то победу мне должен был обеспечить мой разум, а не мои кулаки.

Теперь уже на подходе тот отрезок, где я во всех мельчайших подробностях описываю то, как моя превосходящая хитрость свергла Голиафа Арлингтонской средней школы с его трона, как сила моих мозгов стала той пращой и тем камнем, что сломили некогда могущественное царство.

Так-так. Кажется, я малость увлекся.

Однако началось все на мажорной ноте, а, учитывая все последующее, пожалуй как раз начальная фаза и была самой значимой. Мы с Джеком показались у велосипедных стоек в 3:03, а толпа уже заполонила все окрестности. Гаррет стоял в самом центре, так сказать, круглого стола рыцарей, хмуро глядя себе под ноги, в жидкую грязь, точно бык, готовый размазать по стенке арены первого же тореадора, который встанет у него на пути. Я бы ничуть не удивился, если бы его взбесила именно красная рубашка, которую я тогда носил.

Наконец он увидел, как я протискиваюсь сквозь толпу — другие ученики похлопывали меня по спине, подталкивали вперед, насвистывали веселые мотивчики. Гаррет удостоил меня лишь презрительного смешка, смачно харкая в грязь и рыча:

— Щас я тебе...

И тут я со всей силы врезал ему по яйцам.

Будь Гаррет человеком, я бы тут же победил, нет проблем. Я видел достаточно драк у велосипедных стоек и знал, что удар в пах, даже довольно незначительный, тут же кладет конец драке. Если, понятное дело, не считать редких, но всегда с нетерпением ожидавшихся

девчачьих потасовок, когда особы слабого пола визжат и царапаются до крови — или пока у кого-то не сломается с любовью наманикюренный ноготь.

Но Гаррет Миллер, как я уже сказал, был бронтозавром, да еще из семьи подлых старых бронтозавров, а потому его хвост, засунутый между ног, твердо удерживаемый на месте зажимами Г-серии — а также, разумеется, скрытый под его фальшивым человеческим костюмом, — принял на себя большую часть удара.

Однако не весь удар. Гаррет опустил на одно колено, по его широкой рыхе расплылось унылое выражение, и я понял, что причинил ему вполне достаточное расстройство. Дальше был мимолетный момент триумфа — даже сейчас я могу вспомнить, каким восторгом тогда переполнилось мое сердце, — когда я подумал, что победил, что моя мимолетная битва при Велосипедных Стойках закончилась, не успев толком начаться, что мы с Джеком можем крутить педали домой и праздновать нашу победу в ванной комнате с бутылкой кока-колы и пакетиком чипсов.

Толпа ревела от восторга. Джек — так тот просто вопил. Я гарцевал возле велосипедных стоек и сжимал кулаки, изо всех сил стараясь подражать лучшему стилю Мохаммеда Али — порхать как бабочка и жалить как пчела...

Тут Гаррет Миллер встал. Он поднялся как девятый вал, замахнулся, как стальной шар для сноса пакгаузов, и вырубил меня так, что любо-дорого. Дальше я получил лишь сбивчивый ряд картинок наподобие крутой отключки от базилика — как кулаки подлетают к моему лицу, ноги пинают меня в живот, руки опять меня поднимают и ставят на ноги, после чего весь цикл повторяется снова и снова.

Когда все было кончено, когда удары, пинки и неизбежные плевки подошли к своему логичному финалу, там остались только грязь, боль и маленький Винсент. Какое-то время я просто лежал на земле, собираясь с мыслями и проводя общую инвентаризацию основных частей моего тела. Я почти не сомневался, что Гаррет сразу в нескольких местах порвал мою личину, и фальшивую шкуру следовало привести в порядок раньше всего прочего. Во рту была кровь, но мои вставные зубы так и остались на своем месте. Отсюда я заключил, что, скорее всего, прикусил себе язык или губу, а такое повреждение, как известно, твоей жизни нисколько не угрожает. Короче говоря, я выжил и твердо намерен был и дальше оставаться в живых.

— А знаешь, ты очень смело себя повел. — Голос, откуда-то сверху. Мягкий. Высокий. Либо кто-то из девочек, либо Брэндон Кармайл, писклявый сопляк из седьмого класса, который, как я позже узнал, впоследствии стал лучшим баритоном городского филармонического оркестра. Но в то время Брэндон всю дорогу считался жалким недоноском.

Я с трудом разлепил глаза — ура, не Брэндон, не Брэндон! — и был бесконечно обрадован видом темно-каштановых волос, вздернутого носика и пары ярких, буквально сияющих глаз. Вряд ли тот жалкий пинок Гаррету по кокам следовало расценить как очень смелый, но я ни в какую не собирался противоречить этому прекрасному существу, что глядело на меня сверху вниз, а потом стало помогать мне встать на ноги.

Я знал, кто это. Невозможно было этого не знать. Имя, лицо и тело этой девочки в Арлингтонской средней школе уже вошли в легенду. Для нас она была самой важной особой из всего женского пола, самым существом женственности — в общем, и тут тебе это, и там тебе то...

А, черт, лучше сказать откровенно: она нам давала.

Это была Ронда Райхенберг. И теперь она стояла надо мной, осторожно прикасаясь к моим ранам. Идеальное начало моего первого дерьмового романа.

Мне в то время было почти пятнадцать, однако уже ожидаемое подходило как-то медленно. Как же мало я тогда понимал, что у Ронды ничего медленно не шло. Она была на десятилетия впереди остальных, половозрелая до той точки, которую большинство женщин достигает только после тридцати, если вообще когда-либо достигает. Она так прекрасно понимала свое тело — как фальшивое человеческое, так и реальное тело орнитомимки под

ним, — словно прочла некую инструкцию по его эксплуатации, тогда как у всех остальных никакой подобной инструкции не имелось. И Ронда никогда не колебалась в плане правильного использования усвоенных знаний, выкладываясь при этом до предела своих способностей, обучая мой незрелый ум и мое неопытное тело радостям плотского наслаждения.

И я бы не сказал, что такая учеба была мне не по вкусу.

Никто из нас не был в то время достаточно взросл, чтобы водить машину, а потому мы пускались в сексуальные эскапады, где только могли: дома, пока родители были на работе, в кустах за пакгаузами, в заброшенных проулках. Или я сажал Ронду на столик для пикника и лез к ней под юбку, между ног, отодвигая в сторону ненужные одеяния и застёжки, чтобы добраться до своей цели, и никто ничего такого не замечал. Издали казалось, что два ребенка просто обнимаются и болтают, сидя на столе; вблизи, однако, все представлялось совсем иначе.

Ронда хотела стать служащей аэропорта — стюардессой, как их в те времена называли, — и я часами наблюдал за тем, как она, совершенно голая, продельывает предполетный ритуал. Порой она занималась этим в личине — а порой, когда особенно расходилась, личины она не снимала, изящно указывая хвостом на дверцу выхода в задней части кабины. Обычно такие демонстрации страшно меня заводили — и каждая из них заканчивалась в постели или прямо на полу, где мы трахались так, как будто нас только произвели в полноправные члены клуба «Кайфовая миля».

Ронда также представила меня новой компании пацанов, и весь первый год, что мы встречались, я заводил друзей направо и налево. Сейчас я уже не вспомню большинства их имен и не скажу, куда они потом делись — эти ребята были друзьями лишь в том смысле, что они закатывали вечеринки и меня туда приглашали.

Джек таскался со мной за компанию и особо не жаловался. Ронда представила его нескольким своим подружкам схожего с ней образа мыслей, и вскоре он тоже глубоко затерялся в густых джунглях подростковой похоти. Наше с ним совместное времяпрепровождение сжалось до уикендов хождения в кино и на вечеринки, обычно как минимум с Рондой и еще одной девочкой. С другой стороны, мы всегда знали, что так будет. Дни, когда Винсент и Джек вдвоем противостояли всему остальному миру, подходили к концу — в каком-то смысле здесь был привкус горечи, однако постоянный секс превосходно сглаживал любые тяжелые чувства.

В результате я стал навещать дом Джека уже далеко не так часто, как обычно, а к тому времени, как мы оба стали старшеклассниками, мы встречались либо в школе, либо на каких-то годовщинах — и все. Сестра Джека уже не играла какой-то заметной роли в моей жизни, и я заключил, что она просто живет себе дальше, нашла себе другого старшего брата и его друга, чтобы болтаться с ними рядом и надоедать.

Однажды в декабре моего первого года в старшей средней школе Ронда устроила так, чтобы нас пригласили на первоклассную вечеринку в другом конце города, шикарное празднество в западном Лос-Анджелесе. Это сегодня я знаю, что западный Лос-Анджелес не сильно отличается от остального города — немного частных домов, уйма кооперативов, целые кварталы жилых многоэтажек и, разве что, чуть больше суши-баров, чем во всех прочих районах, — но тогда это место казалось мне каким-то особенным. В общем, мы с Рондой приняли приглашение на вечеринку, заполучили такое же для Джека и его подружки Тони, разделись как крутые пижоны и проехали четыре с половиной мили, всю готовясь себя показать и людей посмотреть.

Гм. Та вечеринка мало чем отличалась от всех остальных, разве что проходила в доме чуть побольше тех, где мы обычно бывали, и я подумал, что там наверняка есть бассейн. Родители хозяев вечеринки уехали куда-то в Азию, и было очень похоже, что от этого места камня на камне не останется, прежде чем они оттуда вернутся. Разных трав там было просто завались.

До этого самого дня я только малость пощипывал пьянящий товар. Листик здесь,

веточка там, но только для поднятия настроения, и никогда через край. В школе нам показали массу воспитательных фильмов про опасности пьянства и вождения в пьяном виде, а летом в рептильном лагере на эту тему даже ставились целые постановки. Всего этого было вполне достаточно, чтобы как следует предостеречь нас против этого дела — по крайней мере, в теории.

Однако хозяева той вечеринки явно решили, что это их шанс одурманить диносскую молодежь Лос-Анджелеса, и в результате накупили уйму свежей продукции — немалую часть, вполне возможно, у Папаши Дугана. Товара там было достаточно, чтобы несколько месяцев продержат всю честную компанию под приличным кайфом. Кроме того, товар был высококачественный — всего лишь одна штучка львиного зева на целых полчаса погрузила Джека в глубокий транс. Взгляд его при этом оставался четко сосредоточен на черной точке, случайно прожженной окурком в стене.

— Вот, прими, — проворковала Ронда, болтая кусочком базилика у меня перед носом и опуская его мне на язык. Запах был сильным, вкус — просто фантастическим.

— Славно, — пробормотал я, одновременно прожевывая.

— Еще бы не славно, — отозвалась она. — Но у меня и кое-что получше имеется...

В чулане было темно. Личина плотно сидела на Ронде. С избавлением от наружной одежды я никаких проблем не испытывал. Снятие человеческих нарядов — всего лишь цветочки по сравнению с непростой операцией по разбору человеческой шкуры. Лифчики — просто прижал, выгнул и расцепил, а пуговицы кофточек — не иначе как детская забава. Нет, ты лучше попробуй одной рукой отцепить нагрудный зажим Р-серии от ограничителя пояса Г-серии, другой рукой одновременно крутя латексовый диск под пяточным аксессуаром Эриксона и все это время ведя отчаянную борьбу с гормонами, которые без конца орут: «Наплюй ты на этот чертов поликостюм, давай как делают обезьяны!»

Колпачки сошли с наших языков, и две мясистые вилочки принялись тыкаться друг в друга, изгибаться одной возбужденной змеей, пока мы лихорадочно срывали друг с друга личины. Это было очевидное нарушение законов Совета — такое занятие никогда не подпало бы под безопасную категорию «аварийного обезличивания». Но нам было наплевать — как подростки, мы чувствовали себя свободными от подобных законов. Хотя, если вдуматься, вряд ли кто-то больше подростков в этих самых законах нуждался.

Вот так мы и сидели в чулане невесты чьего дома в западном Лос-Анджелесе, кайфующие от базилика и полного погружения в вечеринку, обезумевшие от похоти, совершенно голые и наполовину обезличенные. Безрукавку Ронды я набросил себе на плечи, быстро отстегивая латексовые груди, липнущие к ее натурально чешуйчатой шкуре. Крепко держась за чашечки, я всю мямлю фальшивую плоть исключительно в попытке вынуть груди из их креплений. Ронда тем временем тянула за мой Г-зажим, желая снять защитный колпачок, который я стал носить после той драки у велосипедных стоек. Короче, мы уже приближались к решающему моменту...

И тут дверца чулана внезапно распахнулась. Снаружи ворвался яркий свет заодно с грохотом танцевальной музыки, и я машинально вскинул ладонь, прикрывая лицо. Я ничуть не был смущен тем, что меня застукали с абсолютно голой человеческой шкурой и наполовину снятой личиной — базилик делал свою работу, всерьез и надолго обосновываясь в моем кровотоке.

— Что за нафиг, — простонала Ронда, схожим образом не озабоченная нашей публичной демонстрацией наготы. — А ну закройте.

Но дверца еще на какое-то время осталась открытой, и сквозь общий гомон я расслышал, как знакомый голос спрашивает:

— Винсент?

Прищурившись сквозь свет, шум и базилик, я узрел прелестную блондинку, глазеющую на меня в ответ. Ее длинные волосы ниспадали до узкой талии, но привлекла меня в ней вовсе не личина. Конечно, это был запах. В целом тот же самый, что у мелкой соплячки, вечно досаждавшей нам с ее братом, но теперь куда более сильный. Соленая вода

и плоды манго мигом вошли в мое сердце и остались там навсегда.

— Норин? — сумел прохрипеть я, но внезапно дверца чулана захлопнулась, музыка стала глуше, а запах исчез.

— Целка безмозглая, — пробормотала Ронда. — Давай, приятель, давай продолжим...

Но Ронда Райхенберг больше меня не интересовала. На ее внешнюю привлекательность и знойный запах мускуса я уже ни в какую не западал. Я ощущал ее тело в своих руках — Ронда тянула меня за плечи, словно ожидая, что я сдамся в этом бою, упаду на нее и сделаю все так, как диктует природа, — но когда я опустил взгляд, то увидел перед собой полную незнакомку.

— Ну, в чем дело? — спросила Ронда, явно раздосадованная паузой в привычной процедуре. — Брось, забудь. Дверцу она закрыла, никто не смотрит.

— Нет, — сказал я. — Дело не в этом. Дело...

— У тебя что, проблемы?

— Чего? — Мне потребовалась секунда, чтобы понять, о чем идет речь. — Да нет, черт возьми... Нет, дело не в этом... — «Дело просто в том, что я только что в сестру своего лучшего друга влюбился», — хотелось сказать мне. В тот же самый миг, когда я осознал, какое это смехотворное клише, я понял, какая это абсолютная правда.

— Ну, давай же, давай, — взывала Ронда, опытным жестом срывая с себя груди, а потом избавляясь и от всей остальной личины. Юный глянец ее чешуйчатой шкуры был едва заметен в слабом освещении чулана.

— Все дело... все дело в моем хвосте, — солгал я. — Он спит... там зажим... — Я все бормотал и бубнил, пытаюсь подобрать подходящее извинение, все это время прицепляя назад свою личину, надежно все застегивая и надеясь, что Норин не ушла с вечеринки. Через две минуты я снова выглядел как настоящая обезьяна и вылезал из чулана, а голая Ронда по-прежнему шарилась вокруг себя.

Норин куда-то пропала. Я нашел Джека, который обжимался в уголке с девушкой, знакомой нам обоим по тренажерному залу, и похлопал его по плечу.

— Я занят, — отозвался Джек и снова взялся за свое.

— Я только что твою сестру видел.

— И что?

Уместный вопрос. Я собирался поведать Джеку о том, что только что влюбился в его сестру после того, как мы оба много лет ее отшивали.

— Ну... и я просто подумал, что она еще не в том возрасте, чтобы здесь быть — только и всего.

Надо полагать, я сказал правильную вещь, потому что Джек отлип от нашей общей знакомой и оглядел помещение — секс, травы и общее сладострастие всего происходящего.

Нам было лет пятнадцать-шестнадцать — взрослые мужчины, о чем речь, — тогда как Норин в свои четырнадцать еще оставалась сущим ребенком, заплутавшим в лесу.

— Чертовски похабная обстановка, — задумчиво произнес Джек.

— Я тоже так подумал. Думаю, нам лучше ее найти.

— Думаешь?

— Угу, — сказал я. — Знаешь, просто посмотреть, все ли с ней там в порядке.

С Норин все было в полном порядке — она сидела в уголке и болтала с какими-то подружками. Когда же мы туда заявили, она встала и окинула меня взглядом, какой сука-медалистка обычно припасаает для только что выкушенной из-под хвоста вши. «Я знаю, что это был ты, Винсент», — словно бы говорила Норин. Мне оставалось только надеяться, что она не пристрелит меня из ржавого обреза в деревянном сортире, хотя за Дуганами вообще-то водилось свойство долго таить обиду.

— Иди домой, Норин, — сказал Джек своей младшей сестре. — Мама по-настоящему расстроится, если я расскажу ей, что ты здесь была...

— Погоди-погоди, — вмешался я, выбрав момент. — Все хоккей. Я о ней позабочусь.

— Позаботься лучше о себе, — презрительно выпалила Норин. — Или ты это Ронде

Райхенберг поручаешь?

Меня одновременно ободрило и расстроило то, что Норин знала про Ронду. Расстроило, потому что если «Легенда о Ронде» была ей известна во всех подробностях, то она прекрасно понимала, чем мы занимались в чулане. Ободрило, потому что гнев, что пропитывал каждое ее слово, указывал на ревность. А раз Норин ревновала, значит, я ее интересовал, а раз я ее интересовал...

Но прежде чем я толком об этом подумал, Норин стремительно умчалась с вечеринки с двумя мелкими подружками на прицепе. Джек вернулся к своей физкультурной приятельнице и снова занялся с ней игрой в сплетение языков, а я остался один и на весь оставшийся вечер крепко приналег на базилик.

В дальнейшем, однако, как вновь свободный мужчина я получил оправдание для визитов в дом Джека, и Дуганы были счастливы видеть меня на обедах, на десертах, на уикендах... Ронда Райхенберг исчезла из моей жизни — она в темпе нашла себе другого молодого бычка в школьном дискуссионном клубе, который вполне справлялся с рабочей нагрузкой сексуального характера, а я был ею забыт.

Норин, в отличие от всей остальной семьи, не особенно восторгалась моими регулярными визитами. Во время трапез, на которых я присутствовал, она почти все время молчала, а после них отказывалась болтать со мной и Джеком.

— Так даже и лучше, — сказал он однажды, когда Норин отклонила приглашение в кино. — Она бы всю дорогу языком молола.

Что мне, надо сказать, отлично бы подошло. Неохота Норин обмениваться со мной хоть словом сводила меня с ума. Тем не менее я был уверен, что стоило бы мне только остаться минут на пятнадцать с ней наедине и применить самую малость свойственного Винсенту Рубио шарма, она стала бы моей, а я стал бы ее, и на пыльный закат на лихих конях мы бы помчались. Но слышал я от нее только «передай горчицу», «передай соль» и «пока».

После почти полугода сплошных обломов и беспрекословного послушания я решил, что моя рабская покорность Норин совершенно бесполезна. Я мог до упора таскаться за ней, точно потерявшийся щенок, — ее запах завораживал меня за столом у Дуганов, по всему их дому, в школьных коридорах, — но если она собиралась всякий раз откусывать леску, бесцельно было закидывать удочку. Эту рыбалку пора было кончать.

А потому, когда подошел вечер очередной среды, я остался дома вместо того, чтобы направиться к Джеку на обед. То же самое — в четверг. А весь тот уикенд я проболтался с другой компанией, пытаюсь забыть свои беды. В первый день я, должно быть, тысячу раз вспоминал Норин; во второй день цифра снизилась, думаю, где-то до 999. Это уже было начало.

Две недели спустя целые часы порой проходили без запаха соленой воды и плодов манго, внезапно выскакивающего у меня в голове, и я знал, что уже нахожусь на пути к полному выздоровлению. Если Норин мне не светила, значит, она мне не светила — и какого, собственно, черта это должно было кого-то волновать? Ронда Райхенберг и ее завораживающая сладость были от меня всего в одном телефонном звонке, возникни вдруг такая потребность.

Прошел, должно быть, целый месяц, и однажды я проскользнул в школу после пропуска нескольких уроков и принялся пробираться по коридору, стремительно перебегая от ниши к нише, точно десантник, по которому то и дело шпарят из пулемета. Едва я завернул за угол, готовясь по боковому коридору рвануть напрямик до классной комнаты, как...

— Ты что, с дуба рухнул? Что ты делаешь?

Норин. Руки скрещены на груди, губы сжаты. Явно меня дожидается. Но как она узнала, что я там буду? Честно говоря, я и сам не знал, что там окажусь. Тем не менее я, без всяких сомнений, был ее мишенью, и она устроила мне засаду.

— В класс иду, — ответил я. Черт возьми, по крайней мере, это была правда, пусть и не слишком учтивая.

— Я не об этом. Я обо всех этих номерах типа «я к вам не ходок». Это очень глупо.

— Правда?

— Предельно глупо. — Норин подняла руки и подалась ко мне, упираясь ладонями в стену по обе стороны от моей головы.

— Не думай, что я не знаю, чего ты добиваешься.

— Я не знаю. А ты знаешь. — Это уже было круто. — О чем мы вообще говорим?

Внезапно я оказался прижат к стене, губы Норин буквально впились в мои, и я так обалдел, что только и мог, что отвечать ей поцелуями. На самом деле все должно было произойти совсем не так. На самом деле я должен был ее соблазнить — мужчина постарше, девушка помоложе, бабочки в животе, хихиканье с подружками. Но все произошло именно так — и вышло просто идеально. Норин вздыхала и целовала меня, я целовал ее в ответ, и все это тянулось до тех пор, пока мистер Карбонари, учитель анатомии, не вышел из своего кабинета и не прописал нам обоим пару часов самоподготовки после уроков за болтание по коридорам во время занятий. Мы взяли квитки с уведомлением о наказании, сунули их себе в задние карманы и продолжили обниматься.

Все оставшееся время учебы в школе мы с Норин постоянно встречались. Мы не были классической парочкой — такое обычно резервировалось для лучших спортсменов и капитанш групп поддержки — но народ все-таки знал, кто мы, и регулярно слеплял нас воедино. Винсент-и-Норин, Норин-и-Винсент было практически одним словом. Редко случалось, чтобы кого-то из нас пригласили на вечеринку, а другого не пригласили. Если же все-таки случалось, мы просто пропускали это событие.

Джек разыгрывал из себя типичного старшего брата, делал целое шоу из отстаивания чести младшей сестры, ругал меня за то, что я опаздывал на свидания или вовремя не возвращал Норин домой. Угрожал меня искалечить, если я разобью ей сердце — такого рода дела. Но все между нами было как всегда, и я знал, что в глубине души Джек в восторге от того, что теперь мы все как одна семья.

Прошло два года, и наши узы только укрепились, когда моя учеба в школе подошла к концу. Выпуск стал пустым делом, поводом прогуляться по помосту и ухватить скатанный в рулон лист бумаги, который даже не был настоящим дипломом; дипломы нам должны были выслать шесть месяцев спустя. Я определенно не входил в ряды тех, кто после школы отправляется в университет, хотя учился я совсем не так плохо, но и техникум тоже не был моей дорожкой. В те времена просто не существовало таких университетов, где ты мог четыре года просиживать задницу, в перерывах развлекаясь с подружками и откалывая всевозможные номера. Теперь такое называется «получить степень по блату».

К тому Норин предстояло еще год проучиться в школе, и, хотя она обсуждала со мной ускорение своего курса, чтобы выпуститься пораньше, я ее от этого отговорил.

— Не торопись, — сказал я ей. — Понаслаждайся еще один класс. А я буду рядом.

Тем не менее мне требовалась работа, а в условиях очередного кризиса было только одно место, где я мог получить нужный мне хлеб. «Продукты Дугана». Вышло так, что сам старый Папаша Дуган решил предложить мне пост заместителя заведующего в своем магазине. В тот момент своей жизни я еще ни разу не бывал ничьим заместителем, а также не был так уж способен чем бы то ни было заведовать, не говоря уж о целом магазине. Неудивительно, что я был одновременно шокирован, польщен и напуган, а потому мгновенно согласился.

— Я так прикидываю, ты уже лет пять травы разгружаешь, — сказал мне Папаша Дуган, вытирая ладони о покрытый зелеными пятнами фартук и подсчитывая выручку за тот день. — Джека эта работа не интересует, а ты знаешь, как тут и что.

— Знаю. — Это было наполовину подтверждение, наполовину вопрос.

— Еще я намерен позаботиться о том, чтобы ты получил работу. Чтобы ты по-прежнему мог водить мою девочку во всякие правильные места. — Папаша слегка мне подмигнул. Ответить на это я даже не попытался. — Если ты когда-нибудь из-за меня обеднеешь, я об этом уже не услышу.

Так я стал заместителем заведующего в «Продуктах Дугана» и принялся энергично учиться всему, что вообще требуется знать о делах управления небольшим продуктовым магазином. На это у меня ушла от силы неделя. Ты проводишь инвентаризацию, помещаешь заказы, повышаешь цену на продукты, еще больше повышаешь цену на травы, получаешь деньги, расплачиваешься с поставщиками, снова проводишь инвентаризацию и т. д. и т. п. Через месяц я в совершенстве овладел профессиональным жаргоном и стал настоящим экспертом по телефонным разговорам, помещая спецзаказы для особых клиентов.

— Послушай, Гарри, — толковывал я как-то раз одному из поставщиков, торговцу кинзой, чья ферма в Окснарде производила самые первоклассные травы, какие только бывали в центральном Лос-Анджелесе. — Говорю тебе, тот народ хотел твой товар еще вчера. — При этом я вертел в пальцах авторучку, подцепив эту жеманную привычку у Папаши Дугана и тщательно ее культивируя. — Да-да, кинзу, розмарин, весь этот товар, который вы там так классно производите...

Тут звякнул дверной колокольчик, но я не позаботился оглянуться на вход. Возможно, если бы я это сделал, все вышло бы совсем иначе. Если бы я увидел, как они входят, может статься, я успел бы собраться с мыслями, притворился бы, что магазин закрыт, — и вся паскудная цепочка событий тут бы и оборвалась. Хотя вряд ли — от мафии так просто не отмахнешься.

Вошли два здоровенных, мышцатых мужика — руки как ноги, ноги как руки у статуи Свободы, а хмурые рожи кирпича просят.

— Где Дуган? — спросил первый, которого, как я после узнал, звали мистер Таджикки.

Я вытянул палец в сторону двери — глупо, Винсент, как глупо, — и второй костолом тут же за него ухватился и выгнул назад. Он точно знал, как далеко надо гнуть, прежде чем раздастся предательский щелчок. Этот парень прекрасно выучил анатомию — хотя сильно сомневаюсь, что на биологическом факультете университета.

Другой рукой вешая трубку, я помотал головой, превозмогая боль.

— Я его заместитель, — удалось выпалить мне. — Папаши здесь нет...

— Я уже и без тебя понял, что его здесь нет, — прохрипел Таджикки. На нем была стильная кожаная куртка, и до сего дня я не могу взять в толк, зачем ему понадобилась эта дурацкая толика хипповой внешности. Его выпуклостей эта самая куртка, мягко говоря, не сглаживала. — А где он?

— Не знаю, — искренне признался я. Папаша порой имел обыкновение исчезать в середине дня — то ли намеренно, то ли случайно. Однако обычно он возвращался с целой охапкой товара, а потому я никогда его ни о чем не спрашивал и полагал, что он просто делает закупки где-то на стороне.

Что же это было? Наезд? Кое-какие рассказы я слышал, но лично при подобных событиях никогда не присутствовал. Защитный рэкет? У меня было вполне определенное чувство, что эти парни пришли не за тем, чтобы просить скидку на мелкую партию шафрана.

Таджикки и его напарник — Сол, как мы узнали позднее — немного посовещались, нырнув за газетные стенды, а я тем временем держался за стремительно распухающий палец. Наполняясь кровью, плоть все сильнее давила на человеческую перчатку.

— Мы еще вернемся, — сказал наконец Таджикки, сметая с прилавка пригоршню лука-шалота. — Скажи Дугану, что к нему его новые деловые партнеры заходили.

С тем они и ушли, а я считанные секунды спустя уже звонил Джеку. Он прибежал на помощь, но поделывать тоже ничего не мог — разве что вместе со мной ждать, пока Папаша Дуган вернется обратно в магазин.

Два напряженных часа спустя, в течение которых мы с Джеком глазели в окно, тревожась о том, что те два здоровенных силуэта опять покажутся на горизонте, Папаша вернулся, таща за собой тележку, полную побегов одуванчика. Этот сорняк, должным образом выращенный и пожатый, представлял собой сущий деликатес для определенных клиентов. Комписы в особенности тратили последние несколько баксов, только бы прожевать штучку-другую. Немного тревожно было видеть столько побегов одуванчика

сразу.

— Ну как, парни, нравится? — спросил Папаша, входя. — Попробуйте-ка немного. Давайте, он весь мытый.

Но мы с Джеком слишком нервничали, чтобы интересоваться новым приобретением, а тем более его пробовать. Джек посмотрел на меня. Да, он был сыном Папаши Дугана, но я все-таки был его заместителем.

— Папаша, — сказал я, — тут сегодня два мужика заходили...

— Ты о них позаботился?

— Это были не покупатели. Они сказали, что они... в общем, что они ваши новые деловые партнеры.

Я от души надеялся, что Папаша станет это отрицать, что на его лице выразится радость или недоумение. Тогда все обернулось бы одним большим недопониманием, мы все вместе отправились бы поесть пиццы после закрытия и славно бы над всем этим посмеялись. Но этого не произошло.

Первым делом обвисли его губы. Постоянная ухмылка Папаши, которая, казалось, всегда там таилась, в любой момент способная перерасти в широченную улыбку, исчезла. Насколько я знаю, она уже никогда туда не вернулась.

Дальше запали щеки — добрых полдюйма плоти словно бы всосались в его лицо. Не знаю, объяснялось это дефектом личины или настоящая шкура Папаши уже иссыхала, но получилось именно так. Вид у него стал голодный, изможденный — вид приговоренного к тяжелому наказанию. И все это произошло в пределах пяти секунд.

— Они оставили свои имена? — спросил меня Папаша, и я помотал головой. Впрочем, это не имело значения — Папаша Дуган явно знал, кто они такие. Затем он дал нам с Джеком несколько баксов, велел разыскать Норин, сходить в кино, пообедать. И сказал, что сегодня вечером закроет магазин. Я пытался спорить, хотя и знал, что это безнадежно. Это был бизнес Папаши Дугана, и за ним здесь оставалось последнее слово.

Когда я на следующее утро пришел в магазин, то обнаружил там Таджики и Сола, на чьи массивные талии были повязаны передники. Папаша объяснял им работу кассового аппарата. Я уже собирался дать задний ход обратно в дверь, но тут Таджики меня заметил и подозвал.

— Мы с тобой на плохой ноге вчера разошлись, — сказал он, протягивая руку. — Если мы собираемся вместе работать, нам лучше ладить.

Он так крепко пожал мне руку, что чуть кости не поломал, но даже этого не заметил. Я вежливо кивнул и поинтересовался:

— А что вы, простите, здесь делаете?

— Я же вчера тебе сказал, — напомнил Таджики. — Мы новые деловые партнеры твоего босса.

Вообще-то кое-какие фильмы я уже видел. И знал, что когда гангстеры приходят и говорят, что они «новые деловые партнеры», они на самом деле вовсе не собираются закатать рукава и с энтузиазмом взяться за работу. Они просто хотят урвать себе часть прибыли — или, еще более вероятно, общего дохода, — а также найти удобное местечко, где можно сидеть и жрать сладкие пряники по мере их поступления.

Но эти мужики были совсем другие. Они действительно хотели работать.

— Надо провести инвентаризацию, — говорил Таджики — а потом, черт побери, реально брал в руки папку с тесемками и принимался расхаживать по магазину, рассчитывая наши потребности и перерасходы за неделю. Сол был настоящим монстром на погрузочной платформе, и ему нефиг делать было перекинуть пятисотфунтовый контейнер с поддона на полку, причем вся тяжесть этого контейнера равномерно распределялась по его широкой, толстой спине. Сказать правду, таких первоклассных работников у Папаши Дугана еще никогда не бывало.

Через два месяца мне там уже просто нечего было делать. Таджики великолепно разбирался с покупателями, утешая их и умасливая. Этот виртуозный торговец затмевал

даже блеск Папаши Дугана, когда речь заходила о понимании потребностей каждого отдельного человека и оптимальном их обеспечении. А Сол, тяжелый качок, делал всю работу в заднем помещении, дойдя даже до того, что каждую неделю проводил там реорганизацию хранения трав, чтобы отражать меняющиеся вкусы и демографию нашего района.

И внезапно, за многие годы до того, как это стало популярно, я подпал под сокращение штатов.

— Я больше не могу позволить себе платить тебе жалованье, — однажды днем сказал мне Папаша. — Извини, Винсент, но...

— Все нормально, — перебил я Папашу Дугана, вовсе не желая его таким видеть. В этом было что-то неправильное. — Я понимаю.

— Я сам едва над водой держусь. Эти парни... они заправляют магазином... и уже не я им, а они мне отстегивают. Ты об этом знаешь?

Я знал. Станным образом естественный порядок вещей перевернулся с ног на голову, и Папаша Дуган стал молчаливым партнером в собственном бизнесе. Скучное пособие, выделяемое ему Солом и Таджикки, не покрывало его расходов. У Папаши Дугана была жена. У него была семья. И хотя я не знал, как он изначально познакомился с Таджикки и Солом, я догадывался, что в рукаве у Папаши вдобавок было припрятано несколько скверных привычек.

Норин тоже об этом тревожилась, и солидную долю нашего совместного времени мы проводили, мучительно прикидывая, как помочь Папаше спасти его достоинство, если не бизнес.

— Просто не знаю, что он будет делать, — говорила мне Норин, свернувшись в плотный клубок в моих объятиях, обхватывая меня руками за шею и подтягивая к себе. — Он всю жизнь работал.

— Он может найти себе другую работу, — предположил я.

— Ему нужно иметь собственное дело. Чем-то владеть. И этим гордиться.

Через два месяца все было кончено. Однажды вечером Сол и Таджикки подошли к Папаше Дугану, швырнули ему в лицо пачку купюр и заявили, что он только что ими куплен. Им нравилась работа, им нравился район, и «Продукты Дугана» больше не были его магазином. Мало того, Папаша не должен был открывать конкурирующего предприятия где бы то ни было во всем штате Калифорния. Конечно, он по-прежнему мог затариваться в своем бывшем магазине, и Сол с Таджикки даже пообещали ему солидную скидку, но с их точки зрения Папаша Дуган был теперь еще одним местным ничтожеством, пытающимся раздобыть себе пару-другую реп.

Как раз в это время Норин готовилась закончить школу, и мы вдвоем деловито планировали наше совместное будущее. Она хотела, чтобы я пошел в один из тех техникумов, которые рекламировали по телевизору, — типа где тебя черт-те чему только не учат, а также обещают работу с твердой зарплатой и возможностью дальнейшего роста. Плюс к тому в этой рекламе имелись забавные рисунки. Планом самой Норин было попробовать поработать вместе с отцом, помочь ему создать новый бизнес.

Однако Папаша уже не имел для этого душевных сил. Почти все время я обнаруживал его сидящим на диване в гостиной Дуганов. Он прикидывался, что читает газету, но на самом деле даже не обращал внимания на слова и смотрел куда-то еще. Поначалу я думал, что Папаша всю дорогу врзает по базилику, но Джек сказал мне, что старик к этому делу даже не прикасается. Быть может, ему все-таки следовало хотя бы прикасаться. Учитывая Папашины перспективы, это определенно не могло ему повредить.

За два месяца до торжественной церемонии выпуска Норин из школы — которая должна была состояться за два дня до ее восемнадцатилетия — Папаша Дуган наконец выложил семье свои планы на будущее. Я тогда вместе с ними обедал — ел какую-то жалкую смесь мяса с сыром. Одновременно мы с Норин держались за руки под столом.

— Мы переезжаем, — просто сказал Папаша, и внезапно ногти Норин (специальный

набор «дамские коготки», который я подарил ей на Рождество) впились мне в ладонь, едва не добираясь до чешуек.

— В какой район? — дрожащим голосом спросила Норин.

Папаша Дуган покачал головой. Ему наверняка было куда тяжелее остальных, но он не мог позволить себе хоть как-то это показать.

— В другой город, — сказал он. — Мы переезжаем поближе к дедушке. Назад в Мичиган.

Внезапно серебряные приборы полетели вверх, стали биться тарелки, а потом Норин вскочила и вылетела из комнаты. Слезы струились по ее лицу, пока она выбегала из дома, с грохотом захлопывая за собой дверь.

Были еще слезы и протестующие вопли, но Папаша Дуган уже составил свои планы. Через день после выпуска Норин, за день до ее восемнадцатилетия, семья паковала вещички и отправлялась в Мичиган, где Папаша собирался присоединиться к предприятию по реставрации мебели, основанному его отцом. Эта работа не казалась особенно роскошной, и к тому же Папаша в особенности ее не любил — запах лака и древесины еще с детства так крепко впитался в его мозги, что даже в более поздние времена он не мог пройти мимо склада пиломатериалов без некоторых неприятных воспоминаний. Однако так он хотя бы мог получать приличное жалование и содержать семью.

Будущее Норин, с другой стороны, вдруг широко распахнулось в полную неизвестность, и я отчаянно желал помочь ей найти хоть какой-то выход. Сперва я предложил, чтобы она отказалась отправляться в Мичиган и съехала со мной — мы нашли бы себе квартиру и стали жить во грехе, — но ее моральные принципы были для этого слишком строги. Если она все-таки собиралась отречься от своего отца, для этого должно было найтись какое-то более серьезное основание.

И в конце концов мы такое основание нашли. Не помню, кому из нас принадлежала идея, но на самом деле это было неважно, раз эта идея у нас появилась.

Мы решили пожениться.

И Винсент, славный малыш Винсент, без году неделя, как из школы, уже воображающий себя рептильным гражданином мира, приготовился стать супругом, семейным мужчиной. Узнай кто-то о наших планах, он непременно вмешался бы и указал на всю глупость того, что мы задумали, после чего был бы от всего сердца послан ко всем чертям за попытку помочь. Но все это составляло нашу тайну, а оттого становилось еще более восхитительным.

Планированием операции мы с Норин занялись, точно пара генералов-полковников, вычерчивая на карте каждый наш шаг, поминутно детализируя всю схему. В вечер выпуска Норин из школы — 18 июля — она должна была оставить записку родителям, выскользнуть из дома и встретиться со мной на автобусной остановке, где мы запрыгнули бы на семичасовой «грейхаунд» до Лас-Вегаса. К тому времени, как родители Норин обнаружили бы записку и выяснили, что к чему, ей уже стукнуло бы восемнадцать и она получила бы законное право делать все, что пожелает. Потребовался бы только этот единственный акт отречения, а потом мы были бы вместе, и ее отцу пришлось бы нас благословить. Жить мы стали бы там, где пожелали — в Лос-Анджелесе, в Сиэтле, быть может, даже устроились бы в Лас-Вегасе. Черт возьми, я неплохо играл в покер — разве сложно заработать этим себе на жизнь?

Наша тайна еще больше нас сблизила. Пока шли недели, и Дуганы начинали паковать свое хозяйство, готовясь к переезду, я все больше и больше убеждался в том, что мы все рассчитали правильно, и что в конечном итоге наша придумка сработает. Мы оба знали, что у нас нет никакой возможности поддерживать наши отношения на столь далеком расстоянии друг от друга, и что Папаша Дуган не позволит нам остаться вместе без таинства брака. Мы уже подыскивали идеальное местечко для нашего бракосочетания: часовня «Чешуйки Любви», что под «Золотым Самородком» в центре Лас-Вегаса, представляла собой исключительно рептильную точку, специализирующуюся на смешанных браках. Никаких предубежденных

глаз, чтобы бросать укоризненные взгляды на жениха-раптора и невесту-гадрозавриху. Никого, чтобы возмущенно шикать, когда мы рука об руку пойдем по проходу.

К несчастью — и, пожалуй, именно отсюда все пошло-поехало, — я тогда довольно паршиво умел хранить тайны. Если бы мир однажды перевернулся вверх дном, и меня невеста как избрали бы в президенты, я бы на следующий же день организовал пресс-конференцию, на которой рассказал всем, что именно происходит в 51-м районе. А потому тот факт, что мы с Норин договорились держать все в строжайшем секрете, только усиливал мое желание с кем-нибудь этим поделиться. И поблизости был только один индивид, которому я мог довериться.

В общем, я рассказал обо всем Джеку.

За день до выпуска Норин, за два дня до того, как мы должны были сбежать в дебри Невады и в темпе связать себя узами брака посредством обряда, совершенного священником типа «товары почтой», я сломался и рассказал Джеку обо всем. Догадываюсь, я таким образом хотел получить его благословение, раз уж не мог получить такового загодя от Папаши Дугана. Если бы Джек одобрил наш план, я бы с чистой совестью преодолел этот последний барьер.

— Черт побери! — сказал Джек, когда я закончил. — Мы непременно должны устроить тебе холостяцкую пирушку!

Честно говоря, я ожидал несколько иной реакции, однако в ретроспективе это имеет определенный смысл. Джек был польщен тем, что я действительно стану членом их семьи, а также отчасти рад тому, что шумиха по поводу нашего с Норин побега несколько смягчит горечь от их отбытия из Южной Калифорнии.

Норин была не в восторге насчет холостяцкой пирушки, но она достаточно мне доверяла и не сомневалась, что я буду вести себя как полагается. Джек запланировал целую ночь капитальной разнузданности, и мы вдарили по городку в девять вечера 17 июля. Таким образом, времени у меня было более чем достаточно, чтобы хорошенько разгуляться, а потом очухаться и вечером 18 числа собрать вещички к отъезду.

Когда диносы жуют травы, вырубаются далеко не все. А вот я вырубаюсь. Это даже не полный провал в памяти, а скорее некий стробирующий эффект фрагментарных припоминаний — образы вспыхивают и гаснут, звуки возникают и затихают. Пожалуй, это еще хуже, чем полная отключка. Если бы я совершенно не сознавал своих действий, мне легче было бы отрицать соучастие. Эх, чего бы я в нужные времена не отдал бы за славный отрезок доброй амнезии!

В общем, что я все-таки помню, так это как у меня в желудке переваривалась славная доза базилика в подземном стриптиз-клубе, затем еще немного того же самого по пути к следующему бару, дальше целая гора шалфея в порядке догона на каком-то обеде в глухую полночь. После этого — краткая вспышка бесконечного шоссе на пути невесты куда и несколько секунд реминисценции на бескрайнем поле орегано, где мы в количестве шести диносов стояли на карачках, точно коровы, и жадно насыщались посевами незнакомого нам фермера.

В какой-то момент Джек решил покинуть пирушку и попытался увести меня с собой. Вышел спор, какая-то толкотня, может, даже потасовка, и он в отвращении ушел, а я вернулся на свою бычью кормежку. Даже не знаю, остался ли со мной к тому моменту кто-то из знакомых парней — мне это было но барабану. После девятнадцати лет поиска цели в жизни Винсент Рубио наконец-то нашел свое призвание, и название ему было травы.

— Эй! А ну вставай! Давай, парень, вставай!

Голос что-то кричал, он явно обращался ко мне, и вскоре ему удалось прорваться в мой сон: кто-то подвесил пятидесятифудового лемура над трассой-101; его длинные кудрявые волосы расстилались по всем четырем полосам дорожного движения. И невеста по какой причине этот лемур приказывал мне подняться.

— Вот что, парнишка, больше я повторять не стану. Поднимай свою чертову задницу, или я стреляю.

За этим последним фрагментом последовал отчетливый щелчок взведенного курка, и я оказался на ногах раньше, чем все мое остальное тело успело как-то отреагировать. Земля со всех сторон куда-то проваливалась.

Весь мир дико крутился, и все же мне удалось заметить достаточно, чтобы понять: я уже не в Вествуде. Я стоял в середине фермерского поля, в грязной одежде, жутко воняя коровьими лепешками, а странный кент с двустволкой стоял футах в пяти от меня.

— Доброе утро, — протянул я, еще не вполне способный толком армировать губами согласные.

— У тебя есть десять секунд, чтобы рассказать мне, что ты здесь делаешь, — сказал фермер.

Вообще-то я был почти убежден, что все это попросту часть моего сна — хотя, с другой стороны, во сне меня никогда так не тошнило.

Я еще разок огляделся. Вдалеке, по ту сторону поля, высились горы. В воздухе витал запах клубники. Если мне светила удача, это должно было быть Камарильо, фермерское сообщество всего лишь минутах в сорока пяти езды от Лос-Анджелеса.

— Кажется, я тут немного ваших посевов поел, — сказал я мужчине, слишком удолбанный, чтобы сподобиться на приличную ложь.

— Да, я тоже думаю, что поел. — Фермер окинул меня беглым взглядом, а я тем временем поверх навоза и клубники получил от него славный запах. Это был человек, и он никоим образом не мог понять, что здесь происходило.

— Должно быть, я выпил лишку, — сказал я, медленно пятясь. — Мы с друзьями малость увлеклись.

— Угу, — буркнул он. Нормальный чувак, просто встревоженный, не замышляю ли я здесь каких-либо заморочек.

— У меня была холостяцкая пирушка, — услышал я собственный голос. — Я женюсь...

Женюсь.

Все верно.

Ох, блин.

Я мигом осекся и побежал, даже не думая о дробовике, который наверняка был нацелен мне в спину. Я должен был срочно добраться до дома. Должен был упаковать вещи. Должен был проделать еще уйму всякой всячины, прежде чем смог бы увезти отсюда Норин и сделать ее своей смущенной невестой.

Мне потребовалось три часа, чтобы добраться до Лос-Анджелеса, и еще два, чтобы упаковать свои пожитки. Я сто раз звонил Норин домой, но никакого ответа не получал. В конце концов я припомнил, что все они на выпускной церемонии. Я тоже должен был там присутствовать, но Норин бы меня поняла. Если бы я только вовремя оказался на автобусной остановке, все было бы в полном порядке.

К восьми вечера я добрался до остановки «грей-хаундов» и выяснил, что наш автобус уходит только вскоре после полуночи. Тогда я устроился на скамейке и попытался читать захваченную с собой книжку в мягкой обложке, но так нервничал, что дальше первой страницы ни в какую не продвигался. Обнаружив наконец, что снова и снова перечитываю одно и то же предложение, я захлопнул книжку и просто стал дожидаться прихода Норин.

Я ждал.

Ждал.

И ждал.

Всякий раз, как за матированным стеклом появлялся очередной силуэт, мое сердце билось быстрее, горло перехватывало, я готовился вскочить со скамейки и заключить Норин в свои объятия. Но всякий раз это оказывался еще один незнакомец, обормот вроде меня, слишком бедный, чтобы позволить себе частную перевозку.

Десять часов стали одиннадцатью, те полночью, и вскоре я уже стоял у билетной кассы, организовывая нам с Норин поздний автобус до Лас-Вегаса. Последний «грейхаунд»

отбывал с остановки в час ночи, а Норин по-прежнему не было. Я думал позвонить ей домой, попытаться передать ей какое-то сообщение через Джека, но понимал, что это бессмысленно. Я уже прикидывал, что ее что-то такое задержало, и только надеялся, что это не был Папаша Дуган. Что, если Джек рассказал ему, что происходит? Что, если он запер Норин в ее комнате? Этого мне было никак не узнать.

Следующий автобус в ближайшие шесть часов не отбывал, а к тому времени уже могло быть слишком поздно. И все-таки я прикинул, что должен хотя бы попытаться и невесть как организовать нам эту поездку, а потому подошел к кассе, чтобы заказать обмен билетов.

— Мы пропустили наш автобус, — сказал я скучающей кассирше. — Могу я поменять билеты на следующий?

— Конечно, деточка, — отозвалась кассирша. — Когда захочешь.

Она взяла билеты, мельком на них взглянула и швырнула в мусорную корзину у ног.

— Значит, — сказала она, — ты хочешь шестичасовой автобус в Вегас двадцатого числа.

— Нет, — поправил я ее, — девятнадцатого. Сегодня утром.

— Душечка, — протянула кассирша, — ты бы календарик себе купил. Девятнадцатое было *вчера*.

Дальше я припоминаю странное ощущение, как будто кто-то схватил меня за ноги и запихнул их мне в нос. В легких какое-то сжатие, нечем дышать, грудь страшно напрягается. Еще дальше я вспоминаю себя уже дома — как я набираю номер, который мне дали, чтобы звонить в дом отца Папаши в Мичигане. Отвечает мне какой-то старик, и я ору в трубку, умоляя его сказать Норин, что я ее люблю, что я дал маху, что я обязательно до нее доберусь. Дальше я понес какой-то бред про травы, «грейхаунды», Лас-Вегас, черт знает что еще и совершенно не удивился, когда дедушка Дугам повесил трубку, а потом положил ее рядом с телефоном.

Я месяцами пытался звонить, однако Норин наотрез отказывалась подходить к телефону. Папаша Дуган всякий раз говорил, что он этого не понимает, и регулярно передо мной извинялся.

— Извини, Винсент, — говорил он, и я подмечал, что голос его явно постарел и ослаб. — Она не хочет с тобой разговаривать. Извини, сынок... знаешь, вообще-то я думал, что у вас все получится.

Мои письма возвращались неоткрытыми. Мои почтовые открытки рвались в клочья. В конце концов, уже через шесть месяцев после переезда, я в очередной раз позвонил, надеясь, что Норин по крайней мере меня выслушает, если не простит.

— Алло? — Это был Джек, и его голос звучал старше и умудренней. Как будто он повзрослел, а я так и остался сопливым подростком.

— Привет, Джек, — как можно беспечней откликнулся я. — Это Винсент.

Последовала длинная пауза — я слышал его дыхание, но и только. Когда прошла добрая минута, я решил продолжить:

— Послушай, я...

— Все кончено, — сказал Джек, и голос его дрожал от сдерживаемого гнева.

— Все из-за той ночи, — попытался объяснить я. — Из-за той холостяцкой пирушки...

— Все кончено, Винсент. Ты разбил ей сердце. Норин никогда этого не забудет. И я тоже. — Затем, уже мягче, словно выходя из какого-то приступа внутренней боли, Джек добавил: — Больше ей не звони. Она уже никогда не станет с тобой разговаривать.

И, будь оно все проклято, сукин сын был прав. Вплоть до сегодняшнего дня.

10

— Добрый день, Норин, — говорю я, выходя из лифта. Лицо прилично покалывает от двойной пощечины. — Классные у тебя ногти.

Норин улыбается той самой улыбкой, которую я так хорошо знал в дни минувшие —

улыбкой, от которой сердце выпрыгивает у меня из груди и застревает в глотке.

— Фамильная вещь, — говорит она, сверкая дюймовыми ногтями у меня перед носом. — «На халяву», ясное дело.

Пентхаус Джека обустроен просто роскошно, массивные эркеры выходят на внутреннюю протоку и дальше — на Атлантический океан. Просачивающиеся сюда солнечные лучи подсвечивают Норин сзади, четко очерчивая ее высокое, гибкое тело.

— Классно выглядишь, — говорю я. — Годы очень мило с тобой обошлись.

— С тобой тоже, — говорит Норин, и теперь я явственно это чувствую. Мы танцуем легкий фокстрот на танцполе прошлого.

Норин, впрочем, выглядит действительно потрясающе. Ее тело в превосходной форме, кожа безупречна, волосы подстрижены по последней моде. Она всегда умела как следует заботиться о своей личине — даже в старших классах она сама шила, а кроме того, необычайно умело разглаживала неизбежные морщины, которые всегда скапливаются вокруг наших гениталий и ягодиц. Вдвойне забавно, что она проделывала то же самое и с моей личиной. Втройне — когда я все еще ту личину носил.

— Джек сейчас занят, — говорит Норин, разворачиваясь на трехдюймовых каблуках и направляясь к главному помещению пентхауса. — Его какое-то время не будет. Заходи.

Внутри околачивается немало людей Джека — они расслаживаются на диванах и наливают себе выпивку. Кто-то кивает мне и даже машет рукой. Другие активно игнорируют мое присутствие.

— Выпьешь? — спрашивает Норин, и внезапно у нее в руке оказывается бокал.

— Нет, — говорю я. — Спасибо.

Норин подходит ближе, и я вижу крупный план бокала — жидкость внутри завлекательно покачивается. Было бы так легко ее проглотить.

— Это особая смесь, — говорит Норин. — Мы ее настоем зовем...

— Я знаю, что это, — перебиваю я. — Джек мне этот настой уже показал... и я немного попробовал.

Теперь веки Норин полузакрыты — она внимательно меня изучает.

— И что? Тебе не понравилось?

— Понравилось. Очень. Пожалуйста, убери.

Норин смущена — она точно так же, как прежде, морщит носик, — и все же повинуетя. Когда она возвращается, я вдруг понимаю, что пытаюсь объяснить. Насчет выпивки, насчет моего присутствия, насчет всего остального.

— Я гербаголик, — выпаливаю я. Пожалуй, слишком громко. Хотя это вряд ли меня заботит. Мои грехи — сущие цветочки по сравнению с теми преступлениями, которые большинство присутствующих здесь диносов совершило только за последние несколько лет.

— Мне очень жаль.

Я пожимаю плечами. Такой отклик вполне обычен — мало что хорошего можно сказать после того, как кто-то признается тебе в том, что бессилен справиться с собственной жизнью. Лучшая реакция, которой я до сих пор удостаивался, выразилась в вопросе: «Ага, а как наши вчера в футбол сыграли?» Однако этот отклик принадлежал Сатерленду, и это несомненно была самая разумная его фраза за многие месяцы.

— Я восстанавливаюсь. Вообще-то... — Черт, вот тут бы мне и заткнуться. — Тем вечером в Лос-Анджелесе, когда мы должны были на автобусной остановке встретиться...

Норин поднимает указательный палец и прикладывает его к моим губам.

— Нет-нет, — шепчет она. — Об этом ни слова.

— Но я просто подумал...

— Нет-нет, — повторяет Норин и направляется к большому дивану, на котором несколько людей Джека внимательно смотрят телевизор.

— Слушай, никак не пойму, — говорит один из них, которого зовут ББ. — Почему их метеорологами кличут? Ведь они же не говорят, когда тебя метеор по башке долбанет.

Невысокий парнишка с кривыми зубами и запахом детской присыпки выпускает

громкий смешок, но другой чувак, повзрослее, лишь качает головой:

— Этот прикол я уже слышал.

— Какой прикол?

— Да про метеорологов. Ты его стырил.

— Блин, — выражается ББ. — Ни хрена я не тырил.

— Ладно, парни, — говорит Норин, усаживаясь рядом с ББ. — А ну-ка мамочке место освободите. — Они освобождают для нее участок дивана. Затем Норин манит меня пальцем, похлопывая по совсем крошечному насесту рядом с собой. — Отчет об урагане когда-нибудь видел?

— Я видел отчеты о землетрясениях, — отвечаю я, вклиниваясь между Норин и подлокотником.

— День и ночь. В отчете о землетрясении тебе просто рассказывают про ущерб, который уже был нанесен. А в отчете об урагане... короче, смотри.

Синоптик — он же метеоролог — стоит перед картой с показаниями радара, указывая на клубящиеся белые массы в нескольких сотнях миль к востоку от Доминиканской республики.

— Ураган Алиса может причинить тяжелые разрушения, если она решит пойти к берегу, — говорит он, рассуждая о погодной системе как о тяжеловесной тетке, пытающейся на мелководе выбраться из каное. — Алиса сейчас всасывает массу теплых Атлантических вод и набирает весьма серьезную мощь. Давайте взглянем поближе...

Внезапно картинка дает крен и переворачивается, крутясь так, как телевизионные изображения вообще-то не крутятся, особенно когда экран имеет больше шестидесяти дюймов по диагонали. Компьютерный эффект устраивает зрителям прогулку по самому сердцу урагана непосредственно к оку Алисы. Такая прогулка, понятное дело, совершенно бесполезна, если не считать того, что телестанция должна оправдать бюджетные вливания на технологические новинки. Кроме того, какой-то придурок в соседней комнате может поздравить себя с удачным написанием программы.

Затем на всеобщее обозрение выдаются цифры: ветер силой в 89 миль в час гонит Алису на запад со скоростью в 15 узлов, подход ее к берегам Доминиканской республики ожидается в пределах ближайших трех-четырех суток, и все это согласно тринадцати из двадцати шести возможных компьютерных моделей.

— Девять других моделей направляют Алису немного севернее, — продолжает синоптик, — а три — чуть южнее. Последняя модель разворачивает Алису на юго-запад, проводит ее вокруг мыса Доброй Надежды и обрушивает на Индию. Однако мы полагаем, что в данном случае произошла компьютерная ошибка.

Норин улыбается, а ее нога тем временем крепко прижимается к моей, контур ее фальшивой, но плотной ляжки с легкостью прослеживается под юбкой.

— Вот видишь? Отчет об урагане — совсем не про то, какой ущерб уже был нанесен. Он про те разрушения, которые последуют, если только все пойдет как надо. Или как не надо. Здесь речь о возможностях.

Она откидывается на спинку дивана, негромкий вздох слетает с ее губ, и на долю секунды мы возвращаемся в мою детскую спальню — на кровати постельное белье с картинками из «Звездных войн», на стене плакаты с рок-группой Rush, а мы собираемся заняться своим делом. Спина Норин точно так же выгибается, мои руки скользят ей под лопатки, наши тела прижимаются друг к другу, губы сливаются...

Но тут я опять оказываюсь на диване — и здесь уже только мы с Норин, да еще синоптик, который все трендит себе про погоду. Остальные люди Джека с дивана исчезли.

— Похоже, особой симпатии я тут не вызываю, — признаюсь я.

— А как ты думаешь, почему?

— Народ обычно не доверяет тем, кого он не знает, — говорю я. — Все боятся неведомого.

Норин прыскает.

— То есть эти парни тебя боятся?

— Очень может быть.

— Значит, Винсент, вот каким ты стал с тех пор, как я последний раз тебя видела? Тем, кого боятся?

Я поворачиваюсь к Норин и закидываю правую ногу на диван, чтобы сидеть с ней лицом к лицу.

— Знаешь, не думал, что наш разговор пойдет вот так.

Она прикидывается шокированной:

— Как, ты ожидал разговора?

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— Уверена, что не знаю. — Норин играет по полной программе — теперь я могу это видеть. Конечно, она стала старше и мудрее, и я задумываюсь, не имеет ли крах наших отношений некую связь с созданием этой более крутой, но и более грустной женщины. В ее словах постоянно присутствует подтекст гнева, хотя Норин старается этого не выдавать. Та пара пощечин у лифта — между прочим, следы ее ладоней по-прежнему горят на более чувствительных частях моей фальшивой шкуры — была тщательно спланированной разрядкой и ничем больше.

— Послушай, — начинаю я, пытаюсь найти переход в более нормальный режим разговора, — мы могли бы весь день сидеть тут и темнить...

— Отлично, — перебивает Норин. — Давай.

Но меня не так просто сбить с панталыку.

— Или мы могли бы уйти отсюда и с этим покончить. У тебя на меня зуб.

— Уверяю тебя, ничего такого.

— Значит, был зуб. С того самого дня на автобусной остановке, когда...

— Нет-нет, — снова говорит Норин и прикладывает палец к моим губам.

— Тяжело говорить, когда ты так делаешь, — бормочу я.

— В этом-то вся и идея.

Я чую Хагстрема раньше, чем его вижу, и мои плечи мгновенно напрягаются. Он скользит под бок к Норин и с непринужденностью первоклассного соблазнителя обнимает ее за голые плечи. По мне буквально прокатывает волна рыцарского духа, и я вскакиваю с дивана, готовый защищать честь Норин...

Но тут она наклоняется и его целует. Это требует повторения: *она его целует*. А я застываю перед диваном в полусогнутом положении, с занесенной для удара рукой, дьявольски напоминая бронзовую статую какого-нибудь дискобола, по которой случайно проехал каток.

Норин отрывается от губ Хагстрема и пристально на меня смотрит. Вид у нее почти такой же смущенный, как и у меня после лицемерия их с Хагстромом нежного поцелуя.

— Ты знаком с Нелли? — спрашивает она. — Мы помолвлены.

— Помолвлены, — машинально повторяю я. Это слово прыгает у меня в черепной коробке, никаких серьезных повреждений, впрочем, не нанося. — Помолвлены.

— Уже почти год. — Норин хлопает Хагстрема по колену и оставляет там руку. Бриллиант у нее на патыце крупный, но в то же время не нарочито крупный. Мне страшно хочется сорвать это кольцо. — Поначалу Джек не слишком обрадовался. Говорил, нечего бизнес и удовольствие смешивать. Но теперь...

Она снова целует Хагстрема, а я изо всех сил стараюсь вернуть себе самообладание и уйти отсюда подальше. Ничего хорошего не выйдет, если я останусь здесь и стану наблюдать, как они милуются совсем как... гм, совсем как мы с Норин обычно миловались. Но не успеваю я одолеть и десяти футов, как чувствую, что кто-то скользит мне под бок.

— Черт, ты только взгляни, как эти двое за дело взялись. Нашли себе гнездышко!

Под боком у меня Гленда, а в руке у нее бокал настоя. Лед кружит в прозрачной влаге, пока она крутит бокал.

— Это Норин, — сообщаю я ей.

— Ну да, мы прошлой ночью познакомились. Сестра Джека. Классная девчонка.

— Это Норин, — повторяю я. — *Старшеклассница* Норин. — Гленда в свое время слышала рассказы, терпеливо внимая бесчисленным пьяным воспоминаниям о моей утраченной любви.

Требуется какое-то время, чтобы достучаться до ее затуманенного травами мозга, но связь наконец налаживается, и я почти слышу звонок. Гленда поворачивается и окидывает Норин быстрым взглядом — таким взглядом, каким только женщина может изучать другую женщину. Наполовину конкурс красоты, наполовину процедура опознания подозреваемого.

— А, *та самая* Норин. Которую ты так продинамил.

— Спасибо тебе огромное.

Гленда пожимает плечами и закидывает в себя остаток настоя.

— Здесь просто изумительно, — говорит она. — Матрац, на котором я спала, наверно, футов три толщиной. Буфет славно затарен. Шкаф с травами не заперт, а климат в нем контролируется... Блин, у них тут даже частный кинотеатр внизу есть.

— Рад, что тебе здесь нравится. А для меня ты кое-чего не выяснила?

— Типа?

— Типа про тех девушек... официанток...

— Ах, да, — говорит Гленда, — они тут повсюду шастают. Здесь, в доме, там, в клубе.

— А ты в них ничего странного не заметила?

— Не-а. А что, следовало?

— Очень может быть. Не уверен. — Прямо сейчас мне просто хочется разыскать Джека, выяснить, нужен ли я ему зачем-нибудь, а потом вернуться в дом Талларико. Я по-прежнему остро чувствую, как грязь с ипподрома покрывает мою личину, и еще острее тревожусь о том, что крошечные частички распад-порошка могут таиться у меня на одежде, только и дожидаясь случая соприкоснуться с плотью диноса.

— Где Джек? — спрашиваю я.

Гленда кивает в сторону задней части пентхауса.

— Видела, как он там вместе с какой-то мелкой пожилой теткой исчез.

— Седовласая, держит себя в форме?

— Ага, она самая. А кто она такая?

— Вообще-то не знаю. И никто, похоже, не знает.

Мы с Глендой направляемся к задней части просторных апартаментов, по гугути обходя всякий антиквариат и предметы искусства, которыми мне, надо полагать, следует восхищаться. Но что я, черт побери, вообще знаю про искусство и антиквариат? В длинном коридоре по обе стороны ряды дверей, все заперты.

— Джек? — окликаю я. — Ты здесь?

Приглушенный стон из самого конца коридора. Мы с Глендой делаем еще несколько шагов.

— Джек, это ты?

Раздается еще один стон, и мне начинает казаться, что это как раз тот самый момент любого хорошего фильма ужасов, когда вся публика встает на ноги и орет мне бежать отсюда куда глаза глядят, хотя предпочтительнее — в ближайший полицейский участок.

Кряхтение, стон, краткий сдавленный рык — и все из-за той дальней двери. Я смотрю на Гленду.

— Как думаешь?

Она пожимает плечами:

— Это твоя ответственность.

Тогда я собираюсь с духом, готовлюсь резко стартовать...

Тут дверь раскрывается, и оттуда выкатывает Джек. На обезумевшего зверя он решительно не похож, и огромный нож у него из спины тоже не торчит. Тем не менее он выглядит совершенно измотанным. Каким-то высохшим. Трехдневной давности воздушный шарик, вялый и сморщенный.

— Винсент, — шепчет Джек, и грудь его медленно вздымается, пока он с трудом втягивает в себя воздух. — Не знал, что ты уже сюда прибыл.

— Ага, всего минут двадцать тому назад...

Тут я умолкаю, видя, как за спиной у Джека из комнаты выходит пожилая женщина. Встречая мой пристальный взгляд, она мило мне улыбается. Затем хлопает Джека по плечу и что-то шепчет ему на ухо.

— Отличная мысль, Одри, — говорит Джек. — Так мы и сделаем. — Затем он снова обращается к нам с Глендой. — Давайте дойдем до универсама, мягкого мороженого поедим.

— Мягкого мороженого? В смысле, из автомата?

— А что? Для мягкого мороженого из автомата Винсент Рубио теперь слишком хорош?

— Да нет, — говорю я. — Просто... просто ты малость усталым выглядишь...

Джек нажимает на кнопку своей самоходной коляски, и она устремляется вперед, едва меня не сшибая.

— Тогда за мой счет. Уверен, вам с Норин требуется какое-то время, чтобы поладить. А с мягким мороженым ностальгия всегда легче проходит.

Его хорошее настроение кажется несколько вымученным, но, с другой стороны, я уже давненько мягким мороженым не баловался. Рапторы особенно подозрительно к нему относятся из-за наших крупных пахух, куда оно порой попадает. Но бесплатный десерт есть бесплатный десерт, а потому мы с Глендой спешим за Джеком, спускаемся на лифте и садимся в лимузин.

Вся компания состоит из меня, Гленды, Джека, Хагстрема и Норин. Несмотря на массу возможных тем для разговора, мы глухо молчим. Джек при желании определенно смог бы катнуть шарик, но он вяло полулежит на сиденье, почти утопая в черной коже.

— Джек, — спрашиваю я, — ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

Он кивает и поднимает оба больших пальца кверху, но даже это ничтожное усилие явно что-то из него забирает. Я задумываюсь, не начинается ли СМА, его болезнь, резко прогрессировать дальше. Возможно, мы все об этом думаем. Возможно, именно поэтому мы так молчаливы.

— Джек будет в полном порядке, — негромко говорит Норин. Создается впечатление, что она убеждает саму себя. — С ним все хорошо. — Она подтягивает брата к себе и чмокает его в лоб. Приятно видеть, как далеко они зашли со времен подзатыльников и угроз настучать матушке.

Как только мы подъезжаем к универсаму 7-23, Хагстрем заходит туда на проверку, после чего дает добро и позволяет Джеку туда закатиться.

— Нельзя быть слишком осторожным, — говорит он, придерживая дверь, пока Джек, Норин и Гленда туда проходят. Но как только я туда приближаюсь, Нелли отпускает дверь, и она с размаху меня ударяет. Н-да. Очень по-взрослому. Могу только надеяться, что Норин это заметила.

Работает только автомат с малиново-вишневым мороженым, так что мы заказываем пять порций и наполняем стаканчики. Как только я наполняю доверху свой, Джек подкатывает и обнимает меня за пояс. Он кажется еще тяжелее, чем раньше, словно ему уже совсем ни в какую поддерживать свой вес.

— Хочу, чтобы ты знал, — говорит Джек. — Я по-настоящему счастлив, что ты здесь появился. Это очень много для меня значит.

— Для меня тоже, Джек, — отзываюсь я, на сей раз каждое слово произнося совершенно искренне. — Я рад, что мы снова друг друга нашли.

— И я знаю, что это очень многое значит для моей сестры.

— Да, но... — Норин с Хагстремом стоят возле прохода с копченостями, о чем-то хихикая и, если меня спросить, совершенно по-дурацки себя ведя. — Она и так, по-моему, чертовски счастлива.

Джек кивает.

— Да, она счастлива. Послушай, я знаю, что вы с Нелли не ладите. Но поверь мне,

Винсент — он для нее то, что надо. Вы с ним очень похожи.

— Сильно сомневаюсь.

— Он сам так сказал. — Джек ухмыляется и шлепает меня по заднице — чисто спортивный жест, значение которого я никогда толком не понимал. — Ладно, потрюхали. Эта ерунда растает секунд через тридцать, если вовремя домой не вернуться.

Мы выходим наружу. Лимузин нас не ждет.

— Терпеть не могу, когда он это делает, — рычит Хагстрем. — Всем ждать здесь. — Он трусцой устремляется на поиски шофера, оставляя меня, Гленду, Джека и Норин потягивать мягкое мороженое на стоянке возле универсама 7–23. Все молчат, но напряжения не ощущается. Просто дружеская компания болтается у магазина, переваривая солидные объемы подслащенного льда со всякими добавками.

Однако молчание позволяет мне поверх глухого шума транспорта расслышать басовый ро-кот, постепенно отделяющийся от общей суматохи и становящийся отдельным звуком. Рычание, но не хищного зверя. Определенно механическое. Машина, старая и измочаленная, ее глушитель то ли уже мертв, то ли вот-вот загнется.

Мгновением позже из-за угла вылетает помятый «лексус» с тонированными стеклами и, ручаясь, с пятнами крови на потолке. Стекло у пассажирского сиденья слегка опущено, и в краткий момент озарения я успеваю заметить торчащую оттуда металлическую трубку.

Пистолет грохает. Свет пылает. Пули летят.

Гленда уже липнет к тротуару, а я оказываюсь на асфальте полсекунды спустя, бросаясь сразу и на Норин, и на Гленду, закрывая их головы своим телом. Меня предельно удивляет то, что народ в нынешние времена еще забавляется стрельбой прямо на проезде, а в особенности — народ рептильных убеждений. Лук, ружье, пистолет — не наше оружие. Это обезьянам нужны для драки какие-то инструменты. А мы используем наши когти, наши зубы, наши хвосты, наши мозги. То, что сейчас происходит, — откровенная трусость.

К счастью, это также бесплодная трусость. Резина покрышек горит на мостовой, пока машина с визгом виляет по улице, унося прочь свой преступный груз. В ближайшее время она точно сюда не вернется.

— Слазь с меня на хрен, Рубио, — ворчит Гленда, с трудом поднимаясь на ноги. Затем я отступаю и помогаю встать Норин. — Знаешь, я могу сама о себе позаботиться.

Вопль Норин резко меня разворачивает. Джек почти встал из своей инвалидной коляски — ноги какой-то краткий момент невесть как поддерживают его тело, пусть даже слегка подрагивая, и я успеваю подумать: «Господи, он идет». Однако эта мысль тут же сменяется другой: «Проклятье, как же его пулями изрешетили».

Джек валится на асфальт.

Тонкая струйка крови устремляется вниз по его щеке, и считанные мгновения спустя это уже сильный поток, скапливающийся в темно-красную лужу. Проскочив мимо меня, Норин бросается к Джеку и переворачивает его на спину. В его шее и голове — большие кровавые дыры. Я невольно отшатываюсь, голова кружится, а Норин кричит и рыдает. Тут Хагстрем вырывается из-за угла, а из самого универсама вылетает охранник с помповым ружьем наготове. Но никто уже ничего не может поделать — даже за сотню бутылок настоя и тысячу вечеринок в Майами-Бич Джека назад не вернуть.

Рот Джека открывается, закрывается, образуя беззвучные слова, пока пальцы его подергиваются, а грудь вздымают последние вздохи. Я думаю, если я наклонюсь послушать его последние слова — простит ли он меня? За то, что не был достаточно быстр, за то, что не сразу распознал звук раздолбанного «лексуса» Талларико. За то, что причинил боль его сестре, всей его семье. За то, что не нашел в себе отваги постоять за нас обоих после того, как мы дали вечную клятву верности.

Но тут грудь Джека опадает и уже не поднимается. Времени ни на что не осталось.

— Отличная работа, Рубио! Один-ноль в нашу пользу!

Эдди Талларико танцует по гостиной своего осыпающегося особняка, сжимая в жирном кулаке букетик розмарина. Он облачен в пеструю фланелевую пижаму, толстая материя липнет к резиновым складкам кожи, растягивающейся с каждым гротескным движением. Требуется вся моя сила воли, чтобы не сшибить сукина сына на пол.

— Добрый вечер, Эдди.

— Добрый вечер, черт побери! Завтра утром будет сиять солнце, Рубио. Ты что, новостей не слышал? Джека Дугана больше нет. — Легкий припляс Талларико превращается в ча-ча-ча. — Больше нет, больше нет, Джека Дугана больше нет.

— Ну да. Угу, я слышал.

— И я слышал. Черт! У меня есть свои источники, Рубио. Я знаю, что там произошло. Классно придумано — накрывать дам, чтобы этот козел остался беззащитным.

Эдди запрыгивает на диван, а потом в лучшем стиле трехсотфунтового Фреда Астера переворачивает его и сходит по подушкам, направляясь ко мне.

— Знаешь, я за тобой приглядывал, — говорит он, — и держал ухо востро. Да, я бы так сказал — держал ухо востро.

— Разумеется. — Остальные мужчины в гостиной оживленно болтают между собой, но уже начинают замечать мое присутствие, и гул нарастает.

— Это одна из причин, почему я послал тебя на то задание на ипподроме. Надо было тебя проверить. Посмотреть, на что ты способен.

Я изо всех сил стараюсь сохранять непринужденный вид. Вообще-то мне страшно хочется показать Талларико, на что я в действительности способен, но сейчас для этого не время и не место. И все же час расплаты придет.

— Я типа так и прикидывал, — говорю я ему, входя в роль.

— Типа так и прикидывал. Черт побери! Ты не дурак, Рубио, и я это вижу. Точно так же я проверял всех вас, парней из Лос-Анджелеса, знаешь об этом? Каждого вашего пижона надо как следует проверять — вот как я типа прикинул. Мой брат... проклятье, мой брат был славным парнем, пока не перебрался на Запад, а теперь я должен обламываться об его киношные связи с всякими там его друзьями-актеришками. Как будто я всю жизнь об этом мечтал. Но ты... в тебе есть славная жилка, Рубио. Шерм с Чесом рассказали мне, какой классный номер ты на ипподроме проделал.

И теперь я чувствую, как тот твердый желвак растет у меня в животе. Там образуется кое-что очень плотное, твердое ядро ненависти — пока еще небольшое, но постоянно растущее.

— Стараюсь как могу, сэр.

— Ну да, на ипподроме ты обо всем позаботился, а потом вдвойне расстарался. Сумел оказаться на месте, когда стало падать дерьмо, и классно все отыграл. Теперь ты туда вхож, деточка — по всем правилам вхож, и это должно окупиться, когда пойдут настоящие дела.

Я решаю сыграть чуть покруче.

— Хотите, чтобы я сделал свой ход?

На ряхе Эдди просто расползается широченная ухмылка, и он притягивает меня к себе. Я чую деготь, мой нос прижимается почти к самым его ароматическим железам, патока тянет меня вниз. Запах тяжел, ударяет в голову, а если учесть вонь пепперони и жареного сыра, он меня чуть сознания не лишает.

— Ты смотри, — протягивает Талларико, и мне даже страшно видеть этого бегемота в таком хорошем настроении. — Уже типа планы строишь. Обожаю этого парня!

Похоже, это что-то вроде намека для других солдат из семьи Талларико, чтобы подойти и сказать, что они тоже обожают меня и мои клоунские замашки. Я охотно принимаю объятия, поцелуи, похлопывание по спине и отвечаю тем же. А где-то в середине всей этой процедуры — на полпути между медвежьим объятием Шермана и откровенно-пьяным базаром бухгалтера мафии Эдди о текущем положении дел — я вдруг понимаю, что за одну краткую неделю пробрался в святая святых даже не одной, а сразу двух самых смертоносных

диноских мафиозных семей в стране. Где теперь мой классный руководитель? И где его сакраментальное: «Ты, Винсент, никогда ничего не добьешься»?

Восторженные выкрики наполняют гостиную, произносятся тосты, и все больше поздравлений обрушивается на вашего покорного слугу, когда Талларико врубает музыку и вечеринка раскручивается на полные обороты. Мне в руки суют горшок с побегом базилика, и лишь пару секунд спустя я понимаю, что я такое держу. Я роняю все это дело на пол, горшок летит в одну сторону, базилик в другую, а земля рассыпается посередине, где ее тут же втаптывает в ковер неистовая толпа, безостановочно выплясывающая конгу.

— Эй! Винни! Можно секунду с тобой потолковать? — Это Чес, сидит в десяти футах оттуда.

Не выходя из роли, я приволакиваюсь в угол. Чес нервно ерзает. Он явно не разделяет общего веселья.

— Рад тебя видеть, — небрежно говорю я.

— Привет, — говорит Чес. — Привет.

— Привет, — откликаюсь я. — Так о чем разговор? А то там праздник вовсю идет...

— Да-да, — говорит Чес. — Послушай, Винни, после работы на ипподроме я должен был уговорить тебя поехать к Дуганам и туда вписаться. Просто сыграть внутреннюю роль на случай, если все пойдет как-нибудь не того.

— И что?

— Черт, да ты сам туда поехал, — говорит он, тревожно озираясь и убеждаясь в том, что никто нашего разговора не слышит. — Конюшни, Стю, этот долбанный Пепе — все это было натуральное дерьмо. Парень так орал, что нам пришлось снять его фальшивую руку и запихнуть ему в пасть. А потом ты каким-то макарон оказался там, и... то есть, все получилось просто здорово, как и полагалось. Только я не говорил Эдди, что я напортачил. Что забыл тебя туда отправить. И я надеялся...

— Ты надеялся, что я тоже ничего ему не скажу.

На лице Чеса буквально вспыхивает облегчение.

— Да. Верно. Верно.

Тогда, стоя рядом с универмагом 7-23 над распростертым телом Джека, охваченный тошнотворным чувством беспомощности, я только и мог, что снова и снова думать: «Это был пистолет». Простой дурацкий пистолет, который в итоге покончил с Джеком. Палаческое оружие млекопитающих. И все же это имело определенный смысл. Ибо, тогда как у нас есть наши распад-пакеты, наши когти, наши остроконечные хвосты, бритвенно-острые укусы наших клыков, все это ничто по сравнению с пистолетным выстрелом и ударом пули. Когда же речь заходит о том, чтобы убрать жоака противоборствующей мафии, все сводится к грубой силе, к ее убийственному масштабу. А этот рынок давным-давно застолбили за собой люди.

Теперь члены семьи Талларико должны узнать об этом совсем с другого угла.

— Знаешь, что, Чес, — говорю я, по-приятельски подтягивая его к себе. — Думаю, у нас кое-какие дела впереди. Думаю, мы сможем все как следует разработать.

— Вот классно, — так шумно выдыхает Чес, словно он еще с ипподрома сдерживал дыхание. Речь его вдруг резко ускоряется, стремительный поток бьет по моим барабанным перепонкам. — Супер, просто супер. Это как раз типа то, на что я надеялся...

Я поднимаю руку, показывая ему старый добрый стоп-сигнал, и Чес тут же бросает тараторить.

— Хочешь одно классное местечко навестить? — спрашиваю я.

— А там типа что?

— Типа кое-какие первоклассные травы. И все задаром.

— Это дело у нас прямо здесь есть...

— Но там еще дамы, — добавляю я. — Ага, кое-какие первоклассные телки. Мы могли бы туда отправиться. Там всякие разные телки. Черт, там даже специальная комната есть... — Я чуть-чуть понижаю голос, желая создать нужную атмосферу похабного

намека. — Комната с млекопитающими.

— С людьми?

— Ага, — говорю я. — И все уже куда надо привязаны. Готовы малость тебя поприветствовать.

Для Чеса такого даже слишком много — при одной мысли об этом он почти теплокровным становится.

— Идем, — говорю я ему, направляясь к коридору, ведущему из гостиной. — Но только все между нами.

Чес с готовностью выходит за мной из дома. Мы направляемся туда, где Эдди установил круглосуточную охранную службу за главными воротами. Поперек подъездной дороги стоят четыре машины — стальной барьер для всех, кто пожелает туда пробиться. Мы забираемся в «лексус», и Чес машет охранникам. Те в темпе убирают машины, открывают ворота и машут нам на прощание. Считанные минуты спустя мы уже покидаем остров и направляемся к берегу.

— А какого черта я это место не знаю? — спрашивает Чес, пока мы едем по дамбе.

— Без понятия, — отвечаю я. — Я про него от бригады Дуганов услышал. Наверно, это заведение гадрозавров.

Чес так энергично кивает, как будто это имеет хоть какой-то смысл.

— Ага. Да, наверно. Но там безопасно и все такое?

— Брось, не дергайся. Там безопасно.

Следующего этапа я не планировал — это уже не моя задача. Однако определенное любопытство меня все-таки терзает, да и, в конце концов, я все-таки частный сыщик.

— Как ты узнал, куда ехать? — спрашиваю я Чеса.

— Когда?

— Когда вы Дугана угрохали. У вас на мне жучок?

Чес смеется, мотает головой:

— Не-е, Винни. У нас есть парень внутри.

— В семье Дуганов?

Он кивает и снова хихикает.

— Точно так же мы узнали, что он был в том клубе. Получили телефонный звонок от нашего источника, выяснили, куда Дуган направляется, и все дела. Хотя, если бы не этот наш источник... Черт, нам здорово повезло.

Невольная дрожь охватывает меня, а настроение падает еще ниже. Вообще-то я подозревал внутреннее предательство — как еще Талларико мог получить информацию о том, что происходило в самом клубе? — и все же, слыша этому подтверждение, я впадаю в легкое уныние. Не то чтобы это моя компания, но я скорблю о Джеке, мне жаль Норин, мне даже немного жаль Хагстрема и всю семью Дуганов в целом. В бандитской среде я надеялся найти преданность, если не честь. Теперь я знаю, что все иначе.

— А кто там? — спрашиваю я. — Просто чтобы знать, как и что, когда я в следующий раз туда попаду.

Но недорослый парнишка только хитровато мне подмигивает и ухмыляется. Увидев эту довольную ухмылку, я понимаю, что никаких шансов получить от него эту информацию у меня нет.

Впрочем, я и не обязан ее получать. Это задача других.

В трехстах футах от съезда с дамбы я вижу припаркованный на другой стороне дороги черный лимузин, полускрытый сумерками в тени пальмы.

— Что, машина барахлит? — спрашивает Чес.

Я решаю ему не отвечать. Мне больше ни к чему быть застенчивым, пижонистым или любезным. Кусочек угля у меня в груди заставляет меня хранить молчание.

— Винсент, приятель, в чем дело?

Я опять молчу. И с каждой секундой этого молчания становлюсь все холоднее. По-моему, превратиться сейчас в лед — единственный способ умирить боль.

— Почему мы едем к обочине? — Теперь в голосе Чеса появляется нотка отчаяния, и я с удовольствием ее слушаю. — Винсент? Послушай, Винни...

Я резко нажимаю на тормоз и останавливаю машину. Чес лихорадочно озирается, точно черная кошка, брошенная в темную комнату, не понимающая, где она и как туда попала...

Пассажирская дверца открывается. Там Хагстрем.

— Выходи, — говорит он Чесу.

Мелкий раптор с копной волос на голове умоляюще на меня смотрит.

— Винни... что происходит?

Хагстрем не желает повторять дважды. Он хватается Чеса за руку и сбрасывает его на землю. Через ветровое стекло я наблюдаю за тем, как ББ и двое других заталкивают гангстера-недомерка в лимузин и захлопывают за собой дверь.

— Возвращайся туда, — говорит мне Хагстрем. — Позаботься, чтобы тебя увидели.

Процедура мне известна — собственно говоря, я сам ее и придумал. Я киваю Хагстрему и снова направляю машину на дорогу по дамбе. Минут десять я там раскатываю, прежде чем снова направиться к Звездному острову и лагерю Талларико.

Как только я туда попадаю, то первым делом забочусь о том, чтобы найти Эдди.

— Ну как, Винни, славно оттягиваешься? — спрашивает жирный, уже наполовину в отрубе.

— Ясное дело, Эдди, — как всегда радостно отвечаю я. — Чес только что велел мне отвезти его в какой-то клуб на берегу. Надеюсь, с этим все в порядке.

— Чес большой мальчик, — отвечает Эдди. — Он может делать все, что захочет. Но ты здесь не какой-нибудь долбанный шофер. В следующий раз найди Рауля — пусть он этим занимается. Ты мой парень, Винсент. Ты это понял? Ты мой парень.

— Я ваш парень, — повторяю я и принимаю от Эдди слюнявый поцелуй в щеку. Затем Талларико опять утанцовывает в гостиную и присоединяется к торжествам.

Я устроил целое шоу из празднования вместе с другими членами семьи Талларико, сто раз рассказывая и пересказывая историю про убийство Джека Дугана, всякий раз все ярче подчеркивая свою роль в этом деле. Чем дальше, тем убедительнее становилась эта басня, потому что с каждым ее пересказом новый угольный слой окутывал мое сердце, все больше облегчая мое отношение как к прошлому, так и к неизбежной цепочке последующих событий.

12

Похороны. Слишком много раз я уже на эту проклятую церемонию ходил.

Джек лежит в отполированном до блеска дубовом гробу. Подобные вещи всегда казались мне малость идиотичными — все равно минут через тридцать эта древесина станет грязной. Но так всегда полагается на похоронах, особенно с открытыми фобами — накладывается грим, причесываются волосы, маникюрятся ногти. Даже самые неряшливые обормоты — скажем, парень, который неделями не мылся, или баба, позволившая своим волосам разрастись в жуткие и дурно пахнущие заросли куманики, — должны стильно сказать жизни прости-прощай.

Однако Джека оставили в личине, и стало немного больно от того, что он теперь всю вечность пролежит, скованный ремешками, зажимами и фальшивой человеческой шкурой. Пусть даже мне и не кажется, что он когда-либо это заметит. Норин сообщила мне, что бальзамировщика не на шутку озаботило число и размеры пулевых ранений — он заявил, что косметически восстановить нормальную внешность Джека как диноса будет почти невозможно. Тогда сотрудники похоронного бюро просто взяли из платяного шкафа в спальне Джека одну из его запасных личин и натянули ее на его мертвое тело. Причем всего лишь за одну эту небольшую услугу похоронные акулы запросили две тысячи долларов. Очевидно, ты не можешь забрать свои деньги с собой в могилу главным образом потому, что

сотрудники похоронного бюро могут запросто захватить их себе.

— Он отлично выглядит, — шепчет мне Гленда, пока мы проходим мимо гроба. Она совершенно права — лицо Джека безмятежно, а щеки румяные и совершенно не впалые. — Совсем как живой.

Но он определенно мертвый. Я там был. И все видел.

Джек был мертв уже через две секунды после того, как ударился об асфальт. По крайней мере, так сказали доктора. А мне не очень охота мучиться от мысли о том, что мой друг страдал, истекая кровью у универсама 7-23, пока мы все суеились вокруг его умирающего тела. Поэтому я предпочитаю принять врачебное резюме на веру и эту тему закрыть.

Через считанные секунды после пистолетных выстрелов и общего хаоса мы оттащили тело Джека в универсам. Хагстрем с впечатляющей скоростью и энергией сорвал со своего босса личину и принялся мощно качать воздух ему в грудь, устраивая Джеку яростный сеанс искусственного дыхания рыло в рыло. Но Джек к тому времени уже давно удалился на какую-то мафиозную версию Великой Скалистой Горы, где легавые берут чеки вместо наличных, а все преступления тщательно организуются.

Довольно долго я там стоял — над моим мертвым другом, пятнадцать лет назад потерянным и пять дней назад обретенным, а теперь потерянным навеки, — когда вдруг понял, что пора бы мне расколоться. Типа того.

Мне потребовалось два часа, чтобы собраться с духом и приступить. Тем временем тело Джека было обработано платным судмедэкспертом семьи Дуганов и передано в помещение для гражданской панихиды. Мы все сидели в пентхаусе, испытывая дикий шок, обращая друг к другу потрясенные лица, пока Хагстрем по-тихому заботился о том, чтобы его карманные сотрудники органов охраны правопорядка осмотрели место преступления и не задали никому лишних вопросов.

Я все еще был захвачен тем моментом, снова и снова проигрывая в уме сцену убийства. Машина, дуло пистолета, быстрая езда. Как я закрываю своим телом двух женщин, что оказались передо мной, Гленду и Норин, — в то же самое время оставляю беззащитным того единственного человека, которого мне в первую голову следовало оберегать. Хотя, конечно, прыгни я назад, а не вперед, где-то на холодной каменной плите мог бы сейчас лежать я.

Но что меня по-настоящему заинтересовало, так это следующий фрагмент: действительно ли Джек встал и выступил из своей инвалидной коляски, прежде чем рухнуть на мостовую? Мне определенно показалось, что секунду-другую ноги его держали. А если все так, что это должно означать? Что он всегда мог ходить или что это был какой-то выплеск сверхсилы на последнем дыхании? Какую пользу можно извлечь из симуляции такого серьезного заболевания, как СМА? Никто вроде бы об этом не упомянул, и мне не казалось, что сейчас самое время поднимать подобные вопросы.

Пока Норин все еще открыто оплакивала своего брата, Хагстрем и ББ уже перешли к делу. Они обсуждали подозреваемых, однако, учитывая все обстоятельства и способ убийства, на ум им пришли только два варианта.

— Либо это был Талларико, либо Рубин.

— А кто такой Рубин? — поинтересовался я. Хагстрем был слишком увлечен обсуждением, чтобы по своему обыкновению велеть мне заткнуться.

— Семья комписов, — ответил он, — Кен Рубин. Кроме этих двоих, мне больше никто в голову не приходит. Чтобы кто-то еще стал эти долбанные... пистолеты вытаскивать. — На слове «пистолеты» губы его скривились от отвращения. — Но у Рубина не было причины это делать. Мы с его семьей не контактируем. У них свой рэкет, у нас свой.

— Значит, это Талларико, — подытожил ББ. — Только он один и остался.

— Талларико, — повторил Хагстрем. — Долбанный Эдди Талларико. А к этому времени он уже наверняка как долбанный крот в своем лагере окопался.

Именно тогда я открыл рот и выпалил:

— Я могу туда пробраться.

— Что? Куда?

— В дом Талларико.

Теперь я привлек их внимание. Оба повернулись ко мне как пара отчаянных страховых агентов с горячей перспективой на линии.

— Еще разок?

— Эдди Талларико. Я могу пробраться в его дом. Могу выяснить, кто конкретно это проделал.

ББ на это не купился. Недоверием от него несло как духами, и меня омывал кислый запах его пота.

— И как ты планируешь это проверить?

— Я знаком с его братом, — признался я и тут же понял, что иду по краю огромной кастрюли с кипятком. Следовало очень тщательно подбирать слова.

— Фрэнк. Он из Лос-Анджелеса. Это все рапторские дела.

Хагстрем сделал шаг вперед.

— И ты думаешь, это станет твоим пропуском? Если действительно убили Джека они — если это их ответственность, — они будут с тройным рвением проверять всех, кто туда приходит. Как ты собираешься с этим справиться?

— Оставь это мне, — сказал я ему. — Я обо всем позабочусь.

— А что потом? — спросил ББ, по-прежнему не особенно убежденный. — Ты выясняешь, кто конкретно выполнил задание и прямо там же его кончаешь?

— Нет, тут ваши владения. Я просто доставляю его к вам.

Они ненадолго собрались вместе, что-то шепча друг другу на ухо и слишком уж часто бросая взгляды в мою сторону. Я принялся разглядывать ковер. Заседание все продолжалось.

Тут Норин вытерла слезы и громко сказала:

— Пусть он это сделает.

Хагстрем и ББ даже ухом не повели — просто продолжили свой разговор. Норин встала, и на сей раз ее голос нес в себе всю весомость голоса ее брата. На мгновение я даже почувствовал его запах.

— Я сказала — пусть он это сделает.

Не знаю, слышал ли раньше Хагстрем от своей невесты что-то подобное, но это либо круто его напугало, либо страшно восхитило, потому что он невольно отступил на шаг.

— Не думаю, что это удачная мысль.

— Он любил Джека, — сказала Норин и села обратно на диван. — Пусть он это сделает.

Довольно странным образом слова на букву «л» Хагстрему оказалось вполне достаточно.

— Ладно, — сказал он, хлопая в ладоши и затягивая меня в кружок. — Давай все это дело обсудим.

Теперь, на похоронах, Хагстрем и ББ стоят как раз позади меня, дожидаясь своей очереди отдать дань уважения своему покойному боссу и его семье. Я не спрашиваю у них, что случилось с Чесом — если захотят, сами расскажут. Надеюсь, не захотят.

Сбоку от себя я замечаю Одри, ту самую пожилую женщину, с которой Джек проводил столько времени. Сейчас Одри негромко разговаривает по мобильнику. Как обычно, она превосходно одета, очки идеально усажены на кончик ее носа. Одри чертовски похожа на добрую учительницу, которую приглашают в детсад перед началом первого учебного года, чтобы доходчиво объяснить детишкам, как хорошо им будет в школе.

Мы с Глендой двигаемся дальше в очереди, дожидаясь аудиенции с Папашей и Норин, которые принимают соболезнования в двадцати футах оттуда. Маска Папаши совсем обвисает, фальшивая кожа особенно сильно морщится под его скулами. Из-за этого он запросто кажется на десять лет старше. Наверно, так бывает, когда ты слишком потрясен горем, чтобы как следует накладывать утром лицевой клей. Или так просто бывает, когда ты теряешь сына.

Норин носит траур, и все же ее строгое платье плотно обтягивает ее бедра и великолепно подходит к ее человеческой шкуре. Совсем как Джекки Кеннеди-Онассис — горюет, но стильно.

— Она теперь главная? — спрашивает меня Гленда, пока мы продвигаемся вперед.

Я киваю.

— Мне казалось, главным станет Хагстрем, но все в свои руки взяла Норин.

— Имеет смысл, — говорит Гленда. — Ведь это она приказы по дому раздает.

Норин позволила Гленде остаться в одном из жилых помещений пентхауса Джека. Снаружи Гленде может быть небезопасно, рассудила Норин, раз она гадрозавриха, а с прошлой ночи к тому же известная сторонница бригады Дуганов. Таким образом у Гленды оказалась уйма бесплатной еды и столько настоя, сколько она могла заглотить, пока держалась тихо и не производила слишком много шума.

— С тобой славно обходятся, правда?

— Здесь, конечно, не Фонтенбло, — фыркает Гленда, — но тоже не так уж плохо.

— Послушай, здесь чертовски дешевле, чем в Фонтенбло.

— Ну да, и как раз в этом состоит твоя главная мечта насчет отпуска в Майами, — манерно протягивает Гленда. — Специальная мафиозная путевка — на две недели зарыться в высококлассных апартаментах, сожрать там и выпить все, что только сможешь. Да, такое здесь очень популярно.

Папаша едва замечает, когда мы с Глендой произносим ему слова соболезнования. Он сейчас в каком-то другом мире, и я не могу его за это винить. Отчасти мне даже хочется с ним туда прокатиться.

Когда я подхожу к Норин, она протягивает обе руки, чтобы прижать меня к себе. Я тоже крепко ее обнимаю. Норин уже по ту сторону слез — не сомневаюсь, последние два дня были слишком ими полны. Простое и целомудренное соприкосновение наших тел, кажется, теперь вполне ее удовлетворяет. Наконец Норин меня отпускает, и я медленно отступаю назад.

Гленда и Норин проходят через схожий, если не еще более официальный ритуал. Вскоре мы выбираемся из очереди и оказываемся в аудитории, где находим себе места и ждем начала службы.

— Так ты выяснил, что они сделали с Чесом? — спрашивает меня Гленда.

— Прямо сейчас я даже знать не хочу, — объясняю я. — Это не моя проблема.

Гленда пожимает плечами:

— Все-таки это ты его сдал.

— Не моя проблема, — повторяю я, сам едва веря этим словам. — Не хочу в это ввязываться.

— Вот как славно, — смеется Гленда. — Ты забавный парнишка, Рубио.

Служба начинается, и, понятное дело, она полна обычной чепухи, которую я уже сто раз слышал раньше. Священник болтает про то, каким столпом общества был покойник, как его все любили, как он хотел сделать мир лучше и тому подобное. Хотя, очень может быть, все это чистая правда. Если послушать, как о Джеке высказываются его люди, он отдавал серьезные деньги на благотворительность. Правда, он, судя по всему, ставил свою семью и своих друзей превыше всего остального, а потому все не так, как лжет нам священник. С другой стороны, хотел бы я хоть раз сходить на такие похороны, где все выкладывают как есть и принимают смерть за то, что она из себя представляет: за конец жизни, полной изъязнов. Когда я в конечном итоге загнусь, я не хочу ни цветов, ни цветистых фраз. Я просто хочу, чтобы кто-то встал над моим телом и объявил: «Винсент Рубио помер, и он от всей души надеется, что вам придется по вкусу бесплатный десерт». А потом пусть бы он швырнул меня в ту дыру, которая подойдет по размеру к моему трупу.

Однако Джек не оставил подобных инструкций, а потому нам всем приходится выслушивать какие-то поэмы, пару-другую мотивчиков, исполненных на арфе, а также сбивчивую речь Хагстрема, который, пусть и доверенное лицо Джека, все-таки не совсем

доктор Мартин Лютер Кинг в том, что касается выступлений на публике.

В самой середине службы басовый шепот разносится по толпе, и Гленда тычет меня в бок.

— А вот на это пара хороших яиц требуется, — шепчет она.

В зал входит Эдди Талларико. Он движется как пьяный носорог, медленно, но тихо переваливаясь по проходу, задевая ляжками за деревянные скамьи. С одного бока у него Шерман, а с другого — какой-то незнакомый мне член семьи Талларико. На шарообразную фигуру Эдди наброшено черное пальто — и это несмотря на рекордную жару, которую в этот жаркий августовский день обрушивает на Южную Флориду солнце.

— Да, это круто, — говорю я. — Этот парень совсем спятил. Прийти сюда после того, что он сделал.

Гленда выпускает сдавленный смешок.

— Они его на куски порвут.

— Нет, здесь они ничего делать не станут. А снаружи его пара десятков парней дожидается. Это просто шоу.

Служба продолжается как шла, не пропуская ни такта, но никто уже не уделяет никакого внимания священнику. Внимание всех, точно магнит, приковывает к себе Талларико — пятьдесят глаз сверлят ему башку. В какой-то момент Эдди делает жест в адрес Шермана, и тот достает из саквояжа стаканчик мягкого мороженого — точно такого же, какое ел Джек, когда его убили. Талларико надолго присасывается к соломинке, и его хлюпанье на какое-то время заглушает панегирик. Зал наполняется электрическим зарядом, переплетающиеся запахи десяти тонн яростных рептилий буквально забивают воздух.

Как только все заканчивается и священник отпускает нас с миром, Хагстрем с ББ вскакивают со своих сидений и окружают Талларико, а к ним на прицеп тут же садятся десять солдат. Я прячусь за ниспадающим складками платья Гленды — лучше, чтобы меня не видели.

Талларико не уделяет никакого внимания собравшимся по обе стороны от него народным массам. Он обращается напрямую к Хагстрему — как будто их в этом зале только двое.

— Конечно, примите мои соболезнования. Теперь, когда все это дело улажено, быть может, нам удастся поговорить о бизнесе.

Я совершенно убежден, что Хагстрем собирается ответить в манере, которая обеспечит похоронному бюро заказ еще по меньшей мере на десять гробов, но прежде чем он успевает вякнуть хоть слово, Норин выходит вперед и встает прямо перед жирной ряхой Эдди Талларико.

— Если хотите говорить, говорите со мной.

Щеки Эдди покрываются мелкими складочками, пока жирные губы растягиваются в ухмылке.

— С вами?

Хагстрем какое-то время медлит, затем отступает на шаг, позволяя Норин занять ее законное место во главе семьи Дуганов.

— Вот именно, — говорит она. — И если мы собираемся поговорить — а я обещаю вам, Эдди, что в один из ближайших дней мы непременно поговорим, — разговор пойдет на моих условиях.

Норин пристально смотрит на Эдди, и на какой-то момент они оказываются так глубоко сосредоточены друг на друге, что я почти опасаюсь, как бы они сейчас крепко не обнялись и обменялись нежными поцелуями. Эдди первым отводит взгляд, машет рукой, веля своим людям выйти из зала, и сам направляется к двери.

— Вы знаете, где меня найти, — говорит он. — Еще раз примите мои соболезнования. — С этими словами он исчезает за двустворчатой дверью помещения для гражданской панихиды в солнечном дне Майами.

После его ухода все немного психуют, рыча всякую всячину про неуважение, про то,

как они порвут его на бейфстроганов. В целом почти все это — праздная болтовня, рутинная бравада, исполненная посредственными трагиками. Когда речь идет о высоких чувствах, с Лоуренсом Оливье все эти ребята даже близко не стоят.

А вот главные персоны кажутся совершенно спокойны. Норин и Хагстрем стоят вплотную друг к другу, пока ББ куда-то звонит по мобильнику. Я решаю подойти к этому трио, но не успеваю я сделать и шага, как Норин поднимает палец, и я остаюсь на месте.

Норин буквально светится, даже среди этого мрачного окружения похорон, и такое впечатление мне обеспечивает вовсе не какая-то ее физическая атрибутика. Мне кажется, она унаследовала не только позицию Джека, но и его ум, его ауру, мгновенно впитала тот авторитет, который раньше принадлежал только ему.

И теперь запах манго, по-прежнему сильный после всех этих лет, несет в себе новую черточку. Возможно, я просто раньше никогда этого не замечал. С другой стороны, я был с Норин в достаточно интимных отношениях, чтобы знать каждый дюйм ее тела и каждый нюанс ее запаха, а потому это, скорее всего, недавняя перемена. Теперь Норин самую малость припахивает лимоном — совсем чуть-чуть, но все же достаточно, чтобы напомнить мне о том, что Джек, в той или иной форме, всегда будет здесь.

ББ резко закрывает крышку мобильного и подходит к Норин, шепча что-то ей на ухо. На секунду она кажется шокированной, нос ее морщится, словно она старается удержаться от чиха, но затем все проходит. Она что-то шепчет в ответ, ББ кивает, а потом Норин поворачивается ко мне и манит меня пальцем.

— Мы едем на кладбище? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Норин. — Никакого погребения не будет. Джек и похоронной службы не хотел, но я не могла позволить ему уйти хотя бы без нескольких слов.

— Просто прокатимся, — говорит Хагстрем, вставая и разглаживая складки на брюках. — Хочешь присоединиться?

Я смотрю на Норин. Та кивает.

— Пожалуй, да, — говорю я. — Позвольте мне взять Гленду...

ББ загромождавает мне путь.

— Мы прикажем кому-нибудь отвезти ее обратно в апартаменты.

Их обращение со мной неприятно напоминает мне то, как я вчера вечером разговаривал с Чесом. У меня возникает чувство, что поездка в этой машине может не пойти на пользу моему здоровью. Впрочем, я рыбой нырял в уйму скверных ситуаций, когда интуиция орала мне бежать сломя голову прочь, и всякий раз оказывался целым и невредимым. Если не считать сломанных ног. И швов. И двух вызовов в суд в качестве свидетеля.

— Звучит классно, — говорю я. — Где машина?

Отрубленная голова Чеса лежит в грязи, непоправимо отделенная от остального его тела. Раньше я никогда не видел Чеса без личины, а потому с первого взгляда не совсем понял, кто это такой. Просто еще одна диносская башка, рыло обращено к небу, никакого туловища или даже шеи не просматривается. По всей плоти идут короткие, глубокие порезы, каждый точен и профессионален. Однако я все еще могу почуять запах человеческого пота, пусть даже самый незначительный, и это мне все объясняет.

— Это Чес, — говорю я. — Вернее, меньшая его часть.

— Неплохая догадка, — отзывается Хагстрем. — Но проверка еще не закончилась.

Мы стоим в самой гуще мутного мангрового болота, наши брюки и ботинки сплошь покрыты густой флоридской грязью. Мы ехали битый час от помещения для гражданской панихиды, направляясь на запад по широкой пригородной улице. Дома вскоре освободили место магазинам, торгующим подержанной одеждой, и мастерским по ремонту автомобилей, которые внезапно сменились пунктами приема вторсырья. Дальше дорога вдруг расширилась до четырех транспортных полос, и нас со всех сторон окружили жилищные кооперативы и стройплощадки, принадлежащие всем империям массового производства, какие я только знал, и даже такими, каких я и представить себе не мог.

— Значит, мы сюда едем? — спросил я, вклиненный на заднем сиденье между Хагстремом и ББ. Норин сидела впереди и вела машину.

— Это Пемброк-Пайнс, — ответила Норин.

— А что здесь?

— Все. Ничего. Сам смотри.

Мы продолжили двигаться на запад и вскоре проскочили через коридор пригородов в откровенно сельскую местность. Здесь дома и лавки вскоре закончились, сменяясь тонкими, корявыми мангровыми деревцами и сильным запахом удобрений. Норин припарковала машину на чем-то вроде заброшенной стройплощадки. Мы вылезли наружу и дальше пошли пешком — все глубже и глубже в болота. Трижды за время нашей прогулки по этому пустынному участку Эверглейдов я слышал жуткое хлюпанье и обнаруживал, что мой правый ботинок полностью стянут с ноги вязкой грязью. По крайней мере, черт побери, они могли бы посоветовать мне обуться в кроссовки.

Норин, Хагстрем и ББ встают над отрезанной головой Чеса совсем как футболисты в центре поля, дожидаящиеся судейского свистка. Я не уверен, следует мне подойти туда и ввести мяч в игру или подождать, пока меня выпустят на замену.

— А где его туловище? — спрашиваю я.

— А это так важно?

— Да нет, не особенно, — говорю я. — Он вроде бы ни на что такое не жалуется.

Еще одна безмолвная пауза. Мне следует что-то сказать?

— Так что вы у него выяснили? — спрашиваю я, прикидывая, что такое начало подойдет не хуже любого другого.

— Очень многое, — отвечает Нелли.

— В самом деле?

— Ты просто удивишься, — продолжает он, — как мало уговоров для этого требуется. Джек всегда был щепетилен насчет подобного рода вещей. Однако, учитывая все обстоятельства, думаю, он бы нас понял.

Я оглядываюсь на голову Чеса, на узкие порезы по всему его рылу. Характер этих линий определенно указывает на пытку. Возможно, коготь; более вероятно — что-то неорганическое, вроде скальпеля или охотничьего ножа. Из-за этого неровный разрез под подбородком становится еще более непонятным. Если они все равно собирались применять при работе инструменты, зачем проявлять такую грубость в процессе обезглавливания? Такое ощущение, что голову Чеса просто отгрызли от туловища.

— Значит, он говорил, — замечаю я.

— Говорил, говорил и говорил, — откликается ББ, и они с Хагстремом обмениваются улыбочками. — Выдал нам номер пенсионного удостоверения своей мамы, вспомнил, со сколькими девушками в школе перетрахался... Угу, я бы сказал, что он очень даже говорил.

— Вот и отлично...

— Но для того, чтобы добраться до самой важной информации, много времени не потребовалось, — говорит Хагстрем, хлюпая по грязи и направляясь ко мне.

— То есть до шпиона.

— Верно, — отвечает Хагстрем. — До имени того парня в нашей организации, который выдавал важные секреты. Парня, который сработал на Талларико, чтобы Джекки подставить.

— Отлично, — говорю я, внезапно встревоженный тем, как ББ и Хагстрем осторожно меня окружают, — и еще больше тем, что Норин остается в середине, решительно не желая встречаться со мной взглядом. — Так что он сказал?

— Он сказал, — рычит ББ, — что того парня зовут Винсент Рубио!

Внезапно я оказываюсь в грязи. Лежу на спине, колено Хагстрема давит мне на грудь, а ББ тем временем крепко держит меня за ноги. Я пытаюсь хоть как-то его лягнуть, но в результате лишь вычерпываю доброе ведро грязи, в своей попытке высвободиться нешуточно огорчая восемнадцать других экосистем. Хотя не то чтобы прямо сейчас меня это волновало — я бы охотно поубивал всех ламантинов на земном шаре, если бы таким образом

смог вырваться на свободу.

— Дайте мне встать, — хриплю я.

— Забавно, — говорит Хагстрем. — Другой раптор с дерьмом в башке о том же самом просил.

Хагстрем даже не трудится снять перчатку — он просто выпускает когти наружу, и бритвенно-острые кончики легко прорезают латексовую кожу. Затем он начинает махать одним когтем у меня перед глазами, едва не задев край моего фальшивого носа.

— Для начала я с тебя всю личину сдеру — кусок за куском, — произносит Хагстрем голосом таким ровным и спокойным, словно читает по бумажке сводку о том, что над всей Испанией небо сегодня безоблачное. — А если по случайности кусок твоей настоящей шкуры задену... что ж, не обессудь.

Чем отчаянней я стараюсь вырваться, тем глубже тону в болоте. Бесполезно — у них весь рычаг, а у меня — совсем никакого.

— Погодите секунду, — говорю я, лихорадочно пытаюсь сохранить ясность мыслей. — Погодите-погодите... вы все не так поняли.

— Очень даже так мы все поняли, — скалится ББ. Но я целю не в него — я надеюсь, что стоящая в двадцати футах отсюда Норин меня слышит. Если у меня еще и осталась надежда, вся эта надежда на нее.

— Давайте снова все прокрутим, — говорю я. — Пожалуйста, прежде чем мы... прежде чем мы начнем. Давайте все снова прокрутим.

Хагстрем вздыхает и смотрит на ББ. Тот выразительно мотает головой. Ему не терпится приступить к пытке, и какая-то часть меня не может его за это винить. Хотя другой части меня хочется хорошенько дать той части по мозгам.

Однако Хагстрем оказывается умнее, чем я думал.

— Ладно, — говорит он. — Мы притащили того парня сюда, связали его и занялись делом. ББ вынул из рукава пару-другую фокусов, и тот парень раскололся.

— Как именно раскололся? — упорствую я.

— Сказал, что ты был тем самым чуваком. Вел двойную игру.

— Ясное дело, я ее вел, — говорю я им, и Хагстрем удивленно моргает.

— Вел, значит?

— Так ведь в этом и был весь план, разве нет?

Тут я чувствую, как давление на мои руки и ноги немного ослабевает — эти двое начинают врубаться в мое объяснение. И все же я остаюсь на месте. Если они хотят услышать всю историю, я должен оставаться в беспомощном положении.

— Я вернулся туда — к Талларико — и пробрался в дом. Дал им понять, что я целиком за них, раптор до мозга костей. Сказал, что буду вести двойную игру, снабжать их информацией. И Чес, понятное дело, должен был сказать вам, что это я играю на обе стороны. И все правильно — конечно, я играю. Только я делаю это для вас, ребята, а не для них.

Тут я, пожалуй, перегнул. ББ снова начинает давить мне на ноги, и я начинаю чувствовать, как грязь понемногу просачивается сквозь микроскопические швы в моей личине. Хагстрем снова приставляет коготь к моему горлу и смотрит на стоящую в пяти ярдах оттуда Норин, ожидая инструкций.

— Скажи.

Норин молчит, глаза ее плотно закрыты. Дышит глубоко. Я пользуюсь этим моментом, чтобы извиниться сразу перед всеми религиями, какими я все эти годы пренебрегал, и каждой в отдельности, тем самым обеспечивая себе их поддержку.

— Норин? — опять спрашивает Хагстрем. — Мне нужен ответ.

Я наблюдаю за тем, как она стоит неподвижно, разбираясь с теми вопросами и сомнениями, что выскакивают у нее в голове. «Повлияют ли на ее ответ наши прежние отношения? — лихорадочно думаю я. — Не утопит ли меня в болоте тот факт, что я бросил ее на автобусной остановке в день ее восемнадцатилетия?»

— Дайте ему встать. — Всего три слова, но такие сладостные.

Хагстрем и ББ отступают, позволяя мне самому с трудом выбираться из грязи. Моя одежда черт знает на что похожа, а личине очень скоро потребуется помощь химчистки, но на данный момент я счастлив уже тем, что мои легкие продолжают наполняться воздухом.

— Спасибо, — говорю я Норин. — За то, что ты мне поверила.

— Я тебе не верю, — говорит она, и внезапно Хагстрем с ББ опять собираются взяться за дело. Однако Норин их отгоняет. — Но я верю, что ты не предатель. Тем не менее есть что-то, о чем ты нам не рассказываешь.

Я пытаюсь ухмыльнуться. Мои зубы в грязи.

— У каждой девушки свои тайны.

Хагстрем расхаживает взад-вперед, размышляя. Интересно, почему его ботинки крепко держатся на ногах в отличие от моих?

— Хочу вот о чем тебя спросить, — говорит он. — Почему именно сейчас? Почему все это обрушивается на нас сразу после того, как ты заявляешься в город? По-моему, если бы у них в семье Дуганов был стукач, они бы уже давно все это провернули.

До жути хороший вопрос. Можно сказать, что у меня просто есть свойство оказываться в самом центре всех шквалов собачьего дерьма, но такой ответ вряд ли устроит Нелли.

— Единственное, что приходит мне в голову, — говорю я, — это что кому-то очень хочется, чтобы казалось, будто я во всем виноват. Чтобы все это имело связь с моим появлением.

— А зачем?

Хорошего ответа у меня не находится, но этот вопрос уходит на самый верх моего списка.

— Ладно, здесь мы закончили, — говорит Норин. Затем она нагибается, обхватывая пальцами голую голову Чеса, слегка зарываясь в плотную, застывшую плоть. — Вот, позаботьтесь. — Норин швыряет голову в руки Нелли, резко разворачивается и топает по грязи Эверглейдов назад к стройплощадке. — Мы вас в машине подождем. Винсент?

Я следую за Норин по ее следам, попеременно ненавидя себя за подхалимское поведение и испытывая колоссальное облегчение от того, что я все еще жив, чтобы хоть как-то себя вести. Как только мы оказываемся вне поля зрения Нелли и ББ, я позволяю себе минимальный комфорт.

— Было совсем рядом, — говорю я. — Я думал, они собираются...

— Они как раз собирались, — цедит сквозь зубы Норин. — И мне следовало им это позволить.

— Что? Но мы же все обсудили...

Норин резко останавливается и топает ногой, выбрасывая целую волну грязи.

— Весь мой разум твердит мне о том, что ты прямо сейчас должен пойти на корм аллигаторам. Больше ни слова об этом, Винсент, хорошенько это пойми.

Я просто киваю. Нет никакой возможности впустить Норин к себе в череп, продемонстрировать ей, что я испытываю по поводу тех дней, когда мы были вместе — и, еще важнее, тех дней, когда мы были врозь.

— Не время ли сейчас поговорить про ту автобусную остановку?

— Нет, — выразительно отвечает Норин. — Про ту автобусную остановку мы никогда говорить не будем.

— Норин...

— Нет, — повторяет она. — Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я сказала тем парням, что передумала.

— Разве я что-то про автобусную остановку сказал?

Норин скупно улыбается. Когда мы добираемся до машины, она поворачивается и открывает для меня дверцу. Жест выходит почти враждебным, как будто она только что подобрала меня у торгового центра для случайного свидания. Теперь нет никаких сомнений в том, за кем в наших отношениях сила.

— Послушай, Винсент, — говорит Норин, — я хочу, чтобы ты кое-что знал. Я доверяю тебе, потому что, как мне кажется, достаточно хорошо тебя для этого знаю. Я знаю твой запах не хуже своего собственного, а потому я верю, что ты никогда бы не стал намеренно вредить Джеку. Однажды ты причинил мне боль, Винсент, и вряд ли ты когда-либо поймешь, какую. Теперь я оставила ту боль позади — для этого я достаточно сильная личность. Но это не значит, что я смогу снова перенести такой удар. Всю эту похлебку ты почти двадцать лет назад выхлебал. Если ты опять меня предашь — если ты каким-то образом предашь мою семью, — тогда прошлое уже не будет ничего значить.

— Понимаю, — говорю я ей — и черт возьми, я действительно понимаю. Потому что в полной боеготовности меня держит вовсе не новая грань личности Норин, способность к холодному расчету и внимательному наблюдению за битвой, которую она унаследовала от брата. По-настоящему меня пугает самая фундаментальная из стихий: ее женственность. Нет в мире ничего более страшного, чем уязвленная самка. Причины боль женщине один раз — она зализывает свои раны и кое-как утащится в лес. Причины боль женщине дважды — и она внезапно почувствует себя загнанной в угол. Некуда бежать, негде спрятаться и нечего делать, кроме как обрушиваться на своих врагов и забирать их вместе с собой в могилу.

13

Перед бойней идет дождь.

Южная Флорида, как мне сказали, готовится к чудовищному урагану. Для меня это звучит очень даже неплохо — все, что убирает влагу из воздуха и опускает ее на землю, не может быть таким уж скверным.

Майами — невероятно плодородная почва для вскармливания особого подвида дикторов новостей, известного как метеорологи или синоптики. Когда эти самые синоптики по-настоящему берутся за дело, то выплевывают в окружающую среду больше горячего воздуха, чем сами погодные системы. Облаченные в модные костюмы, с еще более модными прическами на головах, эти люди в любой момент готовы напугать или утешить, безжалостно швыряясь горстями значений ширины и долготы во всех, кто не знает, как переключить телевизор на другой канал.

Но всех там побивает один парень по имени Брайен (фамилии я не помню), главный синоптик Майами, вся карьера которого строится на его способности придумывать шестнадцать синонимов для слова «дождь». Этот чувак богатеет не за счет хорошей или плохой погоды, а за счет общего объема погоды — точнее, общего объема болтовни про нее.

— Ураган Алиса достиг статуса пятой категории, — сообщает Брайен зрительской аудитории, среди членов которой, к несчастью, пребываю и я, — а это значит, что скорость ветра превысила значение ста пятинадцати миль в час. — Концовку фразы синоптик произносит так, как будто число 115 представляет собой нечто совершенно новое для человеческого разума, как будто это некое инопланетное понятие, которое мы все равно никогда не поймем, как бы упорно он нам его ни растолковывал.

— Алиса, похоже, не торопится, — продолжает Брайен, завершая метаморфозу шторма из неодушевленного комплекса ветра и дождя в полноценную человеческую личность, наделенную чувствами и важной способностью к принятию решений. Я уже почти рассчитываю услышать в напряженной тишине его слова: «Сегодня Алиса заказала на завтрак бутерброды с ветчиной, однако состояние ее так неустойчиво, что она в любой момент может отказаться от бутербродов и потребовать себе рыбный салат».

Но вместо этого Брайен отгружает нам еще более ценную информацию.

— Двенадцать из тринадцати компьютерных моделей предсказывают удар урагана по округам Дейд и Броуард приблизительно между одиннадцатью и одиннадцатью сорока пятью вечера. Око шторма приходит на берег где-то между Хоумстедом и Халландейлом.

— Вот классно, — жеманно протягивает Норин, спеша к телевизору с картонной коробкой в руках. — Плюс-минус пятьдесят миль. Спасибо за предупреждение, Брайен.

Приготовления к урагану в пентхаусе Дуганов уже в полном размахе. Металлические ставни медленно раскатываются по высоким окнам с толстыми листовыми стеклами; шезлонги затаскиваются внутрь, пока мы очищаем патио от всей мебели и всего мусора. Когда ветер дует с силой за сотню миль в час — прошу прощения, сто пятнадцать миль в час, — как-то не по-соседски оставлять потенциальные метательные снаряды шести футов в длину на открытом пространстве. Все ведут себя как черепахи, втягивающие головы в панцири безопасности ради. А где-то на окружающей территории бригада гадрозавров наверняка прикидывает, как бы обтянуть все это место гигантским презервативом.

Из-за близости Внутренней протоки и Атлантического океана всем к востоку от трассы США-1 приказано эвакуироваться, и в эту категорию попадает милейший народ, что обосновался на Звездном острове, а также Норин и компания. Мафия, даже имея везде хорошие связи, от природных катастроф не застрахована.

— Куда эту коробку поставить? — спрашивает Гленда, ковыляя мимо с тяжелой ношей на плечах.

— За стойку, — говорит ей Норин. — Только поаккуратней...

— Да-да, сестренка, врубаюсь.

Нервы по всему пентхаусу вконец истрепаны, и непрерывный зуд по радио и телевизору на пользу в этом смысле не идет. Можно было бы предположить, что у этих распространителей новостей есть некое обязательство не поднимать панику, однако их пламенные предсказания о потенциальных разрушениях от урагана только еще больше распаляют и нервируют местных жителей.

— Итак, Джейн, что мы здесь видим, — вещает одна из говорящих голов. — Мы видим то, что перед нами шторм колоссальных масштабов...

— Просто колоссальных, Джон...

— А если вспомнить ураган Эндрю, то Алиса, пожалуй, еще серьезнее. Если же вспомнить Глорию...

— Просто колоссальных масштабов, Джон.

Я заканчиваю убирать с патио последнюю мебель и оттаскивать ее в гостиную наверху, после чего решаю малость отдышаться на одном из стульев. Мышцы болят, спина ноет. Хвост занемел под личиной, и если бы не возможность того, что кто-то из охранников кооператива поднимется проверить, как мы тут продвигаемся, я бы вытащил придаток наружу и несколько минут от души им помахал.

Норин подтягивает еще один стул к моему. Двигается она медленно и плавно. У этой девушки еще остались силы, и я понятия не имею, откуда она их черпает. Я устало ей улыбаюсь, и Норин вспыхивает улыбкой в ответ.

— Как дышишь? — спрашиваю я.

— Нормально. Осталось еще два часа, но похоже, мы уже все закончили. Если бы не Гленда, тяжело бы нам пришлось. Эта девушка точно знает, что значит пошевеливаться. — Норин наливает себе рюмку настоя и залпом ее выпивает. — Ах, — тут же говорит она, — извини, я совсем забыла...

— Ничего страшного. Меня это больше не достает. — Лжец! После такого тяжелого дня, как сегодняшний, мне обычно ничего так не хочется, как найти себе вдоволь базилика, чтобы прожевать, и уютное местечко, где бы свернуться в клубок. Но вот тебе чертова реклама. У меня в голове горит яркая вывеска: «ТЫ РАБОТАЕШЬ НА ДВЕ ВРАЖДЕБНЫЕ МАФИОЗНЫЕ СЕМЬИ. ТВОЕГО САМОГО СТАРИННОГО ДРУГА ТОЛЬКО ЧТО УБИЛИ. НИКТО ЗДЕСЬ НЕ ДОВЕРИТ ТЕБЕ ДАЖЕ НА НЕПОГАШЕННЫЙ ОКУРОК ХАРКНУТЬ, А ТЕПЕРЬ НА ТВОЮ ЖАЛКУЮ ЧЕШУЙЧАТУЮ ЖОПУ ОБРУШИВАЕТСЯ УРАГАН СТОЛЕТИЯ. И ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ВОСЕМНАДЦАТЬ СОТЕН ФУНТОВ МЕБЕЛИ ПЕРЕТАЩИЛ. ТВОИ ЭНДОРФИНЫ УЖЕ КОПЫТА ОТБРАСЫВАЮТ. ВРЕМЯ БАЗИЛИКА!»

— А где Нелли? — наобум спрашиваю я, лишь бы увести разговор от трав. — Вроде как странно, что его здесь нет.

— Его мама живет в другом конце города, — отвечает Норин. — Мы все направляемся в безопасный дом в Лодерхилле, но она не пожелала так далеко тащиться, и Нелли пришлось забрать ее в убежище.

Ага. Значит, Нельсон Хагстрем маменькин сынок. Кто бы мог подумать?

Снаружи небо ясное как никогда, солнце ярко сияет на синих водах океана, ветер вообще куда-то сгинул.

— По-моему, там все хоккей, — говорю я.

— Затишье перед бурей. Всякий раз так бывает. — Норин ерзает на стуле, и поверх запаха манго до меня доходит самая малость лимона. Что на очереди?

— Послушай, Винсент, — начинает она, — я думаю, ты должен провести шторм на юге.

На юге. Норин имеет в виду — с Эдди Талларико и его бандой.

— Я бы лучше остался с тобой, — говорю я. — Проследил, чтобы у тебя все было хорошо.

Норин мило улыбается, но я знаю, что речь все равно идет только о деле.

— Во время шторма будет масса суматохи, и мне нужна там пара глаз. Они думают, что ты на них работаешь. И прекрасно. Если... если что-то пойдет не так, мне нужно будет об этом знать.

— Значит, шансов на то, что вы с Эдди зареете топор войны, никаких? Прежде чем все это дело... выйдет из-под контроля.

Норин отворачивается:

— Все не так просто.

— Так всегда говорят.

— Может, так оно и есть.

Я никогда об этом не думал.

— Тут дело в чести? Во всех этих мафиозных делах?

— Нет-нет...

— Он убил твоего брата. Я это понимаю. Я это знаю. Я также это чувствую. Не так, как ты, но я это чувствую. Тогда ты убиваешь одного из них, а потом они должны выяснить и убить одного из твоих парней, а потом...

Норин вскакивает и пинком отбрасывает стул в сторону. В глазах у нее вдруг вспыхивает огонь.

— Здесь кое-кто есть, — шипит она. — У Талларико среди нас есть свой парень. Он кормит его информацией. Рассказывает ему, что мы делаем, о чем говорим. Знаешь, что в результате получается? Предательство! Паранойя!

— Это слишком круто...

— Я пленница в собственном доме. Я никому не могу доверять...

— Я знаю...

— ...потому что один из них... — Тут Норин сбавляет темп, снова обретая самообладание, но эмоции все еще вовсю в ней бурлят, окрашивая ее фальшивую кожу в темно-бронзовый цвет. — Один из них убил Джека, Винсент. И я знаю, что в следующий раз они будут стрелять в меня.

Конечно, она права. Норин теперь следующая логичная мишень в списке Талларико, а раз она не может облачиться в рыцарские доспехи, окружить себя неистовыми, прекрасно обученными самураями и оборудовать весь дом антитеррористическими устройствами, нет никакой возможности дать ей стопроцентную гарантию безопасности.

Впрочем, эту тему лучше не поднимать.

— А в чем тут вообще дело? — спрашиваю я. — Две семьи, вражда... Здесь четырнадцать-пятнадцать разных бригад, так что такого особенно скверного между рапторами и гадрозаврами?

— Дело в Эдди, — просто отвечает Норин.

— Да уж, он псих еще тот.

— Когда дела вел его брат, все было по-другому. Всем хватало места, и никто особо не жаловался. Хотя была война... черт, еще лет за пятнадцать-двадцать до того времени, как мы сюда переехали, и она искалечила семьи. Вообще-то я слышана только рассказы, но война действительно была. А потом, когда пыль осела, все они собрались вместе, заключили мир, и мы с Джеком попали сюда уже в мирное время. Когда Франческо заправлял гадрозаврами, а Фрэнк отвечал за рапторов... тогда все было хорошо. Все работало.

Я решаю ее подтолкнуть.

— А потом Фрэнк передал штурвал Эдди.

— Да, Эдди.

— Значит, именно его надо за все это винить?

Норин пожимает плечами и отворачивается.

— Часть вины тут многие должны взять на себя.

Двухтоновый звонок от телевизора — уже 7:00 вечера, а значит, сейчас начнется новый раунд тактики запугивания. Верные своей традиции, дикторы уже нацепили мрачные физиономии — глаза полузакрыты, щеки ввалились, словно всех их детей только что у них на глазах сожрали вараны. С другой стороны, они, очень может быть, специально снимают этот эпизод для нового фильма ужасов.

— Алиса обрушивается на побережье, — практически орут дикторы, и восторг в их голосах напрочь опровергает их выдержанное, предписанное правилами Федеральной комиссии связи поведение, — и мы вышли в прямой эфир, чтобы донести до вас, как все будет рушиться. Окончательные вычисления продолжаются для следующих районов...

Норин вырубает ящик и швыряет пульт в другой конец помещения.

— Вперед, — говорит она. — Делай то, что мне от тебя требуется.

Я встаю и потягиваюсь, от всей души желая забраться в ванную комнату и хоть ненадолго выпустить на свободу свой хвост. Однако меня ждет долгая поездка на такси, а транспортные потоки от побережья наверняка создадут мне дьявольские проблемы. Всех уже наверняка поставили на уши по-садистски любезные синоптики седьмого канала и эта их Алиса — Мать Всех Штормов.

— Может, мне кто-нибудь такси вызовет?

— Сейчас? Никакого такси ты не найдешь — все таксисты дома. Опускают ставни, забирают досками все, что только могут. Мы одолжим тебе машину.

— Я не могу...

— Не будь идиотом, — говорит Норин. — Бери ее.

— Но...

— Все, иди.

Спорить с Норин бесполезно, и в конце концов я беру напрокат превосходный автомобиль — «мерседес-600» 1998 года. Более чем солидную немецкую машину выкатывают из гаража на подъездную дорогу к самому вестибюлю, и она ждет там моего прибытия. Я плюхаюсь на роскошное кожаное сиденье, контуры которого не иначе как обласкивают мое тело.

— Ух ты, — говорю я Норин, регулируя положение зеркала заднего вида — при помощи электромоторчика, черт побери, не иначе. — К такому я мог бы привыкнуть.

— Не советую особенно привыкать, — отвечает она. — Раньше это была машина Джека. Еще когда... еще когда он мог ходить.

Норин отворачивается, запинка в последней фразе выдает ее скорбь. Я подлаживаю поясничную опору, чтобы стало помягче моему измученному хвосту.

— Да, кстати, — говорю я, высовывая голову из окна, — может, мне что-то такое полагается делать? В плане безопасности?

— Тина чего?

— Ну, в Лос-Анджелесе, когда землетрясение, тебе полагается скрючиться у дверного прохода — для структурной поддержки. Такого рода вещи. Чтобы я немножко мертвым не стал.

- Если крыша слетит, беги в ванную комнату.
- Если крыша слетит?
- Ага. Беги в ванную комнату и залезай в ванну.
- Зачем?

Норин несколько секунд размышляет.

- А черт его знает. Так учат.
- В ванную комнату. В ванну. Понятно.

Я машу Норин на прощание, а в голове у меня снова и снова прогоняется та ее фраза — «если крыша слетит, если крыша слетит». Я воображаю себе процесс — дранка рвется, древесина скрипит, все строение разлетается как игрушечный домик злобной дошкольницы — «если крыша слетит, если крыша слетит» — вопли ужаса, глаза, обращенные к небу, когда оно внезапно рвется, и ветры стремительно тянутся вниз, точно гигантские пальцы, чтобы заварить жуткую кашу и прервать еще толком не прожитые жизни, — «если крыша слетит, если крыша слетит»...

И я запускаю мотор машины...

Лишь долю секунды спустя понимая, что я только что завел личный автомобиль знаменитого мафиозного босса...

И выжил, чтобы об этом рассказать. Легкое гудение двигателя вознаграждает мой поворот ключа, и я расслабляюсь на сиденье, облегченно выдыхая. Норин, должно быть, заметила выразившуюся у меня на лице тревогу, потому что она просто смотрит на меня, смеется и говорит:

— Трах-тибидох.

Немало времени потребовалось, чтобы как следует отладить все в этом «мерседесе» — Джек был куда крупнее меня, а потому все настройки сиденья и зеркал были сделаны с учетом его габаритов. К счастью, взрывчаткой парни Талларико, похоже, не балуются. Будем надеяться, что с тормозами они тоже не химичат.

В конечном итоге я заставляю магическую формулу машины соответствовать моей собственной и вывожу чудо немецкой технической мысли по скату подъездной дороги, направляясь к воротам...

И едва не врезаюсь в бежевый «бьюик»-седан, что пулей выстреливает из гаража. Я ударяю по тормозам, а моя ладонь машинально нажимает звуковой сигнал. «Бьюик» стремительно проскакивает вперед, не уделяя мне почти никакого внимания, но я успеваю заметить пассажиров.

Девушки с фабрики звезд. По меньшей мере пять азиаток плотно упакованы на заднем сиденье. А ведет машину не кто иная, как недорослая мадам Одри, причем шарик ее седых волос совсем чуть-чуть возвышается над рулем. Сперва меня удивляет, как она вообще может водить, когда почти ни черта не видит, а потом, когда я вспоминаю, что она чуть было не врезалась в первый же попавшийся ей по пути «мерседес», меня уже мало что удивляет.

Прямо сейчас ни на какие боковые маршруты у меня времени нет — если я сию же секунду не помчусь напрямик к Талларико, Алиса нагрянет раньше, чем я туда доберусь.

И все же я не в силах упустить такой чудесной возможности — шанса разузнать немного больше про Одри и этих вездесущих девушек. Я сажусь на хвост к «бьюику», позволяя нескольким машинам расположиться между нами, пока мы следуем в вялом транспортном потоке, оставляя позади пляжи, пересекая трассу И-95, направляясь ближе к центру округа. Дома здесь поменьше размером, газоны перед ними неухожены. Сорняки душат окружающую траву, и у меня создается впечатление, что это не совсем та версия Флориды, которую обычно рекламируют в туристских проспектах.

Выцветший указатель на обочине дороги гласит: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОПА-ЛОКУ. Неудивительно, что это место так запущено — очень трудно гордиться своим городишкой, когда ты не можешь произнести его название, не меняя при этом выражения лица.

Я следую за «бьюиком» по целому ряду коротких, равномерно расположенных улиц. Дома украшены обширным набором всяких неоновых тонов. В Лос-Анджелесе тебя в темпе вышвырнут из окружи хотя бы за попытку обсуждения подобного художества — а здесь кажется знаком доблести выплеснуть на штукатурку сотню бутылок «пептобисмола» и назвать это роскошью.

Одри невесть как умудряется припарковать «бьюик» на небольшой подъездной аллее, сшибая по пути двух фламинго на лужайке. Я остаюсь в пяти домах позади и закатываю там на пустую стоянку, надеясь, что быстро удлиняющиеся тени прикроют «мерседес».

Девушки из дома Дуганов выбирают из «бьюика» и топают к небольшому крыльцу. Один стук в дверь, и несколько секунд спустя кто-то им открывает, позволяя войти. Одри тоже проходит внутрь.

Вскоре она снова появляется снаружи, ведя четверых девушек обратно к машине. Однако эти девушки другие — личины похожи, но я подмечаю перемену в их общем запахе. Дверь захлопывается, а «бьюик» откатывает от дома и едет дальше по улице.

Секунд тридцать спустя я прокрадываюсь к крыльцу, интересуясь, нет ли там окна, в которое можно заглянуть, или какой-то дырки, через которую я сумел бы туда взглянуть...

Первым делом мне в ноздри ударяет запах. Да, я лос-анджелесский детектив и провел немало дел, которые отправляли меня на родину бедности и запустения. И хотя на американских просторах на сей счет идет кое-какое серьезное состязание, я знаю, что когда дело доходит до чистой, беспримесной деградации, трущобы Лос-Анджелеса побить очень сложно. Осыпавшиеся потолки, несуществующий водопровод, крысы, использующие самые разные бытовые устройства в качестве игровых площадок, роскошная настенная живопись с не менее впечатляющими надписями.

Было у меня однажды дело, которое завело меня в Лачуги, райончик из четырех кварталов рядом с лос-анджелесским Маленьким Токио, место, где Американская Мечта резко ударила по тормозам, врезалась в уличный фонарь и была расплющена метеоритом. Листы голого алюминия, наспех сбитые гвоздями, образуют там импровизированные убежища, лагерь народа, лишенного всяких иллюзий и привилегий.

Люди, диносы и те дикие существа, которых там считают домашними любимцами, упаковываются в эти самодельные кабинки в надежде хоть на какую-то защиту от стихий. По трое на одну койку — голова к ногам, хвост к когтям — как получится.

Именно тогда я в первый раз почуял этот запах. Тогда я от всей души понадеялся, что тот же раз станет и последним. Жуткая вонь от блевотин, горькая кислятина, буквально плавала в воздухе, но дело было не в этом. Другой смрад шел от разложения, болезненно-сладковатой дряни, которая выворачивает тебе желудок и в то же самое время его вворачивает. Но дело было и не в этом. Сегодня, как и тогда, мне потребовалось несколько секунд, чтобы четко распознать этот запах, но вскоре я понял, что он абсолютно тот же самый.

Запах покорности.

Этот запах словно бы говорит: «Все, сдаюсь, с меня довольно. Лучше уже никогда не станет». И он куда хуже смрада самого зловонного труп, самого заплесневелого куска сыра. Это запах смерти — причем не тела, а духа, — и его до невозможности тяжело принять.

Пока я взламываю переднюю дверь и вхожу внутрь, я понимаю, что вонь покорности здесь буквально слиплась в туман, в жуткую серую пелену, обволакивающую все вокруг подобно толстому слою пыли. Гостиная — если ее так можно назвать — щеголяет единственным диваном года эдак 1969-го, светло-коричневая шотландка которого заляпана пятнами от тысяч спиртных напитков, большинство из которых на химический анализ лучше не отдавать. Черно-белый телевизор с двенадцатидюймовым экранчиком, у которого не хватает как минимум одной ручки, так и простреливается статикой, картинка то появляется, то пропадает, но мне тем не менее удастся различить там славного синоптика Брайена, по своему обыкновению предсказывающего всякие страсти небесные.

Из задней комнаты доносятся звуки — и запахи. Пробираясь по коридору, я

пригибаюсь пониже и ступаю потише. Девушки разговаривают на каком-то азиатском языке, который мне никогда в жизни не расшифровать, если только они вдруг не станут излагать меню суши-бара. Не сомневаюсь, мое вторжение их встревожит, так что лучше мне было бы остаться в коридоре и помолчать.

— Привет, девчонки, — бодро говорю я, входя в комнату. — Как дела?

Я ожидаю, что девушки дико заверещат и позовут на помощь, но они лишь мельком меня оглядывают и возвращаются к своей работе, состоящей из невразумительной болтовни и безделья. Комната оклеена облезающими обоями, и там аккуратно расставлены десять коек. В противоположной стене имеется еще одна маленькая дверца. Поскольку никто здесь особых преград мне не ставит, я решаю заглянуть дальше.

За дверцей в крошечную каморку невеста как втиснута четыре койки, и на каждой из них лежит орнитомимка, лишь наполовину в личине. Туловища и лица по-прежнему человеческие, а все ниже талии — расслабленное и рептильное. Самая соль в том, что все девушки лежат на боку, а на хвостах у них окровавленные повязки.

— Что случилось? — спрашиваю я, пододвигаясь к девушке, чей запах кажется мне знакомым.

Азиатка поднимает взгляд, и по ее глазам я вижу, что здесь не обошлось без приличной дозы трав.

— Мистер Винсент? — спрашивает она.

— Да-да, это я. Я тебя знаю, верно? Мы у Дуганов виделись? — Она кивает. — С тобой все хорошо? Тебе больно?

Девушка мотает головой, хотя совершенно ясно, что она прошла через что-то очень серьезное.

— Нам дают пожевать до и после, — вздыхает она. — Мне не так уж плохо.

В главной комнате у меня за спиной какое-то гроыхание. Я разворачиваюсь и смотрю в дверцу. Сутулая пожилая самка, судя по всему, тоже орнитомимка, почему зря несет девушек на своем родном языке. Она в каком-то приплясе продвигается по истертому до дыр ковру. Ее короткие, скачущие шаги заставляют меня задуматься, не обрезали ли ей в детстве когти.

— Вам лучше уйти, — говорит девушка, и я опять поворачиваюсь к ней. — Она будет сердиться, что вы здесь. Нам нужен отдых.

— Я уйду. Но сперва ты мне скажешь, что случилось с твоим хвостом.

— Мне его отрезали, — говорит девушка с таким видом, как будто ей всего-навсего сделали маникюр.

— Кто?

— Дама.

— Дама? — переспрашиваю я. — Какая дама? Как она выглядит?

— Пожилая дама на корабле. — Когда девушка пытается сесть, гримаса боли перекашивает ее лицо. Она сует руку в сумочку коричневой кожи, пришитую сбоку к койке, и вытаскивает оттуда пригоршню листьев. Собственно, даже не листьев — товар никудышный, в основном стебли и семена, — однако она вталкивает все это себе в рот и жует. Я борюсь с желанием поцеловать ее и всосать весь товар себе в глотку. Считанные секунды спустя боль утихает, и девушка снова расслабляется.

— Это совсем не так скверно, — говорит она, протягивая руку вниз и поглаживая повязку на жалком остатке хвоста. — Больно только, когда он опять отрастает.

— Что? Кто отрастает?

— Хвост. Он чешется. Ужасно чешется.

Я прикидываю, что за бедную девушку говорят травы.

— Хвосты снова не отрастают, — говорю я ей, разрушая все мечты из волшебной сказки. Должно быть, девушка уже предвкушала тот момент, когда снова станет размахивать своим чешуйчатым придатком на ветру. — Если хвоста нет, его уже никогда не будет.

— У меня хвост отрастает. И у других девушек тоже. Сейчас уже третий раз. — Тут

девушка подается вперед и почти радостным шепотом сообщает: — Еще четыре раза, и я смогу вернуться домой.

Все это звучит как полная чушь. Конечно, у диносов имеется свой особый набор навыков, но отращивание отрезанных хвостов в этот набор не входит. В конце концов, плоть, кости и нервы — это плоть, кости и нервы. Когда тебе их отрезают — все, матч окончен.

Как только я наклоняюсь, чтобы поближе взглянуть на ее хвост и, быть может, прикинуть, какой скотский фокус проделывают с этими несчастными, ничего не подозревающими девушками, то тут же получаю шваброй по голове.

— Вон! — орет старая карга, которая по-тихому сумела проникнуть в дверцу у меня за спиной. Затем следует еще один удар шваброй, но на сей раз я успеваю увернуться, и щетка лишь гладит мне щеку. Да, эта дама уже в возрасте, но обращаться с чистящей принадлежностью она умеет так, что любо-дорого.

— Я просто хотел несколько вопросов задать...

— Вон! — снова орет старуха, но теперь уже не машет шваброй, а шаркает к комоду. По тому, как она движется, я догадываюсь, что в комод у нее есть оружие куда грознее нынешнего. Пожалуй, я смог бы принять на себя всю огневую мощь сварливой карги, но все же не слишком достойно сражаться с персоной втрое себя старую и к тому же из прекрасного пола.

— Все, ухожу, уже ухожу. — Я даю задний ход из каморки, а старуха тем временем вытаскивает из комода старинный шестизарядник. Это оружие даже Джесси Джеймс наверняка посчитал бы антиквариатом, и все же у меня нет сомнений, что оно вполне способно внедрить в мое тело маленькие кусочки свинца и тем самым вызвать крупный дискомфорт. Я резко разворачиваюсь и трусцой направляюсь к выходу, через плечо оглядываясь на престарелую Веру Фигнер.

Но тут моя нога задевает за порог крыльца, и я вылетаю на переднюю дорожку. Делая там несколько кувырков, я в конце концов застреваю в грудке камней и сохнувшей грязи.

— Только не говори мне, блин, что он мою работу тебе отдал! Проклятье!

Поднимая ошалелый взгляд, я обнаруживаю стоящего надо мной Шермана. Бедняга вовсю бьет себя ладонью по лбу и ругается на чем свет стоит. Тогда я с трудом поднимаюсь на ноги, хватаю Шермана за руки и пытаюсь его успокоить.

— Брось, Шерм. Слушай меня. Глубокие вдохи. Раз-два. Раз-два. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Выдох-вдох.

Несчастный чувак совсем убит, его и без того обвислые щеки свисают еще ниже.

— Пойми, Рубио, мне надо семью содержать. Если Эдди пытается меня заменить...

— Да брось ты, забудь, — говорю я Шерму. — Я туда по своей инициативе зашел. Девушек проверял.

— Правда? — спрашивает Шерман, широко распахивая глаза. Сейчас он совсем как пятилетний ребенок, которому до смерти хочется поверить, что те утопленные щеночки будут веселиться вместе с другими дворняжками в собачьем раю.

— Правда. А ты зачем сюда прибыл?

— Девочек сбросить. Эдди не хочет, чтобы они по отелю шастали.

— По какому отелю?

— Эдди заколотил дом досками. Сказал, хочет, чтобы мы перебрались дальше на материк, в какой-нибудь отель в центре города. — Шерман смотрит на часы. — И нам лучше поторопиться, если мы еще хотим одно задание выполнить.

Мне это не слишком понравилось.

— Какое задание?

— По дороге скажу. Прыгай в машину.

Несмотря на необходимость строить из себя скромнягу перед Шерманом, я никак не могу оставить «мерседес» Джека в центре Опа-Локи на время урагана. Норин вряд ли обрадуется, если я верну ей машину без колес, мотора, транзистора и стереосистемы.

— У меня тут машина, — говорю я, кивая в сторону дороги.

Шерман бросает всего один взгляд на «мерс», и глаза его удивленно распахиваются.

— Черт, — говорит он, — классная тачка, Рубио. И чем-то она мне знакома.

— В самом деле?

— Угу. — Мы проходим четверть квартала до автомобиля, и Шерман щелкает языком.

А потом...

— Погоди-ка погоди, — говорит он. — А это, часом, не Джека Дугана машина?

Я хохочу.

— Уговорил ту шлюху позволить мне этот «мерс» поводить. Давалка еще та.

— Приятель, я черт знает сколько лет эту машину не видел. С тех самых пор, как... — Тут ностальгическое выражение у Шермана физиономии сменяется мрачным. — Только не говори мне, что ты на ней сюда приехал.

— Ну да, конечно, приехал, — говорю я ему. — А что такое?

Без единого слова Шерман сперва падает на колени, потом грохается на спину, корчась точно червь, которому отчаянно требуется навестить хиропрактика. Его жирное брюхо выпирает из-под машины, и когда я присаживаюсь на корточки рядом с его толстыми ногами, то слышу негромкое кряхтение, пока Шерман с чем-то там возится.

Вскоре он таким же червем выползает из-под авто. Руки у Шермана теперь сплошь покрыты дорожной грязью, да вдобавок еще и сальные от машинного масла. В правом кулаке он сжимает пучок проводов, с которых свисает металлическая коробочка дюймов восемь в длину.

— Ты сам заводил машину? — спрашивает меня Шерман, и я киваю. Тогда он качает головой, ржет и швыряет металлическую коробочку к ближайшим кустам. Крышка коробочки отлетает, и на землю выкатываются два пластиковых шарика, тут же исчезая в водостоке. — Ну тебе, сукин сын, и везет, — говорит Шерм и с хихиканьем направляется к своей машине. — Какое счастье, что семья Талларико вечно с автомобильными бомбами портачит.

Мы бросаем «мерседес» у отеля «Омни», где клан Талларико собирается зарыться на протяжении всего праведного гнева Алисы. Как только я оказываюсь в измочаленном «лексус»-седане, Шерман сообщает мне, что Эдди поручил ему особо важное задание, к которому ему не терпится приступить.

— И я так прикидываю, ты просто идеальный парень, чтобы мне с ним помочь.

— А это почему? — интересуюсь я.

Тут Шерман ненадолго замолкает, и из его правого глаза выкатывается капелька прозрачной влаги. Это вполне может быть слеза.

— Они Чеса взяли, — хнычет он.

Я напрягаюсь на сиденье, затем велю своим мышцам расслабиться. Шерман, похоже, понятия не имеет о том, кто был главным действующим лицом в упомянутом «взятии» Чеса.

— Кто?

— Эти, блин, гадрозавры долбаные! — плюется Шерм. — Грязные твари!

Тут я припоминаю, что ББ и Хагстрем проделали с головой и телом Чеса.

— Откуда ты знаешь?

— Вонючие ублюдки нам его ароматические железы прислали. По почте.

— По почте?

— «Федеральным экспрессом», если точнее. Две малюсенькие железки, только и всего, но я сразу понял... Запах Чеса я не хуже своего собственного знал. Шерман опять оказывается на грани нервного срыва, и я вдруг неожиданно понимаю, что хлопаю его по спине и стараюсь успокоить.

— Вот, значит, как? — предполагаю я. — Теперь и делу конец? Мы взяли Джека, они взяли Чеса — все хоккей.

— Ну уж нет. Даже близко никакого хоккея. Эдди говорит, теперь самая пора славное кровопускание устроить.

Не знаю, является ли слово «кровопускание» официальным мафиозным термином, но его звучание мне категорически не по вкусу. И я прикидываю, что мне срочно требуется добраться до телефона и сказать Норин, что происходит.

— Слушай, приятель, мне тут надо Г-зажим поправить. Ты бы бензоколонку с туалетом нашел...

— Нет времени. Нам передали, что один из больших парней Дуганов совсем один, и Эдди хочет, чтобы мы его взяли. — Шерман выводит машину на трассу И-95, направляясь на север. К территории Дуганов. — Твоя задача, — продолжает он, — выманить его оттуда. Он тебя знает, и он тебе доверяет. Тогда мы сможем как следует за работу взяться.

Опять я в качестве приманки. И опять бессилён сказать «нет».

— А кто это? — спрашиваю я.

— Хагстрем, — кудахчет Шерман. — Мелкий засранец. — Тут он подается ко мне, собираясь изложить план захвата. — Готовься, Винсент, на первые полосы попасть. Рассказы об этом дельце могут аж до самого Таллахасси дойти.

Это ощущение ужаса где-то в яме моего желудка, темный комочек боли еще ниже, в кишечнике, должно быть, последствия того бутерброда с несвежей ветчиной, который я съел в пентхаусе у Дуганов. От всей души надеюсь, что это именно так, потому что, тогда как моя пищеварительная система не всегда пашет как следует, моя интуиция обычно на ходу, и прямо сейчас она подсказывает мне уйму вещей, которые я решительно не хочу слышать.

Стараясь отвлечься от того факта, что я в данный момент сижу в машине, направляющейся к побережью Южной Флориды, в пятидесяти милях от которого бушует небывалый ураган, что я нахожусь на пути к допросу, пытке и, скорее всего, к убийству жениха моей бывшей возлюбленной, я отчаянно напрягаю мозги, пытаюсь прикинуть, кто информирует Талларико. Какой-то гад играет двойного агента лучше меня, и здесь отчасти таится досада, отчасти профессиональная зависть. Сложно выкинуть такое из головы.

— Ты знаешь, кто этот парень? — спрашиваю я у Шерма, пока мы едем по трассе США-1. Дороги теперь почти пусты и зловеще тихи, если не считать периодических порывов ветра и непрерывного рева нашей машины, чей глушитель все никак не отдаст концы. Окна по всему городу забраны большими листами фанеры, самодельными ставнями, которые должны справиться со всеми порывами ветра, кроме самых неистовых.

— Какой парень?

— Информатор. В бригаде Дуганов.

Шерман мотает головой:

— Хотел бы я знать. Я бы сперва пожал его мелкую крысиную лапку — первое всегда идет первым, — а потом взялся рвать когтями его брюхо, пока бы он не подох.

Должно быть, мы друг друга не так поняли.

— Нет, я про того парня, который Эдди всю информацию про бригаду Дуганов сливает...

— Ну да. Я бы поблагодарил мелкого засранца за славную работу, а потом убил бы его скорее, чем ты успеешь вон до того столба харкнуть.

— Но ведь он нам помогает.

— Ну да, — говорит Шерм, — сейчас помогает. Но стукач есть стукач, и два лица не станут одним. — Он поворачивается ко мне, от всей души желая поделиться мудростью, усвоенной за крутые годы в крутой бригаде. — Когда ты оказываешься рядом со стукачом, никогда не поворачивайся к нему спиной, потому что независимо от того, как он кажется тебе близок или как славно ты с ним, по-твоему, ладишь, все это сушая херня. Не зря у этих крыс длинные усы и острые зубы — они кусают тебя в шею, когда ты думаешь, что они тебя целуют. Потом ты истекаешь кровью на полу, а стукач говорит тебе лежать смирно и позволить боли перенести тебя на тот свет.

Вся штука в том, что Шерман совершенно прав. Если Эрни чему-то меня научил, так это тому, что народ практически не меняется. Мы статичны, тверды. Знание об этом очень

помогает в моей работе — проще пареной репы кого-то засечь, если ты знаешь, что именно он предпочитает делать, когда никто не смотрит. Игроки играют. Болельщики болеют. Ухажеры ухаживают. Гербаголики... гм, жуют.

Мы не меняемся. Разве что изредка.

— Вот эта улица, — говорит Шерман, закатывая «лексус» на тротуар и выскакивая наружу. — Вот этот дом. Держись меня, и все будет в полном ажуре.

Дома в этом районе Северного Майами очень похожи на те, которые купили бы обитатели Опа-Локи, выиграй они небольшой приз в лотерею. Эти строения чуть крупнее, самую малость лучше ухожены, а их расцветка с меньшей вероятностью выжжет тебе сетчатку. Дальше по дороге стоит местное убежище от урагана, трехэтажное здание без единого окна. Вид у него такой, словно оно могло бы заполучить прямое попадание атомной бомбы и серьезного ущерба при этом не понести.

— Ну и охрененные же здесь убежища строят, — замечаю я.

— Вообще-то это не убежище. Во все остальное время это средняя школа.

И действительно, на этом чудовище имеется табличка: СРЕДНЯЯ ШКОЛА СЕВЕРНОГО МАЙАМИ-БИЧ — ШТАБ-КВАРТИРА «СЛЮНЯВЧИКОВ».

— Школа? Неужели в таком здании чему-то учат?

— Не знаю, — говорит Шерман. — Чему-то, может, и учат.

Штаб-квартира команды-победительницы Национального чемпионата 1993 года среди школ по плевкам в длину — согласно кубку в витрине у передней двери — сегодня вечером славно упакована всевозможной плотью. Потные тела переполняют и помещения, и коридоры. В основном там люди, и их вонь висит в каждом проходе и нише здания, насыщая лестничные колодцы смрадом зловонных ног. И, понятное дело, сами эти люди почуять себя неспособны: будь у них такая возможность, уверен, темпы самоубийств в их среде за одну ночь выросли бы квадратично.

— Мы должны найти единственного муравья в этой колонии, — говорю я, пока мы пробираемся сквозь толпу. — Дай-ка я секунду постою. Может, мне удастся его почуять. — В этом учреждении почти сплошь млекопитающие — Хагстрем и его мамаша по идее должны резко из них выделяться.

Они и выделяются. Через шесть минут после первого уловленного запаха я прослеживаю весь их путь до химической лаборатории на третьем этаже. Здесь народ кучкуется под лабораторными столами, хорошенько взбивая свои подушки и устраиваясь на покой рядом с бунзеновскими горелками, колбами и пробирками, ничуть не озабоченный количеством бьющейся посуды в непосредственной близости. С другой стороны, догадываюсь я, если ветер будет достаточно силен, чтобы прорваться в переднюю дверь, вломиться через вестибюль в лестничный колодец и вскарабкаться на третий этаж к химической лаборатории, этому народу придется справляться с бедами куда худшими, чем битый пирекс.

— Еще через две комнаты, — говорю я Шерману. — Я уже отсюда его чую. Ты лучше иди подожди в машине.

— Уверен, что справишься? — спрашивает он.

— Уверен. Давай вниз. Положись на меня.

Шерман какую-то секунду медлит, а потом исчезает на лестнице, позволяя мне обойтись с Хагстром по своему усмотрению.

Они в кладовой, где полки оклеены липкой лентой, чтобы удержать все на своих местах. Всего там восемь диносов, и Хагстрем со своей матушкой в самом конце. Их запахи схожи, а личины сконструированы согласно близкому родству. Когда я вхожу, Хагстрем принимает классическую позу, достойную любого из первоначальных «Трех Посмешищ».

— Рубио? Что с Норин?

На какое-то мгновение меня трогает, что первая его мысль о ней, но сейчас нет времени на сантименты.

— Ничего, с ней все хорошо...

— Я думал, ты уже уехал на юг. — Простое название стороны света — «юг» — Нелли произносит так, словно оно хуже любого матерного слова.

— Да, я туда поехал. — Быстро принохиваясь, я убеждаюсь, что Шермана поблизости нет. — Вот почему я здесь.

— Не понимаю, — говорит Хагстрем.

Я киваю, затем указываю на пожилую даму справа.

— Это, должно быть, твоя матушка, — говорю я, и старушка поднимает взгляд, без особых церемоний меня рассматривая.

— Это один из твоих дружочков, Нельсон? — спрашивает она.

— Да, мама... да. Винсент, это моя мама. Мама, это Винсент.

— Он домашних печенюшек не хочет?

— Не думаю, мама. Послушай, ты побудь здесь. Я сейчас вернусь. — Ясно, что Хагстрем не хочет говорить о деле перед лицом своей святой матушки.

Мы выходим в коридор, затем оказываемся в другой, менее людной комнате, стараясь говорить потише.

— Ладно, излагай. Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то мне предполагается тебя убить...

Коготь оказывается у меня под боком, не успеваю я произнести еще хоть слово. Я вижу, как острый кончик торчит у Хагстрема из перчатки, и слышу у себя над ухом его шумное дыхание.

— Отвали, — говорю я, слишком усталый, чтобы подбирать слова. — Если бы я собирался это сделать, думаешь, я бы тебе сказал?

Давление когтя мне в бок ослабевает, но руку Хагстрем по-прежнему держит на месте. Всюду вокруг нас люди, и Нелли изо всех сил старается не показать им своих когтей. Однако я не сомневаюсь, что при необходимости он за одну секунду меня проткнет.

— Внизу, — продолжаю я, — стоит «лексус», а в нем сидит правая рука Талларико. Шерман — тот, от которого сыром воняет.

— И который Джека убил.

— Верно. Мне предполагается доставить тебя в машину под ложным предлогом срочного возвращения к Нории, а там тебя возьмут на мушку и отвезут к пирсу.

— А там... все будет кончено? — спрашивает Хагстрем.

— Все будет кончено.

Нелли кивает, понимая, что у меня есть несколько другие планы, и его коготь медленно скользит обратно в перчатку.

— Так что мы делаем? Я рву когти?

— Нет, не годится, — говорю я ему. — Если ты сбежишь, они обвинят меня, и в конечном итоге на дне моря вместо тебя окажусь я. Мы должны повернуть ситуацию в свою пользу.

Хагстрем оглядывает собравшийся в химической лаборатории народ. На всех лицах можно подметить страх, и я задумываюсь, не охвачен ли и Нелли психозом надвигающейся бури.

— Как?

— Нас двое, — объясняю я, — а он один. Мы добираемся до пляжа и переворачиваем стол. Если повезет, выясняем, кто стучит на Дуганов.

Хагстрем кивает — он явно полон энтузиазма.

— Я даю тебе сигнал, — говорит он, — и мы его берем.

Я соглашаюсь, но предусмотрительно добавляю:

— Только до той поры мы друг друга ненавидим. Это понятно?

— Ага. — Нелли ухмыляется. — С этим я точно справлюсь...

— Ты выходишь из роли, когда называешь меня грязным раптором.

— Не беспокойся, — говорит Хагстрем. — Я уже об этом подумал.

Мы заскакиваем обратно в кладовую — сказать матушке, что Нелли ненадолго

отлучится, скоро вернется, чтобы она крепко сидела на месте и ела свои печенюшки. Старушка похлопывает нас обоих по головам и усаживается на воздушный матрас, сосредоточиваясь на очередном выпуске новостей седьмого канала.

Мы спешим вниз по лестнице, покидаем территорию школы и вскоре уже играем наши роли по самый не балуй. Впрочем, тогда как мои артистические таланты вполне достойны Золотого Шара — или даже пары этих самых шаров, — Хагстрем откровенно перевирает сценарий и вообще играет через пень-колоду.

— Норин хочет меня видеть? — практически орет он, пока мы пересекаем газон у средней школы Северного Майами-Бич.

— Да-да, хочет, — отвечаю я, а затем сквозь зубы бормочу: — И не ори ты как резаный, черт побери. Не дома.

Однажды я встречался с одной актрисой, которая играла периодическую роль в одном особенно паршивом телесериале, и единственное, что я запомнил в связи с нашими краткими отношениями — а продлились они лишь тот краткий отрезок времени, когда сериал впал в летнюю спячку, ни днем больше, — это то, как выплеск адреналина, будь то в результате страха, гнева или полового возбуждения, резко форсировал ее актерские навыки. Любая наша перепалка становилась величайшим взрывом в истории вселенной, а любой секс в гримерке бывал таким диким и страстным, что запросто устыдил бы любовников по всему миру. Наш разрыв, произошедший в течение неловкого телефонного разговора длиной в шесть минут, стал полным разочарованием. Должно быть, та актриса не до конца осознала истинные мотивы своей героини.

В Хагстреме сидит тот же жучок, и под давлением ситуации он склонен дико нарушать все естественные пропорции. «Лексус» ждет нас у тротуара, я вытаскиваю из кармана ключи и открываю пассажирскую дверцу. А Нелли просто там стоит.

— Давай, садись, — говорю я. — А то опоздаем.

— Пожалуй, я лучше пешком пройду, — заявляет он мне. Такого в сценарии не было.

— Слушай, Хагстрем, ты что, не в себе? Давай, садись в эту долбаную машину.

После еще нескольких минут ожесточенного спора — ни одна из которых не планировалась — Нелли все-таки плюхается на пассажирское сиденье, пристегивается, и мы отбываем. Через милю дальше по дороге Шерман выскакивает с заднего сиденья, и его пистолет внезапно оказывается приставлен к голове Хагстрема.

— О, Рубио, будь ты навеки проклят, грязный шпион! — орет Нелли. Идиот думает, что он Аль Пачино. Если бы Хагстрем всего лишь воскликнул «Что за дела?», я бы с радостью лавровый венок ему на рыло надел.

Но Шерман слишком нервничает, чтобы различить даже такое откровенно паршивое актерство, и лишь со значением мне подмигивает.

— Давай, вези нас, Винсент, — уверенно говорит он.

— Не знаю, куда.

Шерм тут же сдувается.

— Ах да. Конечно. Сейчас налево.

Улица за улицей Шерман направляет меня к Холовер-Бич, небольшой полоске песка и дощатых дорожек с длинным деревянным пирсом, выпирающим в Атлантику. Знак у автостоянки гласит: ПЛЯЖ ЗАКРЫТ! СПАСИБО, ЧТО ПРИЕХАЛИ!

— Плевать, — говорит Шерм. — Давай, заезжай.

Мне достаточно несложно объехать знак и вырулить на стоянку, где мы рассчитываем выбраться из машины. Хагстрем наконец-то начинает вести себя спокойно, без лишнего актерства.

— Куда? — спрашиваю я у Шермана, на самом деле куда больше ожидая сигнала от Хагстрема.

— К воде, — говорит Шерман, сдвигая пистолет от затылка Нелли к его загривку. — К пирсу.

Мы плетемся друг за другом по песку — Хагстрем впереди, а Шерман направляет его

непосредственно сзади. Я замыкаю шествие, ступая на цыпочках, с каждым шагом сгибая когти под перчатками. Как только Хагстрем даст мне сигнал, я буду готов действовать.

Однако по дороге к пирсу ничего такого не происходит — Хагстрем ждет верного момента, и я не могу его за это винить. Наконец мы достигаем лестницы, ведущей на сам деревянный пирс, но как только Хагстрем хватается за поручень, Шерман мотает головой.

— Нет-нет, — говорит он. — Вот туда, вниз...

— Вниз? — переспрашивает Хагстрем, вглядываясь во тьму под пирсом. — Будьте прокляты, долбанные рапторы...

Это малость заводит Шермана, и он резко толкает Хагстрема пистолетом в спину. Гадрозавр неохотно шагает вперед, и мы проходим по песку в полосу тяжелого прибоя.

Толстые деревянные бревна, поддерживающие пирс, уходят в песок, где они, надо думать, крепятся в пятидесятитонных бетонных блоках. Здесь имеются все разновидности граффити — как любительские рисуночки, так и вполне художественные работы. Впрочем, у нас нет времени наслаждаться шедеврами бандитской контркультуры Майами.

Как только мы полностью скрываемся под пирсом, я вижу, как правая рука Хагстрема начинает судорожно ползти вверх. Когда он поднимет ее над плечом, это будет сигнал к атаке. Рука идет все выше и выше, вот она уже у его пояса — я в темпе готовлю когти под перчаткой и заодно ослабляю Г-зажим, чтобы мгновенно высвободить хвост. Слюна скапливается у меня во рту, зубы готовы кусать, глотать, рвать...

— Вы только посмотрите, какую кошечку нам сюда притащили!

Голос из темноты — и я быстро его опознаю. Это Джерри, еще один из множества головорезов Талларико, — жирная ряха буквально бурлит ненавистью, а в правой руке зажат приличный пистолет. Рядом с Джерри стоит один из тех безликих солдат, которых я за последнюю неделю навидался в лагере Талларико, и вид у него ничуть не милее. А у его пистолета — тем более.

Хагстрем бросает на меня быстрый взгляд (типа: «что еще за дьявольщина?»), а я рискую взглянуть на него в ответ (типа: «понятия не имею»).

К счастью, Шерман смущен не меньше нашего, так что мы не одни здесь в луже сели.

— Слушай, Джерри, это я его взял.

Джерри пожимает плечами:

— Эдди сказал, чтобы я подключился. Маленькая страховочка никогда не мешает.

Шермана, похоже, капитально обламывает то, что убийство Хагстрема уплывает из его когтей, но ему ничего с этим не поделать, и он это знает.

— Отлично, — говорит он. — Если Эдди хочет так это разыграть, пусть так и будет. Ну что, за дело?

— Ага, — говорит Джерри, — за дело. Все хоккей. — Он сует руку куда-то во тьму и вытаскивает оттуда саквояж. Из саквояжа он достает длинный кусок толстой веревки, после чего оглядывает окрестности. — Какая тебе больше по вкусу?

Все идет не так, как планировалось. Теперь на Хагстрема нацелено три пистолета, три пули в любую секунду могут вонзиться в его плоть. За несколько кратких мгновений ситуация кардинально переменилась — и я мысленно укоряю себя за то, что не провернул все побыстрее.

Но когда они ставят Хагстрема спиной к деревянной опоре — крепко прижимая его к бревну, убеждаясь, что пропитанная водой деревянная колонна выдержит, — я понимаю, что, несмотря на всю мою двойную игру, несмотря на медленную метаморфозу в то двоякое существо, которым я теперь стал, я не могу пустить все дальнейшее на самотек.

Трое против двоих. Раньше бывали и худшие расклады, но я неизменно выходил победителем. Правда, в последнее время я ничего такого не припомню, но раньше нехватка славных воспоминаний никогда меня не останавливала.

Если Хагстрем не собирается давать мне сигнал, я сам ему его дам. Я подступаю к троице рапторов, которые тем временем усердно привязывают своего злейшего врага к опоре, срываю с правой руки перчатку, выпускаю на три дюйма указательный коготь и

поднимаю его над головой...

— Ах ты сукин сын! — ревет Хагстрем, отбрасывая от себя Шермана и прыгая ко мне — его руки нацеливаются на мое горло...

Я отшатываюсь под его внезапным напором, пытаюсь сохранить равновесие, но мягкий песок крепко хватает меня за ноги и утягивает вниз...

Я падаю навзничь, заваливаясь набок, а Хагстрем тем временем рушится прямо на меня, хватаясь одной рукой за мой затылок и подтягивая мое лицо к своему. Шерман, Джерри и неизвестный солдат спешат мне на помощь...

— Прекрати, — резко шепчет мне Хагстрем. — Мы их не возьмем...

— Возьмем...

— Нет! — шипит он. — Защищай Норин. Выясни, кто болтает...

Тут трое рапторов отрывают от меня Нелли, и он снова разыгрывает свирепого зверя, выпуская когти и бешено размахивая руками по сторонам. Ему удается нанести пару-тройку порезов — тонкая струйка крови стекает по щеке Джерри, впитываясь в песок...

— За руки, за руки его, блин, хватай! Вяжи его, блин, вяжи...

Солдат отступает на шаг и резко пинает Хагстрема ботинком в живот — сильный удар лишает Нелли дыхания. Он сгибается пополам, и Шерман хватается за руки, быстро стягивая их веревкой.

— Ты в порядке, Винни? — спрашивает меня Шерман.

— Угу. — Я по-прежнему малость потрясен, но не столько внезапным нападением Хагстрема, сколько тем, как он жертвует собой ради своей невесты и ее обширной семьи. — Угу, все хоккей.

Мы ведем Хагстрема дальше под пирс (всю дорогу он плюется ядом, опять слишком уж густо накладывая — «Проклятье на ваши хвосты, хвосты ваших сынов, хвосты сынов ваших сынов...»), но если когда-либо наступает время излишне острой реакции, то сейчас, пожалуй, как раз оно. К тому времени, как мы достигаем дальнего конца пирса, вода нам уже по колено, и Шерман останавливает процессию у одной из массивных деревянных колонн, за которыми только открытый океан. Грозовые тучи заметны даже в темнеющем вечернем небе. Впрочем, болтаясь совсем рядом с побережьем, они что-то не торопятся.

— Эта сгодится, — говорит Шерман, подталкивая Хагстрема к опоре. Джерри и неизвестный солдат мигом оказываются на месте со своей веревкой. Ставя Хагстрема лицом к океану, они проворно притягивают его веревкой к колонне.

Шерман подзывает меня к себе.

— Его руки, — хрипит он. — Заверни их к груди. — А затем Хагстрему: — Только без фокусов.

Хагстрем решает не вынуждать меня заниматься грязной работой и сам заворачивает пальцы внутрь, чтобы когти указывали ему в грудь. Шерман проделывает то же самое с другой его рукой, и головорезы быстро закрепляют их в этом положении. Такой мафиозный фокус я уже видел — если Хагстрем теперь попытается выпустить когти, чтобы разрезать веревку, он пронзит себя собственным оружием задолго до того, как сможет высвободиться.

Мы отходим назад, чтобы взглянуть на плоды своей работы, а Хагстрем просто смотрит куда-то в океан, вдыхая настолько глубоко, насколько позволяет обтягивающая его грудь веревка. Несколько часов спустя, когда Алиса наконец обрушится на берег — тридцатифутовые волны, ветер за сотню миль в час и все такое прочее, — Хагстрем по-прежнему будет здесь, чтобы поприветствовать капризную дамочку. Надеюсь, история их близости будет краткой, надеюсь, Алиса быстро с ним покончит.

— Нормально, — говорит Джерри, одной рукой проверяя веревку. — Будет держать.

Он отходит, позволяя Шерману тоже проверить веревку, и тот небрежно ее дергает, пользуясь случаем, чтобы приблизить свою физиономию к лицу Хагстрема.

— Тебе предстоит по-настоящему славная ночь, гадро, — рычит Шерм, похлопывая Нелли по голове, прежде чем вклеить ему пощечину. — Это тебе за Чеса.

Дальше он оставляет Хагстрема мне, а мне и сказать нечего. Если я к нему подойду, я

наверняка выпущу коготь, чтобы ослабить веревку, но риск будет слишком велик. Хагстрем как пить дать этого не одобрит. И не позволит.

— Хрен с ним, — рычу я и сплевываю на песок, чувствуя, как тот плотный комочек у меня в груди растет с каждой секундой. — Давайте лучше отсюда сваливать.

Мы, четверо рапторов, бок о бок шаркаем по песку, выходим из-под пирса, а в ушах у нас ревет поднимающийся прилив. Я не оглядываюсь. И даже об этом не думаю. Теперь я могу лишь сообщить Норин, что мужчина, которого она любила, был убит всего-навсего из мести. И добавить, что мужчина, которого она тоже любила, но раньше, просто стоял рядом и даже когтя не выпустил, чтобы его спасти.

14

Маджонг.

Вот во что играют гангстеры: в маджонг. Или, по крайней мере, гангстеры семьи Талларико, а прямо сейчас для меня имеет значение только это, ибо именно с кланом Талларико я зарылся в отеле на все протяжении проклятого урагана.

— Теперь ты восьмое колечко ищешь, — шепчет мне Шерман, стараясь как можно тише, чтобы остальные бандиты не подняли большой вонь насчет того, что он помогает новичку. К маджонгу здесь относятся крайне серьезно, и незнание правил никому оправданием не служит.

Все последние восемь часов были сплошным маджонгом — и больше ничем. Восемнадцать ближайших подручных Эдди Талларико зарылись в трех отдельных номерах отеля «Омни», где четыре чередующихся игры в маджонг постоянно держат нас в режиме занятости, а кое-кого, меня в частности, в режиме полного замешательства. Похоже, в этой чертовой игре задействована добрая тысяча разных фишек с добрым миллионом разных китайских иероглифов на них. Если честно, я вообще сомневаюсь, что в этом самом маджонге вообще есть какие-то правила. По-моему, все только прикидываются, что их знают, а на самом деле, как и ваш покорный слуга, не смыслят ни бельмеса.

Электричество вырубili еще несколько часов назад, а потому мы работаем при свечах и фонариках, шурясь в полумраке на всевозможные фишки. Весь контакт с внешним миром оказался отрезан — наш переносной радиоприемник скончался уже давно, а дополнительные девять вольт захватить с собой никто не сподобился. Не считая темноты и изоляции, меня больше всего гнетет утрата кондиционера. Честно говоря, пусть бы воздух здесь даже не кондиционировался. Пусть бы он просто был холодный.

Впрочем, я никак не могу перестать думать о Хагстреме. Я все время его вижу. Как он задыхается, привязанный к той опоре, пока ураганные волны обрушиваются на берег. Как он отчаянно пытается выплюнуть набегающую воду и наконец понимает всю тщету этого занятия. Во время транзита от пляжа до отеля у меня не нашлось ни единого шанса, чтобы позвонить Норин или послать кого-нибудь к тому пирсу освободить Хагстрема. Как только мы приехали в отель, я попытался позвонить в пентхаус Дуганов, но все они уже оттуда эвакуировались. Тогда я попробовал набрать номер мобильного Гленды, но опять же дозвониться не смог. Вскоре налетел ветер, а вместе с ним и бесконечные игры в маджонг.

— Ну давай же, — хрипит Шерман, — черт возьми, играешь ты, Рубио, или нет?

Передо мной несколько фишек со схожими отметками. Я швыряю их в середину стола и надеюсь, что остальные прикинут, что с ними делать.

— Очень мило, — говорит Джерри. Он пахнет влажным тальком. — Значит, ты нам эту фигну для новичков спихиваешь?

Я пожимаю плечами, разыгрывая полную невозмутимость. Джерри швыряет свои фишки — они значат для меня еще меньше, чем мои. Тут Шерман хлопает меня по плечу и подается к столу.

— Этот парень, — говорит он, — просто офигительный сукин сын. Он главную телку Дуганов трахает...

— Сука драная, — плюется Джерри, и твердый комок корежится у меня в животе.

— ...и она дает ему машину своего мертвого братца — а он берет ее и заводит! Садится, поворачивает ключ — все на чистом глазу. Разве не клево?

— До хрена глупо, если меня спросить, — отзывается Джерри. — Нечего так со своей жизнью играть. Ему просто повезло, что мы с бомбами вечно сосем. Еще ни одной как следует не поставили.

Я пожимаю плечами.

— Все равно настоящие вещи не так делаются, тебе не кажется? — обращаюсь я к Джерри.

Тот прекращает играть. Перестает смотреть на свои фишки. Запах талька немного киснет, словно туда кто-то плесневелого пекарного порошка добавил.

— А это еще что значит?

— Да так, ничего, — говорю я. — Кроме автомобильных бомб, оружие, которым вы приспособились Дуганов убирать... это оружие млекопитающих. — У нас в Лос-Анджелесе так вещи не делаются.

Джерри тянется ко мне через стол, вцепляясь руками в мягкое сукно. Он словно бы по-пластунски подползает к вражеской амбразуре, максимально приближая свое лицо к моему.

— Здесь тебе не Лос-Анджелес, — рычит гангстер.

Дальше мы с Джерри начинаем играть в гляделки. Его маленькие глазки сосредоточиваются на моих, зеленоватая радужка аж увлажняется от напряжения. Не так я рассчитывал проводить вечера в Южной Флориде. Я надеялся на деликатесы и обжорство, на латиноамериканские ритмы и карибские угощения, на пышных кубинков, отплясывающих завлекательную сальсу, а в перерывах ласкающих мое тело и кормящих меня футовыми пирожками «медианоче» в патио на открытом воздухе в какой-нибудь горячей точке Саут-Бича. А вместо этого я получил невразумительную игру в какие-то фишки и шум статики из раздолбанного радиоприемника.

Мощный гул прерывает наше с Джерри состязание, пол сотрясается под моей задницей, и я понимаю, что рядом со мной на ковер только что обрушился Эдди Талларико.

— Ну как, мы тут все ладим? — спрашивает он. Тон Эдди мрачный, но никаких травм в его дыхании я не улавливаю.

— Новый парнишка ставит под вопрос наши методы, — сообщает ему Джерри. — Считает, что мы козлы, раз пистолеты используем. Я как раз собирался сказать чуваку, куда ему свою Калифорнию надо засунуть.

— Нет-нет, — говорит Эдди, — тут Винсент, может, как раз в точку попал. Уйму лет мы делали это естественным способом, и это чертовски высоко нас вознесло...

— Да, но...

— Эй! — орет Эдди, внезапно раз в шесть усиливая громкость. Вмиг он оказывается под боком у Джерри, нависая своей массивной грудой над раптором поменьше. — Ты чего, блин, отвязываешься? Ты, блин, мне дерзишь?

— Господи, Эдди, да нет.

Талларико, чье необъятное брюхо почти выплескивается через ремень, забирает в кулак хорошую пригоршню фишек маджонга. Затем он хватает Джерри за парик и запрокидывает ему голову. Нижняя челюсть Джерри отстает от остальной головы, и рот его оказывается разинут. Тогда Эдди запихивает туда всю пригоршню керамических прямоугольничков, проталкивая их мимо фальшивых зубов в настоящую диносскую пасть Джерри. Тот корчится, пытается заорать, но кроме обильных слюней и игровых фишек из него мало что выходит.

Эдди подается вперед и шепчет Джерри в самое ухо:

— В другой раз я тебе их не в пасть, а в жопу запихну.

Одной части меня хочется аплодировать, тогда как другой — присоединиться и еще малость покормить Джерри фишками. Мне интересно, куда подевалась третья часть меня —

та, которой следовало бы возмутиться столь грубому наказанию за совершенно ничтожное возражение. В свое время эта часть занимала очень даже приличный процент моего мозга.

— Чистяк! — орет другой головорез Талларико, врываясь в наш номер из соседнего. — У компании телок по соседству радио работает, и они говорят, что Алиса передумала.

Я первым вскакиваю на ноги:

— Что значит — передумала?

— Они говорят, она ушла на север, дальше по побережью. А сюда просто уйму дождя надула.

Словно по подсказке, свет в номере внезапно вспыхивает, и отель снова наполняется гулом электричества. Телевизор включается, и те же самые дикторы, которые полдня тому назад предсказывали ужасы Апокалипсиса, теперь с трудом крутят педали назад в попытке объяснить трусливую промашку урагана по имени Алиса.

— ...эта система низкого давления, приходящая с севера...

— ...частично несет ответственность за смещение Алисы назад к востоку, в сторону от побережья...

— ...и тем не менее это по-прежнему очень мощная система, она движется вдоль побережья, огибая его...

— ...однако нам удалось избежать опасности...

Я уже оказываюсь на полпути к двери, но тут Эдди хватает меня за руку:

— Эй, мальчик мой, что за спешка?

— Колики в желудке. — Я театрально сгибаюсь пополам. — Вы же не хотите, чтобы я прямо здесь все это выложил.

Эдди кивает и отпускает мою руку.

— Ладно, бутерброд мне где-нибудь там раздобудь, — говорит он. — А то я от этого долбаного шторма чертовски проголодался.

Быстро вниз по лестнице в подземный гараж, там в «мерседес» Джека. Если я как следует сосредоточусь, я смогу вспомнить путь до пирса в Холовер. Выезжая из гаража, я снова набираю номер мобильного Гленды. Один, два звонка — по-прежнему без ответа. Должно быть, буря снесла линии передач. Однако ее автоответчик фурычит, и я с нетерпением жду нужного писка.

— Глен, — ору я в телефон, — если ты получила сообщение, приезжай к пирсу в Холовер-Бич. Если точнее — под него. Ничего не спрашивай — просто приезжай.

Поразительное дело, но моя память выдерживает проверку и доставляет меня на трассу США-1, а там я нахожу поворот к Холовер-Бич. Вскоре я паркуюсь на пустой стоянке с забавным объявлением и бегу к пирсу. Ветер по-прежнему дует вовсю, а волны определенно сгодились бы для славного серфинга, однако особенно опасным океан не выглядит. Если ты, конечно, не привязан к столбу в его водах.

С трудом пробираясь по песку, я прыгаю под пирс, на ходу втягивая в себя запахи и пытаюсь различить среди них запах Хагстрема.

— Нелли! — ору я, теряя сцепление с дорогой, когда песок у меня под ногами становится слишком густым и влажным. — Хагстрем, скажи что-нибудь!

Бульканье, обрывок слова, еще бульканье. В целом немногим больше простого «буль-буль», но это определенно голос Хагстрема. Вода мне уже по пояс, и когда накатывает волна, она отрывает меня от земли. Теперь я пытаюсь плыть, по-диноски загребая руками, стремясь к дальней опоре. Затем удваиваю усилия, плыву во всю прыть...

Как только прилив откатывает назад и волны ненадолго улегаются, я падаю на четвереньки и стремительно ползу вперед, а когда с немалым трудом поднимаюсь на ноги, то наконец-то вижу Хагстрема.

Нелли весь измочален, кровь сочится из ран у него на голове, фальшивая человеческая шкура порвана, а чешуйки под ней помяты и искорежены. Должно быть, его измолотили плавающие в воде обломки — или сами волны были настолько плотны, что придали ему вид боксера, проигравшего молодому Тайсону раунде эдак в шестом-седьмом.

Выплюнув изо рта комок водорослей, Нелли продолжает бороться с веревкой.

— Погоди, — говорю я, срывая правую перчатку и надежно засовывая ее себе в карман. — Расслабься. Не дергайся.

— Легко... тебе... говорить... раптор.

Тут на нас обрушивается еще одна волна, но эта уже поменьше предыдущей, и мне удается ухватиться за веревку раньше, чем она успевает швырнуть меня обратно на берег. А вот Хагстрем оказывается полностью погружен под воду, и тут я понимаю, что он уже многие часы снова и снова задерживает дыхание, сообразуя его с накатом каждой очередной волны.

Когда вода снова уходит, я убеждаюсь, что Хагстрем дышит, после чего в темпе принимаюсь рвать когтями веревку.

— Норин, — выдыхает Хагстрем. — Мы должны... ей позвонить...

— Я пытался, но без толку. — Мне удастся прилично растрепать два главных кольца веревки и тем самым их ослабить. — Давай, пробуй. Поднажми.

Хагстрем корчит гримасу, напрягая мускулатуру. Кольца веревки так врезаются в его плоть, что кожа угрожает вот-вот лопнуть.

— Давай же, давай! — ору я, пытаюсь припомнить мантры, которые выкрикивают личные тренеры и наставники Малой лиги по всему свету. — Жми на все сто!

Хагстрем охлаждает меня одним-единственным огненным взглядом, затем делает глубокий вдох, раздувая грудь, выгибает спину — и вдруг все веревки разом рвутся. Нелли падает ничком, в набегающую волну, а я мигом его подхватываю и волоку к берегу. Береговых спасателей почему-то никогда нет рядом, когда они тебе требуются. Более того, их никогда нет рядом, когда они тебе даже не требуются.

На полпути к берегу Хагстрем выскальзывает из моей хватки и сам встает на ноги.

— Нормально, — говорит он. — Я могу идти.

Мокрые, измученные и почти обезумевшие, мы кое-как забираемся в «мерседес». Хагстрем садится за руль, а я тем временем принимаюсь за телефон.

— В пентхаусе по-прежнему никто не отвечает, — вскоре сообщаю я.

— Проклятье, — рычит Нелли. — Сколько раз я велел Норин простым мобильником обзавестись!

— Норин не та девушка, которой можно что-то велеть, — замечаю я.

— Это точно. — Хагстрем качает головой. — Ты ее когда-нибудь в споре одолевал?

— Бывало, но не в тех случаях, которыми стоит гордиться.

И тут мы вдруг дружно понимаем, что говорим об одной и той же женщине, причем на одном языке. Что в разное время у нас с этой дамой были одни и те же отношения. И самое поразительное, что мы совершенно не готовы в связи с этим порвать друг другу животы и вытянуть кишки через нос.

Звонит мой мобильник, и я едва его не роняю, стараясь как можно быстрее приложить к уху.

— Норин?

— Ты где? — Это Гленда. Из мобильного слышен дорожный шум.

— Еду на север. А ты где?

— Еду в Холовер, как ты сказал. Что за дьяволы творятся?

— Нет времени объяснять, — говорю я. — Норин с тобой?

На фоне звучит бибиканье, а потом Гленда, в дюймах от своего мобильного, отпускает кому-то фантастический залп матерщины. В радиусе десяти миль от нее все сейчас как пить дать густо краснеют. Наконец Гленда переходит в более приемлемый режим и сообщает:

— Норин на яхте.

— Норин на яхте, — передаю я Хагстрему. Тут я вспоминаю, что динамик моего мобильного имеет одну модную функцию, и, после нескольких мгновений возни, нажимаю нужные кнопки. Теперь мы можем совещаться втроем.

— Она вышла на яхте? — спрашивает Хагстрем. — Она же терпеть эту посудину не

может.

— Не знаю, — говорит Гленда. — Она сама так сказала. Они с Одри полчаса назад туда направились. Сразу же после того, как буря миновала.

Одри. Миниатюрная пожилая дама, гериатрическая тень Джека. То и дело у него под боком, никогда ни слова ни говоря, неизменно пользуясь полным его доверием.

Одри. Очень кстати слинявшая из ночного клуба Дуганов как раз перед покушением на убийство с распад-порошком.

Одри. Очень кстати отпросившаяся с похода за мягким мороженым в тот вечер, когда застрелили Джека.

Итак, Одри. У нее определенно есть знание обстановки и необходимые средства. А тот факт, что она неким образом связана с девушками с «фабрики звезд», означает, что у нее вполне может быть налажен контакт с Талларико.

И теперь она наедине с Норин.

Я хватаю телефон и ору:

— Гленда, ты должна немедленно добраться до яхтенной гавани! Останови эту яхту! Не дай ей выйти в море!

Хагстрем бросает на меня недоуменный взгляд:

— В чем дело?

Но Гленда достаточно хорошо знает мой тон, чтобы мне доверять.

— Ты уверен, Винни?

— Достаточно. Если я не прав, вреда не будет. Давай, сделай все, что сможешь, но не дай им на той яхте выйти.

Я отключаю мобильник и откидываюсь на мягкую спинку кожаного сиденья, а Хагстрем тем временем гонит машину к пристани, яхте и Норин, которая и ведать не ведает, что славный набор старых, но вполне смертоносных когтей нацелен ей в спину.

— Да зачем ей это делать? — недоумевает Хагстрем, пока мы несемся от стоянки Холовер-Бич напрямик к яхтенной гавани в Форт-Лодердейле. — Одри многие годы была с Джеком.

— И что она для него делала?

— Вообще-то не знаю. Никто из нас толком не знал. Помогала с какими-то мелочами.

— Угу, — отзываюсь я. — С такими мелочами, как убийство.

Когда мы добираемся до яхтенной гавани, я вижу Гленду на дальнем конце одного из причалов, размахивающую руками, чтобы привлечь наше внимание. Гленда нервно озирается, глаза ее бегают туда-сюда, словно ее застали за тем, как она тырит цукаты с праздничного торта. В воздухе плывет легкий запах пороха — должно быть, какой-то кретин поблизости стрелял по тарелочкам.

— Ты ее нашла? — спрашиваю я.

Гленда слегка покачивается взад-вперед на пятках.

— И да, и нет.

— В смысле?

— Да, я ее нашла, нет, ее здесь нет.

Хагстрем не в том настроении, чтобы дурачиться.

— Где она?

— На яхте, — говорит Гленда. — С Одри. — Тут Гленда тянет себя за шорты, словно стараясь стащить их с бедер. — Я прибыла как раз в тот момент, когда они уже отчаливали. Я пыталась им махать. Пока я сюда добиралась, я даже придумала предлог насчет потопа в пентхаусе, ничего лучшего в голову не пришло, но они к тому времени уже меня не слышали. Я пыталась, я правда пыталась, но...

Итак, Норин сейчас там наедине с Одри — и понятия не имеет о том, что задумала пожилая дама. Я уже представляю себе, как Одри смотрит Норин в затылок, дожидаясь верного момента, чтобы вколоть ей наркотик, резануть когтями, выбросить за борт и

позволить морю разобраться с последними остатками семьи Дуганов.

Примерно в миле от берега на волнах покачивается сияющая белая яхта футов сорок в длину.

— Извини, Винсент, — говорит Гленда. — Я думала, я все-таки справлюсь...

Но я уже осматриваю пристани на предмет того, что мне прямо сейчас требуется. И вот он — в двух причалах отсюда. Я бегу к нему. Гленда и Хагстрем какое-то мгновение недоумевают, но затем плотно садятся мне на пятки.

— Ты что, Рубио, совсем охренел? Что ты делаешь? — орет Гленда.

— А ты как думаешь? — откликаюсь я, запрыгивая в гоночный катер — его нос, длинный и широкий, просто идеален для скачки по волнам на восьмидесяти узлах — и в темпе отвязывая швартов от металлической планки на пристани. — Катер угоняю.

Хагстрем тоже спрыгивает и становится рядом со мной. Тридцать секунд спустя я уже завожу мощный мотор быстроходного катера, и тот бешено взбаламучивает воду, готовый рвануться вперед. Такой катер непременно должен двигаться быстро — на самом деле его мотору вредно, если держишь его на холостом ходу.

— Ты вернешься к остальным, — инструктирует Гленду Хагстрем. — Я хочу, чтобы они зарылись в Дании, в мастерской.

— В Дании, в мастерской, — повторяет Гленда. — Понятно.

Наконец я даю полный газ...

И мы врезаемся в пристань.

— Вот тебе и раз, — бормочу я, давая медленный задний ход. Расщепленная древесина пристани трещит, пока мы из нее вылезаем. Затем я кручу руль, и мы делаем широкий разворот, прежде чем я снова врубаю полный газ и бросаю гоночный катер вперед. Резкий рывок отбрасывает меня на белое кожаное сиденье, и я мгновенно создаю трехфутовые волны там, где секунду назад все было тихо-мирно и не просматривалось никакого кильватера. Однако сейчас не время уделять внимание деспотичным морским законам. Если меня оштрафуют, я этот штраф убитой по дороге рыбой оплачу.

Быстроходный катер с легкостью прорезает легкую зыбь, острый, обтекаемый корпус разбивает волны, скользя по-над водой так, словно нет ему никакого удержу. Нос на добрых пять футов поднят над водой, мощные винты проделывают всю тяжелую работу внизу, а океанские брызги, смешиваясь с густым воздухом Майами, рожают чудесный свежий туман, что покрывает мое лицо и, по крайней мере временно, охлаждает меня до пристойной температуры. Пожалуй, только так я и смог бы постоянно жить в Майами — в 7:30 утра, в гоночном катере, на скорости в пятьдесят узлов. Хагстрем, предвкушая сражение, уже выплюнул свои вставные челюсти и выпустил когти.

— Входим сразу же, — говорит он. — Норин — приоритет номер один.

Я от всей души соглашаюсь. Яхта крупно всплывает в поле зрения менее чем в двухстах ярдах от нас, и я замечаю намалеванное у нее на борту название.

— «Могучий клюв»? — спрашиваю я.

— Это такая гадрозаврская шутка. Ведь нас еще утконосыми динозаврами зовут.

Нет никакой надежды подобраться к яхте с мотором, ревущим, точно группа The Who в последние пятнадцать минут ее концерта, а потому я вырубаю энергию и надеюсь, что инерция донесет нас куда надо.

Мне удастся подвести гоночный катер к самому борту яхты, и два корпуса начинают скрестись друг о друга, но этот звук почти целиком скрадывается легким шумом волн, разбивающихся о фибергласе. Чертовски ловкий бросок швартова — ну ладно, ладно, три чертовски ловких броска — и я надежно прикрепляю гоночный катер к белоснежной яхте.

Поручень в добрых десяти футах у меня над головой — но черт побери, мы в миле от берега, вокруг, насколько видно глазу, никаких лодок нет. Если только из космоса за нами сейчас не наблюдает спутник — хотя вполне вероятно, что он и впрямь там есть, — по-моему, ничто не мешает мне малость поманипулировать с личиной. Я стягиваю брюки до лодыжек, точно ни с того ни с сего сбрендивший мореход, и начинаю работать с Г-зажимом,

удерживающим на месте мой хвост. Еще одна небольшая манипуляция с ремешками у меня на торце — и моя человеческая задница отваливается как силикон Дженнифер Лопес после напряженного трудового дня. Теперь мой хвост полностью готов к работе.

Я резко подпрыгиваю, разом приводя в движение все тело и хвост — и хватаюсь за нижний поручень. С небольшой помощью Хагстрема, который подталкивает меня снизу, я подтягиваюсь на палубу, а затем разворачиваюсь и протягиваю руку, помогая Нелли тоже забраться на борт.

Здесь, в открытом море, манговый запах Норин очень силен, а это значит, что она, скорее всего, все еще жива. Некоторые запахи не спешат уйти после смерти, но все они всегда кажутся призрачными и эфемерными. После прекращения притока крови к ароматическим железам не требуется много времени, чтобы они прекратили свою работу. Лучшие диноскопские судмедэксперты способны указать время смерти с точностью до минуты, основываясь лишь на остаточных количествах телесного запаха. С другой стороны, эти самые судмедэксперты — не тот народ, с которым тебе хочется сидеть рядом на званом обеде.

— Вниз, — говорит Хагстрем, показывая дорогу к маленькой винтовой лестнице.

Глядя с берега, я недооценил размеры яхты — она по меньшей мере восьмидесятифутовая, а может, и побольше. Метраж каюты внизу как минимум с мою квартиру в Лос-Анджелесе. И отделана она тоже по высшему классу: всякие модные причиндалы, роскошное ковровое покрытие, картины на стенах. Совсем как плавающая версия пентхауса Джека — вплоть до мягкой, лиловато-персиковой цветовой гаммы, переплетающихся узоров.

Где-то дальше слышны голоса. Через главное помещение и камбуз мы проходим к закрытой дверце, ведущей, скорее всего, в отдельные каюты.

— Ты готов? — шепчу я Хагстрему.

Он на секунду выпускает когти, и я делаю то же самое. Мой хвост уже свободен, но чтобы не ввязываться в драку, точно пингвин, брюки я совсем сбросил на камбузе. Быстрый плевок, мои вставные челюсти вылетают, и я уже способен рвать и глотать настоящими зубами. Свежий воздух сладостно охлаждает мне десны. Я тянусь к дверной ручке...

И вдруг воздух пронзает вопль. Высокий, визгливый, мучительный. Женский.

Хагстрем первый у дверцы, выносит ее одним ударом могучего плеча, а я проскальзываю следом, готовый отоварить всякого, кто встанет у меня на пути.

Раньше всего остального я вижу блеск ножа и бросаюсь на Одри — пусть даже в голове у меня и мелькает мысль, чего ради она использует что-то еще помимо своих природных когтей. Пожилая женщина с легкостью опрокидывается на пол, и, несмотря на протестующие вопли Норин, — протестующие? почему? — мне в темпе удается схватить Одри за руки и прижать их к полу.

— Ты что, совсем спятил? Что ты здесь такое творишь? — орет Норин.

Когда я поднимаю взгляд, то вижу, как Норин садится на койке, ее голые чешуйки поблескивают на свету.

— Беги! — ору я в ответ. — Там гоночный катер пришвартован. Бери его и беги!

— Чего?

— Это ока, — говорит Хагстрем, подступая к своей невесте с обнаженными когтями и клювом, готовясь защитить ее в случае, если Одри сумеет выскользнуть из моей хватки и сделать новый заход. — Она предательница.

— Никакая она не предательница, — вздыхает Норин. — Какие же вы идиоты. Винсент, слезь с нее.

Я мотаю головой:

— Думаю, ты сейчас не в лучшем состоянии ума, чтобы принимать решения...

— Живо.

Я резко вскакиваю. Одри, надо отдать ей должное, не пытается мне врезать, пока она медленно поднимается на ноги и отряхивается. Затем она снова тянется к своему блестящему

оружию...

— Нет-нет, — говорю я. — Нож оставь на месте.

Норин проскальзывает мимо Нелли и становится бок о бок с Одри, помогая ей оклематься после моего наскока.

— Это не нож, кретин, — говорит она мне и нагибается, чтобы поднять предмет, который по-прежнему ярко сверкает на полу...

— Это шприц, — добавляет Норин. — А Одри — мой доктор.

Приятно видеть, что Хагстрем ошарашен не меньше моего — терпеть не могу отплясывать эту джигу один, без партнера.

— Твой доктор?

Норин тяжело опускается на край койки и смотрит себе под ноги. Одри тем временем нежно похлопывает ее по плечу. Затем я впервые слышу голос пожилой женщины, поразительно ясный и сильный.

— Я также лечила и Джека, — говорит она. — Десять с лишним лет. Именно я первой диагностировала у него СМА. Мы вместе искали лечение от этой болезни. — Тут она поворачивается к Норин, которая начинает водить хвостом влево-вправо, как она раньше делала всякий раз, когда нервничала или боялась. Меня удивляет, что эти эмоции по-прежнему остались в ее репертуаре. — Хочешь сама им рассказать?

— О чем рассказать? — спрашивает Хагстрем.

Когда Норин поднимает взгляд, я вижу в ее глазах слезы и тут же понимаю, что мне меньше всего хочется, чтобы этих слез стало больше. Тем не менее она без всяких дальнейших понуканий начинает рассказ.

— Джек нашел лечение для своей болезни. Для спинально-мышечной атрофии. Они с Одри... они нашли способ защиты от СМА.

— Настоящим лечением это, конечно, назвать нельзя, — поясняет Одри, — но с симптомами наш метод справляется.

— Как? — недоумеваю я. — Джек сказал, что все нервные клетки умерли, а если я вообще что-то смыслю в науке, так это то, что нервные клетки не восстанавливаются.

Одри одаряет меня широкой, самодовольной улыбкой человека, четко прикинувшего, как ему раздолбать проклятую систему.

— Некоторые восстанавливаются. Вы никогда не слышали про сакаи?

Я мысленно перелистываю меню суши-бара.

— Так-так... сакаи... это когда берут жирного тунца и...

— Сакаи — это туземное племя в джунглях Таиланда — все динозавры, все орнитомимы. Легенда гласит, что воину из племени сакаи можно отрубить голову, и через семь дней она отрастет. Как и большинство легенд, эта звучит смехотворно. Однако, как и в большинстве легенд, в ней только доля легенды. А правда здесь в том, что женщины племени сакаи способны регенерировать свои хвосты.

— Как ящерицы, — вставляет Норин. — Более или менее.

Одри кивает:

— Процесс очень медленный и болезненный, но их клетки делятся, причем с поразительной скоростью. Я выдвинула гипотезу на предмет того, нельзя ли взять часть этих клеток, ввести их в пораженный СМА позвоночник и посмотреть, не помогут ли они Джеку восстановить нервы, требующиеся для ходьбы.

Что ж, по крайней мере, это подтверждает тот факт, что я еще не совсем ополоумел — что я действительно видел, как Джек встает со своего кресла, прежде чем рухнуть на землю. Его ноги работали — и радикальное лечение Одри было, должно быть, тому причиной.

— А женщины сакаи? — спрашивает Хагстрем. — Откуда вы их брали?

Норин грустно качает головой. Она поражена тем, что он все еще сам не догадался.

— Девушки с фабрики звезд, Нелли. Вот зачем мы все это затеяли.

«Пожилая дама на корабле, — сказала мне девушка в доме Опа-Локи. — Пожилая дама на корабле отрезает нам хвосты». Они использовали этих девушек для медицинских

экспериментов.

— Джек, однако, погиб, — замечаю я. — Замечательно, что вы были его доктором и все тому подобное, но какое отношение это имеет к Норин?

Не успеваю я задать свой вопрос, как Норин уже в слезах корчится на полу, а мы с Нелли чуть не сталкиваемся лбами, подбегая ей помочь. В самый последний момент я уважительно отношусь к его статусу жениха и отступаю, а Нелли притягивает Норин к себе, обхватывая хвостом и руками ее гибкое тело. Ряд красных точек пробегает по всей длине ее позвоночника, крошечные капельки крови бросаются в глаза на фоне чешуек. Места инъекций.

— Прости меня, Нелли, — рыдает Норин у него на груди. — Я должна была тебе сказать. Знаю, я должна была тебе сказать.

— СМА — наследственное заболевание, — негромко произносит Одри, сразу все проясняя. — Оно часто протекает в семьях. Норин почувствовала первые симптомы больше года тому назад, и если бы мы не продолжали терапию, она бы уже к зиме сидела в инвалидной коляске.

Прежде чем у меня появляется возможность поддержать Норин, утешить ее или принять еще какую-либо из полагающихся в таком случае мер, громовой грохот сотрясает яхту, весь мир переворачивается с ног на голову, и мы отправляемся в полет. Каюта дает крен на девяносто градусов, и на долю секунды меня посещает мысль: «Не знал, что потолки могут так быстро вертеться». А потом моя голова врезается в пол, и чернота глотает меня с потрохами.

15

— Рота, подъем! Вставай же, черт побери!

Кто-то отвешивает мне пощечины. Кто-то напрочь не понимает — нет мудрости в том, чтобы отвешивать мне пощечины. Кто-то здесь сам хочет славно заполнить.

Я резко встряхиваюсь и сажусь прямо, размахивая руками по сторонам, надеясь хоть кому-нибудь попасть, но как только я начинаю этим заниматься, моя голова тут же выдает предупредительную вспышку боли. Боль примерно как после недельного кутежа, но я решительно не могу вспомнить ни этого самого кутежа, ни даже употребленного листика базилика. С другой стороны, если я и впрямь находился в недельном заглоте, никаких воспоминаний у меня быть и не должно.

— Ты головой ударился. — Это Хагстрем — я узнаю голос и запах, совсем рядом. Я пытаюсь открыть глаза, а затем понимаю, что они уже открыты. Тьма всеобъемлюща — лишь скудная щелка света проникает в дверь в дальнем конце помещения. Дверь почему-то кажется мне расположенной в потолке.

— Черт, как болит...

— А ты попробуй еще руками помахать, — предлагает мне Нелли. А затем, то ли желая меня подстегнуть, то ли просто выдавая интересную информацию, добавляет: — Мы тонем.

Тут слепящая боль в голове резко отходит на второй план, и я начинаю двигаться. С трудом встаю на ноги, пока вода заливают мне лодыжки, подбираюсь к коленям. Я слышу громкий плеск, точно здоровенный кран открыли в гигантскую раковину. Это бульканье Атлантического океана, стремительно наполняющего корпус яхты.

— Норин без сознания, — говорит мне Хагстрем. — Одри ее наверх потащила...

— Я помогу... идем...

Выбираясь из каюты, мы лезем куда-то наверх под углом градусов в пятьдесят, используя холодильник и привинченную к полу мебель в качестве поддержки. Снаружи оказывается Норин, крепко прижатая к груди Одри. Ее худощавое тело давит своим весом на миниатюрную, пожилую гадрозавриху.

Я беру ее за руки, а Хагстрем и Одри — за ноги, и вместе мы продолжаем наш нелегкий путь вверх по склону, выбираясь на палубу «Могучего клюва».

Дым тянется от левого борта — или от правого? — черт, короче, с левой стороны корабля, бушующий там костер то и дело выбрасывает в воздух языки пламени. С моего наблюдательного пункта я могу различить только самый верх пролома в корпусе яхты, зато прекрасно слышу, как судно с каждой секундой набирает все больше и больше воды.

— Топливные баки? — спрашиваю я у Хагстрема. — Эта бандура сейчас рванет?

Но он мотает головой и указывает в другой конец судна.

— Топливные баки вон там. А тот огонь от того, что обычно взрывным устройством зовется.

Вот тебе и на. Бомба. Куда же, черт возьми, подевалось легендарное неумение Талларико по этой части? Похоже, кто-то из его людей все-таки прикинул, как соединить проводок А с разъемом Б.

Еще один внезапный крен, пока яхта погружается еще на несколько футов в океан. В пяти-шести ярдах отсюда мне видны куски «Могучего клюва», плавающие рядом с обломками того, что раньше было гоночным катером, на котором мы сюда прибыли. Если бы я пришвартовал его к другому борту, он по-прежнему был бы в достаточно приличном состоянии, чтобы на нем отсюда уплыть. Теперь же я лишь надеюсь, что там остался кусок достаточно большой, чтобы за него подержаться.

— До берега нам придется плыть, — говорю я Хагстрему, и он кивает, еще крепче ухватывая Норин за ноги. — Сможешь привести ее в сознание?

Нелли пробует похлопать Норин по щекам и тем самым привести ее в чувство, но она никак не отвечает на оскорбления и просто лежит. Если бы ее грудь равномерно не поднималась и опускалась, я был бы вдвойне встревожен. Следующий ход Нелли — попытаться сыграть роль прекрасного принца и пробудить спящую красавицу поцелуем в губы. Странно — неужели он думает, что это и впрямь может сработать...

Оказывается, может. Норин приходит в себя, кашляя и отплевываясь, и капли воды с ее губ распыляются в облачко тумана над палубой. Затем она прищуривается в скудном свете — солнце уже светит не так сильно, его закрывают какие-то странные облака — и видит над собой нас с Нелли.

— Что случилось?

— Бомба, — говорю я. — Взрывчатка. Тонем. Времени мало.

Норин понимает намек и с трудом поднимается на ноги. Пошатываясь, она все же стоит. Как раз над правым глазом у нее вздулась скверная шишка — перекошенные чешуйки покрывают сине-зеленый желвак. Когда Норин опускает голову, взгляд ее совсем затуманивается, глаза бессмысленно ходят туда-сюда, а потом она падает мне на руки.

— Она ранена в голову, — предполагает доктор Одри.

— Думаете?

Я несколько не сомневаюсь, что мы с Нелли запросто смогли бы вплавь добраться до берега.

— Вы умеете плавать? — спрашиваю я у Одри, и она энергично кивает в ответ. Норин по-прежнему без сознания — нужно к чему-то ее привязать, как-то удерживать на воде, пока мы будем толкать ее к берегу...

В десяти футах от носа — черт, кормы? — в общем, от одного из концов яхты я вижу знакомое кресло белой кожи, все еще прикрепленное к неровному куску настила гоночного катера. Кресло покачивается на волнах, держась над поверхностью, тогда как все остальное уже ушло под водную гладь.

— То, что надо, — говорю я, передаю Норин Хагстрему и рыбкой прыгаю в океан, от всей души надеясь, что не долбанусь башкой о какую-нибудь деревянную колобаху. После всего, что я на данный момент пережил, очень глупо было бы объяснять заинтересованным ангелам у райских врат, что причиной моей смерти стал нырок во что-то твердое типа два на четыре.

Однако мой вход в воду получается просто блестящим, 9,5 балла от русского судьи, и я гребу к обломкам катера. Там я в темпе оборачиваю свой хвост вокруг столба, соединяющего

кресло с обломком настила. Еще несколько гребков — и я снова у яхты, которая уже на три четверти под водой и стремительно погружается.

Хагстром уже понял, в чем соль. Опустив Норин мне на руки — я как могу держусь на воде, используя все плавательные навыки, каким меня учили на Гавайях, — он находит кусок веревки и ныряет в океан рядом со мной.

— Грудь обвязывай, — инструктирует он меня, подсаживая Норин в кресло и стараясь держать всю платформу как можно прямее. Я покрепче ее привязываю, что, между прочим, и на суше не так уж легко, а когда ты покачиваешься в океане, почти невозможно.

Однако через тридцать секунд Норин надежно привязана к креслу, и мы с Хагстромом, а также примкнувшая к нам Одри начинаем толкать изо всех сил — одна рука держит импровизированный плот поровнее, а другая прилагает основное давление, пока мы всюю лягаемся, направляясь к далекому берегу.

Вскоре я слышу последний бульк погружающейся позади яхты, всасывающий звук, пока океан глотает останки некогда прекрасного судна, а потом оттуда прилетает порыв ветра, так раздувая нам волосы, что они почти высыхают.

Единственная проблема в том, что от уходящих под воду судов никакие порывы ветра не прилетают.

Зато сильные порывы ветра бывают перед самым ураганом. Я оборачиваюсь, прекрасно понимая, что даже супруга Лота влепила бы мне пощечину за столь дурацкий поступок...

Что-то поглотило небо. Где раньше были пушисто-белые облака, теперь нет ничего, кроме клубящегося мрака. Это мрак несется вперед, стремительно отхватывая кусочки от той немногой голубизны, что еще осталась вверху. Теперь я понимаю, что испытывали технологические компании, когда на них обрушился «Майкрософт».

— Ураган! — кричу я Нелли и Одри и тут же ощущаю, как слаб мой голос на фоне нарастающего рева шторма.

— Что?

— Ураган! — Обеими руками держась за плот с Норин, я опускаю голову под воду и начинаю работать на пределе, меньше заботясь о направлении, чем о чистой силе толчка. Волны накатывают на мою спину, поддавливая меня вперед, словно они тоже спешат убраться подальше от Алисы. Однако им приходится в отчаянии разбиваться о мое тело, ибо я для них слишком медленный.

Мои пальцы соскальзывают, и плот с Норин начинает куда-то уходить. Я снова от души лягаюсь и все-таки ухватываюсь за платформу как раз перед тем, как очередная волна подбрасывает ее и хочет опять выдернуть из моей хватки. Хагстром с Одри едва держатся, их тоже молотят внезапно налетевшие волны, пока шторм нажимает на кнопку МЕСИТЬ на поверхности океана, сбивая все вокруг в белую мыльную пену.

Сверкающая вспышка озаряет темнеющее небо, и почти мгновенно следует громовой раскат. Вот классно! А я тут как раз подумал, что несколько миллионов вольт электричества — именно то, что нам нужно, чтобы ситуация стала еще пикантнее.

— Странно, — кричит Нелли. — Обычно в ураганах молний не так много...

— Ты мне сейчас будешь лекцию о погоде читать?

Еще одна волна налетает справа, неожиданный поток воды подбрасывает нас вверх, затем левая сторона платформы падает вниз, а потом она несколько секунд каким-то чудом удерживается в вертикальном положении...

Вода уже у меня во рту, в носу, заполняет все пространство перед глазами. Плот все-таки перевернулся. Я чувствую перед собой тело Норин, все еще привязанное к креслу. Но теперь она головой вниз висит под водой, и считанные мгновения спустя ей будет крышка.

Я уже ни хрена не вижу, но чертовски уверен, что осязание мне не отказывает. Веревка толста, но мои когти остры, и требуется лишь несколько быстрых ударов. Норин отплывает от кресла, а я хватаю ее и тащу вверх, на воздух...

Добравшись до поверхности, я набираю полные легкие и проверяю, как там дыхание у

Норин. Она кашляет и отплевывается, почти без сознания, но я слышу, как воздух с шумом курсирует по ее дыхательным путям. Я подхватываю ее под руки и плыву на спине в манере спасателя, все еще силясь достичь берега.

— Винсент! — Хагстрем в пятидесяти футах от нас, гребет как взбесившаяся электромешалка. — Где Норин?

— Я ее держу! — ору я в ответ. — Она в норме! Где доктор?

Ответа я уже не слышу, ибо еще одна волна обрушивается мне на голову, утягивая вниз, но я еще крепче прижимаю к себе Норин и снова выгребая к поверхности. Дождь усилился, гроза наступает со всех сторон, молнии так и шпарят в море, а гром могучей киянкой молотит по голове.

Хагстрем вдруг оказывается у меня под боком, помогая держать голову Норин над водой, и мы с удвоенными усилиями устремляемся к пристани. Вся эта буря хороша только тем, что она толкает нас все ближе к берегу, пусть даже и грозит в любой момент нас пожрать. Если мы достаточно долго сможем оставаться на плаву...

Тут Хагстрем оборачивается и вдруг перестает работать ногами, а тело его застывает.

— Не надо так шутить! — орет Нелли.

У меня даже нет времени посмотреть, что его так ошеломило, потому что двадцатифутовая волна мгновенно меня подбрасывает, целая стена воды увлакивает меня на три этажа вверх, одновременно выхватывая Норин у меня из рук. Затем я получаю прекрасный вид на яхтенную гавань — отсюда до нее вряд ли больше одной пятой мили. Наконец волна снова роняет меня вниз и пригвождает лопатками к поверхности океана, точно борец, одерживающий чистую победу над противником.

Впрочем, мне не требуется много времени, чтобы снова вырваться на поверхность, — относительно ограниченный опыт общения с наводнениями и прочими водными катастрофами все-таки выучил меня тому, что следует как можно скорее добираться до кислорода, ибо, в противоположность популярным верованиям, под водой нет никаких поющих крабов и рыжеволосых русалок, чтобы взять тебя за жопу и отволочь в безопасное место.

Норин и Хагстрема нигде нет. Я пытаюсь их позвать, но из-за сочетания воды в моих легких, воды в воздухе и воды со всех сторон оказываюсь решительно неспособен выдавить из себя больше нескольких децибел. По воздуху разносится очередной раскат грома, и я снова начинаю что есть силы лягаться, надеясь на то, что сумею добраться до берега, прежде чем мой участок океана будет втянут в око урагана, обеспечивая бедняге Винсенту финальный вращательный цикл его сравнительно короткой жизни.

Тут что-то опять чрезвычайно крепко и болезненно меня оглоушивает — на сей раз справа, — и я хватаюсь за длинную колобаху, только что долбанувшую меня по черепу. Кусок дерева оказывается добрых три фута в ширину и восемь в длину, а голубые буквы на нем — «учий клюв» — говорят мне о том, что Джек, теперь уже в обличье его подвергнутой децимации яхты, снова явился меня спасти. Я надежно цепляюсь за эту штуковину и еду на ней, словно на карусельном коне, крутя хвостом как пропеллером.

И, с благословения Тритона, этот прием действительно срабатывает. Смещая вес тела среди вздымающихся волн, используя скрытый талант серфингиста, мне удается подъехать на шторме напрямик к яхтенной гавани. Несколько судов, по-прежнему там пришвартованные, всюду бьются о пирс. Их хозяева либо в отпуске, либо такие дебилы, что не позаботились поставить эти штуковины в сухой док, как только ураган впервые появился на радаре. Дождь достаточно крут, чтобы снизить видимость от силы до сотни футов во всех направлениях, а ветер рвет меня, как только может, пока я соскакиваю с обломка яхты и из последних сил догребая последние пятьдесят ярдов.

Я подтягиваюсь к первой же пристани, какая оказывается по пути, и ковыляю на берег, находясь вне поля зрения под деревянным настилом. Мои брюки и, что еще более важно, мой Г-зажим так и потерялись на борту «Могучего клюва», и я еще не вполне понимаю, где и как мне найти другой набор. Те лучики солнца, которые еще тянулись с неба, теперь

полностью исчезли, ветер хлещет по деревянным опорам и так завывает, словно сам шторм надо мной насмежается.

Одри вскоре тоже выволакивается на берег, с трудом показывает мне поднятые кверху большие пальцы, после чего без сил падает на песок. Я быстро озираюсь...

Слабый запах манго и корицы проникает в мои пазухи, и я щурю глаза, вглядываясь в дождь. Сквозь капли воды мне удастся разглядеть плетущийся по берегу силуэт — движения его какие-то грубые, скованные.

Это Нелли, а на руках у него другое тело, поменьше, влажные светлые волосы волочатся по песку. Я различаю две пары свисающих рук и ног.

Тогда я бросаюсь вперед по песку, дождь хлещет меня по лицу, ветер отбрасывает назад, но через считанные секунды я уже там — падаю на колени, пока Нелли кладет Норин на землю лицом вверх.

Норин не шевелится, и грудь ее совершенно недвижна. Я поднимаю ее руку, отпускаю — и рука мертвым грузом падает обратно на песок.

— Винсент, — говорит Нелли, но я отталкиваю его в сторону...

Затем я прижимаюсь своими губами к губам Норин, пытаюсь вдохнуть воздух в ее легкие, надеясь, что ее рыло находится точно под маской, что я вдуваю ей в рот или, на худой конец, в нос, только бы она снова дышала.

Хагстрем тянет меня назад.

— Винсент, — снова говорит он — в то же самое время и тверже, и мягче... но у меня нет времени его слушать...

Я давлю Норин на грудь, кладя одну ладонь поверх другой, стараюсь заставить ее легкие работать — совсем как делают в фильмах...

Творится что-то странное. Тело Норин не сопротивляется — оно просто словно бы уходит вниз, в песок. А ее губы, когда-то такие мягкие, податливые, идеальные для поцелуя, потеряли свое существо. Впечатление такое, будто все ее тело было расплющено, лишаясь внутренностей...

— Винсент, — в последний раз повторяет Хагстрем, — это уже не Норин. Это не она, Винсент. Норин ушла.

Но ведь это она. Ее волосы, ее лицо, ее тело — Норин, какой я ее помню...

Не считая того, что это просто личина. Пустой, безжизненный мешок на песке, шесть фунтов латекса и два фунта зажимов, а внутри — ничего, кроме дождевой воды и песка.

— Я потерял ее в волнах, — вздыхает Нелли, и я с удивлением вижу, как по его щекам струится тоже соленая, но уже совсем другая влага. — Я потерял ее в волнах.

Бок о бок мы сидим у пустой личины, никчемной оболочки, двое нас здесь. Скрестив ноги, мы сидим на влажном песке, не обращая внимания на молнии, ветер и дождь — отбываем стражу над тем единственным, что осталось от нашей общей возлюбленной, пока очередная волна не обрушивается на берег и отлив не уволкивает последние останки Норин Дуган в пучину Атлантического океана.

16

Никакая это была не Алиса. Вот поди ж ты. Это была самостоятельная погодная система — шторм, не вошедший в прогнозы синоптиков ввиду его относительной слабости по сравнению с мощностью его старшей сестры. Может статься, пусть бы это лучше была Алиса, капризно повернувшая назад к Южной Флориде. Тогда ущерб мог бы оказаться слишком велик, чтобы началось все последующее. Тогда на уме у народа в эти последние семь дней были бы совсем другие материи.

Но это был всего-навсего простой шторм, и ущерб от него оказался минимальным. Несколько оборванных силовых линий там, несколько затопленных гостиных тут. А в целом никаких особых жалоб. В Малибу, к примеру, будничные денки состоят из одного-двух наводнений плюс пара-другая пожаров.

Именно поэтому наши умы не оказались заняты тем, как бы поскорее заново отстроиться и сделать ремонт, а получили свободу и тут же сосредоточились на трех вещах, которые поглотили нас больше всего, трех главных словах для любой приличной мафиозной структуры:

Мсть. Гнев. Причина.

Мсть за Антонио, мсть за Джека и, конечно, мсть за Норин.

Гнев на Талларико, на всю организацию велоцирапторов, на то, как все это было проделано.

Причина. В смысле — причина всей этой резни. Ответ где-то там, пока еще от нас ускользает, но мы в силах его получить. Кто-то внутри бригады Дуганов дает утечку подобно яхте с взорванным по правому борту корпусом. Мы с Нелли намерены выяснить, кто несет за это ответственность, и тем самым задраить пробоину.

В лагерь Талларико я не вернулся. Я хотел, чтобы Эдди испытывал сомнения насчет моего местопребывания. Мне требовалось, чтобы он раздражался, нервничал, был более склонен допускать ошибки. Он вполне мог решить, что я мертв. Или что я смылся из города. Это не имело значения. Я просто не мог туда вернуться. Нет — только не после того, что он сделал с Норин.

Мы с Нелли и Глендой договорились не рассказывать другим членам бригады Дуганов про гибель Норин. Шпион Талларико тайлся где-то внутри организации, и чем меньше все знали, тем было лучше. Когда мы захотели бы распространить информацию, мы сделали бы это в согласии с собственными интересами. А пока что, насколько все знали, Норин находилась в надежном месте.

Хагстрем велел Одри паковать вещички. Раз рядом уже не было Джека и Норин, а следовательно, и применения ее научно-исследовательским талантам, Одри просто не имело смысла подвергать себя опасности.

— Желаю вам удачи с вашим исследованием, — сказал ей Нелли. — Искренне желаю. Но здесь вы его больше проводить не будете.

Хагстрем также распустил девушек с фабрики звезд. Оплатил их безопасный выезд из Америки и возвращение в Таиланд. Конечно, он не мог гарантировать, что какая-то из семей снова их не подцепит, но, по крайней мере, на данный момент, они были совершенно свободны.

Когда все эти моральные тонкости убрались с дороги, настала пора приниматься за настоящую работу.

Нижние персоны тотемного столба Талларико особо нас не интересовали — вряд ли им хоть что-то было известно. А потому мы начали кое с кого из приближенных лиц Эдди, знакомых мне по совместному времяпрепровождению на Звездном острове — парней, которых я впервые увидел вдумчиво просматривающими телесериалы у Эдди в гостиной. Поначалу находить их было проще пареной репы — некоторых мы подбирали прямо на улицах. Других приходилось выслеживать посредством разнообразных источников — Нелли знает в городе чертову уйму народа, и каждый из этой уймы, похоже, что-то такое ему задолжал. Когда все остальное не работало, мы небрежно роняли имя Джека или Норин. Дальше дело всегда шло как по маслу.

Безопасным местом, использовавшимся семьей Дуганов, был старый пакгауз в задрипанном районе чуть к востоку от Аventura, окруженный продовольственными складами, а также предприятиями по производству непатентованных лекарств. За почти круглосуточным грохотом тяжелых грузовиков и лязгом аппаратуры никто не слышал мучительных воплей.

Когда мы решили взять Шермана, я вызвался сам проделать эту работу.

— У меня с этим чуваком целая история, — сказал я Хагстрему. — Я прямо сюда его привезу.

Нелли сомневался:

— Ведь это тот самый, который Джека убил? Не думаю, что тебе следует идти одному.

— Тогда пошли со мной двух парней. Если у меня не получится, они смогут вмешаться, но потом я хочу быть в пакгаузе и посмотреть.

Хагстром уступил, и все прошло замечательно. Маркус и Энди, два солдата из бригады Нелли, поехали вместе со мной к Калле-Очо, кубинскому району города, где я нашел Шермана прячущимся в служебном помещении ателье по прокату личин, одного из тех теневых заведений, что предлагают наряды с черного рынка диносам-отпускникам, которые на срок в две недели под флоридским солнцем хотят себе новое тело или лицо. Скажем, ты средних лет брюхатый бухгалтер из Детройта, который хочет произвести впечатление на соблазнительных цыпочек Южной Флориды. Тогда иди напрямик в такое ателье, махни разок кредитной карточкой — и через час ты уже удалой никарагуанец, да еще с каштановыми волосами. Такие места отличаются от обычных магазинов по продаже личин с черного рынка вроде точки Манни в Нью-Йорке, причем сразу в двух интересных аспектах.

Первое: здесь не бывает никаких спецзаказов, и в связи с этим возможны всякие накладки. К примеру, пижон, который носил твой костюм никарагуанского ухаля, мог вступить в конфликт с местными органами охраны правопорядка, и тебя вполне могут упаковать куда следует за его преступление. С другой стороны, он мог произвести бешеный фурор среди местных девиц, и тогда ложная, но весьма лестная репутация будет тебя сопровождать.

Второе: все это временно. Здесь не существует традиции «вечного проката», и личины железно изымаются из обращения после шести месяцев использования. Если хочешь, можешь сходить на одну из распродаж, которые проводятся примерно раз в год, и зацепить себе по дешевке б/у личину. Хотя кто знает, где эта ерундовина побывала. После полугода обкатки на сотне разных диноских тел одной амальгамы остаточных запахов вполне хватит, чтобы свести тебя с ума.

Итак, я с легкостью нашел Шермана в заднем помещении этого самого ателье. Он как раз хрумкал здоровенным соленым огурцом и просматривал результаты последних скачек.

— Ты нужен Эдди, — сказал я, входя туда с таким видом, словно я этим заведением владел.

Шерман чуть с табуретки не рухнул.

— Рубио? Черт побери, Винсент, где тебя черти носили?

— Семье помогал. И, как ты уже слышал, Эдди хочет тебя видеть. — Я собирался сыграть как можно круче; в конце концов, два парня ждали меня снаружи, чтобы в случае чего поддержать. — Я этому чуваку вопросов не задаю, я просто делаю, что он хочет. Так ты идешь или нет?

Шерман покачал головой, еще немного поматерился, забросил недоеденный огурец обратно в банку, вышел со мной наружу и сел в «лексус», который мы взяли напрокат и как следует обтерли и обгадили как раз для этой оказии. Мелкий раптор так растерялся, что даже не понял, как оказался в машине, где Маркус с Энди вкатили ему славную дозу какого-то вырубавшего наркотика и набросили на голову мешок. Гленда сидела в другой машине вместе с Нелли, и они показали мне поднятые кверху большие пальцы, когда мы мимо них проезжали.

В пакгаузе все произошло быстро и brutally. Нелли не стал затевать возню с распад-пакетами, которую Шерман и Чес устроили со Стюхиным хвостом на ипподроме.

— Есть одна игра, — сказал он мне, — просто дешевый фокус. Если хочешь получить информацию, сразу начинай с главного.

Шермана разоблачили до его натуральной шкуры и привязали к крепкому стулу, хвост закрепили прочной изолентой, голову прижали к столбу и притянули туда толстой алюминиевой проволокой. К тому времени он уже очнулся, выплевывая в нашу сторону всякие лестные эпитеты заодно с изрядным объемом слюны.

— Гадрозавры хреновы! Он вас всех замочит! Как только до Эдди дойдет...

Тут Нелли махнул когтем, зацепил раздвоенный язык Шермана и мигом его отхватил.

Целая река боли излилась из пасти раптора, невразумительный сумбур беспорядочных

гласных и согласных вперемешку с протяжными воплями, а Нелли просто отступил на шаг, сжимая в кулаке вялый розовый язык.

— Как же он теперь говорить будет? — поинтересовался я. — Мне казалось, главное было выяснить, что ему известно.

— А мы ему шариковую ручку дадим.

Мы дождались, пока вопли улягутся, а потом Шерман вдруг самым что ни на есть чудесным образом захотел от всей души нам помочь. Маркус придерживал его руку, пока Шерман корябал шариковой ручкой по листу бумаги, отвечая на все вопросы, какие только Нелли приходило в голову ему задать.

А знал он очень много — деловые планы, замыслы убийств, схемы вымогательства — в общем, все грязные секретки Талларико. Единственной проблемой стало то, что он не знал того самого, о чем нам больше всего хотелось узнать.

— К черту, — сказал Хагстрем после тридцати минут бессмысленной писанины. — Он не в курсе.

Я согласился.

— Зато мы теперь по крайней мере знаем, где похоронен Хоффа и кто заказал убийство Кеннеди.

— Ну да, и на эту информацию можешь себе чашку кофе купить.

Я не стал ему говорить, что за эту информацию кое-кто даст куда больше.

— И что теперь?

— Теперь мы его на ломтики постругаем, — ответил Хагстрем и дал Маркусу сигнал. Я отвернулся.

Гленда тоже не смотрела. Мы оба внимательно разглядывали стену пакгауза, пока активное бульканье Шермана наполняло воздух. Он был отправлен в великое заповедье, к нескончаемому запасу начоса и соленых огурцов. Маркус с Энди должны были позаботиться обо всех деталях, избавиться от трупа. А нашей задачей было двинуться дальше по списку и схватить следующего головореза Талларико. В конечном итоге кто-то должен был дать нам то, в чем мы нуждались.

Однако на каждого взятого нами парня Талларико они брали одного из наших. Хагстрем был уверен, что мы надежно прятали наш народ, но невесть как бригада Талларико умудрялась выяснять, где они скрывались. Как правило, их убивали прямо на месте. Но порой... порой все бывало совсем не так мило.

Однажды Маркус ушел в разведку и не вернулся. Шесть часов спустя его нашли висющим в холодильнике для хранения мяса в заведении типа шашлычная — таком ресторанчике, где клиенты могут сами выбирать себе кусок из-за плексигласового окна и наблюдать за тем, как его разрубает. Один близорукий старикан выбрал себе солидный на вид кусок мяса в самом углу, и только после того, как Маркуса сняли с крюка и шлепнули на стол, шеф-повар понял, что из этого зверя ему бастурмы не сделать.

На следующий день мы взяли Джерри, пожирателя фишек маджонга. Честно говоря, особым отмщением тут не пахло. Скорее это было проделано для порядка: он был следующим по списку, как раз перед самым главным боссом. Вообще-то мы могли бы и пропустить доброго старину Джерри, но Талларико в день шторма так удачно сыграл в Грету Гарбо, что ни один из наших разведчиков так и не смог дознаться, где он засел. А потому, за неимением лучшего, мы занимались его подчиненными.

Джерри заховался в доме престарелых рядом с Дания-Бич, огромном особняке под названием Тара, где его круглые сутки кормили, развлекали и окружали заботливые сестры. Палата, где он находился, в последний раз была занята дряхлой тетушкой Эдди Талларико, а со времени ее кончины семья просто платила за то, чтобы помещение придерживали как раз для таких okazji. Проникнуть туда было очень непросто, ибо о каждом визитере там полагалось докладывать особо, и к тому времени, как нам удалось бы добраться до палаты Джерри, он, вне всяких сомнений, уже давно бы оттуда свалил.

Однако я знал про кое-какие слабости Джерри по нашей продлившейся восемь часов и

резко прерванной игре в маджонг, а потому предложил Хагстрему выставить посты у всех местных гастрономов. И точно — Джерри засекли в «Шакал-хаусе», когда он покупал там себе новый запас солонины. Мы схватили его прямо на улице. Быстрый обмен любезными приветствиями — и вот он уже в машине, в пакгаузе, выкладывает все подчистую. Хагстрему даже не потребовалось ему язык отрезать.

В тот день расчлененный труп Джерри был отправлен в лагерь Таллариго на Звездном острове внутри гигантской урны, сверху из которой торчали две небольшие пальмы. Это обошлось семье в 819 баксов, но когда ты хочешь послать извещение о смертном приговоре, тебе следует позаботиться о том, чтобы послать все самое лучшее.

На следующий день полицию вызвали в местный парк культуры и отдыха, где колесо обозрения вдруг застопорилось, не сделав и половины оборота. После дальнейшего осмотра полицейские нашли труп, вклиненный в гигантский мотор этой хитрой штуковины. Руки и ноги трупа были привязаны к шестерням, а рот заклеен розовой изолентой. Теория следствия была такова, что жертва всю ночь оставалась в живых, дожидаясь неизбежного, а в начальные секунды первого оборота колеса обозрения ее конечности были одна за другой оторваны от туловища. К счастью, среди прибывших на место дознавателей оказался один динос. К несчастью, жертвой стал Энди, и таким образом два наших лучших исполнителя ушли в дальние края.

На следующий день Гленда поймала меня в тот момент, когда я поглощал завтрак из тех немногих белков, которые мне удалось насшибать в кладовке пакгауза. Регулярные сессии пыток и побоев уже начинали сказываться на моем теле. Я чувствовал себя худым и изношенным, точно слишком долго использовавшаяся ткань.

Гленда подтащила еще один стул к моему.

— Послушай, Винсент, мы должны это остановить.

— Ты ее не знала.

— Я ее знала. Конечно, не так, как ты или Нелли, но я знала Норин, и я согласна, она была славной женщиной...

— Ты ее не знала, — повторил я. — И ты не знала Джека — так что и говорить не о чем.

Гленда вскочила на ноги, резким пинком отбрасывая свой стул назад.

— Тогда на кой хрен я здесь, как по-твоему? Потому что я опять тебя вызволяю, как я всегда делала. Как-то спас тебя, когда то дельце с Макбрайдом пошло наперекосяк? Я. А кто помог тебе прикинуть, как выползти из-под обвинений Совета, когда трав в тебе было столько, что хватило б быка свалить? Я. И теперь я тебе говорю — это уже не наша разборка. — Прежде чем я успел запротестовать, она продолжила: — Да, я знаю, ты их обоих любил, это я уже поняла. Я во все это дело врубаюсь. Но взгляни на себя, Рубио. Ведь ты по угли в мафиозную войну влез. Ты частный сыщик, черт побери, а не какой-то крутой мафиозо.

— Все дело не в этом, — отозвался я, закидывая себе в рот еще кусочек яичницы.

— Конечно, не в этом, — процедила Гленда. — Все дело в том, чтобы найти себе какое-то новое пристрастие. Новое жевалово или бухалово. Только учти — на сей раз это кровь.

Я мгновенно вскочил со стула и замахнулся, готовый вышибить эту чушь из ее головы...

Но Гленда так и осталась стоять на месте, ожидая удара, и это высосало из меня всю силу. Моя рука обмякла в полете, и вместо удара получился слабый хлопок по плечу.

Гленда покачала головой.

— Ты просто ничего не видишь, — грустно сказала она. — А я вижу. Давай прямо сейчас отсюда смываться, пока мы еще на самих себя похожи. Сядем на следующий самолет до Лос-Анджелеса, сходим на игру «Доджерс», просто остынем и вернемся к прежней жизни.

Я не мог поспорить с ее логикой. И даже с ее чувствами поспорить не мог. Но все дело

было не в спорах. Все дело было в том, чтобы закончить кое-что за тех, кто уже в силу своего отсутствия неспособен это закончить. Я снова сел за стол и запихал в себя еще кусок яичницы. Когда же я снова поднял взгляд, моя лучшая подруга на всем белом свете уже ушла — покинула пакгауз и, насколько я понял, город Майами. А я даже не услышал, как она уходила.

Таким вот образом мы и пришли к этому дню и нашему с Нелли совещанию в небольшом кабинете, который использовал Джек, когда окапывался здесь, в пакгаузе. Нелли сидит за лакированным деревянным столом Джека; я расхаживаю по кабинету. Другие члены организации Дуганов, оставшиеся снаружи, уже начинают тревожиться — начинают задумываться, где Норин, и почему она всем не заправляет. Если срочно что-то не сделать, крупные неприятности неизбежны.

— Мы должны взять Эдди, — говорит Нелли. — Если мы намерены положить этому конец, мы должны разобраться с ним.

— Но Эдди в самоволку ушел, — замечаю я. — И даже если бы мы знали, где он...

— Это не значит, что мы смогли бы его оттуда выкурить, — заканчивает за меня Нелли.

— А как насчет его деловых предприятий? — пробую я.

— Проверено. Не там.

— Земельной собственности...

— Проверено. И не там.

— Как насчет домов отдыха, кооперативов, любимых отелей? Может, он за границу уехал...

— Нет, нет и нет, — говорит Нелли. — Из города он не уезжал — я нюхом чую. Эдди Талларико точно захотел бы остаться на месте действия, непосредственно наслаждаться всеми убийствами. Но если он зарылся слишком глубоко, мы его не найдем. И мы уже расспросили всех его приближенных на предмет того, куда он мог подеваться.

Пока Нелли все это дело обмозговывает, снова и снова проходя очевидное, мои глаза как попало блуждают по кабинету, оглядывая обстановку — в частности, мебель, подобранную Джеком при активном содействии Норин. Темная, глянцевиная древесина — со вкусом сработанный ранне-американский продукт. Шарм старого мира среди стиля Нового Мира. Все очень классно. Очень похоже на Норин.

Над столом висит картина — кристально-честный портрет семьи Дуганов в более счастливые времена — лет так десять-пятнадцать тому назад. Джек, Норин, их матушка и Папаша Дуган обнимаются — вся семья еще вместе, счастливая и радостная. Никакой болезни или враждебности. Может статься, они и сейчас так же вместе — позируют для еще одной подобной картины. В конце концов, художников эпохи Возрождения в раю на валом, и им наверняка давным-давно осточертело писать одни и те же сцены с ангелочками в облаках. Как пить дать, им охота получить заказ на славный портрет или, скажем, на пейзаж с конем...

Тут меня осеняет.

— Мы еще не закончили, — выдыхаю я, причем слова слетают с моих губ за мгновение до того, как я толком понимаю, о чем говорю. — Осталась еще одна тропка.

Нелли заинтересованно поворачивает голову:

— Какая?

— Мы думали, что прошли всех приближенных Талларико...

— Ну да. Так мы их и прошли...

— Верно. Всех нынешних приближенных Талларико. У меня на уме есть один чувак, который может знать, где прячется Эдди Талларико. А вот тебе самое приятное: если я прав, нам даже когтем его тронуть не придется, чтобы получить ответ.

— Пелота — баскская игра, — устало зудит мне билетерша. — В нее играют в трех американских штатах — Флориде, Коннектикуте и Род-Айленде, — а также во множестве

зарубежных стран. Ставки можно сделать этажом ниже, и там же можно купить программку...

Она зудит себе дальше, и я начинаю недоумевать, почему здесь не поставили нужную аппаратуру и не крутят запись — звук, по крайней мере, был бы четче. Затем я плачу два доллара за вход на стоячие места и прохожу к «Пелоте Дании», одному из двух главных фронтонов — так, согласно автомату у входа, называются эти арены — в районе Южной Флориды.

Игры этой я не понимаю и понимать не хочу. Там игровая площадка примерно в сотню футов длиной и в тридцать шириной. Целая банда ловких игровишек шустрит по этому двору с огромными черпаками, швыряя маленький мячик в дальнюю стену. У этих ребят есть шлемы и наколенники, а поскольку все это контактным видом спорта не выглядит, я заключаю, что зловредный мячик летает с дьявольской скоростью. Всюду вокруг меня азартные зрители сжимают свои билеты, точно гарантию личной безопасности, пускают корни и мечут икру, только бы их игрок увернулся, пульнул или там плюнул — в общем, сделал то, что в этой игре обычно делают для победы.

Но я ищу не игрока в пелоту — я ищу коня.

— Привет, Стюха, — говорю я, бочком пододвигаясь к знакомому мне чистопородному скакуну, сидящему в ложе VIP у самой игровой площадки.

Однако этот крупный, уважаемый на вид джентльмен с козлиной бородкой и замшевыми заплатами на локтях пиджака — не иначе профессор одного из самых престижных университетов Новой Англии — едва на меня смотрит.

— Простите, друг мой, — произносит он с заметным бостонским акцентом, — но меня зовут... не Стюха.

— А пахнешь ты точно как Стюха, — говорю я, подхватывая тот запах взбитого яичного желтка. — Если точнее, ты пахнешь как Стюха, окативший себя с ног до головы каким-то долбаным одеколоном, чтобы не пахнуть как Стюха. Черт, и как ты только эту вонищу выносишь!

— Правду сказать, — отзывается профессор, — я просто не знаю, о чем вы говорите.

— Ясное дело, не знаешь, — говорю я, похлопывая приятеля по спине. — Извини, что время отнял.

— Ничего страшного, — вежливо отвечает он, снова обращаясь к своей пелоте. — Всего хорошего.

— Всего-всего. — Я делаю несколько шагов дальше по проходу, а затем резко разворачиваюсь и ору: — Н-но, Стюха, н-но!

Натренированная за многие годы скачек реакция срывает Стюху с места. Он спохватывается за миллисекунду до скачка в передний ряд и оседает обратно на сиденье, тревожно озираясь, чтобы проверить, не заметил ли кто-то его резкого старта.

С широкой ухмылкой на лице я возвращаюсь назад.

— А как насчет того, чтобы я тебя сейчас Ломаным Грошом назвал?

Профессорская наружность претерпевает разительную перемену. Руки трясутся, и Стюха дрожащим голосом начинает меня умолять:

— Только не здесь. Пожалуйста, только не здесь.

— Ну-ну, ты это брось, — говорю я ему, стараясь не вывести его из равновесия. Стюха как минимум вдвое крупнее меня, и я совсем не хочу, чтобы он со страху на меня здесь обрушился. — Лучше посмотри на меня. Внимательно.

Стюха с трудом сглатывает слюну и бросает на меня взгляд, но его глаза от этого осмысленней не становятся.

— Да это же я, — говорю я. — Тот самый парень, который хвост тебе спас. — Еще какое-то время Стюха ни во что не врубается, точно я говорю по-марсиански, но затем свет вдруг вспыхивает у него на веранде.

— Ну да, да, — подталкиваю я бывшего коня. — Вот именно. Ты уже вспомнил. Ипподром, конюшня — те головорезы, которые тебе распад-порошок на хвост насыпали...

И внезапно Стюха начинает откровенно рыдать, зарывая лицо в ладони. К счастью, другие зрители так захвачены поединком двух игроков в пелоту со столькими согласными в их фамилиях, что без целой охапки базилика не выговоришь. Тем не менее, если он в таком духе продолжит, они непременно заметят. Толпе очень тяжело не обращать внимания на 350-фунтового ребенка в самой своей гуще.

— Это было ужасно, — хнычет Стюха. — Просто ужасно...

— Знаю. Я ведь тоже там был. Но послушай, теперь с этим покончено...

— Ах, те головорезы...

— Ты теперь в полной безопасности, — заверяю я его. — Их всех уже нет.

— Нет?

— Померли.

— Все?

— Кроме одного, — говорю я. — Идем, я тебя хот-догом угощу.

Стюха разводит руками, затем вытирает лицо и выжимает слезы из козлиной бородки.

— Вообще-то я типа начос люблю.

О господи, еще один!

— Отлично. Пусть будет начос.

Мы находим на втором этаже точку калорийного питания и садимся за столик, откуда Стюха смог бы наблюдать за играми, на которые он сделал ставки. Он тут же сообщает мне, что его хвост превосходно зажил — доктора в больнице имени Джексона славно о нем позаботились.

— А знаешь, — говорю я Стюхе, пока мы оба наблюдаем за тем, как один из игроков в пелоту аж на стенку карабкается, только бы достичь нужной точки для удара по мячу, — ведь тебе исчезнуть полагалось.

Стюха пристыженно смотрит себе в тарелку, не решаясь встретить мой пристальный взгляд.

— Я знаю.

— И это для твоего же блага.

— Я знаю, — повторяет он.

— И для моего. Ведь я сказал им, что ты мертв, что я с тобой покончил. А если ты показываешься на люди, это типа бросает тень на мое заявление, тебе не кажется?

Стюха кивает и тянет себя за отвороты пиджака.

— Но ведь я эту новую стильную личину себе достал. Уверяю вас, никто меня в ней не узнает.

— Угу, — отвечаю я. — Кроме меня, верно?

Стюха быстро находит изъян в своей логике.

— Да. Верно. А как вы меня нашли?

— Народ не меняется, — говорю я ему. — Я раз на тебя взглянул и мигом понял, что ты типа парень, которому позарез надо играть. Черт возьми, да ведь ты как раз из-за этого в Южной Флориде застрял — и даже сам того не понимаешь. Это просто еще одна азартная игра — с твоей жизнью, верно?

Стюха опять смотрит в тарелку, наотрез отказываясь встретить реальность лицом к лицу.

— Ну-у, не знаю...

— Куда бы ты ни отправился, ты все равно останешься игроком, — продолжаю я. — Ты всегда будешь в игре — с той стороны или с этой. На скачках ты или азартный игрок, или конь. Зная об этом, тебя проще пареной репы найти.

Стюха кивает.

— Я какое-то время на собачьих бегах болтался, но там не так интересно. А кроме того, в костюме борзой мне нипочем не влезть.

— Это точно. — Я не собираюсь ему рассказывать, что прежде чем сюда прийти, я уже побывал на собачьих бегах, в индейских казино и даже на нелегальных петушиных боях в

Хиалее. Лучше потрясти Стюху моей шерлокхолмсовской проницательностью, чем снова его в сердечные сомнения вводить.

— Вот я и прикинул, что, может, мне пелота подойдет, — продолжает он. — Я парень здоровый и в механику этой игры врубиться могу.

— Конечно, — говорю я, — конечно. А теперь, Стюха, слушай сюда. Думаю, мы могли бы друг другу помочь.

— Это я очень даже одобряю, — отвечает он, запихивая себе в глотку сразу полтарелки начоса. Я машинально проверяю бумажник — наличности там в обрез. А значит, информацию надо будет получить до следующего блюда.

— Я тоже. Итак, ты, наверно, газеты читал...

— Типа про скачки?

— Типа «Геральд».

— Никогда не читаю «Геральд», — говорит Стюха. — Если по правде, я вообще газет не читаю.

Я иду дальше.

— Тогда ты, может, по телевизору видел...

— У меня нет телевизора. Когда хочу что-нибудь посмотреть, я просто иду в универмаг и прикидываюсь, что хочу телевизор купить. Тогда мне позволяют торчать там столько, сколько я захочу.

— Понятно. — Ситуация становится напряженной — Стюха уже закончил свою тарелку начоса и принялся за мою. — Тогда я скажу проще. Мне нужно знать, где найти Эдди Талларико.

Стюха ржет. Нутряной смех сотрясает накладные плечи его пиджака.

— Только и всего? — с облегчением спрашивает он.

— Только и всего.

— Проклятье, а я думал, вы хотите на меня настучать или типа.

— Никакого стука, — обещаю я. — Ты сможешь болтаться в Южной Флориде, сколько захочешь, и никто из головорезов Талларико больше тебя не потревожит. Я так прикидываю, ты с Фрэнком Талларико плотно работал...

— Чертовски плотно.

— Ага. И ты знаешь такие потайные места, про которые все эти новые и ведать не ведают.

Стюха пару секунд размышляет, но в его больших голубых глазах я уже вижу ответ. Он точно это знает. Очень хорошо знает.

— Пожалуй, что так, — отвечает бывший конь.

— Именно так, — говорю я. — И все, что мне от тебя требуется, это адрес.

Стюха запихивает остатки начоса себе в пасть и с коротким хрустом их проглатывает. Судя по всему, это помогает ему принять решение.

— Черт, хорошо, — выдавливают он сквозь пахнущую сыром слюну. — Я скажу вам, где мелкого ублюдка найти.

— Знаешь, что, Стюха, — говорю я, залезая в бумажник и вытаскивая оттуда три доллара — последнюю наличность, оставшуюся от ах какого щедрого и благородного аванса Фрэнка Талларико. — Давай-ка мы с тобой еще по тарелке начоса стрескаем.

17

Когда я часов через шесть вхожу в «Грязную дюжину», то выясняю, что название магазина верно ровно наполовину. Тогда как все здесь действительно грязное — по сути, здесь сплошная грязь, как в физическом, так и в пуританском смысле слова, — магазин на самом деле предоставляет выбор куда больший, чем какая-то жалкая дюжина наименований. Пожалуй, это одна из крупнейших точек торговли порнографией — как человеческой, так и рептильной, — какие мне до сих пор попадались. А ведь мне даже в Энчино доводилось

работать.

Но это последнее место, где может прятаться Эдди Талларико — один из четырех адресов, на которые Стюха указал как на те логовища, куда обычно зарывался Фрэнк, когда снаружи становилось чересчур жарко. С первыми тремя вышла неправа — ни малейших признаков Эдди. Этот вариант я приберегал напоследок, отчасти потому что считал его слишком далеким, аж на 167-й улице, на чертовском расстоянии от лагеря Талларико, а отчасти потому что в последнее время старался держаться в стороне от секс-шопов. Большинство подобных рептильных точек в Лос-Анджелесе обычно имеют на своей площади торговца травами, а прямо сейчас лишнее искушение мне ни к чему. После того, как Норин унесло в океан, побуждение жевать было таким сильным, что я попросил Хагстрема хорошенько припрятать оставшиеся бутылки настоя и запереть их на два замка на тот случай, если мое желание нажраться пересилит всякую разумную мысль.

И вот я здесь. Брожу по проходам — пока еще в отделе млекопитающих. Просто невероятно, что эти обезьяны забавы ради друг с другом проделывают. Полки, отведенные под обычный секс, немногочисленны и удалены друг от друга. Большинство же наименований загибаются в то или иное извращение, а порой в три-четыре извращения сразу. «Бабули, которые любят транссексуалов», «Карлики под кнутом», «Я и моя любимая овечка» — и это далеко не самое впечатляющее, а просто более красочно оформленное.

Продавец там совсем еще мальчишка, лет ему от силы двадцать пять. Паренек пристроился на высоком табурете за прилавком — вывеска перед ним гласит: НА ВЗАИМНОЕ ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ МОЧЕИСПУСКАНИЕ СКИДКА 20 % — и читает томик Камю. Надо полагать, пробиваясь через университет, чувак прикинул, что работа в секс-шопе — легкий способ зашибить пару-другую баксов, малость подучиться, а быть может, вдобавок завести новых и интересных друзей.

— Привет, — говорю я, пытаюсь оторвать его от Камю. — А у вас тут что-нибудь еще есть?

— Типа чего? — отзывается парнишка, не отводя глаз от страницы.

— Не знаю, — говорю я. — Типа чего-то... с чешуйками.

Тут он опускает книжку, и в меня гневно упираются два карих глаза.

— Ты чего, извращенец долбаный?

— Что? Да нет, я просто...

Теперь уже продавец всю пылает праведным гневом.

— Здесь легальный магазин, приятель. Детей мы не держим и животных не делаем. А для тебя мне надо бы долбаную полицию вызвать.

Я невольно осаживаю назад — да, начало было выбрано явно не лучшее. Только теперь до меня доходит, что в запарке я забыл провести обонятельный тест. Тот факт, что здесь есть отдел для диносов, вовсе не означает, что хозяева магазина не могут нанять обезьяну-другую в качестве продавца или кассира.

Но тут сзади доносится запах сосны — я поворачиваюсь и с облегчением обнаруживаю, что здоровенный тип из наших подходит утешить университетского паренька.

— Порядок, Стивен, — говорит он, — дальше я им займусь.

— Вот и хорошо, — бормочет Стивен, возвращаясь к своему Камю. — Лучше бы ты его, Гарольд, совсем на хрен отсюда забрал. А то меня эти извращенцы уже до упора достали...

Тезка Папаши Дугана ведет меня в заднюю часть магазина по проходу, посвященному садомазохистским забавам с кожей, латексом и ремешками.

— Ты бы сперва проверял, а потом спрашивал, — укоряет меня продавец-динос. — А то моего работника совсем обломал.

— Весьма сожалею, — отвечаю я, — но я типа спешу.

— Как и весь остальной мир, — философствует он. — Земля очень быстро крутится. Не замечал? Нам сюда.

Через комнату отдыха для работников магазина Гарольд проводит меня в туалет, куда

мы с ним вдвоем еле втискиваемся. С гигиеной там тоже не того, хотя все может объясняться близостью естественного запаха Гарольда.

— Дергай, — говорит он. — Три раза.

Я дергаю за ручку унитаза, пусть даже это и кажется мне совершенно напрасным расходом воды, а Гарольд тем временем нажимает на кнопку раздатчика туалетной бумаги. Слышится жуткий скрип, и стена за унитазом отходит на дюйм. Гарольд тянется туда и толкает кафельное покрытие. Стена распахивается, обнажая еще более грязный и запущенный магазин по ту сторону.

Перебравшись через унитаз, мы туда проходим, и первое, что я вижу, это натуральной величины личину, висящую на стене. Длинные ноги, короткая бурая шерсть, мощные бока, роскошная грива — конский костюм, совсем как у Стюхи. Теперь я понимаю, где был позаимствован тот его наряд для скачек — Стюха бежал, полностью экипированный спецотделом секс-шопа «Грязная дюжина».

Гарольд подмечает обалделое выражение у меня на лице.

— Все виды берем, — говорит он. — А у тебя какой задвиг?

— Да я просто...

— Просто срать с моста. Погоди, сам догадаюсь.

— Не догадаешься.

— Очень даже догадаюсь. Я уже десять лет на этой работе. Итак... — Он примеряется ко мне, словно единственный взгляд на мое костюмированное обличье может дать ему какое-то представление о том, на чем я ловлю кайфы. — Ты... ты чувак типа «Хвосты и хлысты».

— Я даже понятия не имею, что это за чертовщина.

— Да-да, «Хвосты и хлысты», — повторяет Гарольд, словно в первый раз он слишком невнятно произнес эту фразу, словно она просто никак не может не входить в мой лексикон. — Драконы и рыцари... ты зверь, она укротительница. Копья, кольчуги, всякие такие ерундовины. Этого добра у нас тут целый отдел...

Я поднимаю руку, в случае чего готовый схватить его за горло и придушить в зародыше весь этот бред.

— Стой. Послушай. Я здесь только ради одного...

— «Побить Зверя»... точно... ты парень типа «Побить Зверя»...

— Я должен увидеться с Эдди Талларико.

Тут Гарольд затыкается. Делает шаг назад, словно одни лишь эти слова вот-вот готовы свалить его на пол.

— Даже не знаю, о ком ты.

— Да знаешь, знаешь. Большой босс, рапторской мафией заправляет. Все его знают.

— А я не знаю.

— Нет, знаешь.

— Знаю?

— Ага.

— Хорэ, — говорит Гарольд. — Может, и правда знаю.

— И он здесь. А знаешь, как я узнал, что он здесь?

Гарольд с трудом сглатывает слюну.

— Нет.

Правило номер шесть: «Если хочешь блефовать, блефуй по полной программе. Если трусишь, нет смысла пробивать себе дорогу враньем».

— Потому что сам Эдди сказал мне, что он здесь будет.

Гарольд чешет в затылке.

— Сам сказал, говоришь?

Следствие к правилу номер шесть: «Если есть сомнения, блефуй снова. Лучше рискнуть подпалить себе задницу, чем упустить верный шанс».

— Сказал. Не далее как вчера.

— Он сказал тебе сюда прийти?

— Ага, — говорю я. — Забавно, как эта коммуникационная фиговина работает. Эдди говорит мне, я говорю тебе. А следующее звено в цепи...

Гарольд думает еще пару секунд.

— Я... говорю Эдди?

— Умный мальчик. Давай, дуй туда.

Гарольд настолько огорошен, что почти мгновенно теряется в высоких проходах с полными полками порнухи, оставляя меня стоять в самом средоточии этого рая для поставщика нецензурной эротики. Я шуршу журналами, стараясь дважды не смотреть на одну и ту же страницу. Моя репутация столпа общества просто не позволяет мне заниматься просмотром подобной литературы, да еще на работе.

Другие посетители «Грязной дюжины» не столь стыдливы по поводу своих сексуальных предпочтений. Она подносят журналы поближе к свету, глазают на них под разными углами и расспрашивают друг друга насчет лучших межвидовых видеофильмов, которые они здесь брали. Меня ничуть не удивляет то, что запахи их чрезвычайно сильны, нашпигованы гормонами, вовсю струячат от их ароматических желез. Пожалуй, будь в радиусе мили хоть одна самка, они бы мигом сделали дружный заход, но здесь, как и в подобных точках обезьяньего мира, лишь одни мужики.

Хлопок по плечу — и я оборачиваюсь. У меня за спиной стоит приземистый чувак с острой мордочкой — машет у меня перед носом видеокассетой. Не могу разобрать названия, но желто-зеленый хвост с длинными шипами по всей длине говорит мне о том, что речь идет о каких-то межрасовых случаях.

— Я здесь не работаю, — хриплю я.

— Да я просто подумал, видел ты это или нет, — пыхтит шибздик. — Как оно — клево или не очень.

— Не знаю. Но тебе наверняка понравится. — Я пытаюсь уйти в сторонку, но он не отстает.

— Я попытался врубиться в историю — знаешь, описание на обороте...

— И там, конечно, все как надо...

— Да, но как-то странно звучит. Какой-то раптор из Лос-Анджелеса приезжает на восток, а потом на какое-то время исчезает, и все думают, что он загнулся, а потом он вдруг объявляется, желая видеть старых друзей.

Теперь он меня заинтересовал.

— Секса маловато, — замечаю я.

— Секса маловато. Зато насилия завались. — Я принохиваюсь и с трудом ухватываю запах этого диноса — слабый аромат куриного бульона магги с лапшой. Мелкий урод лыбится, как будто знает, что я сейчас делаю, и находит это достаточно юморным. Затем манит меня к себе.

— Вот я и привлек твое внимание, — говорит он. — Нам сюда.

Я следую за ним через отдел видеопроката за портьеру с табличкой, где написано «ПИП-ШОУ — \$50», а чуть ниже, мелкими буквами — «ЗАКРЫТО НА РЕСТАВРАЦИЮ». Мне интересно, какой реставрации можно подвергнуть пип-шоу. Вымыть окошки, пожалуй, хотя я все-таки надеюсь, что здесь и так проводится ежедневная уборка, а не ежемесячная. Возможно, здесь хотят так усовершенствовать автоматы, чтобы четвертаки легче было совать в них одной рукой.

Дальше следует короткий коридор с черными стенами и невысокой дверцей в самом конце.

— Туда, — говорит шибздик. Даже не думая спорить, я открываю неудобную дверцу, низко пригибаюсь и прохожу. Дверца у меня за спиной надежно захлопывается.

Кругом кромешная тьма. Я ощупываю стену — она гладкая, вогнутая, идет по кругу. Как будто я стою на иолу цилиндра не больше двадцати футов в диаметре. Я протягиваю руку, желая проверить, что находится в центре этого круга, и натыкаюсь на прохладный

металлический шест, тянущийся от пола до потолка.

Внезапно у меня над головой вспыхивает голая стоваттная лампочка — я зажмуриваюсь и закрываю ладонью глаза от яркого света. Однако секунду спустя я уже приспосабливаюсь и обнаруживаю перед собой семь зеркальных отражений вашего покорного слуги, данных под разными углами. Пожалуй, слева я смотрюсь выгоднее, но эта тема открыта для дебатов.

Тут выясняется, что никакие это на самом деле не зеркала. Это прямоугольные стеклянные панели — только вот за ними по-прежнему мрак, тогда как мое помещение ярко освещено. Именно этот контраст и позволяет мне видеть свои отражения.

Итак, я в пин-шоу. Причем в качестве объекта этого самого шоу.

Взрыв статики наполняет комнату, и я слегка вздрагиваю от шумового вторжения.

— В центр круга, пожалуйста, — произносит низкий, пропущенный через синтезатор голос (совсем как в «Волшебнике из страны Оз»), и я повинуюсь. После долгого молчания, в течение которого я неловко переступаю с ноги на ногу, прикидывая, когда же наконец закончится эта визуальная проверка, лампочка у меня над головой снова гаснет, и воздух наполняет легкое гудение. Новый источник света появляется слева от меня — я поворачиваюсь и вижу, как разделительная металлическая панель за плексигласом скользит вверх, обнажая кабинку по ту сторону.

В кабине сидит Эдди, однако вместо того, чтобы вручную обрабатывать нужный орган, он сжимает в кулаке очень скверный на вид пистолет. Насчет калибра этой штуковины я не уверен, но дырки она, как пить дать, проделывает чертовски серьезные.

— Винни, — прерывисто кудахчет Талларико. — Это ты?

— Это я, босс, — говорю я, обращаясь к нему лицом.

— Повернись кругом, — велит он мне.

Я исполняю пируэт, позволяя Эдди разглядеть весь мой костюм. Надеюсь, пару-другую баксов за этот номер я уже заработал.

— К окну, — говорит Талларико. — Загнись.

Он хочет меня обнюхать — ладно, пусть нюхает. В каждом плексигласовом окне по кругу просверлены десять дырочек, позволяя посетителям улавливать запах любой девушки своей мечты. Но Эдди просто хочет убедиться, что я — это я. По крайней мере, я надеюсь, что это все, чего он хочет.

Так что я прижимаюсь шеей к плексигласу и слышу, как Эдди шмыгает носом.

Затем из кабинки доносится вздох облегчения.

— Ты мой человек, Винни.

— Так точно, сэр, — отвечаю я, снова разворачиваясь и отступая к центру сцены.

— Ты мой человек.

Теперь я замечаю, что пистолет — не единственное оружие Эдди в той кабине. У его ног стоит винтовка, а вокруг пуза обернут пояс с боеприпасами. Пожалуй, он и пару гранат куда-нибудь себе засунул — в данный момент я не хочу никаких недооценок и готов предполагать самое худшее.

— Что здесь происходит, Эдди? — спрашиваю я, стараясь сохранять максимально спокойный и дружелюбный тон. В свое время Дэн Паттерсон поработал на нескольких крутых суицидных вызовах, после чего поделился со мной единственным способом удержать людей от нанесения вреда себе и окружающим. По его словам, нужно просто начать болтать и не останавливаться. — Никогда не думал, что увижу вас в таком ракурсе.

Он снова кудахчет, гогочет, как психованная чайка, и грохает пистолетом по плексигласу.

— Они все ушли, Винни. Все они.

— Кто?

— Мои люди, — орет Эдди, беспрерывно колошматя стволом по плексигласу. Мне становится интересно, стоит ли пистолет на предохранителе. Еще мне интересно, пуленепробиваем ли этот плексиглас и изготовлен ли он в согласии со всеми техническими

условиями. Мне будет страшно неприятно погибнуть в цвете лет лишь потому, что какой-то разгильдяй на плексигласовой фабрике поздно вернулся с обеденного перерыва, а потому решил не проводить проверку партии номер 12. — Шермана — нет. Фила — нет. Джерри — нет.

— Я сожалею об этом, Эдди. Очень сожалею.

— Все они ушли.

— А как насчет того парнишки снаружи? — спрашиваю я. — Мелкий такой шибздик, пахнет как бульон.

Эдди мотает головой:

— Элвин не из семьи. Он приятель сестры жены Фрэнка, только и всего.

— Понимаю.

— А знаешь, Винни, как эти козлы мне Джерри прислали?

Еще бы не знать. Я сам помогал с отправкой.

— Да нет...

— В горшке! В долбаном горшке, Винни. А из его трупа две долбаные пальмы торчали. Такое никому не причитается.

— Согласен. — На сей раз я не лгу. Веселого там было мало.

Тут Эдди начинает стремительно метаться по пятифутовой кабинке, отскакивая то от одной стенки, то от другой, точно гигантский мяч для игры в пелоту на чемпионате мира среди душевнобольных. При этом он вовсю размахивает над головой пистолетом, совершенно не заботясь о том, в какую сторону смотрит дуло.

— И теперь они выцеливают меня! — орет Талларико. — Я нюхом чую!

— Ну, Эдди, может, это просто легкая паранойя...

— Ты чертовски прав! Я параноик! — вопит Эдди, снова врезаясь в окно. Плексиглас выгибается под его напором, и физиономия мафиозного босса претерпевает примерно те же перемены, что и в комнате смеха — его зверски оскаленная пасть преобразается в причудливую ухмылку. Тут мне становится интересно, какое именно давление требуется приложить, чтобы проломить такой плексиглас.

Но Эдди, резко растратив энергию, уже пятится и оседает на пол кабинки.

— Черт, Винни, — стонет он. — Как же до такого дошло?

Я воспринимаю это как намек для приведения всего к общему знаменателю и медленно приближаюсь к окну. Там я осторожно сажусь по-турецки прямо на пол.

— Порой все идет наперекосяк, — говорю я, цитируя логику Эдди. Не знаю, одобрит ли он такое цитирование.

— Это ты верно заметил.

— Мы просто должны снова встать прямо и хорошенько собраться с духом.

Эдди пару секунд это обдумывает, медленно кивая. Когда же он снова на меня смотрит, я вижу, что глаза у него ярко-желтые — должно быть, контактные линзы соскочили в какой-то момент маниакальных метаний. Радужку простреливают крошечные красные молнии.

Но тут нашу беседу прерывает гудение, и металлический разделитель внезапно опускается за плексигласом, снова разлучая нас с Эдди. Время вышло.

— Мать твою за ногу! — слышу я вопль из кабинки. Затем Талларико, резко притихнув, добавляет: — погоди, Винни, мне придется за четвертаками сходить.

Дальше я сижу один в пип-шоу, дожидаясь возвращения Эдди. Нет никакой гарантии, что какой-нибудь другой динос, высматривающий себе радости жизни, не войдет сюда, не прижмется физиономией к плексигласу, не сбросит подштанники и сам что-нибудь такое не вытворит. Но тогда я ему непременно совсем другое шоу устрою.

Стук дверцы — и внезапно Эдди оказывается внутри, вместе со мной. Карманы его вывернуты наизнанку.

— Мелочи не осталось, — смущенно признается он, входя в круг и крепко меня обнимая. — Понимаешь, Винни, совсем долбаной мелочи нет.

Ответить мне нечего, так что я принимаю его объятие, а затем отступаю назад. Со своего нового наблюдательного пункта Эдди внимательно меня изучает.

— Слушай, Винни... ты как-то по-другому выглядишь.

— Но я все тот же, — замечаю я.

— Да-да, тот же. Но что-то такое есть... ты что, малость покруче стал? Пожалуй, мы тут чуточку железа тебе в кости поднакачали.

— Может, и поднакачали, — соглашаюсь я. — Послушайте, Эдди...

— А куда это ты запропал? — спрашивает Талларико, внезапно переходя на деловой тон. Тут я понимаю, что пистолет по-прежнему у него в правой руке и палец лежит на спусковом крючке. — Я знаю, что ты с этими в хвост долбаными Дуганами дружишь.

— Дружу? Ну, я бы так не сказал...

— Брось, — говорит Эдди. — Фрэнк мне про все это рассказал. Типа что вы с Джеком с детства корефаны.

Фрэнк? Откуда, черт возьми, Фрэнк узнал про наши с Джеком Дуганом отношения? Ведь Фрэнк Талларико всего лишь нанял меня, чтобы следить за Нелли Хагстромом в течение их деловых переговоров в Лос-Анджелесе. Знал ли он заранее о моей дружбе с Джеком? И если знал, то откуда?

Но Эдди не дает мне времени это обдумать.

— Итак, позволь снова тебя спросить. Куда ты сбежал?

— Никуда, Эдди...

— Вот именно, что никуда. Дерьмо вдруг с неба обрушивается, а Винсента нигде не сыскать. — Теперь Талларико снова заводится, кружа возле меня, точно бык, прикидывающий, что бы ему такое сделать с этим назойливым тореадором. От окон пип-шоу я получаю семь образов Эдди, расхаживающего по помещению, по спирали подбирающегося ко мне.

— Секунду, Эдди...

— Я, знаешь ли, нервничаю, когда один из моих ребят — мой главный парень — вот так исчезает. Нервничаю, прикидывая, что он там такое подделывает...

— Секунду, — говорю я, — я вам все объясняю...

— Чертовски нервничаю, Винсент. А когда я нервничаю, у меня, знаешь ли, чесотка начинается. — Теперь пистолет уже на уровне его пояса и нацелен примерно мне в грудь. Вообще-то я ожидал, что у Эдди будет пистолет — но не ожидал, что такой огромный. С другой стороны, пуля есть пуля — большая или маленькая, она всегда склонна пробивать дырку в том месте, где дырке быть не полагается.

Я опускаю руку и лезу в задний карман брюк.

— У меня тут кое-что есть...

— Следи за своими руками, Рубио... — Пистолет чуть приподнимается.

— И это кое-что объяснит вам, где я был, — продолжаю я, стараясь сохранять предельное спокойствие, делая равномерные вдохи и шаря в кармане...

Эдди делает быстрый шаг и приставляет дуло пистолета к моему лбу. Холодное металлическое кольцо плотно прижато к латексу.

— Проклятье, я сейчас стреляю...

— Эдди...

— А ну вынимай руку...

— Эдди...

Палец Талларико напрягается на спусковом крючке — я вижу, как дрожат его костяшки, как под ними подергиваются мышцы. Но я стою на своем — другого способа сейчас просто нет. Эдди хочет мне поверить, хочет знать, что я на его стороне. Я — все, что у него осталось, и если ему желательно понять, что происходит, он оставит мне жизнь.

— Вот, — говорю я, вытаскивая из кармана фотографию и роняя ее на пол. — Вот, чем я все эти дни занимался. Все это я делал для вас, Эдди.

Его палец все еще на спусковом крючке, пистолет по-прежнему прижат к моей голове.

Эдди смотрит на пол — на фотографию, яркий, роскошный кодаковский снимок. Кровь там особенно красная.

— Это... это Хагстрем? — спрашивает Талларико наполовину подозрительно, наполовину благоговейно.

— Он самый, — отвечаю я и медленно давлю на правую руку Эдди. Он даже не сознает того, что я отвожу пистолет к полу. Снимок теперь волнует его куда больше любой потенциальной угрозы, которую я могу представлять.

Наконец Эдди нагибается, берет фотографию за уголок и подносит ее к свету. Там четко виден Нелли Хагстрем, в каком-то непонятном месте привязанный к стулу. Тело его сплошь покрыто кровью, рубцами и синяками. Один жалобный глаз смотрит в камеру, словно бы моля: «Хватит. Пожалуйста, хватит».

— Твоя работа? — спрашивает он.

— Презент. — Я ухмыляюсь. — Для большого босса.

Эдди еще раз смотрит на снимок, пробегая пальцами по измученному телу Нелли.

— Славно, славно. Работа что надо.

— Спасибо, — скромно говорю я. — Но она еще не закончена.

Это снова привлекает его внимание, и мания Эдди опять начинает разгораться.

— Это ты к чему?

— Он все еще там. Я оставил его в живых. Для вас.

— Для меня? — спрашивает Талларико — точь-в-точь малолетний сопляк, неспособный поверить, что тот самый велосипед с переключением скоростей действительно там, под рождественской елкой.

— Для вас, — повторяю я. — Потому что я ваш человек.

Эдди ведет меня наружу из «Грязной дюжины», и мы выходим на улицу. Оказавшись внутри Джекова «мерседеса», Талларико горбится на заднем сиденье, пригибаясь пониже. Пистолет он засунул под ремень.

Поездка к пакгаузу занимает от силы минут пять, и все эти пять минут Эдди пристает ко мне с вопросами типа «Как ты его взял?», «Он еще может говорить?» и «А видеть он может?». Я стараюсь отвечать по наитию, одновременно пытаюсь провести у себя в голове кое-какие связи. Фрэнк, Эдди, Джек, Норин, Одри — матрица взаимоотношений и предательств наконец начинает вырисовываться.

Мы останавливаемся у громадного здания, и Эдди выпрыгивает из машины, держа руку над рукояткой пистолета.

— Он там, внутри? — спрашивает Талларико.

— Там, — отвечаю я и показываю ему дорогу.

В пакгаузе темно, однако стратегически расположенный источник света превосходно иллюминирует самое главное: Нелли Хагстрема, связанного и избитого. Сохнувшие лужи крови окружают стул, и Нелли даже не движется, когда мы входим — голова его низко опущена, тело обмякло.

— Ух ты, едрена вошь! — ржет Эдди, его паранойи как не бывало, зато ощущение власти до предела эрегировано. Он проходит в здание, а я закрываю за нами дверь и по-тихому запираю ее на замок.

Впрочем, Талларико так и так наплевать — он с такой небрежной уверенностью приближается к Нелли, словно все время в этом мире принадлежит ему одному. Опускаясь на колени, Эдди хорошенько оглядывает лицо Хагстрема, его тело, запекшуюся на коже кровь.

— Да, деточка, славный номер ты с ним провернул, — говорит он, поворачиваясь ко мне. — Ты уверен, что он еще жив?

— Жив, — говорю я. — Можешь не сомневаться, гнида.

По-прежнему с ухмылкой, так и застывшей на его жирной ряхе, Эдди удивленно разворачивается — и обнаруживает перед собой Папашу Дугана, опускающего железный прут на его череп.

Талларико отшатывается, вскидывая руки к лицу, и прут попадает ему по предплечью, после чего слышится громкий хруст. Что-то у него там явно сломалось. Впрочем, сейчас не время играть роль остеопата-любителя — Эдди орет как резаный, тянется за пистолетом, а Нелли тем временем, целый и невредимый, спрыгивает со стула...

Тогда я резко замахиwaюсь и бью своим железным прутом — специальной телескопирующей штукoвиной. Прут со свистом проносится по воздуху и крепко прикладывает Эдди слева по черепу. Талларико мигом оседает на пол, пистолет с лязгом падает рядом с его обмякшим телом.

— По-моему, ты малость погорячился, — говорит Хагстрем, опускаясь на одно колено, чтобы проверить Эдди пульс.

— Да ведь у него пистолет...

— Ладно, не парься. Живой он, живой. — Нелли счищает с себя фальшивую кровь, которой мы намазали его тело и лицо, вытирая руки о и без того грязную рубашку.

— Лучше пусть будет живой, — говорит Папаша Дуган, бросая свой прут на пол. — А то страшно добавить хочется.

Вообще-то Папаша в план не входил — мы договорились держать его в неведении относительно самых неаппетитных деталей нашего замысла. Я смотрю на Хагстрема, но тот лишь пожимает плечами.

— Я должен был ему сказать, — говорит Нелли. — Он имел право знать.

Щеки Папаши втягиваются, и я вижу, как он борется со слезами. Двое его детей были убиты за одну неделю — просто невозможно постичь всю глубину его скорби и одиночества. И если это поможет ему преодолеть горе, лично я у него на пути не встану. Особенно когда он по-прежнему так лихо железным прутом машет. Я быстро обнимаю Папашу, и он крепко прижимает меня к себе, прежде чем отпустить.

Хагстрем подходит к нам сзади.

— Ну как, ты готов идти дальше?

— Совершенно не готов.

— Отлично. Тогда поспешим.

Нелли хватается Эдди за руки, я за ноги, и хотя мы уже проделывали такое раньше, сразу же становится ясно, что Талларико по меньшей мере втрое тяжелее Норин. Мы тащимся к машине, убеждаемся, что вокруг никого не видно, затем бросаем Эдди в кузов и связываем ему руки с ногами на манер свиноводов — просто на случай, если он прочухается в течение сорокаминутной поездки к следующему месту действия. Вообще-то, когда я железным прутом бью чуваков по головам, они обычно так скоро в себя не приходят, и все же я не хочу оставлять это дело на произвол судьбы. Не за тем я так далеко зашел, чтобы сейчас напортачить. Время ошибок наступит, если я когда-нибудь целым и невредимым сумею добраться домой.

18

— Что в Эверглейдах самое лучшее, — сообщает мне Хагстрем, пока мы с ним завязываем последние узлы на ногах Эдди и проверяем натяжение, — так это то, что они большие. Охрененно большие. Когда народ собирается во Флориду, он либо едет напрямиком в Диснейленд, либо до самого Майами. Про Эверглейды никто даже не думает. Миллионы акров болот — ни один акр не заселен, ни один не патрулируется — по крайней мере, толком не патрулируется. Так что Эверглейды просто незаменимы для дел... так скажем, деликатных. Вроде этого.

— Бляди! — орет Эдди. Голос его уносится далеко в болота и умирает где-то среди мангров. — Драть вас всех в хвост и в гриву! Ты, блин, Рубио, дай я только до тебя доберусь...

Нелли покрепче затягивает веревку, и Эдди, привязанный за хвост и висющий вниз головой, визжит от боли.

— Вот это правильно, — говорит ему Хагстрем. — Так держать.

Теперь Эдди добрых в двадцати футах от нас — болтается над болотистой гладью футах в пяти над поверхностью. Мне интересно, прилила ли уже кровь к его голове. Интересно также, обращает ли он на это внимание. Жирное рыло Талларико горит от гнева, и если у него к тому же выйдет перебор с кровавым давлением, он может в любой момент лопнуть как воздушный шарик. Надеюсь, к тому времени мы уже получим от него все, что хотим.

Веревка, привязанная к его хвосту, также оборачивает ему ноги, а другой ее конец привязан к надежной ветви дерева пятнадцатью футами выше. Мы с Нелли, а также Папаша Дуган стоим на грубом деревянном помосте, встроенном в болотистый берег. На самом деле здесь нет ни настоящей земли, ни настоящей воды — кругом одна болотная жижа, но Нелли точно знает, куда ступать, а куда не надо. Он уже здесь бывал.

— ...и на ваших детей, — снова орет Эдди. — И на детей ваших детей!

— А я бездетный, — информирует его Хагстрем.

— Я тоже, — добавляю я. — Что касается Папаши, то о его детях ты уже в этом смысле позаботился. Извини, Эдди. Нас тут всего четверо. По крайней мере, на данный момент.

Тут по недвижному болоту разносится плеск, и Хагстрем внимательно вглядывается сквозь деревья.

— Кажется, это он, — бормочет Нелли. — Хотя я не уверен.

— Может, цыпленка бросить? — предлагаю я.

— Бросай, конечно, — говорит он. — У нас их навалом.

Я сую руку в пенопластовый охладитель у себя под боком, до отказа набитый сырыми размороженными цыплятами, и хватаю одного цыпленка за ножку. Скользкий и холодный, он, как пить дать, заражен уймой бацилл, но я не думаю, что обитатели этой пучины выскажут по этому поводу свое недовольство.

— Первая попытка, — говорит Нелли. — Просто зафигачь его подальше.

Я швыряю цыпленка повыше, и мы наблюдаем за тем, как он по широкой дуге летит над болотом. Не успевает дичь удариться о поверхность, как в том самом месте вдруг происходит колоссальный всплеск. Гигантский аллигатор выпрыгивает из трясины и ловит пастью цыпленка с не меньшей легкостью, чем студент факультета социологии — зеленую муху на лекции.

— Господи Иисусе! — выдыхает Эдди, пытаясь так выгнуть свое тело, чтобы оказаться как можно дальше от грозного аллигатора, и в результате болтаясь как рыба на крючке. Однако веревка как следует держит его над водой, не позволяя чудовищу прямо сейчас до него добраться.

— Мы его Хватом назвали, — кричит Эдди Хагстрем. — Конечно, не самая оригинальная кличка на свете, но нас тогда время поджимало.

— По-моему, он типа симпатичный, — говорю я. — И фотогеничный.

Папаша Дуган кивает:

— Еще бы — сплошные зубы.

— Да, зубы сейчас для фотомодели самое главное. А ты, Эдди, как мыслишь?

А Эдди снова заводит свои вопли. По-моему, его писклявый визг куда скорее привлечет болотных тварей, чем их отгонит. Впрочем, я не собираюсь вставать на пути брачных призывов любого мужчины.

— Итак, Эдди, — говорю я, крепко прихватывая веревку и удерживая Талларико на месте, — для всех этих дел есть три способа — легкий, тяжелый и забавный.

— Ты, предатель... хвост тебе в рыло... паскуда гнойная... иди у обезьяны отсоси...

Я мотаю головой:

— Нет, лезть тебе ничего не даст. Итак, легкий способ — это сразу поведать нам, кто твой источник внутри нашей организации.

— Хвост мне сперва погрызи...

— Нет, этим Хват займется, — вмешивается Хагстрем. — И это, друг мой сердечный,

будет как раз тяжелый способ. А забавный способ — это немножко там тебя покачать, а потом бросить на хрен, чтобы ты до смерти изголодался. Ясное дело, забавно будет только нам.

Эдди затыкается. Он резко прекращает свои вопли с проклятиями и просто висит там, тихий, как кабан в первый день охотничьего сезона. Теперь, когда он без личины, я вижу, что моя первая догадка была верна: Эдди и впрямь чертовски толстый чувак. Вообще-то у велоцираптора редко когда увидишь брюхо, но Талларико годами усердно паковая свой вес, и это, безусловно, веский повод для спецзаказа личины. Теперь, когда Эдди болтается там вниз головой в неглиже, складки на его пузе свисают, почти закрывая дохлую грудь.

— Нет, не хотим мы на это пойтить, — замечает Хагстрем.

— Ни в какую не хотим, — говорю я, придерживаясь местного диалекта. — Хучь режь.

— Ладно, бросай еще цыпленка.

Подражая лучшим метателям молота, я раскручиваюсь и закидываю птицу так, чтобы она приводнилась всего лишь в пяти футах от той точки, над которой болтается жирная туша Эдди. На сей раз Хват уже не так быстр — он ждет, пока дичь действительно плюхнется, а уж потом вырывается на поверхность. Четырехфутовая пасть разевается и защелкивается, поглощая легкую закуску.

Талларико снова принимается орать.

— Старо, Эдди, уже старо, — вздыхаю я. — Если бы ты все-таки пожелал вопить про что-то полезное, мы бы уже смогли перейти к делу. — Но от мафиозо по-прежнему, кроме кошачьего концерта, ничего полезного не доносится. Тогда я поворачиваюсь к Хагстрему. — Еще цыпленка?

— Как бы Хват аппетита не потерял.

— Проклятье, до этого еще как до луны. Пока что он только пару штучек попкорна перед кино захавал.

Хагстрем кивает и делает шаг назад, хватая веревку и зажимая ее под правой ногой. Затем он опять слегка мне кивает, и я отпускаю свой конец — это блюдо для одной персоны.

Папаша Дуган берет вожжи в свои руки.

— Давай, Эдди, мы с тобой в одну игру сыграем. Любишь играть?

Из рта Талларико выходит не то негромкое мяуканье, не то легкая икота.

— Вот и хорошо, что любишь, — продолжает Папаша. — Эта игра называется «Макни засранца в болото с охрененно большим аллигатором».

— Малость длинновато, — замечая я.

— Зато доходчиво. Правила скорее усваиваются. Слушай сюда, Эдди. Мы с Нелли и Винсентом будем задавать тебе вопросы, и если нам не понравятся ответы, мы опускаем тебя на один фут. Может, Винсент еще цыпленка туда швырнет. А может, он туда просто камень швырнет. Знаешь, как это Хвата обломает? Ну, как тебе игра? Забавная?

Рев, извергающийся из пасти Эдди, так животен и первобытен, что я невольно делаю шаг назад. Вот это настоящий динос! Пожалуй, именно этот дикий рев, это жуткое утробное верещание в доисторические времена разом отправляло всех птиц на многие мили в полет — назад к своим мамочкам. Однако страшные потуги также высасывают из Эдди все оставшиеся силы. Угроз и бахвальства уже нет как нет.

— Супер, — говорю я. — Давай начнем. Вопрос первый. Кто сделал бомбу, которая яхту Джека Дугана подорвала?

Никакого ответа. Эдди просто сверкает на нас глазами, решительно отказываясь играть.

— Имея в виду чисто технический аспект дела, — говорит Нелли, — неверного ответа он нам не дает.

— Действительно. Но он нам и верного не дает. — Я беру секунду на размышление. — Опускай его.

Нелли ослабляет веревку, и Эдди мгновенно устремляется вниз. Одновременно с полетом снова заводятся дикие вопли. Долю секунды спустя Хагстрем снова хватается за веревку, однако Эдди уже на целый фут ниже, чем был. Глаза его широко распахнуты, беспомощное

болтание рыбы на крючке обрело настоящий размах.

— Давай снова попробуем, — говорю я.

Хагстрем хватает цыпленка.

— Просто в порядке стимула... — И он швыряет птицу в болото. Цыпленок приземляется на островок грязи и начинает понемногу тонуть в мягкой почве. Но Хвата там нет.

Торжествующее выражение на ряхе Эдди секунду спустя сменяется полным отчаянием, когда аллигатор в одном феноменальном броске прихватывает сразу и цыпленка, и островок грязи, и корни ближайшего мангрового деревца.

— Это все Шерман! — орет Талларико, мучительно выгибаясь подальше от поверхности воды, проделывая лучший гимнастический элемент в своей жизни. 9,6 балла от русского судьи.

Я киваю Хагстрему, и он подтягивает веревку на дюйм-другой. Недостаточно, чтобы вытащить рыло Эдди из кипятка, но вполне достаточно, чтобы поразить его тем, что мы играем по правилам.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда пойдем дальше. Как Шерман узнал, что Норин и Одри будут на яхте?

Еще один отрезок молчания, и Нелли тяжело вздыхает. А я завожу гудящую тему фильма «Челюсти».

— Но ведь там какая-то ерунда про акулу, верно? — спрашивает Хагстрем.

— Верно. Про аллигатора мне что-то никак не вспомнить.

— Ладно, сойдет, — говорит Нелли и слегка ослабляет хватку за веревку. — Ну что, еще разок его опустить?

— Нет! — вопит Эдди. — Нет, я... я просто не знаю, как он узнал.

— Ты? Не знаешь? Очень сомнительно.

— Я в том смысле, что он это узнал благодаря тому парню у вас в бригаде. Благодаря источнику. Тогда мы сбросили где надо пакет, ту штуковину, которую Шерман сварганил, пульт, таймер и все такое, и сказали, что если будет возможность, пусть он всю эту ерунду поставит.

— Значит, ты говоришь, что бомбу сделал Шерман, а поставил источник?

Эдди кивает как может. Похоже, вся кровь уже натекла ему в голову. Надеюсь, ублюдох теперь жуткую мигрень получил.

— А все остальные, — говорит Папаша. — Джек, Норин и все остальные... Про их местонахождение и передвижение ты тоже от того парня узнавал? Этот стукач всех их тебе сдал?

Еще один кивок от Эдди, и я подмечаю, что гнев Нелли начинает брать верх над его действиями. Его руки почти соскальзывают с веревки, желая здесь и сейчас погрузить Талларико в болото.

— Ты крепко ее держишь? — спрашиваю я.

— Достаточно крепко, — рычит Нелли, не спуская глаз с Эдди. — На данный момент.

— Отлично, — говорю я и хлопаю в ладоши. — Вот мы и к самому главному вопросу подошли. Кто источник?

Эдди ни секунды не колеблется.

— Не знаю.

— Опускай его, — говорю я, и Нелли счастлив повиноваться. Веревка выскальзывает из его рук, снова шуршит по коре дерева, а трехсотфунтовая туша Эдди тем временем устремляется к болоту и с нетерпением ожидающему ее аллигатору.

Нелли идеально рассчитывает время: дождавшись, пока голова Эдди почти коснется воды, он быстро тянет за веревку, останавливая Талларико в каком-то миллиметре от фатального всплеска.

Раптор теперь стремительно пыхтит — на вопли он уже просто неспособен. Он также неспособен связно выражаться.

— Не знаю, — булькает Эдди. — Знаю! Не знаю... я не... кто я... кто знаю... не я...

Я вытягиваю из охладителя еще цыпленка и держу его у себя под подбородком, точно регбист, собирающийся совершить прорыв к зачетной зоне.

— Успокойся, Эдди, или мы прямо сейчас игру закончим.

— Я не знаю! — снова орет Эдди, сподобившись на первое грамматическое соответствие за последнее время. — Мы оставляем сообщения, только и всего, клянусь!

— Сообщения?

— На автоответчике. Вот и вся связь. Я оставляю запрос и получаю в ответ информацию. Это все.

— А как ты платишь? — спрашиваю я.

— Через точку сброса, — отвечает Эдди, в то же время лихорадочно шаря глазами по воде на предмет любых признаков возвращения Хвата. — Мы сбрасываем деньги на одной заброшенной пристани здесь, в Глейдах. Кто-то приходит и их забирает. Фрэнк всю эту процедуру установил.

— Фрэнк, значит? Тезка твоего брата?

— Блин, да сам мой брат, Фрэнк. Это все его рук дело.

Итак, старший Талларико определенно имел здесь куда больше контроля, чем я себе воображал. Возможно, на самом деле он послал меня в Майами вовсе не сидеть у Хагстрема на хвосте; возможно, он хотел моего здесь присутствия для запуска в работу какой-то более крупной схемы.

Хагстрем дергает за веревку, утягивая Эдди от поверхности воды, и по лицу раптора прокатывается волна облегчения.

— Скажи-ка мне, Эдди, еще одну вещь. Когда следующая выплата?

— Завтра вечером, — говорит он. — Если хотите, ребята, я могу ее отменить... позабочусь о том, чтобы деньги не были сброшены...

— Нет-нет, — перебиваю я. — Мы хотим, чтобы выплата состоялась. Только ты должен оставить сообщение на автоответчике и внести туда несколько перемен.

— Я?

— Ну не я же.

— Думаю...

— А ты не думай, — говорит Хагстрем. — Просто делай. — Он выхватывает из кармана маленький мобильник модной модели и повыше его поднимает. — Ты должен позвонить и оставить сообщение. Ты скажешь источнику, что хочешь с ним встретиться. Что хочешь лично поблагодарить его за славно проделанную работу, а также вручить кое-какие премиальные.

— А знаешь, Нелли, — говорит Эдди, разнообразия ради обращаясь к Хагстрему по имени, — мы с тобой сможем сработаться. Сможем всем этим городом заправлять...

— Я им уже и так заправляю. Слушай, ты, мудозвон с манией величия, я тебе только один раз это скажу. Ты позвонишь, оставишь сообщение, и если ты сделаешь все как надо, мы с Винсентом тебя отпустим. Ты свалишь из этого города, из штата — а если ты еще способен понимать, что для тебя хорошо, а что плохо, то и из этой долбаной страны. Но ты останешься жив, и вот тебе мое обещание. Но если ты сделаешь что-то не то — вякнешь хоть слово, хоть полслова, и все дело из-за этого сорвется, — я сброшу тебя в это болото куда быстрее, чем диктор новостей успеет сказать: «Его труп сожрали аллигаторы». Все ясно?

Эдди опять как может кивает, но Нелли требуется словесное подтверждение.

— Все ясно? — снова спрашивает он.

— Да, — негромко отзывается Талларико. Он совершенно сломан, от его прежней личности осталась лишь оболочка.

Нелли замахивается и швыряет мобильник. Эдди лихорадочно тянется его поймать, но крошечная «нокия» выскальзывает из его жирных пальцев и навеки исчезает в Эверглейдах.

Мы, все четверо, там стоим — ну да, верно, мы трое стоим, один висит — и глазеем в болото, в то самое место, где исчез мобильник.

— Н-да... — говорю я.

— Н-да, — повторяет Хагстрем. — Маленькая техническая неувязка.

Я уже собираюсь перейти к Плану Б, но тут вспоминаю, что у меня тоже есть мобильник. Конечно, не такой модный, как у Нелли, но служит исправно — даже в этой дыре.

— Попробуй еще разок, — говорю я. — Но если ты и этот не поймашь, то клянусь, ты за ним следом уйдешь. — Эдди говорит мне, какой номер надо набрать, и я набираю. Через секунду-другую следует длинный гудок, и я убеждаюсь, что процесс пошел.

Затем я довольно неловко швыряю мобильник, но Эдди лихо изгибается влево и намертво хватает телефон. Пожалуй, ничего ловчее он в жизни своей не совершал — особенно если учесть, что его руки по-прежнему связаны в запястьях.

— Валяй, — одними губами говорю я ему, и Эдди начинает.

— Привет, — ровным тоном говорит он. Нелли тем временем крепко держит веревку, но в любой момент готов отпустить. — Это Эдди Т. Просто хотел сказать, что по-настоящему доволен проделанной работой и хочу встретиться, чтобы заплатить лично. Может, попьем кофейку — такие типа дела. Время и место те же самые. Может, нам с тобой вместе удастся какое-нибудь дельце провернуть. Тут Нелли дает ему сигнал, и Эдди быстро сворачивается, добавляя лишь одну фразу:

— Ладно, увидимся.

— Мобильник, — говорю я, и Эдди швыряет его обратно на землю. Бросок у него выходит дерьмовый — примерно так президенты обычно швыряют мячик в первый день бейсбольного сезона. Я вынимаю мобильник из грязи, вытираю его и кладу обратно в карман брюк.

— Ну как, все верно? — с дрожью оптимизма в голосе спрашивает Эдди. — Я все сделал, вы меня отпускаете, и мы в разные стороны расходимся?

Нелли бросает на меня взгляд, но это не мое решение.

— Дело семейное, — говорю я ему. — Решать тебе.

Эдди внезапно осознает, что назревают неприятности, что обещание Хагстрема его отпустить может быть не выполнено.

— Проклятье, — снова заводит он свой обычный вой, — ты не можешь так поступить...

— Почему? — интересуется Нелли.

— Ты обещал... ты поклялся... ты дал слово...

— Я только сказал, что мы с Винсентом собираемся тебя отпустить. А про Папашу я даже словом не обмолвился.

Эдди теперь безумно дрыгается на веревке. Я вижу, как его выпущенные от избытка адреналина когти летают туда-сюда, бессильно царапая воздух.

— Нет... нет...

— Папаша, — говорит Нелли, — он весь ваш.

Папаша Дуган шаркает к веревке и медленно выпускает единственный черный коготь. Коготь этот истертый и тусклый, но все же он достаточно остр, чтобы как следует справиться с работой. Опытным движением Папаша перерезает ровно половину толщины веревки, удерживающей Эдди над болотом.

— Это тебе за Джека, — говорит он.

Тут Эдди окончательно лишается всякого самообладания — безостановочный поток ошалелой тарабарщины струится из его рта. Получается какой-то марсианский диалект — нельзя разобрать ни слова.

— А это, — продолжает Папаша, кладя свой коготь на уже растрепанные нити веревки, — это тебе за Норин.

Эдди еще и наполовину не погрузился в воду, а Хват уже там. Станным образом представляясь крупнее, чем раньше, аллигатор защелкивает пасть на туловище Талларико, острые зубы зарываются в мясистое брюхо. Эдди вопит раз, другой, бьет кулаками по

длинному рылу аллигатора, пытается погрузить когти в какое-нибудь чувствительное место зверя, но все без толку. Аллигатор трижды поворачивается вокруг своей оси, и Эдди лишается чувств, а считанные секунды спустя мрачно-бурое болото становится чуть краснее обычного. Выпученные глаза Хвата лишь на мгновение медлят над поверхностью, заглядывая в наши и словно бы говоря: «Вот так мы здесь работаем». Наконец чудовище исчезает под водой, унося с собой последние остатки майамской семьи Талларико.

Той ночью мне не заснуть. Вместо этого я просто лежу на койке в пакгаузе, глаза в пустой потолок. Вокруг себя я почти чувствую клан Дуганов — эти люди не помогают мне, не препятствуют, а лишь наблюдают и ждут, что я сделаю дальше. Порой у меня возникает чувство, будто и Эрни там — тоже наблюдает за мной и оценивает, а порой бормочет что-то вроде «Отличная работа, сынок» или «Ну, ты здесь и напортачил».

Следующий день — сплошные приготовления. Нелли отдал распоряжение взять напрокат катер с воздушным двигателем, который должен довезти нас через Глейды к той заброшенной пристани. Я звоню Сатерленду и выясняю то, что мне уже и так понятно. Телефонные переговоры Фрэнка показывают, что он звонил на тот же автоответчик, что и Эдди, контролируя весь процесс за три тысячи миль оттуда.

Дальше все ограничивается простым силовым решением. Мы с Нелли не хотим с этим парнем рисковать. Он может оказаться крупнее нас и сильнее. Кроме того, мы знаем, что он умеет работать со взрывчаткой. Поэтому нам требуется численное превосходство.

— Я взял двух парней, — сообщает мне Нелли. — Пара солдат, и они совершенно чистые.

— Хорошо, — говорю я. — Чем больше, тем лучше.

— Они горячим товаром пакуются.

— Пистолетами?

Нелли кивает.

— И мы тоже должны.

От одной этой мысли во рту у меня появляется скверный привкус. Пистолета я не касался со времен той возни с прогрессистами на Гавайях, но даже тогда обезьянье оружие восторга у меня не вызывало. Оно пахнет сильнее всего — резким металлическим запахом, острым и болезненным.

— К черту, — говорю я. — Это обезьянья работа.

— Понимаю. Но мы оба знаем, что народ Талларико не колеблется, прежде чем выпустить в воздух пулю-другую.

— И все же...

Хагстрем подходит ко мне поближе, поднимает руку и оттягивает шапку густых волос у себя на голове. Там, прямо посреди лба, есть сморщенный шрам — и Нелли, похоже, мне на него указывает.

— Видишь? — спрашивает он, и я киваю. — Вот что бывает, когда дело доходит до обезьяньего оружия, а ты как следует о себе не заботишься.

— В тебя... в тебя стреляли?

— Бригада млекопитающих, — объясняет Нелли, опуская волосы на место. — Когда мы только-только сюда добрались, начали поднимать голову. Вышла маленькая война, ничего серьезного, но я был у них в списке. Выходил из своего же собственного клуба, а они решили взять меня издалека, и на расстоянии сотни футов у меня не было способа как-то защититься. Только один выстрел и требуется — пуля пробила и личину, и чешуйки — пошла прямиком в мозг.

— Но ты выжил.

— Череп у меня толстый. — Нелли смеется, стуча себя кулаком по башке. — Пуля по-прежнему там — где-то в кости. Чешуйки над ней зажили, и мне пришлось соответственно перешивать личину.

— А что, доктора не могут ее вынуть? — спрашиваю я.

— Могут. Ну пуля — и шрам — это что-то вроде каждодневного напоминания. Я не могу рисковать, сталкиваясь с врагами, которые ведут себя как млекопитающие. Когти так далеко не режут. А пистолеты запросто бьют.

Он прав, и я это знаю. И все же, несмотря на всю его правоту, я не могу преодолеть своего врожденного отвращения к этим обезьяньим штуковинам.

— Вы трое пакуете горячий товар, — предлагаю я. — А я иду так.

— Ты на этом настаиваешь?

— Настаиваю.

Хагстрем кладет мне руку на плечо, и я ему тоже. Десять дней назад этот жест означал бы битву не на жизнь, а на смерть, и все, скорее всего, закончилось бы тем, что Джек или Норин сказали бы нам немедленно прекратить и пожать друг другу руки. Теперь же мы просто смотрим друг другу в глаза, понимаем, что происходит у нас в головах, и наверняка думаем об одном и том же.

Мы курсируем по болоту на скромных десяти узлах, не увеличивая скорость, хотя судно вполне позволяет. В таком катере с воздушным двигателем просто невозможно по-тихому к кому-нибудь подобраться. Эти штуковины так и просятся на плакаты против шумового загрязнения среды, но свою работу они делают исправно. Поскольку многочисленные протоки Эверглейдов загаживает чертова уйма поверхностных корней, любой нормальный катер с подводным винтом застрял бы здесь через считанные секунды после старта от пристани. Так что этот катер с воздушным двигателем, на корме у которого красуется гигантский вентилятор, похожий на плод какого-то третьесортного научного проекта, представляет собой единственно возможное здесь средство передвижения.

Нелли стоит слева от меня, ведя катер по узким каналам среди густых мангровых зарослей. Понятия не имею, как он в этом болоте ориентируется, но, с другой стороны, я уже четко уяснил, что не одна мафиозная семья пользуется этим превосходным местом для избавления от досадного трупа-другого. Ни одна из газет не упомянула об исчезновении Эдди Талларико, а это означает, что никаких остатков его тела так и не нашли. Если Хват был достаточно голоден, их никогда и не найдут.

Я даже не знаю, как зовут двух солдат, которых взял с собой Нелли, и знать не хочу. Это уже не месть. Гордости или чести семьи это дело тоже уже не касается. Речь идет о том, чтобы просто закончить работу — пусть даже мне за нее не заплатят. Технически у меня еще осталось два дня службы на Фрэнка Талларико, и хотя я намереваюсь провести их как положено — в конце концов, я сижу у Хагстрема на хвосте, разве нет так? — теперь вперед могут выдвинуться другие приоритеты из моего списка.

Восемь сорок пять. Мы едем чуть раньше, и это отлично нам подходит. Мы хотим заприметить шпиона раньше, чем он заприметит нас. На этой стадии игры все дело в лучшей информированности, и хотя у меня есть чувство, что, как только дойдет до дела, события начнут развиваться стремительно, я все же не хочу быть тем, кто в итоге будет стоять в углу и скрести у себя в затылке.

Так что мы решаем подождать. Нелли направляет катер в камыши, и мы гасим весь свет, прикрываясь листвой и придавая себе надлежащий вид типа «камуфляж во Вьетнаме». Заброшенная пристань прямо впереди. Легкий туман Южной Флориды поднимается, маскируя все, кроме самых крупных объектов.

— Вот мы и приплыли, — шепчу я Нелли.

— Угу.

— Знаешь, — говорю я ему, — какое-то время я думал, что это ты.

— Знаю, — отвечает он. — А я думал, что это ты.

Мы сидим молча, в точности зная, почему мы оба потом передумали. Кто-то должен поднять эту тему. Почему бы не я?

— Ты сегодня по ней тоскуешь?

— Еще больше, чем вчера, — отвечает Нелли.

— Я тоже.

Недвижный воздух над Эверглейдами наполняют звуки негромкие и дикие. То аист издаст свой последний вечерний крик, то аллигатор скользнет в воду, желая хорошенько выспаться перед очередным убийством. Славное местечко — если ты, конечно, способен выносить вонь.

Шаги. Легкие, деликатные. Кто-то осторожно ступает по скрипучей древесине. Идет по пристани.

Я киваю Нелли, и он освобождает швартов, а я тем временем аккуратно отталкиваюсь от берега. Судно легко скользит по воде, но туман пока что скрывает темную фигуру на пристани, которая дожидается там нашего прибытия, рассчитывая, что Эдди Талларико выпрыгнет из катера и заключит ее в свои патентованные медвежьи объятия, а к ним присовокупит пятьдесят тысяч наличными.

К несчастью для стукача, встреча не станет столь дружественной. Мы дрейфуем, пристань все приближается, тихая, безмятежная вода несет нас к нашей тайной мишени.

Но, задолго до того, как мы туда добираемся, я ловлю в воздухе запах — о столь многом говорящую мне смесь садовой гвоздики и старых бейсбольных перчаток. Тут же сердце мое окутывает последний слой прочной стальной обертки.

Скорее всего, она тоже меня почуяла. И надо отдать ей должное — она не бежит, не пытается скрыться. Она просто там стоит и встречает свою судьбу как подобает настоящей гадрозаврихе.

— Вечер добрый, Гленда, — говорю я, пока мы приближаемся к пристани, и ее до боли знакомая фигура выплывает из вечернего тумана. — Не желаешь ли на борт сесть?

19

Молчание.

Поначалу Гленда пыталась заговорить, непринужденной болтовней вымолить себе дорогу от пристани, из Глейдов, из штата, но я просто поднял палец и поднес его к губам, призывая ее к молчанию. Гленда бросила один взгляд на меня, на Нелли, на две груды мяса и мышц у нас по бокам — и без всяких вопросов села на катер.

Молчание.

Катер разгоняется по Эверглейдам, громадный вентилятор всюду взбаламучивает воздух, выплевывая его назад, выталкивая к камышу и манграм. Мы с Нелли стоим по обе стороны от Гленды, пока она глядит прямо вперед, ни на миг не отрывая глаз от горизонта. Нелли смотрит в сторону, на Глейды, в небо, временами на Гленду, и я прикидываю, не думает ли он все это время про Джека и Норин. Лично я думаю.

Пока мы плывем, туман все гуще — сперва он урезает поле нашего зрения до двадцати футов, затем до десяти. Но мы идем не слишком быстро, и катер делает от силы десятков узлов. Нелли передал руль одному из солдат, и тот с натренированной легкостью прорывается сквозь мангры.

— Чуть подальше, — говорит Нелли, — еще несколько поворотов.

Там есть тихое место, сказал мне Нелли перед отправкой. Место, где никто не станет нам досаждать. Честно говоря, не могу себе представить, что в Эверглейдах много таких мест, где кто-то станет нам досаждать, но с другой стороны, не я егерь в этих лесах, и даже самые необитаемые на вид места могут кишеть незримыми обитателями. А раз Нелли говорит, что там чисто, значит, там чисто.

Мы прорезаемся сквозь чащу высокого тростника, длинные стебли бешено раскачиваются позади, пока наш катер скользит в небольшой круглый бассейн, окруженный высокими манграми. Здесь маленький оазис чистой воды в самой гуще всей этой буйной растительности. Нелли дает сигнал своему солдату, и тот глушит мотор. Громадные лопасти вентилятора медленно останавливаются.

Гленда так и не сказала ни слова.

— Вот мы и приплыли, — говорю я, тем самым указывая, что ей тоже можно говорить. Гленда кивает.

— Вот и приплыли.

Не знаю, хочет ли Нелли что-либо предпринять, но думаю, он понимает, что, учитывая изменившиеся обстоятельства, есть кое-что, о чем надо позаботиться мне, а не ему. Он отступает к борту, оставляя меня почти наедине с Глендой.

— Хочешь мне что-нибудь сказать? — спрашиваю я.

Гленда широко ухмыляется. Как же мне это знакомо.

— Похоже, своих пятидесяти кусков я так и не получу.

— Не получишь, — со смехом отзываюсь я, позволяя себе впервые за все последнее время по-настоящему рассмеяться. — Нет, точно не получишь.

— А что с Эдди?

— Он ушел, — говорю я ей. — И больше не вернется.

Гленда снова кивает.

— Вот и хорошо. Терпеть жирного ублюдка не могла.

— Но ведь ты на него работала.

Гленда опускается на пол катера, и я тоже сажусь напротив нее. Если мы собираемся вести непринужденный разговор, мы вполне можем устроиться поудобнее.

— Я работала на Фрэнка, — уточняет она. — Эдди был сбоку припека. На этот счет выбора у меня просто не имелось.

Нелли вступает в разговор:

— Тебе Фрэнк Талларико платил?

— Поначалу да. — Гленда ничего не скрывает. В секретах уже нет смысла, и она это понимает. Умная девочка всегда делает умные ходы. Почти всегда. — А последние несколько недель я получала деньги здесь, на пристани, от бригады Эдди.

Мне не требуется много времени, чтобы сложить дважды два четыре и вычесть слагаемое.

— Несколько месяцев назад, в телефонном разговоре, ты сказала, что ты в очень скверном долгу.

— Да, задолжала одному ростовщику, — признает Гленда. — Боссу семьи рапторов Нью-Йорка.

У меня в груди твердая тяжесть.

— Знаешь, Глен, ты могла бы позвонить мне.

— Тебе надо было с собственным дерьмом разбираться. Да и потом я думала, что смогу сама с этим справиться. Тут немного занять, там малость расплатиться. Но стало круто, пришлось к этой акуле идти, и...

— И Фрэнк Талларико купил твой долг.

Гленда кивает:

— Без малого сотню кусков. Сказал, что я смогу отработать. Все, что от меня требовалось, это отправиться с моим старым приятелем в Майами.

Птичий крик резко нарушает неподвижность вечера, и мы все слегка вздрагиваем. Ветерок легкий, но теплый, и я вдруг задумываюсь, как славно было бы сорвать с себя всю одежду, нырнуть в воду и уплыть куда глаза глядят от всех этих заморочек. Плыть и не останавливаться, пока я не доберусь до земли где-нибудь на Карибах, где небо чистое, а твои лучшие друзья действительно прозрачны как вода.

Тут я припоминаю день, когда убили Джека — когда Гленда удобно устроилась на асфальте еще раньше, чем полетели пули.

Я припоминаю ее лицо, когда мы подъехали к яхтенной гавани — как ее фальшивая кожа краснела, глаза метались туда-сюда, как будто ее только что застукали за чем-то вроде мочеиспускания в неподобающем месте. И в воздухе тогда чуть-чуть припахивало порохом.

Я припоминаю, как она бывала на совещаниях вместе со всеми парнями семьи Дуганов, как она узнавала, где каждый из них окажется и когда именно. Как она порой даже сама

рекомендовала места, где они будут в большей безопасности от банды Талларико.

В общем, я припоминаю гораздо больше, чем мне хочется припоминать. Больше, чем я когда-либо смогу забыть. И Гленда знает, что я это знаю, а потому даже не пытается оправдаться. Здесь ей опять следует отдать должное — она никого не пытается ввести в заблуждение. По крайней мере, на свой счет.

— Ведь ты знаешь, что ты сделала, — говорю я ей.

— Знаю. — Гленда переводит дух и выдает фразу, которую она, как пить дать, все это время повторяла самой себе: — Я просто была наемным орудием. Это не мое занятие.

— Не твое, — соглашаюсь я. — И не мое. До недавних пор. Но ты знала, что я доберусь до той яхты. Ты могла бы меня остановить.

Гленда явно пристыжена, а это обычно первый шаг на пути к признанию вины.

— Я просто не знала, что делать. К тому времени, как я поняла, что ты и впрямь доберешься до яхты, было уже слишком поздно.

— Приходит время, когда ты должна провести черту на песке и встать по одну сторону от нее, — объясняю я.

Губы Гленды кривит суровая, почти скорбная усмешка.

— Знаешь, Рубио, чем дальше, тем больше ты в манере Эрни изъясняешься.

— Спасибо. — Она принимает мою благодарность как комплимент, и я это знаю. Но тут я вспоминаю своего старого партнера и задумываюсь о том, как бы он со всем этим разбирался. Как он с самого начала стал бы задавать вопросы. И как он никогда не позволил бы втянуть себя во все это дерьмо. — Когда ты вдруг объявилась у дверей моего кабинета в Лос-Анджелесе и сказала, что я приглашал тебя приехать... ведь того разговора на самом деле не было, да, Глен?

— Не было, — признает она. — Я прикинула, что все было бы более естественно, если бы я просто так заявила, сказала, что ты со своими базиликовыми провалами в памяти просто все забыл... ну и так далее.

— Отличная уловка, — говорю я ей. — И сыграно здорово.

Тут Нелли делает шаг вперед и кладет мне руку на плечо. Мне не требуется смотреть на часы, чтобы понять: назначенное нами время давно уже вышло. Так или иначе, но мы должны в темпе со всем этим кончать.

Я встаю и помогаю Гленде подняться на ноги. Мы стоим в каком-то футе друг от друга — и сказать больше нечего. Да, есть миллион слов, которыми мы могли бы обменяться, длинные речи, в которых мы стали бы философствовать на предмет того, что мы сделали, кем мы стали, но в конечном итоге все это было бы только шум и ярость.

— И что теперь? — спрашивает Гленда.

Я чувствую, как они — Джек, Норин, все остальные — подталкивают меня вперед, побуждают принять решение, довести все это дело до некой концовки. Направления они мне не указывают, только хотят, чтобы все поскорее закончилось — чтобы они смогли наконец исчезнуть в вечной пустоте.

Когда мы впервые встретились, Гленда стояла у лотка с хот-догами, болтая с продавцом, рассказывая ему один сальный анекдот за другим, заставляя его сгибаться пополам от смеха.

— ...погоди, погоди секунду, — хрипло завершала она очередной анекдот, — ты не так расслышал. Я не говорила, что мне двенадцатидюймовый пианист нужен!

Я тогда как раз шел с долгого дежурства на наблюдательном посту — одного из первых моих заданий уже без Эрни — и был в чертовски плохом настроении. Все, чего мне тогда хотелось, это немного перекусить и найти тихое местечко, где преклонить голову. А тут, черт возьми, оказалась это громогласная, так и сыплющая ругательствами нью-йоркская телка, которой случилось разрушить сразу оба моих плана.

— Привет, — сказал я, прождав пять минут в тщетной надежде, что продавец наконец обратит внимание на мое существование, — здесь кое-кто еще еды дожидается.

Тут Гленда развернулась, сунула мне в руку свой хот-дог и сказала: «Кушай, деточка,

кушай, Господь Бог запрещает тебе голодать». А потом она втянула меня в разговор, битых часа полтора кружа мне голову анекдотами столь сомнительными, что я прямо сквозь личину краснел.

И когда много лет спустя я стану вспоминать Гленду, я не вспомню ее вот этой трезвой, уравновешенной женщиной, что стоит в самой середине катера с воздушным двигателем и покорно принимает ту участь, которую мне будет угодно ей уготовить. Я не стану думать о ней как о той самой гадрозаврихе, которая организовала ужасную гибель многих других диносов. Не стану думать о ней как о лучшей подруге, которая меня предала.

Я стану думать о Гленде как о той самой девушке, которая подняла меня, когда я лежал так низко, что ниже не бывает, которая пробудила меня к жизни, когда самосожаление утопило всю мою волю и я уже не мог идти дальше. Она всегда останется для меня той вопиюще грубой и чудесной хулиганкой у лотка с хот-догами.

— Прости, — говорю я, и Нелли ловит мою подсказку, пододвигая своих солдат к бокам Гленды. Они тяжело над ней нависают. Гленду начинает немного потряхивать — ее рука дрожит, пока она вытирает единственную слезу.

— Значит, все будет так?

— Да, — говорю я. — Так.

— Я могла бы свалить из города. Пожить немного в Европе.

Нелли качает головой. Да, это мое личное дело — оно связано с Джеком, с Норин, с моим собственным благополучием. Но это также дело Нелли — его дальнейшее существование будет зависеть от того, верно ли мы поступим сегодня вечером.

— Прости, Глен, — повторяю я. — Ты представить себе не можешь...

Солдаты лезут к себе в карманы, вытаскивают оттуда подходящие под их размеры пистолеты и направляют стволы Гленде прямо в лоб. От одного вида обезьяньего оружия меня начинает бить озноб, и прежде чем они успевают сделать следующий ход и закончить работу, я поднимаю руку.

— Погодите, — говорю я, Гленда чуть не падает от облегчения. — Только не так.

Нелли недоуменно наклоняет голову, но я делаю шаг вперед. В груди у меня тяжело. Это опять воздух? Или влажность?

— Отойдите, — приказываю я солдатам.

Нелли кивает, и солдаты отодвигаются в сторонку, а я тем временем встаю позади Гленды, левой рукой обнимая ее за грудь, притягивая поближе к себе. Мой человеческий перед прижат к ее заду, и так мы какое-то время стоим, пока я зарываюсь лицом в ее волосы.

Ничего тяжелее мне никогда в жизни делать не приходилось, и я ей об этом говорю.

— Тогда не делай, — просто советует Гленда.

Но я все-таки выпускаю свой средний коготь, самый острый и чистый.

— Я должен, — шепчу я.

Гленда закрывает глаза, когда я провожу когтем по ее мягкому загривку, негромкое воркование слетает с ее губ, пока она цепенеет в моей хватке...

И вдруг я останавливаюсь. Мое тело становится легче, грудь быстро освобождается.словно тот твердый сгусток, который последние две недели окутывал мое сердце, начинает стремительно исчезать. Я пытаюсь мысленно потянуться к себе внутрь, вновь ощутить тот успокоительный лед, тот стальной гнев, который я испытывал, сидя на пляже Форт-Лодердейла и держа на руках обмякший поликостюм Норин, но его там и в помине нет. Я медленно, но верно возвращаюсь к самому себе.

— Давай назад, — говорю я Нелли.

На мгновение мне кажется, что он улыбается.

— Ты уверен? Это твое решение.

— Уверен. Давай обратно к берегу.

Хагстром заводит мотор и направляет судно назад к твердой земле. Всю обратную поездку Гленда не говорит ни слова, но и не пытается выскользнуть из моей хватки.

Пока мы приближаемся к пристани, отдельные доски которой торчат наружу, точно

тропки по болотной воде, я шепчу Гленде в самое ухо:

— Беги. Спрыгивай с катера, беги прочь и не останавливайся. Когда они окажутся вне моего поля зрения, я уже не смогу их остановить.

Гленда кивает и обеими руками сжимает мою ладонь. Последние двадцать футов мы преодолеваем, крепко обнявшись, и оба думаем — не в последний ли раз мы так близко друг к другу, пока все еще бьются наши сердца? Как только мы достигаем пристани, Гленда соскакивает с катера и уносится в ночь, исчезая под пологом пальм и мангров.

После ее бегства Нелли садится на край катера, болтая ногами в черной воде. Я тяжело плюхаюсь рядом с ним — последние силы уходят.

— Ты не наш, Винсент, — негромко говорит Нелли. — И никогда не был.

— Я знаю.

— Пожалуй, пора тебе возвращаться домой.

— Угу. Я тоже так думаю. — Я смотрю на Эверглейды — на эту спокойную, мирную гладь, под которой таится столько опасности. — Кому-то надо кошку кормить.

20

Фрэнк Талларико опять у себя в солярии — сидит в плетеном кресле. Рядом с ним служанка — похоже, девушка с фабрики звезд, миниатюрная азиатка, неотличимая от своих соплеменниц. Она обмахивает Талларико большим полинезийским веером, движет рукой взад-вперед, гоня теплый воздух конца лета по в иных отношениях душному помещению.

— Извини за жару, — говорит Фрэнк, приветствуя меня в своем доме. — Кондиционер еще вчера сдох, и его до сих пор не починили.

Я кидаю перед ним на стол целую сумку флоридских апельсинов, и Талларико одобритительно кивает.

— Отличный гостинец, — говорит он. — Я, как ты знаешь, хороший цитрус очень ценю. Я так понимаю, ты прекрасно провел время в Майами?

Нет причины ходить вокруг да около — я сюда не для болтовни пришел.

— Я знаю, что вы сделали.

— Что ж, — говорит Фрэнк. — Чертовски подходящий способ начать разговор. А травки не хочешь?

Он щелкает пальцами, и еще одна служанка прибывает с уже знакомым подносом. Я мотаю головой, и Фрэнк снова щелкает пальцами с таким видом, словно он вдруг припомнил что-то чрезвычайно важное.

— Ах да, все верно. Ведь это как раз ты с травами справляться не можешь, так?

— Все это было подстроено, — продолжаю я, вдруг осознавая, что на долю секунды мне действительно не захотелось этой травы. Просто она оказалась не так важна для меня в великой схеме вещей. Миг спустя желание возвращается, но та доля секунды — это уже нечто, на чем можно строить какое-то будущее. — Весь план с самого начала состоял в том, чтобы впутать меня в это дело.

Фрэнк Талларико пожимает плечами:

— Утомляешь ты меня, Рубио. Ты что, пришел сюда истории мне рассказывать?

— Только одну. Историю о том, как вас расстроил тот факт, что Дуганы стали использовать ваших девушек с фабрики звезд для собственных нужд.

— Это было омерзительно, — фыркает Талларико. — Он мне все про это рассказал. Отрезать им хвосты, использовать как морских свинок. Даже попытался убедить меня в том, что нам следует получать из этих девушек какое-то лекарство, а потом продавать его с тем, чтобы ставить на ноги калек. А то, как я веду дела...

Я решительно не хочу вступать в дискуссию касательно морального аспекта проблемы — до смерти боюсь, что в итоге мы с Фрэнком окажемся здесь солидарны. Я не забываю того, что делали Джек и Норин, но, с другой стороны, мои конечности никогда мне не отказывали. Я никогда не бывал так прижат к стене.

— И из-за этого вы решили затеять гангстерскую войну?

Талларико ковыряет в носу. Я для него явно не важнее комнатной мухи.

— Этим девушкам требовалось шесть-семь недель, чтобы снова встать на ноги. И хвост под повязкой жутко чешется. Дуган хотел забрать их всех себе — для своего маленького научно-исследовательского проектика. Хотел меня купить. Этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Вот тебе, Винсент Рубио, и урок этики. Я принимаю эстафету.

— А как лучше всего единым махом избавиться от всех этих Дуганов и от собственного досадного братца? Вынудить Эдди выйти из себя и начать всех мочить. Обе стороны подвергаются истреблению, а потом туда приходите вы, весь в белом, и заполняете вакуум. Только вам требуется катализатор. Что-то, чтобы начать игру с обоих концов. Тогда вы проводите небольшое расследование и обнаруживаете одного частного сыщика, который знал Джекки Дугана еще когда того звали просто Джеком. К тому же он велоцираптор — еще и лучше, чтобы разыграть расистскую карту. А что совсем замечательно, так это что у него есть подкупная подружка-гадрозавриха, которая задолжала кучу денег вашим деловым партнерам в Нью-Йорке.

Фрэнк смеется, разводя руками.

— Однако мне масса времени потребовалась, — похваляется он. — Я три разных сценария проработал, пока ты не подвернулся.

— И моя ситуация показалась вам такой идеальной, что пройти мимо просто было нельзя.

— Идеальной? Не знаю. Но она вполне подходила. — Фрэнк откидывается на спинку кресла и сладко потягивается. Девушка с фабрики звезд увеличивает частоту своих махов. — Вот, значит, как? Ты пришел мне сказать, что ты всю мою большую и гнусную схему вычислил? Что ты типа такой долбаный гений?

Я тяну руку вниз и поднимаю бархатный саквояжик, с которым я сюда пришел. Тот самый саквояжик, который мне вручили, когда я в первый раз покидал дом Фрэнка Талларико. Охранники тут же ко мне направляются, но Фрэнк машет рукой, отгоняя их, и я кидаю саквояжик ему на колени.

— Двадцать тысяч долларов, — говорю я ему. — Пересчитайте, если желаете. Они все на месте.

Фрэнк даже не думает прикасаться к деньгам.

— Но ты сделал свою работу, — говорит он. — Ты просто роскошно ее сделал. Правда, до сих пор даже об этом не знал.

Я делаю шаг вперед — вплотную к плетеному креслу.

— Я не хочу на вас работать. Я даже не хочу думать, что я когда-то на вас работал. Я возвращаю вам деньги, потому что я никогда их не брал. Я ездил в Майами провести отпуск, и все, что там случилось, случилось потому, что я этого хотел.

— Вот, значит, с чем ты пришел? — спрашивает Фрэнк.

— Вот, значит, с чем я пришел, — отвечаю я, уже в каком-то футе от него.

Талларико пожимает плечами:

— Если это поможет тебе, Рубио, лучше спать по ночам, то на здоровье. А лично я доволен. Я получил все, что хотел, и вернул себе кое-какие ресурсы. Теперь у меня есть все, что требуется. Южная Флорида созрела для захвата, и я даже с расстояния в три тысячи миль смогу все это повернуть. Дуганов больше нет, а Хагстрему элементарно не хватит живой силы и мозгов, чтобы меня переиграть. — Тут он подается вперед и широко ухмыляется. Та же самая ухмылка, которая заставляла жирную ряху Эдди казаться слишком большой, заставляет лисью мордочку Фрэнка казаться слишком маленькой.

Я подаюсь вперед и хватаюсь сразу за оба подлокотника, впиваясь пальцами в плетенку.

— Не будьте так в этом уверены, — рычу я.

Внезапно люди Талларико хватают меня за руки, оттаскивают от Талларико и волокут к

двери.

— Желаю удачно провести вечер, мистер Рубио, — говорит Фрэнк, выхватывая сочный апельсин из сумки, которую я ему притащил, пока его головорезы волокут меня по коридорам особняка и выталкивают из двери на лужайку перед домом.

Я поправляю пиджак, разглаживаю на нем все морщинки и иду к своей машине. Тут у меня за спиной раздается голос Фрэнка. Оглянувшись, я вижу, что его голова торчит из окна солярия, тогда как тело по-прежнему нежится в кресле.

— Еще одно, — кричит Талларико. — Мне просто любопытно. Откуда ты взял деньги, чтобы со мной расплатиться?

Я в темпе отодвигаю манжету и смотрю на часы — новый «ролекс», подарок из Южной Флориды. Часовое стекло пускает солнечный зайчик прямо в лысину Фрэнку Талларико.

— Одному доброму приятелю услугу оказал, — кричу я в ответ, а потом забираюсь в «линкольн» и поскорее отъезжаю от особняка, довольный тем, что только что передал мафии самую свою последнюю посылку:

Флоридские апельсины, полные распад-порошка.

Пока я выезжаю с обширной территории лагеря Талларико, мне кажется, что по блестяще ухоженным газонам разносится ясное и громкое птичье щебетание. Либо это и впрямь необычно громогласная птичка, либо это Фрэнк Талларико визжит, пока распад-бактерии начинают свой пир у него в глотке.

Так или иначе, это звук пахнет свободой.

Выражение признательности

Хочется думать, вы читаете эти строки уже после того, как осилили весь текст «Ящера». Если же это не так, прошу понять, что вы рискуете потерять определенный элемент неожиданности, ибо часть моего выражения признательности напрямую связана с событиями повествования. Теперь я даю шанс всем любителям первым делом заглядывать в конец вернуться на свое место в начале книги. Давайте-ка валите отсюда по-быстрому.

Итак, для тех, кто остался:

Особая благодарность — Зеке Лернеру, а также его родителям, Ким и Гаррету. Лернеры всегда были ярыми приверженцами моей работы и близкими друзьями, и каждую субботу я неизменно предвкушаю наши поздние завтраки, даже в такой дали, как Агура-Дели.

Зеке — поразительный трехлетний мальчуган, который складывает циферки и говорит по-испански куда лучше меня. Он также страдает спинально-мышечной атрофией, на удивление распространенной болезнью (1 случай на каждые 6000 человек), о которой широкая общественность либо почти ничего не знает, либо не знает вообще. Точно так же, как в книге, где Джек и Норин поражены диносской версией этого недуга, к тому же начиная страдать им уже в зрелом возрасте, СМА затрагивает произвольно сокращающиеся мышцы, используемые при ходьбе, ползании и, в тяжелых случаях, при глотании. Опять же в отличие от книжных событий, лечения от СМА в настоящее время не существует, хотя определенный прогресс идет с каждым днем. Чтобы узнать о СМА побольше, пожалуйста, навестите сайт www.fsma.org.

Спасибо фантастическому соредактору Эду Козну. Если вам кажется, что текст читается, благодарите Эда. Если вам кажется, что текст совершенно непролазен, думаю, вам опять-таки стоит ругать Эда. Честно говоря, никогда не встречался с ним лично, однако Эд всегда со мной откровенен и не боится предложить свой вариант предложения, если считает, что я где-то дописался до форменного уродства. На самом деле он, скорее всего, прямо сейчас изучает эту страницу...

Как обычно, спасибо моему чудесному литагенту Барбаре Цитвер и киноагенту Брайену Липсону, который точно знает, как и куда толкать, а также Джону Карпу, моему блестящему редактору и стойкому фанату серии про диносов.

Ни одна моя книга не может считаться полной без упоминания о моей жене Сабрине и дочери Бейли. Сабрина — стабилизирующая сила в моей жизни, удерживающая меня от тяжелого лечения. Думаю, если бы все имели такую партнершу, куда меньше народа сидело бы на литии.

Бейли в свои три года — личность уже куда более творческая, чем я когда-либо стану, и она не боится это показывать. Сказки на ночь Бейли рассказывает мне не реже, чем я ей, и к тому же постоянно наталкивает меня на новых персонажей и сюжетные повороты. Слава богу, что ее синтаксис пока еще малость хромает, не то я точно остался бы без работы.

Наконец спасибо всем моим фанатам, которые отправляют мне по электронной почте свои похвалы, критические и общие замечания. Писательство — занятие крайне одинокое, и ты порой очень легко забываешь о том, что кому-то приходится читать невесть за чем накорябанные тобой на бумаге буковки. Каждый, кому захочется навестить мой вебсайт www.eric-garcia.com или отправить мне сообщение по адресу eric@ericgarcia.com, выяснит, что, несмотря на долгие сроки получения ответа, я всегда рад отвечать на вопросы и болтовню, временами стойко преодолевая тошноту. Считайте, что вы предупреждены.